

НОМОТНЕТИКА:
Философия. Социология. Право
2022. Том 47, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор Белгородского государственного института искусств и культуры

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философии, профессор (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор (Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор Московского государственного института культуры (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета правосудия, профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Клиmenta Охридского, Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Шнoper Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Государственный университет управления)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор В.С. Берегова. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 27,5. Дата выхода 30.06.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 159 Трунов А.А., Олещенко Е.О., Рындин Е.В. Философское осмысление идеологии в устанавливающей дискурсивности марксизма: до и после Маркса

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 171 Кожуховская А.А. Борис Юдин vs Николай Трубников: биомедицина и проблема ценностного статуса науки
- СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 180 Богдан И.В., Природова О.Ф., Фомина О.А., Чистякова Д.П. Восприятие медицинских сестер работниками здравоохранения: социологический взгляд на дискурс об автономии
- 190 Вайсбург А.В. Оптимизация проведения социологических исследований в регионах (на примере Тверской области)
- 199 Шмарион Ю.В., Волков А.П. Социальные технологии саморазвития первокурсников в период адаптации к новой социальной среде

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

- 210 Вязинкин А.Ю. Фигура подвижника как антропологический тип в публицистике Н. К. Михайловского
- 219 Дегтярев А.К. Языковой национализм как социокультурный феномен
- 230 Римский А.В., Исмагилова М.М. Парадоксальная идеология народничества в правовой культуре русского интеллигента

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 238 Аристов Е.В., Беликова К.М. Конституционно-правовое измерение искусственного интеллекта в странах БРИКС (на примере Индии)
- 251 Беляев В.П., Нинзиева Т.М. Административное судопроизводство как юрисдикционный процесс: общетеоретический подход
- 261 Воронин И.К. Соборность и соборы Русской православной церкви (XIII – начало XVII вв.). Каноническое право
- 271 Габов А.В. Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории
- 299 Исидор (Тупикин Р.В.), митр. Смоленский и Дорогобужский. Соотношения между каноническим правом и правом государственным: научная мысль до 1917 года
- 307 Коцюмбас М.С. Историко-правовой анализ функционирования института суда присяжных в России
- 314 Мельникова О.В., Сапогов В.М. Административные правонарушения и противоправное поведение несовершеннолетних: вопросы профилактики, правового просвещения и правового информирования в РФ
- 327 Смирнова М.Г. Об объективации социальных притязаний в праве (на примере ограничения дееспособности гражданина)
- 334 Суменков С.Ю. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 342 Колесников С.А. Откровение и открытие: случай Колумба (религиозно-культурологические аспекты географических открытий)
- 357 Стрелкова И.А. Рационально-философская аргументация Леонтия Византийского и его влияние на развитие поздней Византийской христологии

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 368 Ахмед Мухтасам Мустафа Ахмед. Репрезентации социокультурных изменений в современных медиа
- 373 Есман О.С., Мирошникова Д.Н. Образ Фауста в творчестве Ференца Листа как воплощение романтического героя
- 381 Маслакова А.В. Философское осмысление социального служения: история и современность
- 389 Кузнецов А.В. Концептуализация рациональной картины мира в абдукции антропологического опыта
- 394 Сильченко В.Ю. Противопоставление самопрезентации и анонимности как аспектов телесности *homo virtualis*
- 399 Шестаков Ю. А. Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности России

РЕЦЕНЗИИ

- 408 Стоянович В. Провокация: от институции к памяти о ней (рецензия на книгу Петара Бояница «Про/вокация. Воззвание и право на переворот»)
- 413 Устинов А.В. Э.В. Ильинков. Философская энциклопедия. Рецензия на 6-й том собрания сочинений Э.В. Ильинкова

NOMOTHETIKA:
Philosophy. Sociology. Law
2022. Volume 47, No. 2

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (The State University of Management)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77840 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor V.S. Beregova. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 27,5. Date of publishing 30.06.2022. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 159 **Trunov A.A., Oleshchenko E.O., Ryndin E.V.** Philosophical Reflection on Ideology in the Establishing Discursiveness of Marxism: Before and After Marx

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 171 **Kozhukhovskaya A.A.** Boris Yudin vs Nikolay Trubnikov: Biomedicine and the Problem of the Value Status of Science

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- 180 **Bogdan I.V., Prirodova O.F., Fomina O.A., Chistyakova D.P.** Perceptions of Nurses by Health Professionals: A Sociological Perspective on Autonomy Discourse
- 190 **Vaisburg A.V.** Optimization of Sociological Research in the Regions During the Pandemic (On the Example of the Tver Region)
- 199 **Shmarion Yu.V., Volkov A.P.** Social Technologies of Self-development of First-year Students in the Period of Adaptation to a New Social Environment

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- 210 **Viazinkin A.Y.** The Figure of Podvizhnik as Anthropological Type in the Heritage of N. K. Mikhailovsky
- 219 **Degtyarev A.K.** Language Nationalism as a Socio-Cultural Phenomenon
- 230 **Rimsky A.V., Ismagilova M.M.** The Paradoxical Ideology of Narodnichestvo in the Legal Culture of the Russian Intellectuals

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- 238 **Aristov E.V., Belikova K.M.** Constitutional and Legal Dimension Artificial Intelligence in the BRICS Countries (Using the Example of India)
- 251 **Belyaev V.P., Nintsieva T.M.** Administrative Legal Proceedings as a Jurisdictional Process: a General Theoretical Approach
- 261 **Voronin I.K.** The Conciliarity and Cathedrals of the Russian Orthodox Church (13th – early 18th centuries)
- 271 **Gabov A.V.** Codification of Domestic Civil Legislation: Some Pages of History
- 299 **Isidor (Tupikin R.V.), Metropolitan of Smolensk and Dorogobuzh.** Correlations Between Canon Law and State Law: Scientific Thought Before 1917
- 307 **Kotumbas M.S.** Historical and Legal Analysis of the Functioning of the Institute of Jury Trial in Russia
- 314 **Melnikova O.V., Sapogov V.M.** Administrative Offenses and Illegal Behavior of Minors: Issues of Prevention, Legal Education and Legal Information in the Russian Federation
- 327 **Smirnova M.G.** On the Objectification of Social Claims in Law (by the Example of the Restriction of the Legal Capacity of a Citizen)
- 334 **Sumenkov S.Yu.** Special and Exceptional Norms as a Component of a Special Legal Status: Peculiarities of Correlation and Forms of Objectification

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

- 342 **Kolesnikov S.A.** Revelation and Discovery: The Case of Columbus (Religious and Cultural Aspects of Geographical Discoveries)
- 357 **Strelkova I.A.** Rational-philosophical Argumentation of Leonty of Byzantium and his Influence on the Development of Late Byzantine Christology

THESIS

- 368 **Ahmed Muhtasam Mustafa Ahmed.** Representations of Sociocultural Changes in Modern media
- 373 **Ezman O.S. Miroshnikova D.N.** The Image of Faust in the Works of Franz Liszt As the Embodiment of a Romantic Hero
- 381 **Maslakova A.V.** Philosophical Understanding of Social Service at the History and Present
- 389 **Kuznetsov A.V.** Conceptualization of a Rational Picture of the World in the Abduction of Anthropological Experience
- 394 **Silchenko V.Y.** Opposition of Self-presentation and Anonymity as Aspects of the Homo Virtualis Body
- 399 **Shestakov Y.A.** Historical Consciousness of Russian Youth in the Context of Ensuring National Security of Russia

REVIEWS

- 408 **Stojanowicz W.** Provocation: From the Institution to the Memory of it (Review of the Book by Petar Bojanic "Pro/vocation. Pro/vocation and the right to overturn")
- 413 **Ustinov A.V.** Evald Ilyenkov. Philosophical Encyclopedia. Review of the volume 6 of Ilyenkov's Collected Works

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 316.75: 140.8

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-159-170

Философское осмысление идеологии в устанавливающей дискурсивности марксизма: до и после Маркса

¹ Трунов А.А., ² Олещенко Е.О., ¹ Рындин Е.В.

¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а

² Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
308024, Россия, Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: trunovv2013@yandex.ru; eoveto@mail.ru; nach-umc@bukep.ru

Аннотация. Авторами реконструирована разработанная Марксом оригинальная теория идеологии, а также охарактеризовано её дальнейшее развитие в русле дискурса марксизма, неомарксизма и постмарксизма. Маркс выступает с позиций научной критики любых форм идеологии. В основу его теории положены две концепции идеологии. Первая рассматривает идеологию как разновидность ложного сознания. Вторая исходит из того, что идеология представляет собой господствующие мысли господствующего класса. Современники Маркса пытались развивать его научную теорию, но нередко способствовали её трансформации в идеологию. В русле неомарксизма были детально проработаны концепции классового сознания, гегемонии и идеологических аппаратов государства. С позиций постмарксизма основной сферой производства, распространения и потребления идеологии выступает уже не политика, а культура.

Ключевые слова: К. Маркс, идеология, теория, марксизм, неомарксизм, постмарксизм

Для цитирования: Трунов А.А., Олещенко Е.О., Рындин Е.В. 2022. Философское осмысление идеологии в устанавливающей дискурсивности марксизма: до и после Маркса. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47 (2): 159–170. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-159-170

Philosophical Reflection on Ideology in the Establishing Discursiveness of Marxism: Before and After Marx

¹ Anatoly A. Trunov, ² Ekaterina O. Oleshchenko, ¹ Evgeny V. Ryndin

¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116a Sadovaya St, Belgorod 308023, Russia

¹ I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71Gorky St, Belgorod 308024, Russia,
E-mail: trunovv2013@yandex.ru; eoveto@mail.ru; nach-umc@bukep.ru

Abstract. The article reconstructs Marx's original theory of ideology and characterizes its further development in the discourse of Marxism, neo-Marxism and post-Marxism. Marx is a scientific criticism

of any form of ideology. His theory is based on two concepts of ideology. The first views ideology as a form of false consciousness. The second assumes that ideology represents the dominant thoughts of the ruling class. Marx's contemporaries tried to develop his scientific theory, but often contributed to its transformation into ideology. In the mainstream of neo-Marxism, the concepts of class consciousness, hegemony and the ideological apparatuses of the state were elaborated in detail. From a post-Marxist perspective, the main sphere of production, dissemination and consumption of ideology is no longer politics, but culture.

Keywords: K. Marx, ideology, theory, Marxism, neo-Marxism, post-Marxism

For citation: Trunov A.A., Oleshchenko E.O., Ryndin E.V. 2022. Philosophical Reflection on Ideology in the Establishing Discursiveness of Marxism: Before and After Marx. NОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law, 47 (2): 159–170 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-159-170

Введение: домарксистское осмысление идеологии

Философы XVII–XVIII вв. внесли огромный вклад в изучение основных форм конструирования и репрезентации власти, но так и не смогли объяснить содержание и направленность идеологических процессов в формирующемся обществе модерного типа. В этой связи отметим восходящую к Ф. Бэкону интеллектуальную традицию, которая связана с философской критикой разнообразных «идолов сознания», затрудняющих адекватное понимание действительности [Бэкон, 1972]. Р. Декарт, Б. Спиноза, Д. Юм, К.-А. Гельвеций и многие другие мыслители внесли существенный вклад в разработку методов научной критики «идолов» как когнитивных искажений, предрассудков и заблуждений человеческого разума [Декарт, 1950; Спиноза, 1957 а, б; Юм, 2017; Гельвеций, 1973а, 1973б]. Т. Гоббс, Д. Локк, Ф.-М. Аруэ (Вольтер), Ж.-Ж. Руссо и их последователи осуществили системную деконструкцию основных идейных комплексов Старого порядка, разработали методологию рациональной научной критики разнообразных форм духовной и политической тирании. Они же стояли у истоков либерализма как центристской и наиболее влиятельной идеологии модерна [Гоббс, 1989, 1991; Локк, 2020; Вольтер, 1988; Руссо, 1998]. Своебразной вершиной философского и естественнонаучного дискурса XVII–XVIII вв. стало появление эпистемологического проекта А.-Л.-К. Дестюта де Траси, в котором предлагалось рассматривать Идеологию как универсальную науку об идеях [Дестют де Траси, 2013].

Позднее оказалось, что проблема идеологии имеет гораздо более сложный характер. Поэтому имеет смысл перейти к характеристике одной из наиболее влиятельных парадигм философского осмысления идеологии, обратившись к исследовательскому проекту К. Маркса и его единомышленников. Он заключался не только в том, чтобы путём сложных методологических рефлексий избавиться от когнитивных искажений, но и в том, чтобы создать полноценную науку, которая смогла бы объяснить, каким образом господствуют над людьми ими же созданные общественные отношения.

Целью данной статьи является характеристика того понимания идеологии, которое было предложено К. Марксом и получило свою дальнейшую разработку в марксизме, неомарксизме и постмарксизме. Используя морфологический подход М. Фридена [Freeden, 2021] и опираясь на историко-философский анализ достаточно обширной и презентативной источниковой базы, мы попытаемся выяснить, каким же образом теория Маркса может быть полезна для адекватного понимания идеологических процессов в обществах модерного и постмодерного типов. Системной реконструкции теории Маркса, а также специфики её преломления в русле марксизма, неомарксизма и постмарксизма посвящена эта работа.

Две концепции идеологии в теории Маркса

Как уже отмечалось, классическая философская традиция рассматривала идеологические феномены как своеобразные когнитивные искажения, обусловленные ложным пониманием действительности. Отсюда – разоблачение разнообразных «идолов» как мейнстримное направление исторического развития европейской философской мысли XVII – начала XIX вв. Исчерпав свой познавательный потенциал, данная парадигма зашла в тупик, поскольку так и не смогла объяснить специфику производства и потребления идеологии в формирующемся обществе модерна.

В 40-е и последующие годы XIX в. проблемой идеологии в плотную занялись К. Маркс и в гораздо меньшей степени его друг и постоянный соавтор Ф. Энгельс, которые внесли значительный вклад в анализ сущности идеологии с философских и социологических позиций. «К еврейскому вопросу» [Маркс, Энгельс, 1955 а, с. 382–413], «Святое семейство или Критика критической критики» [Маркс, Энгельс, 1955 б, с. 3–230], «Немецкая идеология» [Маркс, Энгельс, 1955 в, с. 7–544], «Нищета философии» [Маркс, Энгельс, 1955 г, с. 65–185] «Манифест Коммунистической партии» [Маркс, Энгельс, 1955 г, с. 419–495], «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» [Маркс, Энгельс, 1956, с. 5–110], «Революция и контрреволюция в Германии» [Маркс, Энгельс, 1957, с. 3–113], «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» [Маркс, Энгельс, 1957, с. 115–217] – это важнейшие научные и публицистические произведения, которые посвящены развёрнутой критике и деконструкции субстанции и функций идеологии в формирующемся обществе модерного типа.

Сразу же отметим, что отношение Маркса и Энгельса к любым типам идеологии было негативным. Отсюда – их стремление любыми доступными средствами показать её ограниченность и научную несостоятельность. Автором большинства работ, посвящённых критики идеологии был Маркс. Энгельс разделял его взгляды. Поэтому мы говорим не о совместной теории Маркса и Энгельса, а о теории Маркса [Bhikhu, 2015], поскольку именно его вклад был решающим, что совсем не умаляет заслуг и достижений Энгельса.

В научной теории Маркса имеются несколько интерпретаций идеологии, которые соотносятся друг с другом по принципу дополнительности. Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, идеология – это ложное сознание, которое искажённо или весьма приблизительно интерпретирует социальное бытие. Согласно Марксу, даже «туманные образования в мозгу людей» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 25] способны пролить свет на реальное состояние действительности, если опираться на строго научные методы познания. Возникновение идеологических феноменов не является случайным, поскольку люди всегда нуждаются в понимании действительности. Однако адекватные представления о ней формируются отнюдь не всегда. Дело тут не только в заблуждениях или сознательной лжи идеологов, но и в том, что сами идеологи зачастую всё переворачивают с ног на голову, путают причины и следствия, не различают основное и производное, субстанцию и функции. Во многом это происходит именно потому, что у них отсутствует верное понимание происходящих в обществе процессов.

Традиционная наука не поспевает за социальной динамикой, а имеющееся знание быстро устаревает. Поэтому то, что выглядело необходимым и достаточным во времена Бэкона или Дестюта де Траси, к моменту начала продуктивной интеллектуальной деятельности Маркса и Энгельса нуждалось в дальнейшей разработке. Нешадно критикуемой ими немецкой идеологии как разновидности ложного сознания Маркс и Энгельс противопоставляют «действительную положительную науку» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 26], в основу которой положено выявление законов и закономерностей общественного развития, попытка понять логику и движение истории, осмыслить и рационально обосновать специфику господства над людьми их же общественных отношений.

Во-вторых, идеология – это господствующие мысли господствующего класса [Маркс, Энгельс, 1955, с. 45]. И эти мысли касаются не только политики, но и всей сферы духовного производства. Если следовать Марксу, то идеологические отношения – это главным образом отношения духовного производства, которые включают в себя «производство идей, представлений, сознания» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 24]. На конкретных примерах Маркс показал особенности различных типов идеологии. Например, он выявил различия социального мышления консерваторов и либералов, прогрессистов и реакционеров, сторонников реформ и глашатаев революционных изменений, а также представителей крупной, средней, мелкой буржуазии и крестьянства. С неподражаемым блеском Маркс охарактеризовал не только основные разновидности идеологии, но и описал социальные типы их носителей [Маркс, Энгельс, 1957].

Выводы, сделанные Марксом, свидетельствуют о том, что общества переходной эпохи крайне неоднородны, носители различных типов идеологии довольно плохо понимают друг друга. Социально депривированные слои населения зачастую смыкаются с представителями наиболее реакционных слоёв угнетателей, что и формирует общественную поддержку цезаристских политических режимов типа бонапартизма. То же касается представителей средних слоёв буржуазии, которые ради выгод материального благополучия и возможности заниматься бизнесом готовы пожертвовать многими моральными принципами и отказаться от активного участия в политической борьбе. Важным элементом философской критики Маркса стало разоблачение им лицемерия и лжи либералов, которые декларировали благостные цели общественного развития, но совершили не собирались их реализовывать. Не меньший вклад в развитие науки имеет и предпринятая Марксом критика социальных и политических иллюзий.

Следует иметь в виду, что Маркс и Энгельс жили и занимались научными исследованиями в переходную эпоху. Старый социальный порядок разлагался и умирал, но всё ещё не стал достоянием прошлого; новый – рождался, но ещё не родился. Отсюда – их гениальные прозрения и столь же гениальные ошибки. Маркс и Энгельс были не только аналитиками, но и активными участниками многих событий. Поэтому нередко они выдавали желаемое за действительность, заблуждались, опережали время. Точно зафиксировав основные недостатки формирующегося буржуазного общества и наметив программу их полноценной научной критики, они не смогли до конца разработать целостную картину альтернативного будущего.

Несостоятельной оказалась и концепция пролетариата как коллективного субъекта, способного освоить основные достижения культуры, вооружиться наукой нового типа и возглавить поступательное движение истории. Впрочем, размышляя о пролетариате, Маркс и Энгельс имели в виду не столько реальных промышленных рабочих, сколько тот идеальный социальный субъект, который ещё только предстояло сформировать. Этую и другие проблемы пришлось решать мыслителям следующих поколений, которые зачастую вопреки собственной воле многое сделали для оформления научной теории Маркса в конкурирующие версии идеологии марксизма.

Марксизм: между идеологией и наукой

Специфика марксизма заключается в том, что многие его представители сознательно отказались от академической карьеры, занялись актуальными вопросами организационной и политической деятельности. Именно поэтому долгое время идеи Маркса были довольно плохо знакомы буржуазному обществу. Поэтому настояще «открытие Маркса» произошло только тогда, когда последователи его идей стали университетскими профессорами или превратились в мыслителей, писателей и деятелей культуры мирового уровня, например, как А. Камю, Ж.-П. Сартр или Б. Брехт. Большинство работ, выполненных в русле марксизма, носили полемический характер и были направлены не только на критику

идеологии буржуазного общества, но и на выявление ложных интерпретаций самого марксизма, внутри которого появились свои ревизионисты и ортодоксы.

Например, Э. Бернштейн в монографии «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии» не только упрекает Маркса в избыточном внимании к «гегелевской диалектике противоречий», но и весьма критически рассматривает материалистическое понимание истории, учение о борьбе социальных классов, существенные различия между субстанцией и функциями капитала [Бернштейн, 1906]. В этой и других работах Бернштейн излагает своё понимание политических и экономических предпосылок социализма, а по сути – разрабатывает идеологию социал-демократии [Бернштейн, 1902 а; 1902 б; 1906]. Вопросам формирования нового мировоззрения посвящён сборник «Задачи социалистической культуры» [Бернштейн и др., 1907]. При этом Бернштейн критически относится к любым формам идеологии и стремится «вычистить» её из научного наследия самого Маркса.

Его оппонент К. Каутский осуществляет весьма удачную попытку систематизации социалистических и коммунистических идей домаркса периода, разрабатывая ту исследовательскую оптику, которая позволяет понять генезис и эволюцию одной из базовых идеологий модерна [Каутский, 2013]. Помимо этого, Каутский также ведёт плодотворную интеллектуальную деятельность, направленную на то, чтобы из разрозненных фрагментов и рукописей Маркса сконструировать марксизм как полноценную парадигму науки. Однако необходимость активного участия в политике приводила к тому, что Каутскому было очень трудно оставаться в ситуации идеологической нейтральности. Его полемические тексты свидетельствуют о погружении в пространство идеологического [Каутский, 1919]. Поэтому и ему пришлось покинуть твёрдую почву науки и встать на зыбкую почву идеологии.

Впрочем, то же можно сказать и о многих других последователях Маркса, которые осуществляли не только философскую критику или продуктивную научную работу, но и практическую революционную деятельность, направленную на слом старого и строительство нового социального порядка. Именно поэтому труды таких видных теоретиков и практиков марксизма, как Г.В. Плеханов, Р. Люксембург или А.А. Богданов также не свободны от «вкраплений» идеологии [Богданов, 1910; Плеханов, 1922, 1959; Люксембург, 1959; 1960]. Но это и невозможно, если учитывать реальную вовлечённость этих людей в реальные процессы производства сознания.

В советский период отечественной истории произошло постепенное выхолащивание научного содержания марксизма, в результате чего сформировались научообразная идеология и идеологизированная наука, что отнюдь не исключало появление оригинальных философских работ, посвящённых изучению мышления, духовного производства, идеологии и идеологических процессов с научных позиций [Уледов, 1985; Яковлев, 1979; Мармадашвили, 1992; Мегрелидзе, 2007].

От марксизма к неомарксизму: классовое сознание, гегемония и идеологические аппараты государства

Ценным вкладом в философскую интерпретацию феномена идеологии как формы актуализации классового сознания стала монография Д. Лукача [2017]. Этот выдающийся мыслитель также занимался активной революционной и политической деятельностью. Увлечение идеями Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса и В.И. Ленина в дальнейшем способствовало появлению работ, рассматривающих идеологию как эстетику и эстетику как идеологию [Лукач, 1985; 1986 а; 1986 б; 1987]. Этот же подход прослеживается у современного британского литературоведа и философа Т. Иглтона [Eagleton, 1990].

Не менее интересна концепция культурной гегемонии А. Грамши, разработанная им в период многолетнего тюремного заключения в фашистской тюрьме [Грамши, 1991].

Грамши уделял большое значение формированию интеллигенции и её блоку с мелкой буржуазией, а также пролетариатом и крестьянством. Успех Октябрьского переворота в России, который произошёл в 1917 г., был обусловлен не только наличием идеологии и политической партии нового типа, но и очевидной слабостью буржуазии, которая довольно легко получила власть и столь же легко её потеряла, что не помешало ей весьма активно участвовать в Гражданской войне. Однако с точки зрения осуществления социальной или культурной гегемонии российская буржуазия оказалась крайне слаба.

Неудачу революционной волны в Европе, которая наблюдалась на всём протяжении периода с 1918 по 1923 гг., Грамши объясняет не только мобилизационными возможностями реакционных сил националистического или фашистского типа, но и наличием развитых институтов гражданского общества, которое можно рассматривать как второй эшелон стратегической обороны гегемона-буржуазии. Задачи идеологической работы марксистов-интеллектуалов Грамши видел в том, чтобы вести постоянную борьбу на территории своего оппонента, перейдя от стратегии революционного штурма к стратегии долговременной социальной осады, важнейшим инструментом которой выступает системная деятельность по производству идеологии на основании постоянно обновляемой философии практики. Именно этим словосочетанием Грамши обозначал марксизм. Прямо писать о марксизме в фашистских застенках было опасно.

Марксизм оказал огромное влияние на развитие научных представлений об идеологии в XX в. Среди наиболее влиятельных отметим: исследование идеологии как «жаргона подлинности», которое осуществил Т.В. Адорно [2011], а также стратегию научной критики идеологии и всей системы духовного производства зрелого буржуазного общества, предпринятую Г. Маркузе [1994].

Большой вклад в развитие неомарксистского подхода внёс Л. Альтюссер. Особо нужно отметить разработанную им концепцию идеологических аппаратов государства [Althusser, 2014]. Именно им принадлежит огромная роль в производстве и воспроизводстве особого типа сознания, который почти всегда лоялен буржуазному обществу. Согласно Альтюссеру, историческое воспроизведение капитализма как системы отчуждения родовой сущности человека и подавление его бунтарских наклонностей основывается не только на апологетике, но и на критике его основных институтов, пусть даже и самой радикальной. Сама же система идеологического контроля и производства общественного сознания в условиях капитализма устроены таким образом, что любая критика лишь укрепляет позиции правящего класса, который использует государство как машину легитимного насилия для решения своих практических задач. Если следовать Альтюссеру, то именно разбалансировка идеологического аппарата государства стала одной из причины практически мгновенной самоликвидации СССР, когда сторонники государства были обезоружены и нейтрализованы, а его противники получили мощнейшую государственную поддержку.

Идеологические процессы в контексте постмарксизма

Системная критика идеологий модерна и постмодерна с постмарксистских позиций содержится в монографии Д. Шварцманталя [Schwarzmantel, 2008]. Существенный вклад в разработку постмарксистского дискурса внесли Ф. Джеймисон, П. Андерсон и Й. Тернборт [Джеймисон, 2019; Андерсон, 2018; Тернборт, 2019].

Особое место в постмарксизме также занимают фундаментальные труды по макро-социологии и мир-системному анализу, выполненные И. Валлерстайном. Вопросам идеологии он уделяет большое внимание, предлагая рассматривать классические идеологии модерна как базовые стратегии присвоения социального времени и власти [Валлерстайн, 2016]. Ценный вклад в изучение идеологических процессов и их влияние на массовое сознание также внёс А.И. Фурсов, который не только продолжил изучение идеологии, опи-

ряясь на принципы системности и историзма, но и в ряде важнейших моментов продвинулся гораздо дальше Валлерстайна [Фурсов, 2017].

Глобальный взгляд на роль идеологии в процессе установления режимов социального неравенства в эпоху тотальной гегемонии капитала, изложенный с постмарксистских позиций, представлен французским экономистом и социологом Т. Пикетти [Piketty, 2020]. Монография Пикетти занимает большой объём. В ней содержится масса ценных эмпирических данных. Несколько хуже обстоит дело с их теоретическим осмыслением. Поэтому попытки рассматривать Пикетти как «современного Маркса» безосновательны.

В книге Э. Росса намечены перспективы использования марксистской теории и методологии в процессе изучения политики, технологий и социальных преобразований в ситуации постмодерна [Ross, 2006]. Один из её разделов посвящён идеологии, эстетике и массовой культуре [Ross, 2006, с. 9-60]. Э. Винсент осуществляет сравнительный анализ классических и неклассических идеологий с момента их появления до наших дней [Vincent, 2009].

Важными вехами в процессе научного постижения феномена идеологии с постмарксистских позиций стали коллективные монографии, изданные под редакцией А.В. Рубцова в Институте философии РАН. Так, в книге «Практическая идеология» концепт идеологического рассматривается как феномен политики и сознания. В рамках данного подхода изучаются идеологические пространства и процессы, иллюзии и мифы деидеологизации, постсоветские опыты явной и латентной реабилитации идеологии, а также основные претензии новой идеократии. Большое внимание уделяется влиянию власти наименований и представлений на процессы конструирования социального мира. Также обосновывается необходимость научного использования концепта проникающей (или диффузной) идеологии. Дело в том, что в ситуации постмодерна идеология перестаёт размещаться только в политике, перемещаясь в сферу массовой культуры. Там она функционирует незаметно, но весьма эффективно, по принципу проникающей радиации [Рубцов и др., 2016].

В книге «Философия и идеология» авторами излагается программа развёрнутой научной критики идеологии [Гусейнов, Рубцов, 2018]. Например, Э.В. Соловьёв предлагает рассматривать философию как основной инструмент научной критики идеологии. Он полагает, что идеология должна быть объектом системной научной и философской критики. В.М. Межуев справедливо отмечает, что философия и социогуманитарные науки в целом довольно часто попадают под своеобразное «обольщение» идеологии, после чего выступают трансляторами её базовых смыслов. А.В. Рубцов пишет о маниях политической грандиозности, происхождение которых имеет циклический характер и обусловлено травмами общественного сознания. Следует отметить, что одна из авторов этой коллективной монографии М.М. Фёдорова указывает на кризис исторического сознания модерна и отмечает факт появления новых идеологий. В.А. Лекторский устанавливает категориальные различия между идеологией, философией и наукой и склоняется к мысли о неизбежности идеологии. А.А. Кара-Мурза обращается к русской философии и на примере критики позднего славянофильства показывает, каким образом идеи превращаются в идеологии.

Значительное внимание в данной работе уделяется Марксу и марксизму. Так, В.В. Миронов пишет о необходимости актуализации идейного наследия Маркса. Н.И. Лапин обращается к концепту реального гуманизма, который присутствует в работах раннего Маркса. В.М. Межуев реконструирует Марксову идею мировой истории, а А.В. Павлов высказывает гипотезу о том, что постмодернизм – это незавершённый марксистский проект. Развёрнутое рассмотрение этой гипотезы было предпринято им в монографии, посвящённой объяснительным возможностям современной социальной и культурной теории [Павлов, 2019].

Размышая о специфике марксизма, нельзя обойти вниманием исследование А. Баллаева [2015] и коллективную монографию «Маркс утраченный и Маркс обретён-

ный», в которой предпринята попытка научной реконструкции оригинальной философской антропологии Маркса [Коряковцев и др., 2021]. Диалектику Маркса авторы книги увязывают с разработанным им учением о человеке. Отдельная глава посвящена изучению идеологии социального протesta в советскую эпоху.

Заключение

Подводя общий итог, мы приходим к выводу о том, что именно Маркс инициировал изучение идеологии с научных философских позиций. В огромном массиве изученных нами текстов прослеживается такая закономерность: если Маркс и его ближайшие последователи (марксисты первого поколения) рассматривали идеологию преимущественно как феномен ложного сознания (и одновременно как господствующие мысли господствующего класса), противопоставляя ей позитивную науку, изучающую процессы формирования модерного общества, которое имеет чёткую институциональную структуру, то среди тех, кто развивает неомарксистские и постмарксистские подходы, преобладает взгляд на идеологию как на феномен не столько ложного, сколько сложного сознания модерных и постмодерных обществ. Если в эпоху модерна сферой концентрации идеологии была политика, то в ситуации постмодерна (здесь можно использовать и другую терминологию) ею становится культура. Производство и потребление идеологии смешается из сферы институционально регулируемой публичной политики в сферу новых социальных медиа и массовой культуры. То, что раньше было ядром идеологического производства, теперь становится периферией.

Список литературы

- Адорно Т.В. 2011. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. Пер. с нем. М., Канон+; РООИ Реабилитация, 192 с.
- Андерсон П. 2018. Перипетии гегемонии. Пер. с англ. М., Изд. Института Гайдара, 296 с.
- Баллаев А.Б. 2015. Маркс размышляющий. М., Канон+; РООИ Реабилитация, 360 с.
- Бернштейн Э. 1902. Возможен ли научный социализм? СПб., Тип. Б.Н. Звонарёва, 400 с.
- Бернштейн Э. 1902. Очерки из истории и теории социализма. СПб., Тип. Б.Н. Звонарёва, 400 с.
- Бернштейн Э. 1906. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб., Тип. А.А. Гольдберга, 240 с.
- Бернштейн Э. и др. 1907. Задачи социалистические культуры. Пер. с нем. СПб., Изд. Б. Ревзина, 734 с.
- Богданов А. 1910. Падение великого фетишизма. Вера и наука. М., Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 347 с.
- Бэкон Ф. 1971. Сочинения в 2-х тт. Пер. с англ. Т. 1. М., Мысль, 590 с.
- Бэкон Ф. 1972. Сочинения в 2-х тт. Пер. с англ. Т. 2. М., Мысль, 582 с.
- Валлерстайн И. 2016. Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1798–1914. Пер. с англ. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 496 с.
- Вольтер. 1988. Философские сочинения. Пер. с франц. М., Наука, 753 с.
- Гельвеций К.-А. 1973. Сочинения в 2-х тт. Пер. франц. Т. 1. М., Мысль, 647 с.
- Гельвеций К.-А. 1973. Сочинения в 2-х тт. Пер. франц. Т. 2. М., Мысль, 687 с.
- Гоббс Т. 1989. Сочинения в 2-х тт. Пер. с лат. Т. 1. М., Мысль, 627 с.
- Гоббс Т. 1991. Сочинения в 2-х тт. Пер. с лат. Т. 2. М., Мысль, 736 с.
- Грамши А. 1991. Тюремные тетради. В 3-х ч. Пер. с ит. М., Политиздат. Ч. 1, 560 с.
- Гусейнов А.А., Рубцов А.В., отв. ред. 2018. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. М., Прогресс-Традиция, 464 с.
- Декарт Р. 1950. Избранные произведения. Пер. с франц. и лат. М.; Ленинград, Госполитиздат, 712 с.
- Дестют де Траси А.-Л.-К. 2013. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М., Академический Проект, 334 с.
- Джеймисон Ф. 2019. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. Пер. с англ. М., Изд-во Института Гайдара, 808 с.
- Каутский К. 1919. Терроризм и коммунизм. Пер. с нем. Берлин, Тов. И.П. Ладыжникова, 228 с.

- Каутский К. 2013. История социализма. Предтечи новейшего социализма. Пер. с нем. М., Академический Проект, 847 с.
- Коряковцев А.А., ред. 2021. Маркс утраченный и Маркс обретённый. Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России её потеряли и обрели вновь. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, Кабинетный учёный, 368 с.
- Локк Д. 2020. Два трактата о правлении. Пер. с англ. М., Челябинск, Социум, 496 с.
- Лукач Д. 2017. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты). Пер. с нем. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 608 с.
- Лукач Д. 1985. Своеобразие эстетического. Пер. с нем. Т. 1. М., Прогресс, 336 с.
- Лукач Д. 1986 а. Своеобразие эстетического. Пер. с нем. Т. 2. М., Прогресс, 467 с.
- Лукач Д. 1986 б. Своеобразие эстетического. Пер. с нем. Т. 3. М., Прогресс, 301 с.
- Лукач Д. 1987. Своеобразие эстетического. Пер. с нем. Т. 3. М., Прогресс: 573 с.
- Люксембург Р. 1959. Социальная реформа и революция. Пер. с нем. М., Госполитиздат, 138 с.
- Люксембург Р. 1960. Введение в политическую экономию. Пер. с нем. М., Изд. социально-экономической литературы, 328 с.
- Мамардашвили М.К. 1992. Как я понимаю философию. М., Прогресс, Культура, 418 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955 а. Сочинения. Пер. с нем. 2-е изд. М., Госполитиздат, Т. 1, XVI, 700 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955 б. Сочинения. Пер. с нем. 2-е изд. М., Госполитиздат, Т. 2, VIII, 652 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955 в. Сочинения. Пер. с нем. 2-е изд. М., Госполитиздат, Т. 3, XIV, 616 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955 г. Сочинения. Пер. с нем. 2-е изд. М., Госполитиздат, Т. 4, XIV, 616 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1956. Сочинения. Пер. с нем. 2-е изд. М., Госполитиздат, Т. 7, XVIII, 670 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1957. Сочинения. Пер. с нем. 2-е изд. М., Госполитиздат. Т. 8, XXII, 706 с.
- Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. с англ. М., REFL-book, 368 с.
- Мегрелидзе К.Р. 2007. Основные проблемы социологии мышления. 3-е изд. М., ЛКИ, 488 с.
- Павлов А.В. 2019. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теория объясняют наше время. М., Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 560 с.
- Плеханов Г.В. 1922. Очерки по истории материализма. 3-е изд. М., Московский рабочий, 214, VII с.
- Плеханов Г.В. 1959. Социализм и политическая борьба. М., Госполитиздат, 131 с.
- Спиноза Б. 1957 а. Сочинения в 2-х тт. Пер. с лат. Т. 1. М., Государственное издательство политической литературы, 631 с.
- Спиноза Б. 1957 б. Сочинения в 2-х тт. Пер. с лат. Т. 2. М., Государственное издательство политической литературы, 729 с.
- Рубцов А.В., Любимова Т.Б., Сыродеева А.А. 2016. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М., ИФ РАН, 246 с.
- Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты. Пер. с франц. М., Канон-Пресс-Ц, 416 с.
- Тернборт Й. 2021. От марксизма к постмарксизму. Пер. с англ. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 259 с.
- Уледов А.К. 1985. Общественная психология и идеология. М., Мысль, 268 с.
- Фурсов А.И. 2017. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. М., Книжный мир, 768 с.
- Юм Д. 2017. Исследование о человеческом познании. Пер. с англ. М., Рипол-Классик, 322 с.
- Яковлев М.В. 1979. Идеология: Противоположность марксистско-ленинской и буржуазной концепций. М., Мысль, 271 с.
- Althusser L. 2014. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. L.-N.Y.: Verso: xxxiv, 288 p.
- Bhikhu P. 2015. Marx's Theory of Ideology. L.-N.Y.: Routledge, 260 p.
- Eagleton T. 1990. The Ideology of the Aesthetic. Athenaeum Press, 437 p.
- Freeden M. 2021. Ideology Studies: New Advances and Interpretations. N.Y.-L.: Routledge, 218 p.
- Piketty T. 2020. Capital and Ideology. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1004 p.
- Ross A. 2006. Marxism After Modernity: Politics, Technology and Social Transformation. N.Y.: Palgrave Macmillan, 228 p.
- Therborn G. 1980. The Ideology of Power and the Power of Ideology. L.: NLB, 147 p.
- Schwarzmantel J. 2008. Ideology and Politics. L.: Sage, 208 p.
- Vincent A. 2009. Modern political ideologies. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 384 p.

References

- Adorno T.V. 2011. Zhargon podlinnosti. O nemetskoy ideologii [The jargon of authenticity. About German ideology]. Trans. from German. Moscow, Publ. Canon+; RROI Rehabilitation, 192 p.
- Anderson P. 2018. Peripetii gegemonii [The vicissitudes of hegemony]. Trans. from English. Moscow, Publ. Ed. Gaidar Institute, 296 p.
- Ballaev A.B. 2015. Marx reflecting [Marx is thinking]. Moscow, Publ. Canon+; RROI Rehabilitation: 360 p.
- Bernstein E. 1902. Is scientific socialism possible? [Is scientific socialism possible?]. St. Petersburg, Publ. B.N. Zvonareva Type, 400 p.
- Bernstein E. 1902. Essays from the history and theory of Socialism. St. Petersburg, Publ. B.N. Zvonareva Type, 400 p. (in Russian)
- Bernstein E. 1906. Usloviya vozmozhnosti sotsializma i zadachi sotsial-demokratii [The conditions of the possibility of socialism and the tasks of social democracy]. St. Petersburg, Publ. A.A. Goldberg Type, 240 p.
- Bernstein E. et al. 1907. Zadachi sotsialisticheskije kul'tury [Tasks of socialist culture]. St. Petersburg, Publ. B. Revzin Publishing House, 734 p.
- Bogdanov A. 1910. Padeniye velikogo fetishizma. Vera i nauka [The fall of the great fetishism. Faith and science]. Moscow, Publ. Ed. by S. Dorovatovsky and A. Charushnikov, 347 p.
- Bacon F. 1971. Sochineniya [Essays]. In 2 vol. Trans. from English. Vol. 1. Moscow, Publ. Mysl, 590 p.
- Bacon F. 1972. Sochineniya [Essays]. In 2 vol. Trans. from English. Vol. 2. Moscow, Publ. Mysl, 582 p.
- Wallerstein I. 2016. Mir-sistema Moderna. T. IV. Triumf tsentristskogo liberalizma, 1798–1914 [The Modern World-System IV. The triumph of centrist liberalism, 1798–1914]. Trans. from English. Moscow, Publ. Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 496 p.
- Voltaire. 1988. Filosofskiye sochineniya]. Philosophical works. Trans. from French. Moscow, Publ. Nauka, 753 p.
- Helvetius K.-A. 1973. Sochineniya [Essays]. In 2 vol. Trans. from French. Vol. 1. Moscow, Publ. Mysl, 647 p.
- Helvetius K.-A. 1973. Sochineniya [Essays]. In 2 vol. Trans. from French. Vol. 2. Moscow, Publ. Mysl, 687 p.
- Hobbes T. 1989. Sochineniya [Essays]. In 2 vol. Trans. from Latin. Vol. 1. Moscow, Publ. Mysl, 627 p.
- Hobbes T. 1991. Sochineniya [Essays]. In 2 vol. Trans. from Latin. Vol. 2. Moscow, Publ. Mysl, 736 p.
- Gramsci A. 1991. Tyuremnnye tetradi. [Prison notebooks]. In 3 h. Trans. from Italian. Moscow, Publ. Politizdat. Ch. 1, 560 p.
- Huseynov A.A., Rubtsov A.V., ed. 2018. Filosofiya i ideologiya: ot Marks'a do postmoderna [Philosophy and Ideology: from Marx to Postmodernism]. Moscow, Publ. Progress-Tradition, 464 p.
- Descartes R. 1950. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Trans. from French and Latin. Moscow; Leningrad, Publ. Gospolitizdat, 712 p.
- Destute de Tracy A.-L.-K. 2013. Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova [Fundamentals of ideology. Ideology in the proper sense of the word]. Trans. from French. Moscow, Publ. Academic Project, 334 p.
- Jamison F. 2019. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Trans. from English. Moscow, Publ. Publishing House of the Gaidar Institute, 808 p.
- Kautsky K. 1919. Terrorizm i kommunizm [Terrorism and communism]. Trans. from German. Berlin, Publ. Comrade I.P. Ladyzhnikova, 228 p.
- Kautsky K. 2013. Iстория сортализма. Предтечи новейшего сортализма [The history of socialism. The forerunners of modern socialism]. Trans. from German. Moscow, Publ. Academic Project, 847 p.
- Koryakovtsev A.A., ed. 2021. Marks utrachennyy i Marks obretonnyy. Kniga o filosofii Marks'a i o tom, kak i pochemu v Rossii yevo poteryali i obreli vnov' [Marx lost and Marx found. A book about Marx's philosophy and how and why it was lost and regained in Russia]. Yekaterinburg, Publ. Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Cabinet Scientist, 368 p.
- Locke D. 2020. Dva traktata o pravlenii [Two treatises on government]. Trans. from English. Moscow, Chelyabinsk, Publ. Socium, 496 p.

- Lukach D. 2017. Istorya i klassovoye soznaniye. Khvostizm i dialektika. Tezisy Blyuma (fragmenty) [History and class consciousness. Tailism and dialectics. Blum's theses (fragments)]. Trans. from German. Moscow, Publ. Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 608 p.
- Lukach D. 1985. Svoyeobraziye esteticheskogo [The originality of the aesthetic]. Trans. from German. Vol. 1. Moscow, Publ. Progress, 336 p.
- Lukach D. 1986a. Svoyeobraziye esteticheskogo [The originality of the aesthetic]. Trans. from German. Vol. 2. Moscow, Publ. Progress, 467 p.
- Lukach D. 1986b. Svoyeobraziye esteticheskogo [The originality of the aesthetic]. Trans. from German. Vol. 3. Moscow, Publ. Progress, 301 p.
- Lukach D. 1987. Svoyeobraziye esteticheskogo [The originality of the aesthetic]. Trans. from German. Vol. 3. Moscow, Publ. Progress: 573 p.
- Luxemburg P. 1959. Sotsial'naya reforma i revolyutsiya [Social reform and revolution]. Trans. from German. Moscow, Publ. Gospolitizdat, 138 p.
- Luxembourg, B. 1960. Vvedeniye v politicheskuyu ekonomiyu [Introduction to Political Economy]. Trans. from German. Moscow, Publ. Publishing House of socio-economic literature, 328 p.
- Mamardashvili M.K. 1992. Kak ya ponimayu filosofiyu [How I understand philosophy]. Moscow, Publ. Progress, Culture, 418 p.
- Marx K., Engels F. 1955 a. Sochineniya [Essays]. Trans. from German. 2nd ed. Moscow, Publ. Gospolitizdat, Vol. 1, XVI, 700 p.
- Marx K., Engels F. 1955 b. Sochineniya [Essays]. Trans. from German. 2nd ed. Moscow, Publ. Gospolitizdat, Vol. 2, VIII, 652 p.
- Marx K., Engels F. 1955 v. Sochineniya [Essays]. Trans. from German. 2nd ed. Moscow, Publ. Gospolitizdat, Vol. 3, XIV, 616 p.
- Marx K., Engels F. 1955. Sochineniya [Essays]. Trans. from German. 2nd ed. Moscow, Publ. Gospolitizdat, Vol. 4, XIV, 616 p.
- Marx K., Engels F. 1956. Sochineniya [Essays]. Trans. from German. 2nd ed. Moscow, Publ. Gospolitizdat, vol. 7, XVIII, 670 p.
- Marx K., Engels F. 1957. Sochineniya [Essays]. Trans. from German. 2nd ed. Moscow, Publ. Gospolitizdat. Vol. 8, XXII, 706 p.
- Marcuse G. 1994. Odnomernyy chelovek. Issledovaniye ideologii razvitoj industrial'noj obshchestva [One-dimensional man. A study of the ideology of a developed industrial society]. Trans. from English. Moscow, Publ. REFL-book, 368 p.
- Megrelidze K.R. 2007. Osnovnyye problemy sotsiologii myshleniya [The main problems of the sociology of thinking]. 3rd ed. Moscow, Publ. LKI, 488 p.
- Pavlov A.V. 2019. Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teoriya ob"yasnyayut nashe vremya [Post-Postmodernism: How social and Cultural theory explain our time]. Moscow, Publ. Publishing house "Delo" RANEPA, 560 p.
- Plekhanov G.V. 1922. Ocherki po istorii materializma [Essays on the history of materialism]. 3rd ed. Moscow, Publ. Moskovsky rabochy, 214, VII p.
- Plekhanov G.V. 1959. Sotsializm i politicheskaya bor'ba [Socialism and political struggle]. Moscow, Publ. Gospolitizdat, 131 p.
- Spinoza B. 1957 a. Sochineniya v 2-kh tt. [Essays in 2 volumes]. Trans. from Latin. Vol. 1. Moscow, Publ. State Publishing House of Political Literature, 631 p.
- Spinoza B. 1957 b. Sochineniya v 2-kh tt. [Essays in 2 volumes]. Trans. from Latin. Vol. 2. Moscow, Publ. State Publishing House of Political Literature, 729 p.
- Rubtsov A.V., Lyubimova T.B., Syrodeeva A.A. 2016. Prakticheskaya ideologiya. K analitike ideologicheskikh protsessov v politicheskoy i sotsiokul'turnoy real'nosti [Practical ideology. To the analysis of ideological processes in political and socio-cultural reality]. Moscow, Publ. IF RAS, 246 p.
- Rousseau J.-J. 1998. Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty [About the social contract. Treatises]. Trans. from the French. Moscow, Publ. Canon-Press-Ts, 416 p.
- Turnbourne Y. 2021. Ot marksizma k postmarksizmu [From Marxism to post-Marxism]. Trans. from English. Moscow, Publ. Publishing House of the Higher School of Economics, 259 p.
- Uledov A.K. 1985. Obshchestvennaya psichologiya i ideologiya [Social psychology and ideology]. Moscow, Publ. Mysl, 268 p.

- Fursov A.I. 2017. Bor'ba voprosov. Ideologiya i psikhoistoriya: russkoye i mirovoye izmereniye [The struggle of questions. Ideology and Psychohistory: Russian and World dimension]. Moscow, Publ. Book World, 768 p.
- Yum D. 2017. Issledovaniye o chelovecheskom poznanii [Research on human cognition]. Trans. from English. Moscow, Publ. Ripoll-Classic, 322 p.
- Yakovlev M.V. 1979. Ideologiya: Protivopolozhnost' marksistsko-leninskoy i burzhuaznoy kontseptsiy [Ideology: The opposite of Marxist-Leninist and bourgeois concepts]. Moscow, Publ. Mysl, 271 p.
- Althusser L. 2014. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. L.-N.Y.: Verso: XXXIV, 288 p.
- Bhikhu P. 2015. Marx's Theory of Ideology. L.-N.Y.: Routledge, 260 p.
- Eagleton T. 1990. The Ideology of the Aesthetic. Athenaeum Press, 437 p.
- Freeden M. 2021. Ideology Studies: New Advances and Interpretations. N.Y.-L.: Routledge, 218 p.
- Piketty T. 2020. Capital and Ideology. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1004 p.
- Ross A. 2006. Marxism After Modernity: Politics, Technology and Social Transformation. N.Y.: Palgrave Macmillan, 228 p.
- Therborn G. 1980. The Ideology of Power and the Power of Ideology. L.: NLB, 147 p.
- Schwarzmantel J. 2008. Ideology and Politics. L.: Sage, 208 p.
- Vincent A. 2009. Modern political ideologies. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.09.2021

Received September 18, 2021

Поступила после рецензирования 18.12.2021

Revised December 18, 2021

Принята к публикации 09.02.2022

Accepted February 9, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трунов Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманистических и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

Олещенко Екатерина Олеговна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический института МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Рындин Евгений Владимирович, аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly A. Trunov, PhD, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

Ekaterina O. Oleshchenko, PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Belgorod, Russia

Evgeny V. Ryndin, PhD student, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 57:001

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-171-179

Борис Юдин vs Николай Трубников: биомедицина и проблема ценностного статуса науки

Кожуховская А.А.

Челябинский государственный университет,
Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129
E-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

Аннотация. Новейшие достижения современной биомедицины все более активно воздействуют на специализированную и повседневную практику, преобразуют совокупный социокультурный контекст, в котором совершается развитие современной науки. Одновременно проблематизируются многие общегуманистические принципы и ценности, которые до сего времени представлялись очевидными, естественными и совершенно непоколебимыми. Трансгуманизм как мировоззренческое течение и социальный проект, направленный на радикальную трансформацию человека средствами биомедицинской науки, представляет собой наглядный пример подобной проблематизации и одновременно создает угрозу тому статусу человека, который сложился в ходе естественной эволюции. Тем самым чрезвычайно обостряется вопрос о ценностном статусе науки, об этической регуляции научного прогресса, о ее критериях. Рассмотрение двух альтернативных философских подходов (Б.Г. Юдина и Н.Н. Трубникова) к данной проблеме одновременно указывает и на жизненную необходимость учета фактора человека в современном научном познании, и на отсутствие в нем конкретных показателей и мерок для подобного учета. В биомедицине данное обстоятельство проявляется особенно наглядно, что объективно превращает ее в основное предметное поле философской рефлексии по поводу совершенствования концепта человека и обновления ценностного статуса науки в системе культуры.

Ключевые слова: биомедицина, наука, культура, человек, ценности, биоэтика, трансгуманизм

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, доктору философских наук, профессору кафедры философии Челябинского государственного университета Рыбину В.А.

Для цитирования: Кожуховская А.А. 2022. Борис Юдин vs Николай Трубников: биомедицина и проблема ценностного статуса науки. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47 (2): 171–179. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-171-179

Boris Yudin vs Nikolay Trubnikov: Biomedicine and the Problem of the Value Status of Science

Anastasiya A. Kozhukhovskaya

Chelyabinsk State University,
129 Kashirin Brothers St, Chelyabinsk 454001, Russia
E-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

Abstract. The latest advances in modern biomedicine are increasingly influencing specialized and everyday practice, transforming the overall socio-cultural context in which the development of modern

science is taking place. At the same time, many general humanistic principles and values are problematized, which until now seemed obvious, natural and completely unshakable. Transhumanism as an ideological trend and a social project aimed at the radical transformation of a person by means of biomedical science is a clear example of such problematization and, at the same time, a threat to the status of a person that has developed in the course of natural evolution. Thus, the question of the value status of science, of the ethical regulation of scientific progress, of its criteria is extremely aggravated. Consideration of two alternative philosophical approaches to this problem simultaneously indicates the vital necessity of taking into account the human factor in modern scientific knowledge, and the absence in it of specific indicators and measures for such accounting. In biomedicine, this circumstance manifests itself especially clearly, which objectively turns it into the main subject field of philosophical reflection on the improvement of the concept of man and the renewal of the value status of science in the cultural system.

Keywords: biomedicine, science, culture, human, values, bioethics, transhumanism

Acknowledgments: The author expresses his gratitude to the scientific advisor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Chelyabinsk State University, Rybin V.A.

For citation: Kozhukhovskaya A.A. 2022. Boris Yudin vs Nikolay Trubnikov: Biomedicine and the Problem of the Value Status of Science. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 171–179 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-171-179

Введение

Современная биомедицина является наглядным примером воздействия науки на природу и общество, на жизнь людей. Расширение знаний о специфике жизненных процессов, открытия в сфере генетики, новые достижения в науке о мозге, успехи в конструировании искусственного интеллекта, выращивание искусственных органов и тканей, впечатляющие результаты в создании новых лекарственных средств – всё это является убедительным свидетельством эффективности и огромной практической значимости новейшей биомедицинской науки. Однако биомедицина обладает и значительной общетеоретической значимостью: демонстрируя, каким именно образом наука воздействует на человека, она доказывает значимость науки в целостной системе культуры, дает представление о целях, возможностях и пределах научного познания природы, общества и человека.

В свете данной проблематики особый интерес представляет сопоставление взглядов двух отечественных философов Б.Г. Юдина и Н.Н. Трубникова, которые являются наиболее известными теоретиками, занимающимися проблемой ценностного статуса науки. Это позволит рассмотреть возникающие в данной полемике вопросы с определенной исторической дистанции.

Цель исследования: при сопоставлении взглядов Б.Г. Юдина и Н.Н. Трубникова выявить подходы, регулирующие воздействия науки, а в частности биомедицины на человека и определить их практическую значимость.

Наука и нравственность: две версии

Проблема ценностного статуса науки неизменно оставалась для Бориса Григорьевича Юдина (1943–2017) главным предметом исследований, но наиболее значимые работы в этой области были написаны им в первые десятилетия XXI века, в период активного участия в процессе становления в России социального института биоэтики и руководства академическим научно-философским журналом «Человек». В этих работах Юдин постоянно подчеркивал, что на переломе XX–XXI веков наука начинает обретать новые формы – возникает технонаука, ориентированная на быстрое техническое приложение и создающая возможность не только исследовать и лечить человека как прежде, но конструировать и даже реконструировать его биологический организм. «Такого не было еще 20–30 лет

назад, когда обсуждалось главным образом опосредованное воздействие научно-технического прогресса на человека» [Юдин, 2014, с. 30].

Основной сферой возникающих при этом проблем, согласно Юдину, становится биомедицина, сосредоточивающая в себе новейшие достижения научного познания и одновременно сосредоточенная на человеке: «Следовательно, актуализируется задача защиты человека, ради которого осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий того же самого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них» [Юдин, 2014, с. 61]. А раз так, то «научный поиск вполне может, а во многих случаях и должен руководствоваться, помимо всего другого, моральными критериями и этическими оценками» [Юдин, 2014, с. 64]. Таким образом, практика этического регулирования становится сегодня условием функционирования науки.

В качестве реального воплощения данной установки, по мнению Юдина, выступает биоэтика, в рамках которой в ходе междисциплинарных дискуссий и будет осуществляться ценностный подход к достижению науки с последующим выходом на практические значимые решения в области биомедикоэтической проблематики. Для этого в исследовательских и лечебных учреждениях необходимо создавать комитеты этики и биоэтики, призванные уже реально – в административном и юридическом порядке – контролировать темпы и масштаб внедрения биотехнологий. Что в итоге позволит науке по мере дальнейшего развития не только сохранять свой статус высшего арбитра истины, но и брать на себя ответственность за все последствия внедрения своих достижений в практику. Это внутринаучное решение: наука обладает достаточным теоретическим потенциалом для того, чтобы самостоятельно решать все проблемы ценностного порядка, то есть осуществлять продуктивное этическое регулирование.

Работы Николая Николаевича Трубникова (1929–1983), посвященные осмыслинию ценностного статуса науки, относятся к 70-м и 80-м годам прошлого века, то есть к несколько более раннему историческому периоду, нежели работы Юдина. В эссе «Наука и нравственность» с характерным подзаголовком «О духовном кризисе европейской культуры» Трубников ставил вопрос более остро, а именно «нравственна ли наука вообще?», и пришел к парадоксальному на первый взгляд выводу, что та форма науки, которая сформировалась в Новое время и продолжает функционировать по сию пору, отнюдь не является высшей инстанцией человеческого духа, что «научное» и «нравственное» занимают в ней противоположные позиции.

Трубников размышлял о том, что статус науки определяется в конечном счете только одной целью – служением благу людей: «Только этим и ничем другим может быть оправдано существование науки. *Если она этого не делает, она не нужна. Если она делает не это, она вредна*» (курсив наш. – А.К.) [Трубников, 1990, с. 283]. Добивается этого наука своими, характерными для нее средствами – она ищет истину. Истина – это благо, но благо не сводится исключительно к одной истине, необходимы еще критерии нравственного, ценностного порядка, а именно различение добра и зла. И «этую оценку наука никогда не находит в своей собственной сфере. Совсем напротив, она всегда получает ее извне» [Трубников, 1990, с. 284]. Проблема в том, что в некоторых случаях критерии подобной оценки могутискажаться.

В современных условиях – Трубников подразумевает вторую половину XX века – опасность этого рода значительно возрастает. Он писал, что сегодня наука всё больше ищет уже не столько истинного, сколько достоверного и конструктивного знания (это та самая технонаука, про которую говорит Юдин). Вследствие этого возрастает риск сначала утерять понимание того, что есть благо, а потом поставить и истину, и благо в зависимость от какого-то иного, постороннего им внешнего требования. «И когда с точки зрения этого требования извне, – углубляет тему Трубников, – нужна не истина, а что-либо другое, более конструктивное или эффективное, то именно это “другое” будет хорошим, то-

гда как всё, выходящее за эти пределы, будь то какая-то идеальная истина или простое заблуждение, равным образом будет плохим» [Трубников, 1990, с. 284]. Отсюда следует, что вопрос о ценностном статусе науки надо ставить более широко, в масштабах всей культуры: «Главный вопрос современности состоит, таким образом, не в том, как соотносятся наука и нравственность, не в том, нравственна ли наука сама по себе. Главный вопрос состоит в том, нравственна ли вся наша культура? Или, если быть определеннее, *нравствена ли сама наша нравственность?*» [Трубников, 1990, с. 295].

Таким образом, согласно Трубникову, вопрос о ценностном статусе науки и ее регулятивном потенциале, во-первых, не имеет внутринаучного решения. Во-вторых, решение предлагается искать за рамками наличных форм не только науки, но и современной культуры в целом. Как мы видим, подход Трубникова явно расходится с подходом Юдина. Кто же прав?

Биомедицина и биоэтика

Если с точки зрения сегодняшнего дня оценивать теоретические и практические результаты тех сдвигов в отношении к науке, которые, начиная с последних десятилетий прошлого века, произошли в обществе, то создается впечатление, что они соответствуют логике рассуждений Юдина. За этот период в качестве особой отрасли научно-философского познания окончательно оформилась философия науки; в ее рамках в статусе особой философской дисциплины выделилась этика науки, исследующая такие проблемы, как ценности научного познания, социальная ответственность ученого, этическое регулирование внедрения научных достижений в практику и т.д. Но главное, и теоретически, и институционально оформилась биоэтика как специфическая научно-философская форма рефлексии на достижения биомедицины, одновременно претендующая на всеохватное этико-юридическое регулирование всех соотносящихся с биомедициной сфер, включая практическое здравоохранение.

И тем не менее в течение этого же периода по отношению к биоэтике не стихает волна критических замечаний, справедливость которых трудно не признать, хотя бы отчасти. Суть претензий заключается в том, что воздействие биоэтики на практику биомедицины остается недостаточно эффективным. Критики отмечают, что биоэтика ограничивается «публицистическим гуманизаторством» [Михайлов, 2001, с. 590], что ее теоретический инструментарий страдает скучностью, порождая «в конечном счете, бесплодный перебор аргументов "за" или "против" (как это показывают ведущиеся много лет, но не давшие взятых ответов дискуссии по поводу эвтаназии, абортов, стволовых клеток и пр.)» [Рыбин, 2020, с. 49], что «вместо анализа и критики безответственного применения технических достижений к человеку, вместо главного для нее лозунга: не всё, что технически возможно, следует осуществлять, она примеряет на себя роль их "гуманитарного сопровождения"» [Кутырев, 2018, с. 580]. Даже Фрэнсис Фукуяма, один из наиболее авторитетных теоретиков в области биомедицины, признаёт, что «многие специалисты по биоэтике превратились в изощренных (не всегда логичных) оправдывателей всего, что хочет научное сообщество <...> В любой дискуссии по клонированию человека, исследованию стволовых клеток и генной инженерии зародышевых путей именно профессиональный специалист по биоэтике придерживается обычно самых разрешительных взглядов» [Фукуяма, 2008, с. 288].

Всё это свидетельствует о том, что с ценностным статусом современной науки, в рамках которой взаимодействуют биомедицина и биоэтика, дело обстоит не столь благополучно, как представляется на первый взгляд. Доказательством этому служит то обстоятельство, что по мере того, как перспектива «переструктурирования человека» становится всё более реальной [Ван Ден, 2016, с. 221], в теоретической сфере всё более явственно проявляется неспособность сформулировать либо весомые аргументы в пользу радикальной трансформации человеческого естества, либо убедительные контраргументы в пользу сохранения его неизменности [Кожуховская, 2020].

Промежуточные итоги

Свидетельством недостаточной эффективности того варианта этической регуляции, который сформировался в биомедицине, является факт и самого возникновения феномена *трансгуманизма*, и почти мгновенного по историческим меркам превращения его в социальный проект, нацеленный на радикальную трансформацию человека за границами тех его морфологических и функциональных характеристик, которые сложились в ходе природной эволюции и которые до сих пор воспринимаются в качестве естественных, обычных, нормальных¹. Такие представители трансгуманизма, как Клаус Шваб, Раймонд Курцвэйл, Михаил Эпштейн и др., заявляют о неизбежности грядущей нейротехнологической трансформации человеческого естества [Шваб, 2019], о выходе за прежние пределы человеческого существования, вплоть до обретения бессмертия в техническом воплощении [Эст, 2016], о необходимости рассматривать человека в его нынешнем образе как исчезающий вид, на место которого надлежит поставить терминатора, киборга, человека-робота².

В их рассуждениях присутствует определенная логика: новое всегда приходит на смену старому, прогресс человечества связан с научными инновациями, достижения биомедицины не только способствуют излечению человека от ряда заболеваний, но действительно создают предпосылки для улучшения определенных его свойств [Юдин, 2014]. Это верно, но если принять данную аргументацию без корректив и критики, то возникает туrickовая ситуация, о которой со всей определенностью высказался Б.Г. Юдин в статье с красноречивым названием «На пути к трансчеловеку»: «Когда речь заходит о радикальной модификации человека, то оказывается, что здесь никакого общепринятого масштаба нет, что каждый сам по себе задает для себя этот масштаб, а потому единственным, что может определять эти планы и проекты, является, наверное, человеческая фантазия» [Юдин, 2014, с. 347].

Таким образом, очерчивается ряд проблем, которые требуют неотложного решения. Во-первых, как именно следует выстраивать разграничительную линию между тем, что на самом деле способствует оптимизации функций человеческого организма, и тем, что может стать уродованием человека под влиянием каких-то узких интересов или даже преступных замыслов? Во-вторых, какой именно образ человека надлежит использовать при его биотехнологическом «улучшении» в качестве образца? В-третьих, нет ответа на вопрос, допустима ли сама модификация характеристик человека, сформировавшихся и закрепившихся в ходе естественной эволюции, — если для Юдина и других представителей биоэтики это предмет для размышлений, то трансгуманисты открыто высказывают свою позицию, согласно которой *всё, что возможно осуществить средствами науки, следует осуществить* безо всяких сомнений.

Но это означает, что тот вариант ценностного статуса науки, который в современной философии науки представлен этикой науки и в рамках которого, как предполагалось, открывается возможность осуществлять полноценное этическое регулирование научных исследований и достижений, не оправдал возлагавшихся на него надежд. Чтобы выяснить, в чем тут причина, рассмотрим некоторые базисные положения данной концепции.

Этика науки и ее предпосылки

И сама идея этики науки, и институт этических комитетов и экспертиз, призванных реализовать ее гуманистические ценности, с самого начала базировались на той предпосылке, что научное познание уже исходно обладает достаточной для регуляции нрав-

¹ Рыбин В.А. 2020. Трансгуманизм. Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь. Под ред. В.С. Невелева, Д.В. Соломко. Челябинск, Изд. центр ЮУрГУ: 77-82.

² Эпштейн М. 2017. Проективный словарь гуманитарных наук. М., НЛО, 616 с.

ственной нагруженностью, ибо оно заведомо соотносится с человеком. При этом, как утверждалось в изданной еще в 1986 книге И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина «Этика науки», не имеет значения, каким именно образом осуществляется соотнесение науки и нравственности – в результате обращения к логике самой науки или на основе потребностей общества, «главное, что акт познания погружается тем самым в ценность заряженную, а не ценностью нейтральную атмосферу. Человеческие характеристики научного познания выражаются не только в том, что оно осуществляется человеком, но и в том, что оно осуществляется для человека» [Фролов, Юдин, 1986, с. 64]. На первый взгляд, гуманистическая ориентация в данном случае выглядит достаточно обоснованной. Однако, как наглядно демонстрирует приведенное выше признание Юдина, на деле подобный вариант не содержит каких-либо конкретных критериев, которые создавали бы возможность реально осуществлять заявленное взаимодействие ценностей научного познания и ценностей гуманистического порядка.

Причина подобной ситуации заключается в том, что в рамках подхода, который сформировался в этике науки и закрепился в биоэтике, *человек рассматривается абстрактно* – как человек вообще, то есть принимается как некая величина, про которую всё уже известно и которую нет смысла далее уточнять и конкретизировать. Поле исследования представлено здесь внешними средами поведения человека, без углубления в проблему постижения его сущности. Подобный подход, безусловно, оправдан, но это лишь один из возможных подходов – это установка классической науки, которая «условием объективно-истинного знания считала элиминацию из объяснения и описания всего, что относится к субъекту и средствам деятельности»¹. Установка этого рода является исторически конкретной точкой зрения, которая, как показывает опыт, не может быть абсолютизирована. Данный вывод создает возможность подойти к проблеме ценностного статуса науки уже с более широкой исторической точки зрения.

Феномен биомедицины в исторической перспективе

Для классической науки понимание человека исчерпывалось концептом «естественногого человека» в качестве существа, познаваемого средствами естествознания, а все возникающие при этом вопросы ценностного порядка, не решаемые посредством отнесения их к категории истины, рассматривались как недостойные внимания. Более того, подобный подход до определенного момента был закономерным и прогрессивным, поскольку избавлял человеческое мышление от различных субъективизмов, порождавшихся ограниченным культурным опытом, прежде всего от суеверий и религиозных догматов, а также от ценностных суждений обыденного сознания. Наука работала здесь в параметрах непосредственно данной человеку реальности, в границах повседневного опыта, и в этом случае действительно можно было рассуждать о человеке вообще, а ценностную проблему различия добра и зла сводить к поискам истины, ограничиваясь в истолковании ценностного статуса науки внутринаучным потенциалом.

Но как только наука перешла границу непосредственного чувственного восприятия, углубилась в «микромир», вышла в «мегамир» и тем самым окончательно преодолела пределы обыденной реальности, ситуация изменилась и стала сначала «неклассической» (когда в сферу рефлексии были включены средства воздействия на исследуемые объекты), а потом и «постнеклассической» (когда в процесс познания был включен сам человек и эффекты его деятельности)². Для физики этот момент наступил в начале XX века, для биологии и медицины – почти на 100 лет позднее, а именно в последние десятилетия XX века и в первые десятилетия XXI века – на фоне достижений биомедицинской науки перспектива преобразования биологической природы человека определилась со всей чет-

¹ Степин В.С. 2001. Наука. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М., Мысль, 69

² Там же.

костью. При этом возникла потребность в такой принципиально новой концептуализации человека, которая, во-первых, была бы адекватна изменению его положения в системе социокультурной реальности, формируемой благодаря прогрессу науки, а во-вторых, могла бы стать основой для соответствующего обновления ее ценностного статуса, то есть для продуктивного этического регулирования научно-теоретической и преобразовательно-практической деятельности в новых условиях. Поскольку же подобная «постнеклассическая» концептуализация не осуществлена до сих пор, то, как и указывал в свое время Н.Н. Трубников, наука и нравственность закономерно пребывают в противопоставлении друг другу, ценностный статус науки становится все более неопределенным, а она сама все больше проявляет себя как источник угроз и рисков, о которых говорил Б.Г. Юдин.

Выводы

Биомедицина и связанные с нею этические проблемы свидетельствуют о таком качественном изменении и всей современной культуры, и положения человека в ее системе, которое делает непродуктивными все прежние принципы учета человеческого фактора в науке и соответствующие им варианты ценностного статуса науки. Эти стандарты были основой того варианта этики науки, воплощением которого в сфере биомедицины явилась биоэтика. Сама биоэтика при своем возникновении решала важную задачу: в ситуации формирования постнеклассической науки и ее перехода к постижению новых уровней реальности она не только поставила вопрос «*что надо делать для этого?*», но и дала предварительный ответ, а именно: «необходимо ввести человека в сферу научного познания». Этую линию в своем научно-философском творчестве последовательно проводил Б.Г. Юдин.

Однако при этом не был дан ответ на другой, не менее важный вопрос: «*как именно это следует сделать?*», то есть каким образом следует осуществлять практический эффективный и нравственно выверенное совмещение достижений биомедицинской науки с ценностно-этическими регулятивами. Причина подобного несоответствия состоит в том, что *понимание человека* осталось ограниченным теми абстрактными представлениями о нем, которые были характерны для классической науки, и, как следствие, не обрело той конкретности, которая соответствовала бы постнеклассическому уровню новейшей биомедицинской науки и новым, образовавшимся при ее воздействии параметрам социокультурной реальности. Как следствие, развитие биомедицины стало осуществляться в основном под воздействием собственных, внутринаучных стимулов, в слабом соотнесении с общекультурными потребностями и нормативами, что и проявилось в виде феномена *трансгуманизма*, который в наши дни не только заявляет о себе как о влиятельном социальном проекте, но и в полном смысле слова угрожает радикально изменить биологический статус человека.

В этих условиях в сфере философии актуализируется запрос на выработку таких ценностных регулятивов, которые соответствовали бы новым параметрам человеческого существования. Н.Н. Трубников определял эту задачу как «гуманистическое пробуждение философии, выявление фундаментально гуманистических оснований знания и непосредственно научных его оснований» [Трубников, 1990, с. 155]. В методологическом плане это означает необходимость рассматривать науку не автономно, а в соотнесении с непрерывно обновляющимся социокультурным контекстом. Поскольку специфика и содержание культуры определяются человеком, то принципом подобного соотнесения выступает именно человек и как природный феномен, и как реальный действующий субъект исторического процесса, и как конкретизирующаяся на этом фоне философская категория. Иными словами, задачу совершенствования философской рефлексии по поводу проблем биомедицины и обновленного истолкования ценностного статуса науки надлежит решать посредством концептуализации проблемы человека.

Список литературы

- Кожуховская А.А. 2020. Современная биомедицина в свете философской рефлексии. Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки, 8: 63–68. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10810
- Кутырев В.А. 2018. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб, 527 с.
- Михайлов Ф.Т. 2001. Избранное. М., Индрик, 650 с.
- Рыбин В.А. 2020. Биосоциальность человека: опыт переосмысливания в контексте современности. Человек, 1: 44–58. DOI: 10.31857/S023620070008744-5
- Трубников Н.Н. 1990. Наука и нравственность (О духовном кризисе европейской культуры). В кн.: Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. М., Политиздат: 278–295.
- Фролов И.Т., Юдин Б.Г. 1986. Этика науки: Проблемы и дискуссии. М., Политиздат, 399 с.
- Фукуяма Ф. 2008. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., АСТ, 349 с.
- Шваб К. 2019. Четвертая промышленная революция. М., Эксмо, 288 с.
- Van Den Ede Й. 2016. Где же человек? О дебатах по поводу его улучшения (Реферат). В кн.: Актуальные проблемы биоэтики: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН. Отв. ред. Б.Г. Юдин М., 220–223.
- Эст Р., ван. 2016. Интимные технологии: битва за наши тела и поведение (Реферат). В кн.: Актуальные проблемы биоэтики: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН. Отв. ред. Б.Г. Юдин М., 210–220.
- Юдин Б.Г. 2014. На пути к трансчеловеку. Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. К 70-летию Б.Г. Юдина. Отв. ред. П.Д. Тищенко. М., Издательский дом «Навигатор»: 341–351.
- Юдин Б.Г. 2014. Этика науки. Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. В кн.: К 70-летию Б.Г. Юдина. Отв. ред. П.Д. Тищенко. М., Издательский дом «Навигатор»: 30–65.

References

- Kozhukhovskaya A.A. 2020. Modern biomedicine in the light of theoretical reflection]. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophical Sciences, 8: 63–68 (in Russian). DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10810
- Kutyr'ev V.A. 2018. Sova Minervy vyletaet v sumerki [Minerva's Owl Flies Out at Dusk]. (Selected Philosophical Texts of the 21st Century). St. Petersburg, 527 p.
- Mikhailov F.T. 2001. Favorites. M., Publ. Indrik, 650 p.
- Rybin V.A. 2020. Biosocial'nost' cheloveka: opty pereosmysleniya v kontekste sovremennosti [Human biosociality: the experience of rethinking in the context of modernity]. Chelovek, 1: 44–58. DOI: 10.31857/S023620070008744-5
- Trubnikov N.N. 1990. Nauka i nrvastvennost' (O duhovnom krizise evropejskoj kul'tury). In: Zabluzhdayushchijsya razum? Mnogoobrazie vnenauchnogo znaniya [Science and Morality (On the Spiritual Crisis of European Culture). Delusional Mind?: Variety of Extra-scientific Knowledge]. Resp. ed. and comp. I.T. Kasavin. Moscow, Publ. Politizdat: 278–295.
- Frol'ov I.T., Yudin B.G. 1986. Etika nauki: Problemy i diskussii [Ethics of Science: Problems and Discussions]. Moscow, Publ. Politizdat, 399 p.
- Fukuyama F. 2008. Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyuci [Our Posthuman Future: The Consequences of the Biotechnology Revolution]. Moscow, Publ. AST, 349 p.
- Schwab K. 2019. CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya [The fourth industrial revolution]. Moscow, Publ. Eksmo, 288 p.
- Van Den Ede J. 2016. Gde zhe chelovek? O debatah po povodu ego uluchsheniya (Referat) [Where is the person? On the debate about its improvement (Abstract)]. In the book: Actual problems of bioethics: Sat. reviews and ref. RAS. INION. Resp. ed. Yudin B.G. Moscow: 220–223.

- Est R., van. 2016. Intimnye tekhnologii: bitva za nashi tela i povedenie (Referat) [Intimate technologies: the battle for our bodies and behavior (Abstract)]. In the book: Actual problems of bioethics: Sat. reviews and ref. RAS. INION. Resp. ed. Yudin B.G. Moscow: 210–220.
- Yudin B.G. 2014. Na puti k transcheloveku. Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya: sbornik statej. K 70-letiyu B.G. YUDina [Towards a transhuman. Humanitarian guidelines of scientific knowledge: a collection of articles. To the 70th anniversary of B.G. Yudin]. Resp. ed. P.D. Tishchenko. Moscow, Publishing house "Navigator": 341–351.
- Yudin B.G. 2014. Etika nauki. Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya: sbornik statej. K 70-letiyu B.G. YUDina [Ethics of Science. Humanitarian guidelines of scientific knowledge: a collection of articles. To the 70th anniversary of B.G. Yudin]. Resp. ed. P.D. Tishchenko. Moscow, Publishing house "Navigator": 30–65.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.07.2021

Received July 10, 2021

Поступила после рецензирования 18.12.2021

Revised December 18, 2021

Принята к публикации 09.04.2022

Accepted April 9, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожуховская Анастасия Анатольевна, аспирант кафедры философии, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Kozhukhovskaya, postgraduate student of the Department of Philosophy Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-180-189

Восприятие медицинских сестер работниками здравоохранения: социологический взгляд на дискурс об автономии

¹ Богдан Игнат Викторович, ² Природова Ольга Федоровна,
²Фомина Ольга Алексеевна, ¹ Чистякова Дарья Павловна

¹ ГБУ Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы

г. Москва 115088, Российская Федерация, Шарикоподшипниковская ул., д. 9.

² Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова Минздрава России
г. Москва 117997, Российская Федерация, ул. Островитянова, д. 1
E-mail: bogdaniv@zdrav.mos.ru

Аннотация. Инициативы по повышению профессиональной автономии персонала, передаче им дополнительных функций могут ингибироваться инертным восприятием коллегами медицинских сестер как имеющих сугубо подчиненное положение в иерархии медицинского труда. Проблематика образа сестринского персонала (в том числе восприятия сестер как исключительно помощников врачей) в отечественной научной литературе практически не представлена, в противовес зарубежной. Данная работа посвящена исследованию образа специалиста профессии «сестринское дело» среди коллег с акцентом на проблематике автономии медицинских сестер. Эмпирической базой выступило исследование 2021 года, в рамках которого было опрошено 14 176 российских работников здравоохранения. Использованы методы количественного анализа, контент-анализа ассоциаций респондентов, а также методы data science. Исследование показало положительное восприятие сестринского персонала в целом (72 % положительных ассоциаций). В образе специалиста преобладают личные качества (47 % ассоциаций) в ущерб профессиональным (24 %), что может приводить к недооценке вклада медсестер в рабочий процесс. В целом широко распространены установки на то, что медсестра – это помощник врача. Исследование показало, что менее автономное восприятие медицинских сестер связано с более негативным образом профессии в целом. Полученные результаты свидетельствуют о том, что законодательное расширение функций должно сопровождаться работой с восприятием медицинских сестер внутри сообщества работников здравоохранения.

Ключевые слова: медсестра, опрос, социология, образ, помощник врача, автономия

Для цитирования: Богдан И.В., Природова О.Ф., Фомина О.А., Чистякова Д.П. 2022. Восприятие медицинских сестер работниками здравоохранения: социологический взгляд на дискурс об автономии. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 180–189. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-180-189

Perceptions of Nurses by Health Professionals: A Sociological Perspective on Autonomy Discourse

Ignat V. Bogdan¹, Olga F. Prirodova², Olga A. Fomina², Darya P. Chistyakova¹

¹ Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management
of Moscow Healthcare Department

9 Shrikoposhipnikovskaya St, Moscow 115088, Russian Federation

² Pirogov Russian National Research Medical University

1 Ostrovityanova St, Moscow 117997, Russian Federation,

E-mail: bogdaniv@zdrav.mos.ru

Abstract. Initiatives to increase the professional autonomy of staff and transfer additional functions to them may be inhibited by the inert perception of nurses by colleagues as having a purely subordinate position in the hierarchy of medical work. The issue of the image of nursing staff (including the perception of nurses as exclusively "physician's assistants") in the Russian scientific literature is practically not represented in contrast to foreign ones; no all-Russian studies on this topic were found. This article analyses the image of nursing specialists among colleagues, with an emphasis on issues of the autonomy of nurses. The empirical background was the 2021 study, which interviewed 14,176 Russian health workers. Authors used quantitative analysis, content analysis of respondents' associations, as well as data science methods. The study showed a positive perception of nursing staff in general (72% positive associations). The image of a specialist is dominated by personal qualities (47% of associations) to the detriment of professional ones (24%), which may lead to an underestimation of their contribution to the work process. In general, there is a widespread attitude that a nurse is a doctor's assistant. The study found that less autonomous perceptions of nurses were associated with a more negative image of the profession as a whole. The findings suggest that legislative empowerment must be accompanied by addressing the perceptions of nurses within the health worker community.

Key words: nurse, survey, sociology, image, doctor's assistant, autonomy

For citation: Bogdan I.V., Prirodova O.F., Fomina O.A., Chistyakova D.P. 2022. Perceptions of Nurses by Health Professionals: A Sociological Perspective on Autonomy Discourse. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 180–189 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-180-189

Введение

Сестринское дело исторически считалась женской профессией [Valizadeh et al., 2014; Galbany-Estragués, Comas-d'Argemir, 2017] и до сих пор остается таковой по причине того, что сегодня 90 % медсестер в мире – женщины¹. Более того, сам по себе уход как предмет сестринской профессии имеет феминные коннотации [Galbany-Estragués, Comas-d'Argemir, 2017]. Вследствие такого положения дел образ профессии впитывал в себя исторические черты, которые были ассоциированы с представлениями о женских качествах как в положительном, так и в негативном ключе [Ozdemir et al., 2008; Богдан, 2021]. С одной стороны, это могли быть идеалы милосердия, заботы, воспетые в образе сестер милосердия или образе «леди с лампой», основательницы сестринского дела Флоренс Найтингейл. С другой стороны, исторические проблемы статуса женщин, их неравноправия

¹ Состояние сестринского дела в мире, 2020 г.: вложение средств в образование, рабочие места и воспитание лидеров [State of the world's nursing 2020: investing in education, jobs and leadership]. 2020. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 117 с.

с мужчинами приводили к тому, что данная профессия в ряде аспектов воспринималась менее статусной и до сих пор испытывает статусные проблемы [Симонова, Ядрова, 2013].

В этой связи важным является оценка восприятия медицинских сестер в контексте их взаимодействия с врачами. Работа врача и медсестры в tandemе в сознании пациентов может вызывать аналогию с матерью и отцом [Fagin, Garelick, 2004], в которой первая обладает подчиненной функцией по отношению ко второму. Исследователи говорят напрямую о том, что отношения между врачом и медсестрой «символически воспроизводят иерархизацию ролей между мужчинами и женщинами» [Galbany-Estragués, Comas-d'Argemir, 2017, p. 362] Не удивительно, что сегодня одним из самых распространенных стереотипов о сестринской профессии в нашей стране и за рубежом исследователи называют восприятие специалиста как исключительно помощника врача [Bridges, 1990; Darbyshire, Gordon, 2005; Богдан, Гурылина, 2019].

Однако сегодня такой образ не вполне корректен, так как он не соответствует тенденции к большей автономии сестринского персонала, ввиду чего указанные особенности восприятия можно назвать вызовом для системы здравоохранения. В частности, условия дефицита медицинских кадров предрасполагают к тому, чтобы часть врачебных функций передавалась среднему медицинскому персоналу [Сон и др., 2021], что является также экономически эффективным [Петрова и др., 2017]. Однако шлейф образа неавтономного помощника за специалистами в области сестринского дела является барьером для таких преобразований. Сегодня исследователи говорят о сложившейся модели, менталитете, в рамках которых врачи воспринимают медсестер своими помощниками [Симонова, Ядрова, 2013; Петрова, Окунев, 2018; Василенок и др., 2020].

Таким образом, крайне важной является работа с восприятием медицинской сестры в медицинском сообществе. Если само сообщество будет поддерживать прежний образ, соответствующий своему функционалу, то внедрить новый образ с новым функционалом видится затруднительным. Более того, конфликт между новым функционалом (в случае его изменения) и старым восприятием может иметь негативное влияние на климат в коллективе, а через него и на качество оказываемой помощи, а также приводить к оттоку сестринских кадров, которые уже сейчас являются дефицитными [Василенок и др., 2020].

Вопросы автономии медицинских сестер находятся в центре современных исследований, она даже называется «основным элементом в профессиональной сестринской практике» [Rouhi-Balasi L. et al., 2020; Hong J.Y. et al., 2021]. Уход (основная задача сестринского дела) и автономия видятся исследователям как «близко связанные концепты» [Galbany-Estragués, Comas-d'Argemir, 2017, p. 362]. Также была обнаружена связь автономии и лучших исходов лечения для пациентов, а также большей удовлетворенности самих медсестер от работы (по крайней мере, на зарубежных данных; российских исследований на данную тему найдено не было) [Oshodi et al., 2019; Kim et al., 2022]. Без автономии будет трудно реализуемо лидерство в рамках сестринской профессии, к развитию которого призывает ВОЗ [Состояние сестринского дела в мире..., 2020].

И хотя сложно говорить о полной автономии в областях, когда медсестры действительно выполняют ассистирующие функции (например, при проведении хирургических операций [Симонова, Ядрова, 2013]), для многих сестринских профессий есть возможность автономии в рамках сестринского процесса или административных функций.

Данное исследование посвящено вопросу диагностики образа специалиста сестринского дела в восприятии его коллег. Отдельное внимание будет уделено дилемме автономия/помощник врача, которая, по мнению авторов, во многом определяет разрыв между старым и новым образом специалистов сестринского дела.

Материалы и методы

Исследование проведено с использованием технических средств и на основании базы Портала непрерывного медицинского и фармацевтического образования Минздрава

России, являющегося автоматизированной системой планирования и учета образовательной активности медицинских работников нашей страны, выполняющей также функции информирования и обеспечения профессионального общения пользователей.

В онлайн-опросе приняли участие 14 176 работников здравоохранения со всей России. Опрос проведен в конце 2021 года.

Анализ проводился на невзвешенных данных, так как процедура взвешивания данных по таким характеристикам, как пол и возраст, регион работы, должность и работа в организациях различных видов (условиях оказания) медпомощи не оказала значимого влияния на распределения ответов.

Закрытые вопросы были проанализированы на всех имеющихся данных. Анализ открытых вопросов проведен двумя методами:

1) кодировка случайной подвыборки ответов 400 респондентов¹, кодировочные категории были валидированы в предыдущих исследованиях авторов. На основании кодировки строились частотные распределения выделенных категорий (количественный анализ), а также было проанализировано их содержательное наполнение (качественный анализ);

2) регрессионный анализ с использованием ключевых лемм в открытых ответах, проведенный с помощью кода на языке python.

Для лемматизации высказываний использован лемматизатор *mystem3*², грамматические ошибки вычищались предварительно вручную, а синонимичные леммы объединялись в одну.

Для регрессионного анализа была использована стандартная логистическая регрессия библиотеки *sklearn* для python. Алгоритмом были выявлены топ-20 лемм, предсказывающих тяготение к одному или другому полюсу зависимой переменной.

Результаты и обсуждение

Если рассматривать тональность высказываний о медицинской сестре со стороны коллег (ответ на вопрос «Скажите, пожалуйста, какие ассоциации вызывает у Вас слово "медсестра"?»), видно в целом ярко-положительное отношение, которым обладают почти три четверти опрошенных: положительное продемонстрировали 72 %, нейтральное – 23 %, отрицательное – 5 %. Причины такого положения дел раскрывает анализ содержательных групп ассоциаций с профессией, приведенных в табл. 1.

Как можно видеть из приведенной таблицы, образ медсестры складывается из различных компонентов: внешнего вида, статуса в обществе, требований к ее компетенциям и т.д. Однако самой частотной из представленных ассоциаций является представление о медсестре как обладателе хороших личностных качеств («милосердие», «отзывчивость», «доброта», «ответственность», «заботливость», «сострадательность» и т.д.). Причем показательно существование выраженной ассоциации с милосердием, которая явным образом отсылает к истории становления профессии в рамках организаций сестер милосердия [Богдан, 2021] и может говорить об определенной исторической преемственности. Таких ассоциаций отмечено у 19 % рядовых медсестер при 14 % в среднем по выборке. Выбор таких качеств можно связать с гендерными стереотипами, когда женщинам предписывается быть мягкими, заботливыми, и с тем, что в целом эмоциональный труд является характерным для работников среднего звена [Симонова, Ядрова, 2013].

Само представление о высоких нравственных качествах медсестер является, несомненно, позитивным, особенно в контексте того, что популярные в медиа ассоциации с определенным внешним видом сестер среди коллег не так распространены (15 %), а если встречаются, то более формальны («белый халат», «женщина») и не переходят на стереотипы женской привлекательности [Bridges, 1990; Darbyshire, Gordon, 2005; Stanley, 2012].

¹ Предельная ошибка выборки менее 4,85%, CI=95%.

² Вычищен текст, составлены только буквы и цифры. Основа списка русских стоп-слов взята из библиотеки nltk.

Таблица 1
 Table 1

Категории ассоциаций респондентов с медицинской сестрой
 (приведены категории, упомянутые более 5 % респондентов)

Categories of respondents' associations with a nurse
 (categories with more than 5% mentions are shown)

Категории ассоциаций	Доля отметивших указанную категорию, %
Хорошие личностные качества медсестры	47
Помощь / помощник (в т.ч. коллегам) / спасатель, тот, кто должен спасать	36
Профессиональные качества медсестры (в основном положительные), в т.ч. трудолюбие	24
Функционал медицинской сестры (уколы, массаж, анализы, уход, консультация), в том числе работа с приспособлениями (клизмы, уколы, тонометры)	21
Физические атрибуты медсестры (одежда, аксессуары, пол)	15
• пол медсестры (женский)	9
• белый халат	6
Медсестра – помощник врача	12
Низкий статус: бедность, бесправность, тяжелые условия труда, подчиненное положение в медицинской иерархии	9
Общемедицинские ассоциации: медицина, болезнь, здоровье, лечение	8

Однако при этом опасение вызывает то, что профессиональные качества значительно (в 2 раза!) уступают личным. В литературе отмечается, что чрезмерный акцент на личностных качествах в ущерб профессиональным может приводить к недооценке важности профессиональных обязанностей сотрудника [Darbyshire, 2006]. Как следствие, может складываться ощущение невысокой вовлеченности, малого вклада специалиста в рабочий процесс.

Несмотря на яркие позитивные ассоциации профессии со спасателем, среди наиболее распространенных присутствуют представления о подчиненном/второстепенном положении профессии («помощник», «правая рука»¹) и низком статусе специалиста («обслужива», «принеси-подай-расскажи», «малоимущий, загнанный работой человек»), что может быть, опять же, связано с недостаточной представленностью профессиональной составляющей в образе медсестры. Восприятие статуса помощника видно и в рамках анализа закрытого вопроса о степени согласия с высказыванием «основная задача медсестры – помогать врачу». Для данного суждения оценка составляла 4,2 балла из 5, причем значимых отличий по данной оценке между медсестрами и в целом по выборке не было, что говорит о поддержке самими медсестрами данного стереотипа.

В ответе на прямой вопрос о том, автономна или нет медсестра в организации, в которой они работают, 40 % указали, что «медсестра – скорее помощник врача и в основном исполняет его поручения», а 52 % ответили, что «медсестра – скорее равнозначенный участник лечебного процесса со своими задачами и функционалом». То есть для значительного

¹ Что представляет собой тот же стереотип [Богдан И.В., Гурылина М.В., 2019]

числа представителей профессионального сообщества профессия медсестры видится сегодня вспомогательной, не имеющей собственной автономии. Также стоит отметить, что ответ на данный вопрос, по-видимому, связан в значимой степени с социальной желательностью, так как среди тех, кто говорит об автономии медсестры в их организации более половины ассоциирует её также в той или иной степени с помощником врача. На наш взгляд, ассоциации, которые меньше контролируются цензурой сознания, дают более корректное представление о реальном восприятии, чем декларативный выбор из предложенных вариантов ответа.

Если рассмотреть данные два вопроса в связке между собой и проанализировать зависимость между восприятием автономности медсестры и содержательными ассоциациями, то можно выявить четкую корреляцию более подчиненного положения и упоминания более негативных лемм (рис. 1). Для подчиненного положения характерны леммы «исполнитель», «низкий», «маленький» (обычно о заработной плате), «ассистент», «обслуживающий», «усталость», то есть низкое положение в иерархии в сочетании с тяжелыми условиями труда; для представлений об автономности – восприятие медсестры как профессионала – «коллега», «специалист», «профессионал», «опыт», а также человека с высокими моральными качествами – «любовь», «поддержка». Данные результаты согласуются с исследованиями, которые выявили положительную связь профессиональной автономии и качества выполнения эмоционального труда, когда большая автономия позволяет более гибко подходить к проявлению эмоций, которых ожидают от медицинского работника [Симонова, Ядрова, 2013].

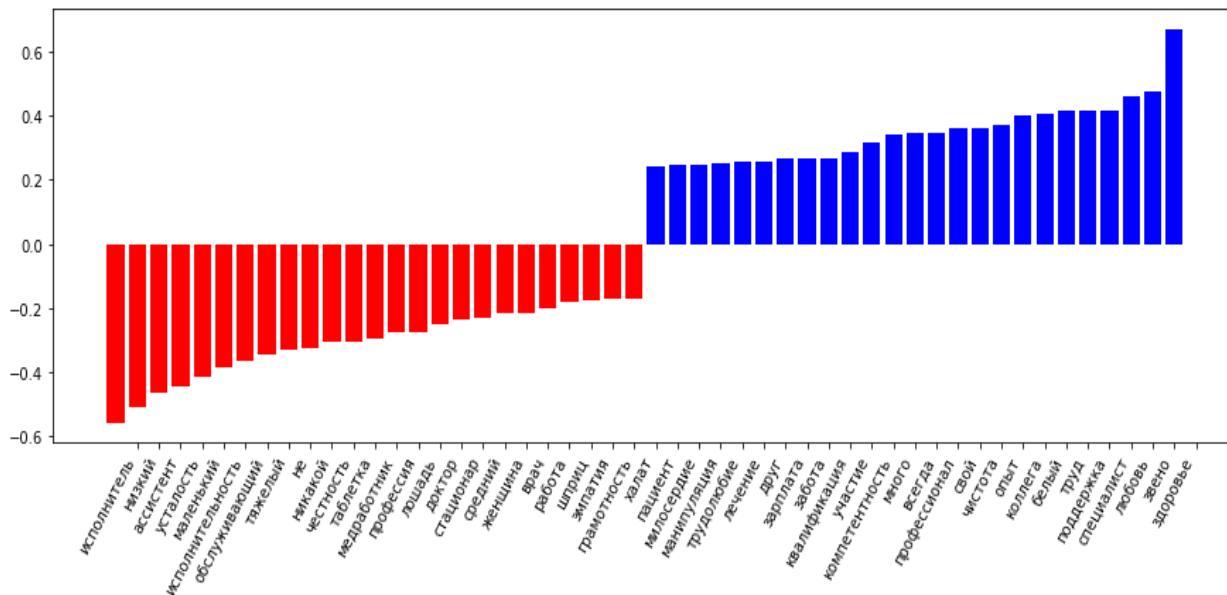

Рис. 1. Анализ представлений о роли медсестры (помощника врача или равнозначенного участника процесса) в зависимости от факторов-ассоциаций с ней

Fig. 1. Analysis of ideas about the role of a nurse (physician's assistant or an equal participant in the process) depending on associations with the profession

Также ценную информацию о восприятии сестринского персонала дает сравнение восприятия специалистов сестринской профессии и профессии врача. С одной стороны, оценка согласия с прямым высказыванием «медсестрами становятся те, кто не смог стать врачами» составила только 2 балла из 5, что демонстрирует достаточно уважительное отношение к медсестрам со стороны коллег. С другой стороны, отношение к врачам все же несколько лучше, что показывает анализ степени согласия с рядом высказываний (табл. 2).

Таблица 2
 Table 2

Средние оценки согласия респондентов по 5-балльной шкале
 с представленными высказываниями
 Average assessment of respondents' agreement on a 5-point scale with the presented statements

	Высказывание о враче	Высказывание о медсестре	p-value (z-test, CI = 0,95)
Чтобы стать врачом/медсестрой, нужно много и тяжело учиться	4,8	4,2	p < 0,001
Труд врача/медсестры – тяжелый и неблагодарный	4	4,2	p < 0,001
Чтобы быть врачом/медсестрой, нужно иметь призвание	4,6	4,4	p < 0,001
Врачи/медсестры, с которыми я работал(а), все время учатся новому и совершенствуются	4,2	3,9	p < 0,001

Так, по мнению респондентов, врачебная профессия требует более тяжелых усилий при обучении, «больше» призыва, респонденты реже соглашаются, что труд врачей «неблагодарный». Также в целом врачи воспринимаются как более склонные к практическому саморазвитию и самосовершенствованию. Несмотря на небольшие различия, тенденция видится однозначной.

При этом важно отметить, что по ряду негативных аспектов восприятие медсестер никак не отличается от восприятия профессии их коллегами. Таким образом негативные эффекты социального восприятия профессии (которое обнаруживает связь с такими показателями, как качество работы [Takase et al., 2006; Fletcher K., 2007]) воспроизводятся и среди населения, и среди профессионального сообщества, и среди самого сестринского персонала.

Заключение

В результате исследования можно сделать следующий вывод: для того, чтобы двигаться в сторону современных трендов большей автономии сестринской профессии, делегировать им часть врачебных функций, необходима работа по формированию более автономного образа не только в массовом сознании, но и в сознании работников здравоохранения. Восприятие профессии сегодня способствует закреплению властных отношений подчинения, подпитывающих стереотип о медсестре как помощнике врача и снижающих инициативу работников. Даже при принятии соответствующих законов, расширяющих сестринский функционал, при сегодняшнем образе медсестры как в значительной степени неавтономного помощника трудности будут возникать на уровне взаимодействия между медицинскими специалистами, и, как возможный итог, отворачивать самих медсестер от соответствующей дополнительной нагрузки, поскольку такого рода функционал недостаточно представлен в автообразе их профессии.

Перспективным направлением действий для решения данной проблемы может быть обучение врачебного персонала в организациях здравоохранения в духе уважительного, более равноправного взаимодействия с сестринским персоналом, стимулирование более солидарного взаимодействия различных групп персонала вне зависимости от того, медицинский он или управленческий, средний, младший и т.д. Мы согласны с мнением авторов [Журавлев, Пальчук, 2012; Васilenok и др., 2020], считающих, что соответствующая теория и практика видится важной для внесения в образовательные курсы.

Список литературы

- Богдан И.В., Гурылина М.В. 2019. Четыре «больших» стереотипа о медицинских сестрах в массовом сознании: по материалам анализа сообщений москвичей в социальных медиа. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 27S: 552-558.
- Богдан И.В. 2021. Исторические аспекты восприятия сестринской профессии: религиозное служение, военный подвиг, «обычная профессия». *Миссия конфессий*, 10(57): 836-842.
- Василенок А.В., Буюнова Н.М., Мацнева И.А., Голубенко Е.О. 2020. Проблемы взаимодействия врачей и среднего медицинского персонала. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 4: 638-644.
- Журавлев Ю.И., Пальчук Е.В. 2012. Проблемы управления качеством независимой сестринской помощи на современном этапе. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация*, 18(10): 95-101.
- Петрова Н.Г., Додонова И.В., Погосян С.Г., Миннуллин Т.И. 2017. Нерешенные вопросы экономической оценки вклада среднего медицинского персонала в обеспечение медицинской помощи населению. *Международный научно-исследовательский журнал*, 04(58): 173-177.
- Петрова Н.Г., Окунев А.Ю. 2018. Мнение организаторов здравоохранения о среднем медицинском персонале. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 1: 89-93.
- Симонова О., Ядрова Е. 2013. Сообщество средних медицинских сотрудников в области кардиохирургии: социологический анализ эмоционального труда. В кн.: *Профессии социального государства*. Москва, ООО «Вариант», ЦСПГИ, с. 91-115.
- Сон И.М., Сененко А.Ш., Меньшикова Л.И., Купеева И.А. 2021. Обзор региональных практик по расширению функций среднего медицинского персонала. *Социальные аспекты здоровья населения*, 67(4): с. 11.
- Bridges J.M. 1990. Literature review on the images of the nurse and nursing in the media. *Journal of Advanced Nursing*, 15(7): 850-854.
- Darbyshire Ph. 2006. Heroines, hookers and harridans: exploring popular images and representations of nurses and nursing. *Contexts of nursing. An introduction*, 53-69.
- Darbyshire Ph., Gordon S. 2005. Exploring Popular Images and Representations of Nurses and Nursing. *Professional Nursing: Concepts, Issues, and Challenges*, 69-92.
- Fagin L., Garelick A. 2004. The doctor–nurse relationship. *Advances in Psychiatric Treatment*, 10(4): 277-286.
- Fletcher K. 2017. Image: changing how women nurses think about themselves. Literature review. *Journal of advanced nursing*, 58(3): 207-215.
- Galbany-Estragués P., Comas-d'Argemir D. 2017. Care, Autonomy, and Gender in Nursing Practice: A Historical Study of Nurses' Experiences. *Journal of Nursing Research*, 25(5): 361-367.
- Hong J.Y., Ivory C.H., VanHouten C.B., Simpson Ch.L., Novak L.L. 2021. Disappearing expertise in clinical automation: Barcode medication administration and nurse autonomy. *Journal of the American Medical Informatics Association*, 28(2): 232–238
- Kim Y., Oh Y., Lee E., Kim S.J. 2022. Impact of Nurse-Physician Collaboration, Moral Distress, and Professional Autonomy on Job Satisfaction among Nurses Acting as Physician Assistants. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(2): p. 661.
- Oshodi T.O., Bruneau B., Crockett R. et al. 2019. Registered nurses' perceptions and experiences of autonomy: a descriptive phenomenological study. *BMC Nursing*, 18: p. 51.
- Ozdemir A., Akansel N., Tunk G.C. 2008. Gender and career: female and male nursing students' perceptions of male nursing role in turkey. *Health science journal*, 2(3): 153–161.
- Rouhi-Balasi L., Elahi N., Ebadi A., Jahani S., Hazrati M. 2020. Professional autonomy of nurses: A qualitative meta-synthesis study. *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*, 25: 273-281.
- Stanley D. 2012. Celluloid devils: a research study of male nurses in feature films. *Journal of advanced nursing*, 68(11): 2526–2537.
- Takase M., Maude P., Manias E. 2006. Impact of the perceived public image of nursing on nurses' work behaviour. *Journal of Advanced Nursing*, 53: 333–343.
- Valizadeh L., Zamanzadeh V., Fooladi M.M., Azadi A., Negarandeh R., Monadi M. 2014. The image of nursing, as perceived by Iranian male nurses. *Nursing and Health Sciences*, 16(3): 307–131.

References

- Bogdan I. V., Gurylina M. V. 2019. Four "big" stereotypes about medical sisters in the mass consciousness: based on the analysis of Muscovites' messages in social media. *Problemy social'noj gigieny, zdravooohranenija i istorii mediciny*, 27S: 552-558. (In Russian).
- Bogdan I.V. 2021. Historical aspects of the perception of the nursing profession: religious service, military feat, "ordinary profession". *Missija konfessij*, 10(57): 836-842. (In Russian).
- Vasilenok A.V., Bujanova N.M., Macneva I.A., Golubenko E.O. 2020. Problems of interaction between doctors and nursing staff. *Problemy social'noj gigieny, zdravooohranenija i istorii mediciny*, 4: 638-644. (In Russian).
- Zhuravlev Ju.I., Pal'chuk E.V. 2012. Problems of quality management of independent nursing care at the present stage. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Medicina. Farmacija*, 18(10): 95-101. (In Russian).
- Petrova N.G., Dodonova I.V., Pogosjan S.G., Minnullin T.I. 2017. Unresolved issues of economic assessment of the contribution of nursing staff to the provision of medical care to the population. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 04 (58): 173-177. (In Russian).
- Petrova N.G., Okunev A.Ju. 2018. The opinion of health care organizers about the average medical staff. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, 1: 89-93. (In Russian).
- Simonova O., Jadrova E. 2013. Community of secondary medical staff in the field of cardiac surgery: a sociological analysis of emotional labor. In: Professii social'nogo gosudarstva, M., Publ. OOO «Variant», CSPGI, p. 91-115. (In Russian).
- Son I.M., Senenko A.Sh., Men'shikova L.I., Kupeeva I.A. 2021. Review of regional practices for expanding the functions of nursing staff. *Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija*. 67(4): 11. (In Russian).
- Bridges J.M. 1990. Literature review on the images of the nurse and nursing in the media. *Journal of Advanced Nursing*, 15(7): 850-854.
- Darbyshire Ph. 2006. Heroines, hookers and harridans: exploring popular images and representations of nurses and nursing. *Contexts of nursing. An introduction*, 53-69.
- Darbyshire Ph., Gordon S. 2005. Exploring Popular Images and Representations of Nurses and Nursing. *Professional Nursing: Concepts, Issues, and Challenges*, 69-92.
- Fagin L., Garellick A. 2004. The doctor-nurse relationship. *Advances in Psychiatric Treatment*, 10(4): 277-286.
- Fletcher K. 2017. Image: changing how women nurses think about themselves. Literature review. *Journal of advanced nursing*, 58(3): 207-215.
- Galbany-Estragués P., Comas-d'Argemir D. 2017. Care, Autonomy, and Gender in Nursing Practice: A Historical Study of Nurses' Experiences. *Journal of Nursing Research*, 25(5): 361-367.
- Hong J.Y., Ivory C.H., VanHouten C.B., Simpson Ch.L., Novak L.L. 2021. Disappearing expertise in clinical automation: Barcode medication administration and nurse autonomy. *Journal of the American Medical Informatics Association*, 28(2): 232-238.
- Kim Y., Oh Y., Lee E., Kim S.J. 2022. Impact of Nurse-Physician Collaboration, Moral Distress, and Professional Autonomy on Job Satisfaction among Nurses Acting as Physician Assistants. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(2): p. 661.
- Oshodi T.O., Bruneau B., Crockett R. et al. 2019. Registered nurses' perceptions and experiences of autonomy: a descriptive phenomenological study. *BMC Nursing*, 18: p. 51.
- Ozdemir A., Akansel N., Tunk G.C. 2008. Gender and career: female and male nursing students' perceptions of male nursing role in turkey. *Health science journal*, 2(3): 153-161.
- Rouhi-Balasi L., Elahi N., Ebadi A., Jahani S., Hazrati M. 2020. Professional autonomy of nurses: A qualitative meta-synthesis study. *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*, 25: 273-281.
- Stanley D. 2012. Celluloid devils: a research study of male nurses in feature films. *Journal of advanced nursing*, 68(11): 2526-2537.
- Takase M., Maude P., Manias E. 2006. Impact of the perceived public image of nursing on nurses' work behaviour. *Journal of Advanced Nursing*, 53: 333-343.
- Valizadeh L., Zamanzadeh V., Fooladi M.M., Azadi A., Negarandeh R., Monadi M. 2014. The image of nursing, as perceived by Iranian male nurses. *Nursing and Health Sciences*, 16(3): 307-131.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.04.2022
Поступила после рецензирования 21.05.2022
Принята к публикации 10.06.2022

Received April 19, 2022
Revised May 21, 2022
Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богдан Игнат Викторович, кандидат политических наук, Начальник отдела медико-социологических исследований Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия

Природова Ольга Федоровна, кандидат медицинских наук, доцент, Проректор по послевузовскому и дополнительному образованию Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова Минздрава России, Москва, Россия

Фомина Ольга Алексеевна, доктор медицинских наук, доцент, Начальник отдела методической поддержки и менеджмента качества непрерывного образования Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова Минздрава России, Москва, Россия

Чистякова Дарья Павловна, аналитик II категории отдела медико-социологических исследований Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ignat V. Bogdan, Candidate in Political Science, Head of Medical and Sociological Research Unit, Research Institute for Health Care Organization and Medical Management, Moscow Department of Health, Moscow, Russia

Olga F. Prirodova, Candidate in medical sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Postgraduate and Additional Education Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

Olga A. Fomina, Doctor in medical sciences, Associate Professor, Head of Methodological Support and Quality Management of Non-Continuing Education Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

Darya P. Chistyakova, II category analyst at the Medical-Sociological Research Unit of the Research Institute of Health Care Organization and Medical Management of the Moscow City Department of Health, Moscow, Russia

УДК 316:303.1:614.4(470.331)
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-190-198

Оптимизация проведения социологических исследований в регионах (на примере Тверской области)

Вайсбург А.В.

Тверской государственный технический университет
Россия, 170036, Тверь, наб. Аф. Никитина, 22
E-mail: lassie1@inbox.ru

Аннотация. Период пандемии существенно реструктуризовал рынок социологических исследований, изменил принципы, методологию и методики исследований. При этом остались малоизученными инновационные аспекты деятельности социологов по оптимизации проведения исследований. Целью данного исследования является анализ путей оптимизации проведения прикладных исследований для региональных центров. Данный анализ проведен на основании обобщения опыта исследовательских агентств, классификации мнений экспертов, эмпирических наблюдений автора в пределах Тверского региона. В результате исследования выявлены возможности изменения выборочной совокупности и использования UX-исследований. Определены возможности использования онлайн интервью, фокус-групп в интернете, Big Data, мобильных опросов, ботов-интервьюеров, Agile UX, дизайн-мышления. Описаны возможности использования ресурсов заказчика; сокращения сроков проведения исследований; преодоления форс-мажорных обстоятельств; подбора команды на удаленной работе. Полученные результаты исследования открывают новое теоретическое направление в исследовании проблем проведения социологических исследований в период пандемии.

Ключевые слова: социологические исследования, региональные исследования, рынок, социолог, заказчик, регион, интернет-исследования, пандемия, COVID-19.

Для цитирования: Вайсбург А.В. 2022. Оптимизация проведения социологических исследований в регионах (на примере Тверской области). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 190–198. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-190-198

Optimization of Sociological Research in the Regions (On the Example of the Tver Region)

Alexandra V. Vaisburg

Tver State Technical University
22 Af. Nikitina embankment, Tver 170036, Russia
E-mail: lassie1@inbox.ru

Annotation. The pandemic period significantly affected all spheres of human activity and significantly restructured the market of sociological research, changed the principles, methodology and methods of research. Due to the spontaneity of this transition, the innovative aspects of sociologists' activities to optimize research in the regions during this period of time have remained poorly studied. The purpose of this study is to analyze the main ways to optimize the implementation of applied research for regional research agencies. This analysis is based on the generalization of the experience of research agencies, the classification of expert opinions, as well as the practical experience of the author, observations within the Tver region. As a result of the study, the possibilities of changes in the volume, structure and geography of the sample population and the use of UX studies were revealed. The problems and prospects of using new research methods are identified: online interviews and focus groups, Big Data, mobile surveys, interviewer bots, Agile UX, design thinking. The possibilities of using various resources of the customer, reducing the time of research, overcoming various force majeure circumstances are described. The possibilities of solving the problem of team selection by organizing remote work from different regions of

Russia are described. The obtained research results allow us to adjust the work of the sociological industry, using the proposed ways to optimize research in accordance with the requirements of the new reality. The results of the study open up a new theoretical direction in the study of the problems of conducting sociological research during the pandemic.

Keywords: sociological research, research in the regions, market, sociologist, customer, region, Internet research, pandemic, COVID-19

For citation: Vaisburg A.V. 2022. Optimization of Sociological Research in the Regions (On the Example of the Tver Region). NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 190–198 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-190-198

Введение

Бурное развитие цифровых и информационных технологий, изменение структуры рынка социологических услуг, востребованности социологических исследований обществом, методов и методик исследования, приход целого ряда социологов нового пополнения в индустрию уже существенно изменили принципы проведения исследований полного цикла региональными исследовательскими компаниями. А с наступлением пандемии, вызванной COVID-19, многим региональным исследовательским центрам вообще пришлось пересмотреть возможности и принципы своей деятельности, искать различные пути и способы преодоления самых элементарных трудностей на периферии, о преодолении которых автор попытается рассказать в данной статье на основе собственного опыта проведения прикладных исследований в Тверском регионе.

Изменения на рынке социологических услуг назрели достаточно давно. Последние 5 лет ученые отмечают ряд негативных тенденций среди участников рынка. Исследовательские агентства «Полстери.РФ» и «7/89» в 2018 году изучили работу 189 исследовательских организаций России [Кормушкина, 2020]. Согласно их данным, 34 % организаций отметили уменьшение бюджетирования маркетинговых исследований на своем локальном рынке со стороны местных заказчиков по проектам полного цикла, 32 % организаций заметили все большее бюджетирование московских исследовательских компаний при сокращении числа местных заказчиков на маркетинговые проекты полного цикла. Менее половины опрошенных экспертов (40 %) высказались о включении в исследовательский региональный рынок организаций из смежных областей (PR-агентства, рекламные агентства, психологические службы и т.д.). Около 50 % экспертов из различных исследовательских центров заявили о негативных изменениях, происходящих в целом на рынке социологических и маркетинговых исследований.

С приходом COVID-19 региональные агентства практически полностью утратили монополию на проведение исследований в регионах. Это продиктовано переключением в данных условиях на активное использование CATI и CATI2WEB, интернет-исследований [Касаткина, 2021].

Активизировались различные исследования, посвященные новым методам изучения разных явлений и процессов. Интересными представляются работы Н.П. Касаткиной, М.В. Федосеевой [2021], описывающие опыт исследований в период пандемии, О.В. Ярмак, Е.В. Страшко, Т.В. Шкайдерова [2020] с анализом интернет-аудитории, А.О. Холявины [2020] о «социологии ничего», А.Г. Цветковой [2020] о поведении россиян в пандемию и многие другие. Наблюдается активное внедрение элементов геймификации в исследования, например, В.Н. Гежа, И.Е. Зарубин, О.Р. Меньшикова, Р.И. Яминов [2020] разработали компьютерную игру для проведения социального лабораторного эксперимента по моделированию поведения различных групп населения в период пандемии и тенденций ее дальнейшего развития.

Пандемия вызвала спрос на проведение иных исследований, новых тематик и модернизированных методов. И, естественно, это не могло не отразиться на структуре рынка

социологических услуг, работе исследовательских агентств, изменении сегмента заказчиков и их потребностей, требований к методологии проведения исследований, которые зачастую стали гораздо более демократичными. В свете этого хотелось бы рассказать о некоторых возможностях оптимизации проведения исследования в период пандемии региональными исследовательскими агентствами Тверского региона.

Основные направления совершенствования проведения социологических исследований

У каждой организации-заказчика существует собственная точка зрения на услуги по проведению исследований (бюджету, срокам, методам, географии и объему выборочной совокупности и т.д.). Но при организации и подготовке любого прикладного исследования возникает целый ряд трудностей, обусловленных экономическими, политическими, временными, социальными и личностными факторами. Конечно же, любая организация, желающая провести исследование, хочет сделать это в рамках минимального бюджета. Поэтому, как правило, при брифинге с заказчиком первым вопросом встает определение сметы исследования. Здесь достаточно многое зависит от социологической грамотности как исследователя, так и заказчика. Зачастую задачей социолога является подбор оптимального метода, объема выборочной совокупности, географии исследования. Достаточно большая доля организаций-заказчиков на региональном рынке не ориентируется в социологических терминах, может настаивать на больших объемах опрашиваемых. Так как стоимость исследования обуславливает возможности дальнейшего сотрудничества, региональному социологу необходимо четко определять основные направления оптимизации проведения и снижения стоимости исследования.

Одним из таких возможных путей в классических исследованиях является уменьшение объема и изменение географии выборочной совокупности. Особую актуальность это приобретает в больших областях (например, Тверской области), краях и республиках. Иногда при проведении традиционных исследований выбор более удаленного от центра области поселения приводит к 6 часовым переездам (в одну сторону), что существенно увеличивает затраты на транспорт, а в осенне и зимнее время дорога занимает практически все светлое время суток – в ущерб времени на опрос. В период пандемии выезды «в поля» были временно прекращены. Исследования перешли в онлайн-среду. Это позволило существенно сократить расходы на исследования за счет транспортных и командировочных расходов, заставляя задумываться каждый раз об обоснованности и стоимости выезда «в поля» при традиционных исследованиях. Согласно мнениям исследователей коммерческого сектора, высказанным на XI Грушинской международной социологической конференции, по опыту последних 2 лет при проведении интернет-исследований экономия средств без учета транспортных и командировочных расходов составляет около 30–40 % бюджета, хотя при их проведении зачастую в 2–3 раза возрастают затраты на материальное поощрение участников исследования. Однако при проведении исследований в Интернете всегда ставят под сомнения вопросы репрезентативности выборочной совокупности и валидности данных. Однако многие ведущие исследователи и их заказчики признают, что «чистота» поля в сети Интернет сегодня не вызывает у них особой тревоги. Также на помощь маркетинговым заказчикам приходят UX-исследования. В данных исследованиях маркетологи готовы поступиться размерами выборочной совокупности, сэкономить на компетентности модератора, на проведении интервью рядовыми менеджерами, пожертвовать точностью данных ради сокращения стоимости и времени получения информации для принятия значимых решений [Черкашина, 2021].

Конечно же, столичные исследовательские компании уже используют для экономии средств такие методы, как Big Data (трекинг геолокации, поисковые запросы людей), мобильные опросы (in-app), ботов-интервьюеров, Agile UX, дизайн-мышления, DIY-

исследования. При этом «региональные эксперты оценивают отрасль сегодня, скорее, как остающуюся в стороне от развития инноваций, а себя – находящимися в наиболее депрессивной части индустрии» [Нестик, 2021, с. 6]. Региональные исследователи пытаются максимально быстро обучиться новым технологиям и методам исследований. Примером тому может служить популярные обучающие курсы по проведению CustDev Ивана Замесина, которые прошли за несколько последних лет около 4000 человек.

Также для оптимизации проведения и снижения стоимости традиционного исследования достаточно эффективным является использование ресурсов заказчика. При этом зачастую заказчик сам не понимает, что часть бремени по проведению исследования может взять на себя. В практике автора подобным путем оптимизировались исследования за счет привлечения интервьюеров из числа работников; распечатки анкет на бумаге и технике заказчика; предоставления служебного транспорта заказчиком; предоставления помещений для проведения фокус-групп или необходимой техники. В условиях осуществления интернет-исследований также возможно привлечение каких-то ресурсов стороной заказчика.

Иногда, исходя из пожеланий заказчика и тематики исследования, возможно оптимизировать сам процесс и сэкономить средства путем изменения методики исследования. Например, проводить анкетирование можно при помощи планшетов или в режиме онлайн. Однако стоит учитывать, что в сельской местности, мелких и средних городах (как в Тверской области), даже в областных центрах интернет-анкетирование зачастую провести не получается из-за отсутствия технических возможностей, связи, низкого уровня компьютерной грамотности, а зачастую и по причине безответственности населения. Однако, как изменились применяемые методики на Тверском рынке социологических услуг, до конца не ясно, так как все исследовательские центры в регионе являются конкурирующими между собой, работают по закрытому принципу и тщательно охраняют коммерческую тайну.

Более глубокая автоматизация процесса исследования также является возможностью его оптимизации. Она приведет к уменьшению числа посредников и удешевлению его стоимости. Применение обычных аналитических программ типа SPSS, SAS, становится уже недостаточным для крупных исследовательских компаний. Их специалисты должны владеть и R, Python, NewsWhip, CrowdTangle и т.д. [Бирюкова, 2021]. Это существенно снижает стоимость обработки данных для заказчиков. Но в мелких региональных исследовательских центрах практикуется применение практически только одного пакета SPSS, а качественные исследования обрабатываются и вовсе практически вручную. Удаленная работа call-центров в распределенном формате для проведения CATI и CATI2WEB также становится доступной только для крупных столичных компаний.

Еще одним из имеющихся путей экономии бюджета исследования является отчет о результатах. Большинству маркетинговых заказчиков достаточно краткого табличного отчета и презентации с диаграммами для руководства в электронном виде или аналитической записи. Презентации все больше требуются для экономии времени заказчика, «перенимая формат стратегического консалтинга и строуллинга» [Cluley, 2020, р. 27]. Отчеты по социологическим исследованиям, особенно, когда заказчиками выступают бюджетные организации, как правило, должны быть максимально полными и бумажными, возможно, предоставленными в нескольких экземплярах. Во многих крупных столичных заказах сейчас присутствует требование по созданию дашборда или Power BI, что сказывается на стоимости проекта. В региональных центрах пока такие требования – редкость.

Оптимизация проведения исследования, конечно же, включает в себя максимально оперативную работу с заказчиком. В традиционных исследованиях проведение брифинга, оформление договора, технического задания, утверждение инструментария и сопутствующей документации раньше редко обходилось без долгих согласований и привлечения множества инстанций. В условиях пандемии и новых реалиях работы исследователей при помощи сети Интернет некоторые исследовательские центры практикуют выполнение

проекта полного цикла за 48 часов. Возникает все больше технических решений, которые дают возможность проводить опросы за несколько часов. Достигается это путем быстрых опосредованных коммуникаций с заказчиком, составлением технического задания, рекрутингом респондентов или работы через готовые панельные базы данных. При проведении фокус-групповых исследований в режиме онлайн применяется практика привлечения модератора и одновременно аналитика. Аналитик составляет краткую аналитическую записку прямо по ходу проведения фокус-группы, экономя время и деньги на транскрибировании результатов.

Столичные заказчики в своем большинстве зачастую практикуют максимально короткие сроки проведения исследований (или его полевой части). Они отличаются постановкой сложных задач перед региональным исследователем (например, использование труднореализуемых многоступенчатых выборок, или реализация телефонных опросов в низко телефонизированных местностях или местностях, не имеющей покрытия сети Интернет), а также максимальной экономией бюджета. Зачастую столичные исследователи удивляются региональным расценкам (например, оплате участникам фокус-групп), считая, что в регионах все должно реализовываться «за копейки». В настоящее время при работе региональных исследовательских центров с крупными столичными агентствами, был отмечен целый ряд негативных тенденций. По данным результатов исследований 2018 года компаний «Полстеры.РФ» и «7/89», в которых приняли участие 189 исследовательских компаний России, можно отметить следующие тенденции [Кормушина, 2020]. Более половины экспертов из данных компаний (55 %) заявляют об уменьшении числа крупных проектов от столичных исследовательских компаний и снижении среднего бюджета прикладного исследования. Менее половины опрошенных (42 %) отметили снижение цен на «полевые» работы по заказам столичных организаций. В последние 2 года в условиях изменившегося рынка исследовательских услуг сократилось количество заказов, многие вообще отказались от проведения исследований. Столичные исследовательские центры обращались к региональным агентствам в основном только для охвата тяжело доступных сельских местностей и глубоко возрастных социальных групп. Однако, например, в рамках Тверской области подобные заказы на выполнение «полевого этапа работ» при помощи интернет-анкетирования на планшетах и осуществлением контроля в режиме онлайн было невозможно реализовать, так как во многих сельских и удаленных районах области не работает даже сотовая связь, не говоря уже о зоне покрытия сети Интернет. Следует отметить, что столичные заказчики были достаточно сильно удивлены подобным явлением в центральной России, совсем вблизи от столиц.

Соблюдение установленных сроков зачастую становится настоящей проблемой для регионального исследователя, особенно при наличии небольшой команды и форс-мажорных обстоятельств. Опираясь на многолетний опыт работы автора «в полях», можно констатировать, что при проведении традиционных исследований в малых городах и селах Тверской области существует огромное количество форс-мажорных обстоятельств. Например, неявка утром интервьюера на выезд; поломки машин в районах, где не работает сотовая связь; бездорожье и невозможность проезда до населенного пункта; отсутствие деревень, обозначенных на карте; опасность в виде собак при работе в частном секторе; агрессия нетрезвых сельских респондентов; посягательства на интервьюеров при квартирных опросах; слабая психологическая выносливость интервьюеров, заканчивающих работу истериками, выбрасыванием анкет и т.д. Учитывая, что, по результатам последней переписи населения [Стешин, 2019], в настоящее время Тверская область является лидером по количеству умирающих деревень, проблема географической протяженности, времени, затрачиваемого на переезды, и самого наличия сельского населения при опросах (особенно молодежи) является очень актуальной. Поэтому для оптимизации проведения традиционных классических исследований в данных условиях необходимо выбирать наиболее густонаселенные районы, расположенные ближе к трассам, грамотно выстраивать марш-

рут исследования, отдавая предпочтения крупным поселкам сельского типа. В условиях новых реалий многие из перечисленных проблем могут быть решены при помощи интернет-исследований, однако некоторые так и непреодолимы. Поэтому, даже по итогам работы XI Грушинской международной социологической конференции «2021: пересборка социального, или насколько дивным будет новый мир?», практически все именитые ее участники пришли к выводу, что полный отказ от классических традиционных исследований невозможен и далее исследовательская индустрия будет работать в смешенном формате – традиционные и интернет-исследования.

Следует выделить еще одну проблему, затрагивающую процесс оптимизации и экономии средств при проведении исследований полного цикла. В небольших региональных исследовательских центрах, а также при работе внешних социологов-консультантов достаточно затруднительным представляется процесс подбора команды. Низкий уровень престижности работы интервьюером, невысокая оплата труда приводят к постоянному поиску кандидатов. Многие интервьюеры отличаются безответственностью, отсутствием способностей ориентироваться на местности, выстраивать грамотную коммуникацию с любыми респондентами, удерживать внимание исследуемых к теме, нежеланием принимать конкретные решения. Более половины экспертов (53 %) из 189 исследовательских центров России отмечают увеличение сложностей с подбором/подготовкой внештатных сотрудников. Эти данные получены в ходе исследований 2018 года компаниями «Полстэры.РФ» и «7/89» [Кормушина, 2020]. Также огромной проблемой является подготовка и поиск опытных модераторов. Особенно актуальной эта проблема стала в период перехода на онлайн-исследования, когда требования к интервьюерам и модераторам существенно увеличились, включая и новые навыки: уровень компьютерной грамотности, умение «держать» разрозненную удаленную аудиторию и т.д. Также дополнительные издержки при подобных исследованиях ложатся на привлечение специалистов из сферы технической поддержки. Некоторые агентства решают данную проблему организацией работы команды не «по времени», а «по задачам» в удаленном формате, некоторые привлекают для сотрудничества модераторов и аналитиков из различных регионов России.

Особую актуальность все больше, особенно для коммерческих маркетинговых и политических заказчиков, приобретает вопрос конфиденциальности полученной информации и проблемы ее утечки. Требование соблюдения коммерческой тайны и запрет на разглашение результатов проведенных исследований, как правило, сразу же прописываются заказчиком в договоре. Однако достаточное количество исследований в регионах проводится без заключения договоров. В данном случае, по мнению автора, многое зависит от личности исследователя или исследовательского центра и их репутации. На региональном уровне работает не столь большое количество внешних консультантов и исследовательских центров, поэтому потеря имиджа, по сути, обернется в дальнейшем потерей всей клиентской базы.

Заключение

Подводя итоги, стоит отметить, что COVID-19 внес существенные изменения в структуру и объем рынка исследовательских услуг, дал новый импульс для развития и применения инновационных методологических приемов и методов исследований. При проведении как традиционных, так и исследований при помощи сети Интернет в регионах существует достаточно различная специфика, обусловленная географией расположения, размером, населенностью области, количеством исследовательских центров, исследователей и заказчиков. При этом столичным исследовательским агентствам также необходимо учитывать данные особенности при выборе субподрядчиков в регионах для проведения полевых этапов исследований. Однако, по мнению автора, предложенные пути оптимизации проведения исследований, могут быть использованы в большинстве российских регионов, что позволит уменьшить падение спроса на исследования и выстроить более демократичный диалог с заказчиками.

Наиболее эффективным подходом, по мнению автора, для полноценного исследования регионов, будет являться комбинированный вариант: интернет-исследования в крупных и средних городах (среди старших возрастных групп с привлечением интервьюеров с планшетами) и традиционные исследования в малых городах, поселках городского типа и сельской местности. Однако остается открытым вопрос о валидности и сопоставимости данных при повторных исследованиях. Поэтому оптимизация каждого конкретного гибридного исследования будет требовать от исследователя знаний всех нюансов проведения как традиционных, так и инновационных методов исследований.

Список источников

- Касаткина Н.П., Федосеева М.В. Особенности проведения социологических исследований в период пандемии: кейс массового пороса населения URL: <http://ncsem.e-mordovia.ru/index.php/analytics/expert-comment/item/135-osobennosti-provedeniya-sotsiologicheskikh-issledovanij-v-period-pandemii-kejs-massovogo-oprosa-naseleniya> (Дата обращения 09.08.2021).
- Кормушкина Ю.К. Проект "РИК-2018" как коллаборативный проект сообществ региональных исследователей общественного мнения В кн.: VIII Грушинская социологическая конференция "Социолог 2.0: трансформация профессии" URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/prez/_plen_shashkin.pdf (Дата обращения 05.05.2020).
- Стешин Д.А. Русские деревни умирают молча URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26927.4/3977151/> (Дата обращения 01.12.2019.)
- Фирсов А., Макушева М. Вызовы для социологов. Игрохи и тренды российского рынка прикладных социологических исследований. Ведомости 7.09.2020 URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/09/07/838944-vizovi-sotsiologov> (Дата обращения: 26.11.2021).
- Bryant R., Knight D.M. 2019. The Anthropology of the Future. Cambridge: Cambridge University Press. Expires 2nd December
- The State of AI in Market Research 2021. N.Y.: Remesh URL: <https://helio.remesh.ai/the-state-of-ai-in-market-research-2021> (Дата обращения 10.08.2021).

Список литературы

- Бирюкова С.С. 2021. Новые кадры для новой индустрии. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1: 30–36
- Гежа В.Н., Меньшиков И.С., Меньшикова О.Р., Седуш А.О., Яминов Р.И. 2020. Использование лабораторных экспериментов для изучения поведения людей во время пандемии. National Congress on Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics, 4: 67–87.
- Нестик Т.А., Седова Н.Н., Климанова Е.Г. 2021. Будущее исследовательской индустрии: от конкуренции за бюджеты к поиску партнеров. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1: 368–386.
- Ткачев О.В. 2012. Онлайн-исследования для онлайн-брендов. Онлайн исследования в России 3.0. Под редакцией А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М.: издательский дом "Кодекс": 239–249.
- Холявин А.О. 2020. Социальное бездействие на ранних этапах пандемии COVID-19. Социологические исследования, 11: 139–148. DOI: 10.31857/S013216250010722-7
- Цветкова А.Г. 2020. Пандемия и поведение россиян: социологический срез. Вестник РГГУ. Серия "Философия. Социология. Искусствоведение": 72–82. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-72-81

- Черкашина А.А. 2021. Исследования в Digital: рыночная ситуация, вызовы, возможности. Индустриальный форсайт "Будущее исследовательской индустрии" 2020–2021: сборник. М., ВЦИОМ: 50–65
- Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. 2020. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования). Вестник Института социологии. 11, 3: 121–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666
- Cluley R., Green W., Ower R. 2020. The Changing Role of the Marketing Researcher in the Age of Digital Technology: Practitioner Perspectives on the Digitization of Marketing Research. International Journal of Market Research. 62, 1: 27–24. DOI: 10.1177/1470785319865129
- Au A. 2018. Sociology and Science: The Making of a Social Scientific Method. The American Sociologist, 49: 98–115. DOI: 10.1007/s12108-017-9348-y.
- Beckert J., Suckert L. 2020. The Future as a Social Fact. The Analysis of Perceptions of the Future in Sociology. Poetics, 22: 314–327. DOI: 10.1016/j.poetic
- Chen J., Wu C., Cai S., Torabi M. 2019. Contemporary Theory and Practice of Survey Sampling: A Celebration of Research Contributions of J. N. K. Rao. International Statistical Review. 87, S1 : 1-2. DOI: 10.1111/insr.12312.
- Flick U. 2011. Mixing Methods, Triangulation, and Integrated Research. Qualitative Inquiry and Global Crises. 132, 1 : 1–79. DOI: 10.4324/9781315421612-7.
- Schwemmer C., Wieczorek O. 2020. The Methodological Divide of Sociology: Evidence from Two Decades of Journal Publications. Sociology. 54, 1: 3–21. DOI: 10.1177/0038038519853146.

References

- Biryukova S.S. 2021. New personnel for a new industry. Monitoring public opinion: economic and social changes. 1: 30–36 (in Russian)
- Gezha V.N., Men'shikov I.S., Men'shikova O.R., Sedush A.O., YAminov R.I. 2020. Using laboratory experiments to study human behavior during a pandemic. National Congress on Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics: 67–87 (in Russian)
- Nestik T.A., Sedova N.N., Klimanova E.G. 2021. The Future of the research industry: from competing for budgets to finding partners. Public opinion monitoring: economic and social changes, 1: 368–386. (in Russian)
- Tkachev O.V. 2012. Online Research for Offline Brands. Online Research in Russia 3.0. Moscow: 239-240. (in Russian)
- Holyavin A.O. 2020. Social inaction in the early stages of the COVID-19 pandemic. Sociological research, 11:139-148. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010722-7> (in Russian)
- Cvetkova A.G. 2020. The pandemic and the behavior of Russians: Sociological section. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. The series "Philosophy. Sociology. Art criticism: 72–82. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-4-72-81> (in Russian)
- CHerkashina A.A. 2021. Digital research: market situation, challenges, opportunities. Industrial Foresight "The Future of the research industry" 2020–2021: collection Moscow: 50–65 (in Russian)
- YArmak O.V., Strashko E.V., SHkajderova T.V. 2020. Reaction to the Covid-19 pandemic in the Internet audiences of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on the materials of a media analytical study). Bulletin of the Institute of Sociology. 11, 3: 121-142. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.666>
- Cluley R., Green W., Ower R. 2020. The Changing Role of the Marketing Researcher in the Age of Digital Technology: Practitioner Perspectives on the Digitization of Marketing

- Research. International Journal of Market Research. 62, 1: 27–24. DOI: 10/1177/1470785319865129
- Au A. 2018. Sociology and Science: The Making of a Social Scientific Method. *The American Sociologist*, 49: 98–115. DOI: 10.1007/s12108-017-9348-y.
- Beckert J., Suckert L. 2020. The Future as a Social Fact. *The Analysis of Perceptions of the Future in Sociology. Poetics*, 22: 314–327. DOI: 10.1016/j.poetic
- Chen J., Wu C., Cai S., Torabi M. 2019. Contemporary Theory and Practice of Survey Sampling: A Celebration of Research Contributions of J. N. K. Rao. *International Statistical Review*. 87, S1 : 1-2. DOI: 10.1111/insr.12312.
- Flick U. 2011. Mixing Methods, Triangulation, and Integrated Research. *Qualitative Inquiry and Global Crises*, 132, 1 : 1–79. DOI: 10.4324/9781315421612-7.
- Schwemmer C., Wieczorek O. 2020. The Methodological Divide of Sociology: Evidence from Two Decades of Journal Publications. *Sociology*. 54, 1: 3–21. DOI: 10.1177/0038038519853146.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.02.2022

Received February 3, 2022

Поступила после рецензирования 10.03.2022

Revised March 10, 2022

Принята к публикации 10.05.2022

Accepted May 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вайсбург Александра Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra V. Vaisburg, PhD (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of the Tver State Technical University, Tver, Russia.

УДК 316.4.062
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-199-209

Социальные технологии саморазвития первокурсников в период адаптации к новой социальной среде

Шмарин Ю.В., Волков А.П.

Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42
E-mail: jbshmarion@mail.ru; anton_volkov_48_rus@mail.ru

Аннотация. Находясь в динамическом процессе перехода из одной образовательной среды (школьной) в другую (вузовскую), студенты, в силу объективных причин, не могут идентифицировать параметры и факторы, которые определяют ключевые характеристики оптимального саморазвития. В этой ситуации условия саморазвития студента должно обеспечиваться созданными на научной основе авторскими инновационными социальными технологиями, разработанные самим студентом, и он сам является исполнителем этой технологии. В связи с этим в данной работе представлены результаты исследования социального портрета первокурсников в период адаптации, которые послужили основой для разработки социальных технологий саморазвития студентов. В сборе эмпирических данных использовались метод анкетного опроса, работа с документами, интервьюирование. Авторами разработана двухконтурная система социального управления процессом саморазвития студентов и социальная технология, реализующая управляемый цикл процесса саморазвития студента. Предложен циклический алгоритм, реализующий управляемый цикл совокупностью укрупненных социально-технологическими процедурами.

Ключевые слова: саморазвитие студентов, социальное управление, социальные технологии саморазвития

Для цитирования: Шмарин Ю.В., Волков А.П. 2022. Социальные технологии саморазвития первокурсников в период адаптации к новой социальной среде. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47 (2): 199–209. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-199-209

Social Technologies of Self-development of First-year Students in the Period of Adaptation to a New Social Environment

Yuri V. Shmarion, Anton P. Volkov

S.S. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University
42 Lenin St, Lipetsk 398020, Russia
E-mail: jbshmarion@mail.ru; anton_volkov_48_rus@mail.ru

Abstract. Being in the dynamic process of transition from one educational environment (school) to another (university), students, for objective reasons, cannot identify the parameters and factors that determine the key characteristics of optimal self-development. In this situation, a positive solution to the student's self-development conditions should be provided by the author's innovative social technologies created on a scientific basis, developed by the student himself, and he himself is the executor of this technology. In this regard, this paper presents the results of a study of the social portrait of first-year students during the adaptation period, which served as the basis for the development of social technologies for students' self-development. In collecting empirical data, the method of questionnaire survey, work with documents, and interviewing were used. The authors have developed a two-circuit

system of social management of the students' self-development process and a social technology that implements the management cycle of the student's self-development process. A cyclic algorithm is proposed that implements the management cycle with a set of enlarged socio-technological procedures.

Keywords: self-development of students, social management, social technologies of self-development

For citation: Shmarion Yu.V., Volkov A.P. 2022. Social Technologies of Self-development of First-year Students in the Period of Adaptation to a New Social Environment. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 199–209 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-199-209

Введение

Проблема саморазвития студенческой молодежи является особенно актуальной в период адаптации первокурсников к новой социальной среде. Новые технологии образовательного процесса и высокая потребность в самосовершенствовании оказываются системно интегрированными и требуют от студента рационального поведения по всем ключевым направлениям жизнедеятельности. В такой ситуации молодому человеку трудно найти себя, что определяется противоречием между стремлениями к самореализации и удовлетворению актуальных потребностей и невозможностью их реализации в окружающем его социальном пространстве, имеющем ограниченные ресурсы из-за отсутствия у первокурсников когнитивно-поведенческих и социальных навыков решения таких сложных проблем, с которыми они ежедневно сталкиваются. Наиболее приемлемое разрешение данного противоречия – это обращение к научно обоснованным социальным технологиям, обеспечивающим достижение оптимального социального результата при ограниченных ресурсах [Исаева, Сайдалиева, 2017].

Проблемы саморазвития учащейся молодежи активно исследуются социологами [Мокерова, 2006; Орлова, 2019], психологами [Васильева, 2018; Гаранина, 2020], педагогами [Ульянова, 2015; Валеева Н.Ш., Фролова, 2019; Шамсутдинова, 2013; Сайдамин, 2017], философами [Вялых, Неволина, 2015]. Отечественные и зарубежные вузы предпринимают попытки решения проблемы саморазвития студентов. Так, в частности, в Великобритании действует Personal Well-Being Centre [Personal Well-Being Centre, 2022], в котором осуществляется программа личностного синтеза (Personal synthesis programme), соединяющая когнитивный, эмоциональный, поведенческий и социальный аспекты личностного развития в одну внутренне непротиворечивую образовательную модель, пригодную как для подростков, так и для взрослых. Пенсильванский университет под руководством доктора философии М.Э.П. Селигмана, директора Центра позитивной психологии, реализует The Penn Resiliency Program (PRP) [Martin E. P. Seligman, 2022] – программу, в рамках которой студентов обучают когнитивно-поведенческим и социальным навыкам решения проблем, с которыми они сталкиваются. Подобные программы осуществляют и отечественные вузы: Университет ИТМО [Зонис и др., 2016], МГГУ им. Шолохова [Огнев, 2013] и другие. В указанных работах обсуждаются в основном теоретико-методологические, фундаментальные основы процесса саморазвития личности учащейся молодежи, при этом недостаточно внимания уделяется разработке практико-ориентированных технологических рекомендаций.

В данной работе представлены результаты исследования социального портрета первокурсников в период адаптации, которые послужили основой для разработки социальных технологий саморазвития студентов.

Объекты и методы исследования

Выборочная совокупность составила 78 человек (студенты-первокурсники одного из институтов Липецкого государственного педагогического университета имени

П.П. Семенова-Тян-Шанского). В сборе эмпирических данных использовались метод анкетного опроса, работа с документами, интервьюирование. В обработке эмпирических данных применялись номотетический и идеографический подходы. Компьютерная обработка данных в среде пакета программ SPSS; компартивный анализ.

Результаты и их обсуждение

Проблема саморазвития учащейся молодежи является мультипарадигмальной и междисциплинарной. Эффективный процесс саморазвития возможен лишь при создании условий с учетом особенностей конкретной личности и факторного пространства конкретной социальной среды. В этой связи в нашем исследовании мы обратили внимание на уровень развития социальной активности первокурсников, которая является одним из основных показателей готовности к саморазвитию.

Анализ эмпирических данных показал, что 80,0 % студентов считают, что современный специалист должен быть социально активным. В довузовский период молодые люди демонстрировали социальную активность в разных сферах жизнедеятельности: в трудовой (40,0 %), социальной (33,3 %) образовательной (13,3 %), политической (6,7 %), а в общественной жизни образовательного учреждения принимали участие регулярно 20,0 % и часто – 26,7 %. При этом в реализации предложенных инициатив старшеклассникам помогали школьные учителя (33,3 %), их товарищи (33,3 %), и только 26,7 % самостоятельно справились с реализацией своих инициатив самостоятельно. Указанные данные свидетельствуют о достаточно высоком потенциале активности первокурсников.

В период адаптации после поступления в вуз их активность несколько снизилась: 66,7 % не готовы выступить с инициативой решения важной социальной проблемы, а 20,0 % осмысливают возможность проявления социальной активности. Большинство первокурсников (60,0 %) считают, что позитивная социально активная деятельность способствует саморазвитию. Основным побуждающим мотивом социально активной деятельности является получение опыта и навыков (86,7 %). Среди факторов, препятствующих проявлению социальной активности, первокурсники отмечают: отсутствие необходимых знаний – 73,3 %, недостаточность свободного времени – 53,3 %, недостаточную сформированность желания и черт характера – по 33,3 %, лень – 26,7 %. Первокурсники (83,7 %) считают, что образовательный процесс в вузе должен способствовать саморазвитию и формированию социальной активности, и вместе с этим, как отмечают респонденты (73,4 %), малая социальная группа (студенческая группа) оказывает позитивное влияние на эти процессы. Со стороны университета первокурсники желают получить актуальные знания (73,4 %), осведомленность о возможных мероприятиях, где можно проявить себя (46,7 %), выделенное время (40,0 %), финансовое обеспечение (33,3 %). Студенты надеются, что в университете они научатся правильно формулировать цели в процессе саморазвития и формирования социальной активности (80,0 %), смогут приобрести опыт в разработке проектов и управлении ими (60,0 %) и другие важные для них навыки, умения и качества. Студенты надеются, что в вузе будут созданы необходимые условия для личностного и профессионального роста.

Учебный процесс занимает основное время присутствия первокурсника в образовательном пространстве вуза, который предъявляет серьезные требования к личностным качествам первокурсника. В этой связи целесообразно уточнить отношение первокурсников к организации учебного процесса в период их адаптации в образовательном пространстве вуза. Большинство молодых людей выбирали вуз, ориентируясь на возможность поступления на бюджетные места по выбранной специальности (68,75 %). В период адаптации студенты считают, что самое важное для них – поддержка родных и близких им людей в решении основных проблем образовательного процесса. Большинству учеба в университете нравится (50,0 % – да, 31,25 % – скорее да, чем нет). Процесс получения знаний при-

носит удовлетворение 81,25 % первокурсников. Каждому второму студенту нравится процесс общения с сокурсниками.

Практически треть первокурсников активно включилась во внеучебную деятельность. Вместе с этим 62,5 % первокурсников указывают на большую загруженность и недостаток свободного времени. Студенты считают, что в учебном процессе для них важно получение знаний и достижение профессионализма (87,5%), качество образования (50,0 %), межличностные отношения со студентами (43,75 %), межличностные отношения с преподавателями и сама учебная деятельность (по 31,25 %). Выбранную специальность половина первокурсников считает престижной, 37,5 % респондентов затруднились с ответом. Половина студентов отмечает, что в течение первого семестра у них сложились дружеские отношения в пределах студенческой группы и на уровне университета.

В студенческих группах пользуются популярностью такие личностные качества, как активность (87,5 %) и доброжелательность (68,75 %), а также высоко цениться взаимопомощь (93,75 %). Большинство первокурсников считает, что от преподавателей зависит их отношение к учебной деятельности (43,75 % ответили «да» и такое количество – «скорее да»). Первокурсники высоко оценивают следующие качества преподавателей: уважительное отношение к студентам (81,25 %), знание своего предмета (75,0 %), готовность оказать помощь и доброжелательность (по 68,75 %), профессионализм (50,0 %).

Подводя итог представленным выше результатам социологического исследования, можно утверждать, что состояние социального пространства университета способно обеспечить необходимые условия для эффективного процесса саморазвития и формулирования социальной активности первокурсников.

В последующем анализе эмпирических данных необходимо оценить готовность, ресурсы и желание первокурсников к саморазвитию.

Установлено, что 68,75 % первокурсников имеют стремление к саморазвитию, остальные 31,25 % ответили «скорее да, чем нет». Их желания включают широкий спектр положительных личностных качеств, которые первокурсники готовы у себя сформировать (улучшить внешность, стать менее самокритичным, менее застенчивым, развить самодисциплину, реализовать себя, научиться работе в команде, развить творческие способности, научиться планировать, увеличить объём знаний, самоорганизованность и др.), а также отмечалось желание освободиться от отрицательных личностных качеств.

Первокурсники самокритично определили как сильные, так и свои слабые стороны. В список актуальных сильных сторон вошли следующие качества: 43,75 % – чувство юмора, честность, ответственность, дружелюбность, коммуникабельность; 31,25 % – дисциплинированность, решительность; 25,0 % терпимость; 18,75 % – самостоятельность, обучаемость, уверенность, активная жизненная позиция, пунктуальность, стрессоустойчивость, добросовестность.

В список слабых сторон первокурсники включили следующие: 81,25 % – лень, 37,5 % – повышенную тревожность, 31,25 % – излишнюю раздражительность, страх перед неудачей/неизвестным, неумение грамотно распределить свое время, 25,0 % – конфликтность, отсутствие навыков выступлений, грубость, эмоциональная скованность, нерешительность, 18,75 % – медлительность, самокритичность, застенчивость, 12,5 % – неумение слушать, зависимость, легкомысленность. Установлено, что 43,75 % первокурсников имеют склонность к прокрастинации.

Первокурсники указали основные факторы, которые мешают им заниматься саморазвитием: не хватает времени из-за учебы (62,5 %), лень (50,0 %), отсутствие вектора развития, отсутствие понимания, зачем это нужно (12,5 %). Отметили и наиболее предпочтительные сферы самореализации: 37,5 % определили финансы, инвестиции, деньги, 31,25 % – построение карьеры и возможность профессиональной самореализации, 25,0 % – реализация творческого потенциала, 18,75 % – личностный рост и саморазвитие, 12,5 % – семья, по 6,25 % – отдых и развлечения, сохранение и поддержание здоровья, образование, поддержание

контактов с друзьями и знакомыми. У 50,0 % студентов есть вредные привычки – 12,5 % ответили «скорее да, чем нет»; 18,5 % ответили, что у них нет вредных привычек, и столько же ответили «скорее нет, чем да».

Первокурсники, положительно оценивая имеющиеся в вузе условия и возможности саморазвития и самосовершенствования, откровенно конкретизировали суть собственных вредных привычек: 50,0 % не соблюдают режим дня, 37,5 % часто употребляют нецензурные выражения, 31,5 % курят, 25,0 % чрезмерно ленивы, используют слов-паразиты, 18,75 % назвали недосыпание, интернет-зависимость, 12,5 % – употребление вредной еды, 6,25 % – увлечение азартными играми, злоупотребление алкоголем, переедание.

Возможность и желание стать лучше позволили студентам определить перечень полезных привычек, которыми они хотели бы приобрести: 56,25 % – заниматься спортом, соблюдать режим дня, 43,75 % – изучать иностранные языки, правильно и регулярно питаться, 37,75 % – ставить и реализовывать цели, 31,25 % – постоянно изучать чего-то новое, 25,0 % – делать дела вовремя, 18,75 % – читать книги, 12,5 % – планировать задачи, развивать позитивное мышление, чаще бывать на свежем воздухе, делать утреннюю зарядку.

Ценностные ориентации первокурсников позволяют уточнить цели-ценности и средства-ценности, которые детерминируют основную структуру и содержание параметров направленности личности. Терминальные и инструментальные ценности определяют мотивационный потенциал саморазвития личности и позиционирование этой личности в социальном пространстве образовательного учреждения. Терминальные и инструментальные ценности первокурсников получены с помощью методики изучения ценностных ориентаций М. Рокича [Rokich, 2022].

Достижение пяти основных жизненных целей – здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь, уверенность в себе, материально обеспеченная жизнь – первокурсники предполагают обеспечивать за счет следующих средств: ответственности, воспитанности, честности, самоконтроля, смелости в отстаивании своего мнения, взглядов.

Методика «Колесо жизненного баланса», разработанная специалистом по саморазвитию Полом Дж. Майером [Paul J. Mayer, 2022], позволяет оценить уровень удовлетворенности развитием каждой сферы жизни первокурсников и определить рациональную расстановку сил с ориентацией на оптимальный процесс саморазвития. По оценкам первокурсников они удовлетворены следующими сферами жизнедеятельности: 7,9 – домом, семьей, 7,8 – общением, окружением, связями, 7,3 – учебой, в рамках которых возможно их саморазвитие и самосовершенствование.

Технологизация процесса саморазвития студентов

Обобщённая информация о результатах социологического исследования была представлена студенческим группам в виде презентации для обсуждения, в результате которого студенты пришли к солидарному мнению о необходимости разработки социальных технологий саморазвития в период адаптации на первом курсе. Информация о конкретной студенческой группе предоставляется куратору данной группы для социально-технологического обеспечения воспитательной работы, а обобщенная информация по первому курсу предоставляется заместителю директора по воспитательной работе для социально-технологического обеспечения стратегических направлений воспитательной работы на уровне института. Кроме того, был выполнен анализ итогов анкетирования каждого студента, в результате которого были сформированы личные карточки, доступные только конкретному первокурснику. В личной карточке представлена систематизированная информация в компактном виде, удобном для принятия решения конкретным студентом о возможных направлениях процесса саморазвития и технологизации этого процесса. Структура индивидуальной карточки включает следующие разделы: главное качество студента, которое ему хотелось бы изменить; основное положительное качество; важные

ценности, важность качеств, сильные стороны, слабые стороны, наличие склонности к откладыванию дел; полезные привычки, которые студенты хотели бы приобрести, а также предпочтительные сферы жизни для изменений.

Полученные эмпирические данные комплексного социологического исследования послужили основанием для разработки системы двухконтурного социального управления процессом саморазвития студентов. Функциональная схема представлена на рис. 2.

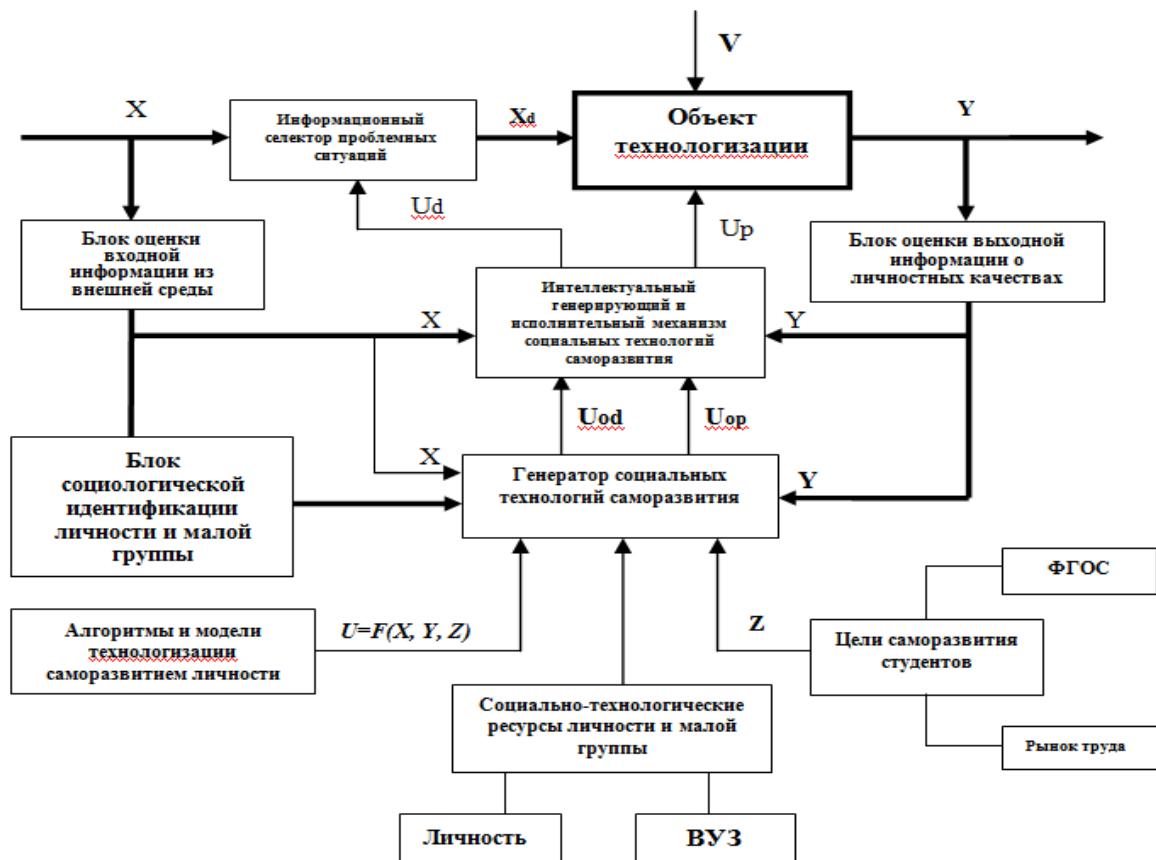

Рис. 2. Функциональная схема системы двухконтурного социального управления процессом саморазвития студентов

Fig. 2. Functional diagram of the system of two-circuit social management of the process of self-development of students

В функциональной схеме используются следующие обозначения:

X – входная информация, параметры внешней социальной среды, в рамках которой осуществляется образовательный процесс;

X_d – параметры проблемных ситуаций, присутствующих во внешней среде и оказывающих решающее воздействие на процессы саморазвития;

V – реально существующие и неизмеряемые социальные возмущения как позитивной, так и негативной направленности, подчиняющиеся закону больших чисел;

Y – выходная информация, характеризующая уровень саморазвития студентов, достигнутый в результате внедрения авторских инновационных социальных технологий саморазвития;

Z – цели саморазвития студентов;

U_{od} – управленческая информация процедур селекции проблемных ситуаций на первом контуре социального управления;

U_d – управленческая информация об адаптации и коррекции процедур селекции проблемных ситуаций;

U_{op} – набор проектов социальных технологий саморазвития, отражающих специфику социальной среды, имеющиеся ресурсы личности и малой группы, цели саморазвития; алгоритмы и модели технологизации, $U = F(X, Y, Z)$;

U_p –авторские инновационные социальные технологии саморазвития студента, являющегося и разработчиком, и исполнителем этой технологии.

Для того, чтобы решить проблему саморазвития студентов, необходимо рассмотреть возможность социального управления в сложной динамической социальной системе, состоящей из образовательного учреждения, малых социальных групп (студенческие группы, курсы подготовки – совокупность студенческих групп), отдельных личностей (студентов), являющихся одновременно и объектами, и субъектами технологизации.

Входными данными являются параметры внешней социальной среды, в рамках которой осуществляется образовательный процесс, в котором формируется социально активная личность, обладающая современными профессиональными компетенциями. В первом контуре социального управления после социологических исследований определяются параметры внешней среды, характеристики малых групп и отдельных студентов, производится оценка ресурсов личности и малых социальных групп, социального пространства образовательного учреждения, определяется актуальное целевое множество саморазвития студентов с учетом нормативных документов и динамично развивающегося общества. На базе этой информации разрабатываются наборы оптимальных алгоритмов технологизации, составляющие основу для функционирования генератора вариантов социальных технологий, которые составят основу для разработки и реализации авторских инновационных социальных технологий конкретным студентом на втором уровне социального управления. Обратная связь осуществляется в двухконтурной системе саморазвития студентов социального управления. В основу разработки авторских инновационных социальных технологий саморазвития положены системный, деятельностный и социально-технологический подходы. Необходимость разработки таких технологий определяется нормативно-правовыми документами, определяющими функционирование федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования, а также характеристиками современного динамично развивающего социального пространства, в котором в будущем предстоит работать специалистам нового поколения.

Управленческий цикл реализуется следующими укрупненными социально-технологическими процедурами.

Процедура 1. Определение внесистемных ограничений на «технологический коридор», в котором может быть успешно реализовано множество авторских инновационных социальных технологий саморазвития личности.

Процедура 2. Определение внутрисистемных ограничений, которые детерминированы характеристиками малых социальных групп.

Процедура 3. Идентификация целевого множества саморазвития студентов и малых социальных групп с учетом ФГОС и требований современного рынка труда.

Процедура 4. Определение социально-технологических ресурсов саморазвития отдельных личностей и малых социальных групп.

Процедура 5. Выбор радиального набора алгоритмов и моделей технологизации саморазвития личностей.

Процедура 6. Генерирование набора проектов оптимальных социальных технологий, ориентированных на решение конкретных целей саморазвития студентов и малых социальных групп.

Процедура 7. Научно-теоретическая и предметно-практическая подготовка студентов к разработке и внедрению авторских инновационных социальных технологий саморазвития.

Процедура 8. Разработка студентами авторских инновационных социальных технологий саморазвития конкретного студента.

Процедура 9. Организация фронтального внедрения авторских инновационных социальных технологий саморазвития конкретного студента.

Процедура 10. Мониторинг процесса внедрения авторских инновационных социальных технологий саморазвития конкретного студента.

Процедура 11. Подведение итогов конкретного управленческого цикла саморазвития и определение отклонения между достигнутыми результатами саморазвития и поставленными целями.

Процедура 12. Если отклонение $\Delta = Z - Y > 0$, то с помощью алгоритмов коррекции и алгоритмов адаптации уточняются алгоритмы и модели технологизации, уточняются параметры «технологических коридоров», ресурсы и управление передается в начало управленческого цикла на соответствующую процедуру. Если отклонение $\Delta = Z - Y = 0$, управленческий цикл завершается, так как цели достигнуты.

По подобной схеме управленческого цикла реализуется социальная технология организации саморазвития для малой социальной группы, при этом интеллектуальным генерирующим и исполнительным механизмом социальных технологий будет куратор студенческой группы. Также организуется управленческий цикл внедрения социальной технологии организации процессов саморазвития на уровне 1-го курса института университета.

В процессе обсуждения результатов социологического исследования большинство студентов согласилось, что одним из основных негативных качеств, присущих большинству сегодняшних первокурсников, является лень, которая с технологической точки зрения составляет сущностную основу многих недостатков. После ознакомления студентов с личными карточками с ними были проведены занятия по основам технологизации процессов саморазвития с использованием метода микрорешений [Caroline Arnold, 2022] и выдано задание на определение того, что хотят они в себе изменить (либо сформировать актуальное позитивное качество, либо освободиться от негативного качества). Таким образом студенты оказались готовыми для самостоятельной разработки авторских социальных технологий саморазвития. В качестве целевых установок были выбраны: планирование времени и текущих дел, организация регулярных занятий, формирующих здоровый образ жизни, развитие творческих способностей, формирование пунктуальности и организованности и другие. Студенты опирались на полученные теоретические знания по основам технологизации и эмпирические данные, собранные в процессе изучения их как объекта исследования. В процессе технологизации учитывались личные особенности, конкретные условия жизнедеятельности, условия образовательной среды в вузе, требования нормативно-правовых документов, состояние здоровья, а также существующие ресурсные ограничения. Реализация авторской социальной технологии предусматривала самоконтроль, осуществляемый посредством ведения дневника, в котором отражалась последовательность реализации процедур авторской социальной технологии и достигнутые результаты. Таким образом, студенты выступают одновременно в роли и разработчика, и исполнителя авторской социальной технологии своего саморазвития.

Выводы

1. Неэффективность саморазвития студентов первого курса в период адаптации связана с отсутствием доступных для внедрения индивидуальных социальных технологий саморазвития личности, учитывающих способности и возможности конкретного студента и особенности социального пространства конкретного образовательного учреждения.

2. Находясь в динамическом процессе перехода из одной образовательной среды (школьной) в другую (вузовскую), студенты, в силу объективных причин, не могут идентифицировать параметры и факторы, которые определяют ключевые характеристики оптимального саморазвития. В этой ситуации положительное решение саморазвития студен-

та должно обеспечиваться созданной на научной основе авторской социальной технологией, разработанной самим студентом, и он сам является исполнителем этой технологии.

3. В вузовском образовательном пространстве воспитательную работу организуют чаще всего на общественных началах кураторы, которые ориентируются на формальную реализацию традиционных воспитательных мероприятий с низким уровнем результативности. Причиной низкой результативности является, во-первых, отсутствие у кураторов и первокурсников презентативных эмпирических данных, описывающих социальный портрет студенческой группы и каждого студента; во-вторых, низкий уровень социально-технологической культуры и кураторов, и первокурсников, не позволяющий им организовать эффективный процесс саморазвития студентов и адаптации в новой социальной среде; в-третьих, студент является объектом управления, что лишает его возможности самому формулировать цели своего саморазвития.

4. Практика показывает, что у старшеклассников и первокурсников велика потребность в саморазвитии, которая не может быть удовлетворена в полном объеме, если студент является объектом управления. Вместе с тем отметим, что использование авторских социальных технологий саморазвития конкретного студента, в которых он выступает одновременно и в роли разработчика, и в роли исполнителя этой технологии, запускает непрерывный динамический процесс саморазвития личности на непрерывном пути личностного и профессионального роста будущего специалиста с активной жизненной позицией.

5. Внедрение авторских инновационных социальных технологий саморазвития студентов определяет требования к социальной среде образовательного пространства вуза, в которой должны быть представлены в полном объеме условия для реализации всех способностей и возможностей конкретного будущего специалиста.

Список литературы

- Азими Сайдамин. 2017. Дистанционные образовательные технологии как средство саморазвития студентов. URL: <https://www.dissertcat.com/content/distantsionnye-obrazovatelnye-tehnologii-kak-sredstvo-samorazvitiya-studentov> (дата обращения: 23.03.2022).
- Валеева Н.Ш., Фролова Ф.Ф. 2019. Компетенция профессионального саморазвития: сущность и формирование у студентов. М., РУСАЙНС, 120 с.
- Васильева Г.Ф. 2018. Дорожная карта студента-первокурсника как технология развития и саморазвития в условиях университетского образования. В кн.: Актуальные проблемы развития личности в современном обществе материалы международной научно-практической конференции. Изд. Псковский государственный университет, 79–83.
- Вялых В.В., Неволина В.В. 2015. Проблема саморазвития личности в свете философского осмысления. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота, 12: 36–38. URL: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/ (дата обращения: 23.03.2022).
- Гаранина Ж.Г. 2020. Мотивация профессионального саморазвития студентов вуза, использующих дистанционные образовательные технологии. Вестник донецкого национального университета. Серия Д: филология и психология, 1: 133–137.
- Зонис М.М., Казин Ф.А., Мальчукова А.Л., Оленина Е.В., Причисленко А.Г. 2016. Жизненная навигация: технологии саморазвития личности студента в процессе обучения в вузе. СПб., Университет ИТМО, 109 с.
- Исаева М.Р., Сайдалиева М.Р. 2017. Технологии саморазвития личности. European research, 5(28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-samorazvitiya-lichnosti> (дата обращения: 05.03.2022).
- Мокерова Ю.В. 2006. Противоречия становления потребности саморазвития личности в современных условиях: социологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург.
- Огнев А.С. 2013. Персональный навигатор. Рабочая тетрадь. МГГУ им. Шолохова, 110 с.

- Орлова И.Б. 2019. Социальные технологии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М., Издательство Юрайт, 174 с. URL: <https://urait.ru/bcode/431592> (дата обращения: 23.03.2022).
- Ульянова, Л.И. 2015. Самосовершенствование студента — залог успешной творческой профессиональной деятельности в будущем. В кн.: Проблемы и перспективы развития образования. Материалы VI Междунар. науч. конф. Пермь, Меркурий, 242–245. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/149/7625/> (дата обращения: 23.03.2022).
- Шамсутдинова Т.М. 2013. Формирование профессиональных компетенций студентов в контексте информатизации высшего образования. URL: <https://openedu.rea.ru/jour/article/viewFile/229/233> (дата обращения: 23.03.2022).
- Rokich's method "Value orientations": the pros and cons URL: <https://ilovevaquero.com/samosovershenstvovanie/102025-metodika-rokicha-cennostnye-orientacii-plyusy-i-minusy.html> (дата обращения: 25.04.2022).
- Wheel of life tool of Paul J. Mayer. Examples and Instructions. URL: <https://www.lifecoach-directory.org.uk/content/wheel-of-life-tool.html> (дата обращения: 25.04.2022).
- Caroline Arnold. Small Move, Big Change: Using Microresolutions to Transform Your Life Permanently. URL: <https://www.amazon.com/Small-Move-Big-Change-Microresolutions/dp/0143126164> (дата обращения: 25.04.2022).
- Personal Well-Being Centre. URL: <https://www.personalwellbeingcentre.org> (дата обращения: 24.03.2022).
- Positive Psychology Center. URL: <https://ppc.sas.upenn.edu/services/penn-resilience-training> (дата обращения: 24.03.2022).

References

- Azimi Sayyedamin. 2017. Distantionnye obrazovatel'nyye tekhnologii kak sredstvo samorazvitiya studentov [Distance educational technologies as a means of self-development of students]. Available at: <https://www.dissercat.com/content/distantionnye-obrazovatelnye-tehnologii-kak-sredstvo-samorazvitiya-studentov> (accessed: 23 March 2022).
- Valeyeva N.Sh., Frolova F.F. 2019. Kompetentsiya professional'nogo samorazvitiya: sushchnost' i formirovaniye u studentov [Competence of professional self-development: the essence and formation of students]. Moscow, Publ. RUSAYNS, 120 p.
- Vasil'yeva G.F. 2018. Dorozhnaya karta studenta-pervokursnika kak tekhnologiya razvitiya i samorazvitiya v usloviyakh universitetskogo obrazovaniya [Roadmap for a first-year student as a technology for development and self-development in a university education]. V kn.: Aktual'nyye problemy razvitiya lichnosti v sovremennom obshchestve materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Actual problems of personality development in modern society materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii]. Pskov, Publ. Pskovskiy gosudarstvennyy universitet, 79–83.
- Vyalykh V.V., Nevolina V.V. 2015. Problema samorazvitiya lichnosti v svete filosofskogo osmysleniya. Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye [The problem of personal self-development in the light of philosophical reflection. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history]. Voprosy teorii i praktiki. Gramota, 12: 36–38. Available at: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/ (accessed: 23 March 2022).
- Garanina Zh.G. 2020. Motivatsiya professional'nogo samorazvitiya studentov vuza, ispol'zuyushchikh distantionnye obrazovatel'nyye tekhnologii [Motivation for professional self-development of university students using distance learning technologies]. Vestnik donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: filologiya i psichologiya, 1: 133–137.
- Zonis M.M., Kazin F.A., Mal'chukova A.L., Olenina Ye.V., Prichislenko A.G. 2016. Zhiznennaya navigatsiya: tekhnologii samorazvitiya lichnosti studenta v protsesse obucheniya v vuze [Life navigation: technologies for self-development of a student's personality in the process of studying at a university]. St. Petersburg, Publ. Universitet ITMO, 109 p.
- Isayeva M.R., Saydaliyeva M.R. 2017. Tekhnologii samorazvitiya lichnosti. [Technologies of personal self-development]. European research, 5(28). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-samorazvitiya-lichnosti> (accessed: 23 March 2022).

- Mokerova Yu.V. 2006. Protivorechiya stanovleniya potrebnosti samorazvitiya lichnosti v sovremennykh usloviyakh: sotsiologicheskiy analiz [Contradictions in the formation of the need for self-development of the individual in modern conditions: a sociological analysis]. Abstract diss. ... cand. sociol. sciences. Yekaterinburg, 27.
- Ognev A.S. 2013. Personal'nyy navigator. Rabochaya tetrad' [Personal navigator. Workbook]. Moscow, Publ. MGGU im. Sholokhova, 110 p.
- Orlova I.B. 2019. Sotsial'nyye tekhnologii: uchebnoye posobiye dlya bakalavriata i magistratury [Social technologies: textbook for undergraduate and graduate studies]. Moscow, Publ. Yurayt, 174 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/431592> (accessed: 23 March 2022).
- Ul'yanova, L.I. 2015. Samosovershenstvovaniye studenta — zalog uspeshnoy tvorcheskoy professional'noy deyatel'nosti v budushchem V kn.: Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya. Materialy VI Mezhdunar. nauch. Konf. [Student self-improvement is the key to successful creative professional activity in the future. In: Problems and prospects for the development of education. Materials VI Intern. scientific conf.]. Perm', Merkuriy; 242–245. Available at: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/149/7625/> (accessed: 23.03.2022).
- Shamsutdinova T.M. 2013. Formirovaniye professional'nykh kompetentsiy studentov v kontekste informatizatsii vysshego obrazovaniya [Formation of professional competencies of students in the context of informatization of higher education]. Available at: <https://openedu.rea.ru/jour/article/viewFile/229/233> (accessed: 23 March 2022).
- Rokich's method "Value orientations": the pros and cons. Available at: <https://ilovevaquero.com/samosovershenstvovanie/102025-metodika-rokicha-cennostnye-orientacii-plyusy-i-minusy.html> (accessed: 25 April 2022).
- Wheel of life tool of Paul J. Mayer. Examples and Instructions. Available at: <https://www.lifecoach-directory.org.uk/content/wheel-of-life-tool.html> (accessed: 25 April 2022).
- Caroline Arnold. Small Move, Big Change: Using Microresolutions to Transform Your Life Permanently. Available at: <https://www.amazon.com/Small-Move-Big-Change-Microresolutions/dp/0143126164> (accessed: 25 April 2022).
- Personal Well-Being Centre. Available at: <https://www.personalwellbeingcentre.org> (accessed: 24 March 2022).
- Positive Psychology Center. Available at: <https://ppc.sas.upenn.edu/services/penn-resilience-training> (accessed: 24 March 2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.04.2022

Received April 8, 2022

Поступила после рецензирования 06.05.2022

Revised May 6, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шмарион Юрий Васильевич, профессор кафедры социологии и управления, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия.

Волков Антон Павлович, магистрант, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuri V. Shmarion, Professor of the Department of Sociology and Management, Semenov-Tyan-Shan Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia.

Anton P. Volkov, Master's student, Semenov-Tyan-Shan Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 1 (091)

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-210-218

Фигура подвижника как антропологический тип в публицистике Н. К. Михайловского

Вязинкин А.Ю.

Тамбовский государственный технический университет
Россия, 392000, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106
E-mail: vyazinkin@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания автора – фигура подвижника, антропологический тип «бунтующего человека», предложенный русским мыслителем-народником Николаем Константиновичем Михайловским (1842–1904). В классификации мыслителя подвижники, в отличие от вольницы, представляют собой пассивный социальный протест. В социальной философии Михайловского общественный идеал подчинен антропологическому, а последний построен на основе этицизма. Тип «бунтующего человека» определяется по форме его устремленности к «правде-справедливости». Вольница представляет активный общественно-политический протест, борьбу за социальное равенство или за равенство социальных привилегий, тогда как подвижник осуществляет борьбу за индивидуальность, добровольно исключая себя из общественной системы, он обретает суверенность в автономном существовании. Немаловажный аспект разработки проблемы суверенной личности в публицистике Михайловского составляют религиозные коннотации термина «подвижник». Народническая мысль под религиозной преданностью идеалам подразумевала способность целостной (интегральной) личности не только ставить перед собой цели, но и достигать их. Единство знания и действия, волевое усилие, позволяющее человеку стать субъектом исторического процесса, то есть преобразовывать «сущее» в «должное», – это условие, при котором личность проделывает путь от подчиненности к суверенности.

Ключевые слова: Н.К. Михайловский, русское народничество, суверенная личность, подвижник, социальная философия

Для цитирования: Вязинкин А.Ю. 2022. Фигура подвижника как антропологический тип в публицистике Н. К. Михайловского. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47 (2): 210–218. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-210-218

The Figure of Podvizhnik as Anthropological Type in the Heritage of N.K. Mikhailovsky

Aleksei Y. Viazinkin

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St, Tambov region 392000, Russia
E-mail: vyazinkin@yandex.ru

Abstract. The focus of the article is on the figure of podvizhnik, anthropological type of "rebellious human", proposed by the Russian thinker Nikolay Konstantinovich Mikhailovsky (1842–1904). In the

classification of thinker podvizhnik, unlike volnitsa, represents passive social protest. In the social philosophy of Mikhailovsky, the social ideal is subordinate to anthropological, and the latter is built on the basis of eticism. The type of "rebellious human" is defined by the form of his desire for "truth-justice". Volnitsa represents active social and political protest, fight for social equality or for equality of social privileges. While the podvizhnik fights for individuality, voluntarily excluding himself from the social system, he gains sovereignty in autonomous existence. An important aspect of the development of the problem of sovereign personality in the works of Mikhailovsky is the religious connotations of the term podvizhnik. Narodnik's thought by "religious devotion" to ideals implied the ability of an integral individual not only to set goals for themselves, but also to achieve them. Unity of knowledge and action, a will effort that allows a person to become a subject of the historical process, that is, to convert "existing" into "due", is a condition under which the person goes from subordination to sovereignty.

Keywords: N.K. Mikhailovsky, Russian Narodnik's, sovereign personality, podvizhnik, social philosophy

For citation: Viazinkin A.Y. 2022. The Figure of Podvizhnik as Anthropological Type in the Heritage of N. K. Mikhailovsky. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 210–218 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-210-218

Введение

Цель нашего историко-философского исследования состоит в анализе предложенной русским мыслителем, социологом и публицистом Николаем Константиновичем Михайловским (1842–1904) классификации исторических типов «бунтующего человека». В отечественном михайловсковедении редко обращаются к проблеме вольницы и подвижников. Однако в творчестве русского мыслителя разработка этих типов была важным этапом на пути формирования и формулирования антропологического идеала – центральной, на наш взгляд, темы философии Михайловского. Поэтому понимание темы вольницы и подвижников, ее нравственно-религиозного содержания позволит под иным углом зрения взглянуть на философско-антропологическое наследие Михайловского, одного из немногих русских теоретиков XIX в., разрабатывавших проблему суверенной личности. В этом исследовательском векторе и состоит новизна нашего исследования.

В XX столетии проблема суверенной личности приобрела острую актуальность. Эта тема не утратила своей остроты и в начале нашего века. Введение понятий «вольница» и «подвижники» стало логическим продолжением предложенной Михайловским теории борьбы за индивидуальность. Последняя представляет собой попытку естественнонаучного обоснования социально-гуманитарного извода теории освобождения личности, которая являлась основной темой в гуманистической традиции русской философии.

Антрапологизм мыслителя и его ориентация на образцы европейской социальной мысли Просвещения предопределили неизбежность разработки им антропологических типов как ступени на пути определения антропологического идеала. Введение Михайловским понятий «вольница» и «подвижники» создало новое, социально-антропологическое измерение теории борьбы за индивидуальность, объясняющей мотивы, характер и форму борьбы личности за свою автономию и достоинство, а также борьбы широких народных масс за права и свободы.

Народническая мысль акцентировала внимание на «бунтовском» начале человеческой личности, на ее способности понять свою и народную несвободу и выработать стратегию своего и народного освобождения. Идея «сочувственного опыта» позволила народнической философии избежать крайностей анархического индивидуализма и нигилизма. А построение социального идеала не мыслилось народниками без идеи сотрудничества, кооперации и фактора взаимопомощи.

Исторические типы «бунтующего человека»

Борьба человека за индивидуальность начинается с волевого противопоставления своего «Я» всему тому, что сужает «формулу жизни» личности. При определенных исторических условиях, в моменты наивысшей социальной напряженности это противопоставление может приобретать экстремальные выражения. Тем не менее, по Михайловскому, борьба ведется не только на баррикадах, она продолжается в повседневной жизни, где личность отвоевывает себе возможности для интеллектуального развития и нравственного совершенствования. Борьба и ее характер определяют фабулу жизни достойной личности: «Людское величие состоит именно в той борьбе, которую человеку приходится вынести на своих плечах» [Михайловский, 1897, стб. 103].

Исторический процесс, по Михайловскому, породил две стратегии освободительной борьбы – стратегию вольницы и стратегию подвижников. В определенные исторические моменты эти типы мятежников поднимают «бурные исторические волны» [Михайловский, 1896а, стб. 648], но в повседневной жизни они проявляются как типы «бунтующего человека», сражающиеся за свою автономию. Неприятие текущего порядка вещей – общий мотив социальной борьбы вольницы и подвижников. И те, и другие противопоставляют себя обществу, свои ценности – ценностям общественным, должное – сущему, и, наконец, «порывают всякие связи с обществом <...> это – отщепенцы, протестанты» [Михайловский, 1906, стб. 596].

Протест вольницы – это социальная революция в активной фазе. Но этот протест – не только и не столько отрицание, сколько требование: «требование всего» [Михайловский, 1896^б, стб. 744]. И в этом «требовании всего» проявляется желание бунтующей личности (восставших масс) превратиться из ничтожной статистической единицы в полноправный субъект истории.

Тип «подвижника», напротив, предполагает «отречение от всего» [там же]. Но подвижник не смиряется с действительностью, а именно скрыто борется с обществом за собственную индивидуальность, обустраивая свою независимую жизнь, оставляя ее вне подчиняющих общественных связей. А.И. Герцен в минуты отчаяния, когда дело революции казалось ему проваленным и загубленным, предлагал формулу подобного подвижнического бунта: «Я не советую браниться с миром, а начать независимую, самобытную жизнь, которая могла бы найти в себе самой спасение даже тогда, когда весь мир, нас окружающий, погиб бы» [Герцен, 1955, с. 131].

Исследователь Э.С. Виленская считала, что в предложенных Михайловским типах отражаются консервативные элементы его социальной идеологии: «Народные массы способны к пассивному и активному протесту, но этот протест стихиен, неуправляем <...> правоискательство народа направлено не к новым формам общественных организаций, а к "золотому веку" старины» [Виленская, 1979, с. 152]. Однако гораздо ближе к истине Ф.П. Фурман, акцентирующий внимание на том, что одной из важнейших дискурсивных категорий народничества является мифологема «нового человека» («новых людей») [Фурман, 2010, с. 192]. Михайловский только использовал исторический материал с целью более четкого определения типов «бунтующего человека», а также стратегий мятежных групп. Мыслителя в первую очередь интересовала именно перспектива освободительного движения, тот вклад, который эти типы могут внести в строительство справедливого общества будущего: они «напряженно всматриваются в будущее и в нем ищут возможности водворить правду на земле» [Михайловский, 1906, стб. 648].

Таким образом, Михайловский представляет фигуру подвижника как антропологический тип «бунтующего человека», в исторических условиях политической реакции избирающий форму пассивного социального протesta.

При помощи исторических образов вольницы и подвижников, этого неисчерпаемого источника для историков и мыслителей народнического направления, конструировалось

особое понимание народа, под которым «понимали тех, в ком пробудился "дух, несовместимый с рабским состоянием"; у кого существовало свое представление о народной Правде» [Леонтьева, 2011, с. 373]. Эта апелляция к «народной Правде» и составляет народнический колорит в типологии Михайловского. Социальный протест – это только одно из экстремальных выражений народной правды, это то, что включает пробужденные широкие народные массы в событийную историю: «Главный факт в истории есть сам народ, дух народный, творящий историю» [Щапов, 1908, с. XXXI].

По Михайловскому, «правда» должна быть универсальным критерием изучения мира, должна указывать цель деятельности личности и порождать «религиозную преданность» прозелита [Михайловский, 1896⁶, стб. 405].

Антропологический идеал целостной личности

Народничество Михайловского проявилось в создании своеобразной антропологической философии жизни. Это философия сущего и должноага excellence, в которой идеал имеет наивысшее значение. Идеалом Михайловский признавал некое единство правды-истины и правды-справедливости, то есть мыслитель постулировал цельность правды как таковой. Правда же представляла собой этическую и психологическую суть русской жизни, которая кристаллизуется в свободной и нравственно развитой личности. Михайловский отнюдь не идеализировал общинную крестьянскую жизнь и личность крестьянина. Однако, следуя заветам Герцена, считал, что правда есть продукт именно народной жизни. Таким образом, правда-справедливость, как своего рода идеал, должна быть обретена в процессе изучения именно народного социального бытия, должна быть добыта как эссенция повседневной жизни народных масс. После этого, по замыслу Михайловского, сущее должно было быть приведено кциальному волевыми усилиями народнической интеллигенции, деятельного авангарда прогрессивной мысли. Поэтому в конце жизни мыслитель и говорил о необходимости создания некой «философии быта», в которой возможно единство правды-истины и правды-справедливости, знания и жизни.

Единство знания и действия – один из ключевых тезисов народнической мысли. Это универсальное требование, предъявляемое к интеллигенту и заключающееся в императиве: «не только думай, но и делай на благо народа». Еще Д.Н. Овсянико-Куликовский писал о том, что антропологический идеал Михайловского представляет цельные натуры высокого порядка, «у которых мы находим <...> объединение теоретической мысли, нравственных понятий (морали человека и гражданина) и волевых актов (поступков, дела, образа жизни)» [Овсянико-Куликовский, 1909, с. 213]. Единство мышления и деятельности, знания и действия, теории и практики свойственно высокоразвитой личности, способной воздействовать на социальную реальность (сущее) и преобразовывать ее в направлении идеала (должное).

Х. Арендт, изучавшая проблему суверенной личности в творчестве ведущего теоретика вопроса Ф. Ницше, отмечала, что немецкий философ «отождествил <...> способность и смелость обещать с суверенностью и "чрезвычайной привилегией ответственности"» [Арендт, 2000, с. 325]. Именно это и имел в виду Михайловский, когда предъявлял требования цельности и понимания социальной ответственности к своему нравственному идеалу личности.

Хотя мыслитель подчеркивал, что он человек полемики, а не баррикад, тем не менее он с сочувствием относился к бунтующим вольнице и подвижникам, добивающимся правды-справедливости. В народнической мысли были популярны сюжеты исторических народных восстаний как иллюстрации поиска справедливости, выражения народной правды. Н.И. Костомаров писал о Степане Разине: «Закон, общество, Церковь – все, что связывает личные побуждения человека, все попирала его неустрашимая воля» [Костомаров, 1994, с. 352]. В этом тезисе продемонстрирована суверенность типа «вольница» и ее от-

крытое противопоставление личной воли всем внешним факторам, сужающих «формулу жизни» личности. Подвижник, напротив, ускользает от этих внешних факторов, он вытесняет из себя «закон, общество, Церковь» как чуждые ему авторитеты, а значит, нравственно освобождается.

Когда справедливость оставляет социальную действительность, подвижник удаляется, чтобы сохранить народную правду в неприкосновенности. Этот тип в добровольном изгнании, в уединении сберегает народную правду.

Подвижник как антропологический тип «бунтующего человека»

В конце XIX в., в период упадка активного народничества, одним из массовых проявлений народнического подвижничества стали идейный феномен толстовства и его практическое выражение – толстовские земледельческие колонии. Этот идейный и практический коммунитаризм был попыткой интеллигенции проделать путь от правды-истины просвещения к правде-справедливости народной жизни. Но практика толстовства это не только и не столько протест, сколько желание устроить новую жизнь на основе «правды», сохранив тем самым автономию, в которой реализуемы справедливость и социальный идеал осознанной солидарности. Однако в этом коммунитаризме вместе с протестом утрачивалась и суверенность личности.

Очевидно, что в толстовстве как в упадочническом народничестве проявились неизбежные аберрации. Изучая проблему взаимоотношения интеллигенции и народа, А.М. Эткинд ввел авторское понятие «люкримакс» (анаграмма термина «симилякр»), под которым понимает «неутолимую тягу человека элитарной культуры ко всему настоящему, подлинному и первоначальному, а также отрицание им собственной культуры как неподлинной и ненастоящей» [Эткинд, 1997, с. 120]. Это очень точное наблюдение вскрывает своего рода фальшивь нравственных исканий части интеллигенции, которые на деле оказываются только психологическими, бессознательными нюансами поведения «людей культуры». Михайловский не принял ни учения позднего Л.Н. Толстого, ни самого толстовства. Ему были чужды идея непротивления злу насилием и псевдонароднический миф. Для Михайловского народная жизнь – это не воплощение социального идеала, а исследовательское пространство, которое пока скрывает от социолога, антрополога, мыслителя правду, истину и справедливость в их искомом единстве.

Интересен выбор Михайловским термина для обозначения фигуры пассивного социального протesta. Подвижник – понятие с ярко выраженнымми религиозными коннотациями, в том числе в традиции святоотеческого православия. Само удаление подвижника от социально несправедливого мира можно рассматривать как своего рода акт аскезы, традиционную практику христианских пустынножителей.

В монографии американского историка Дж. Биллингтона «Михайловский и русское народничество» была высказана идея о религиозном содержании народнической мысли, народничества как культурного явления [Billington, 1958, р. 120]. Исследователь также проводил неоднозначную аналогию между революционерами 1870-х гг. и «христианским братством» [Биллингтон, 2001, с. 510]. Хотя известен опыт народнической пропаганды социализма под видом христианского учения.

Советские исследователи народничества скептически относились к концепции Дж. Биллингтона ввиду отсутствия у исследователя убедительных аргументов в пользу своего истолкования феномена народнической мысли. Тем не менее мы считаем, что тезис американского исследователя вполне соответствует реальному содержанию народничества как культурно-философского явления. В современных исследованиях народнической мысли религиозной составляющей возвращено ее законное место, что позволяет и обогатить представление о характере народнического мировоззрения, и уточнить ряд содержательных аспектов ключевых народнических понятий.

Наиболее очевидной является связь, прослеживающаяся через аналогию христианского мученичества и народнического самопожертвования. Эти аналогии вовсе не результат исследовательских обобщений, а исторический факт, отраженный в эго-документах того времени.

Ряд релевантных примеров связи народнических идей с христианской культурной парадигмой приводит в своем исследовании В.М. Фастовский, который в послесловии отмечает, что «религиозная семантика придавала значимость революционной жизни там, где волна насилия, утилитарная логика и процесс модернизации создавали чувство неопределенности и неуверенности в собственных силах и возможностях» [Фастовский, 2018, с. 71]. Д.А. Морозов справедливо подчеркивает, что «веру в народ, аскетизм, самопожертвование и т. п. следует отделять от религиозной сферы» [Морозов, 2016, с. 102], забывая, однако, о том, что народническая мысль имела свое, уникальное толкование феномена религии.

В.Б. Блохин определяет мировоззренческий опыт Михайловского как «квазирелигиозную ментальность» [Блохин, 2019, с. 47]. Поиск правды и самопожертвование составляют ядро секуляризованной веры народнической интеллигенции. Для Михайловского именно «религиозная преданность» народническому делу – реализации социального идеала – не только есть основа интегральной нравственной личности, но и неотъемлемый признак освободительного движения. Михайловский дал определение понятию «религия» в своей мировоззренческой системе: «Под религией я разумею... именно ту неразрывную связь понятий о сущем (наука) и долженствующем быть (мораль и политика в обширном смысле), которая властно и неуклонно направляет деятельность человека» [Михайловский, 1987, с. 124]. Таким образом, эта «религия» интеллигента не требует поклонения старым идолам, но освобождает от них, способствуя только внутренней убежденности и активной деятельности по достижению цели. «Мораль и политика в долженствующем быть» из тезиса Михайловского означают нравственное и политическое освобождение личности от утративших свою актуальность и силу авторитетов, без которого невозможно возникновение другого социального начала.

Отметим, что мыслитель не был воинствующим атеистом, в отличие от многих представителей революционно-демократической и народнической мысли. Антропологические штудии Михайловского привели его к мысли о том, что религия формировала идеалы и цели человеческой жизни, сообщала ей условия целостности личности (единства знания и действия). Эти исторические и социально-психологические особенности религиозного сознания, по идеи Михайловского, были полезны и даже необходимы русскому освободительному движению.

Следует отметить, что русское освободительное движение в действительности имело и религиозное измерение. Религиозное диссидентство – одна из основных форм социальной оппозиции. Эта форма протesta стала объектом пристального внимания теоретиков народничества. Зрелый Герцен, совершенно чуждый религиозности и тем более мистики, с интересом и симпатией относился к раскольникам, видя в них силу революционную, протестную. Отмечал он и солидарность старообрядческих общин, идеал, соответствующий русскому общинному крестьянскому социализму.

Старообрядцы, а также разнообразные религиозно-мистические секты по сути представляли форму пассивного социального протеста, выражаясь путем организации свободной и самостоятельной жизни общины. Это парадоксальный стоический бунт, тихий мятеж, заключающийся в автономном пестовании своей суверенности. Революционер-народник и историк раскола А.С. Пругавин так характеризовал аксиологию раскола: «Раскол требует полной личной свободы. Он ненавидит паспорты, прикрепленность к месту и

сословию. Отрицая всякую сословность, он проповедует общее равенство и братство» [Пругавин, 1881, с. 362].

Консервативный народник И.И. Каблиц-Юзов, однако, замечал, что «в расколе главной движущей силой является не религия, а нечто другое» [Юзов, 1881, с. 10]. Это «другое» – экзистенциальное и социальное стремление к освобождению, к духовной и политической свободе.

Заключение

Классификация исторических типов «бунтующего человека», предложенная Михайловским, важна для понимания природы и характера общественно-политического протеста, социально-психологической мотивации народного мятежа. Эту классификацию можно использовать при разработке методологии исследований в области исторической антропологии.

Отметим, что протест общины может быть пассивным и активным, он в равной мере может выражаться в вольнице и в подвижничестве. Активный протест всегда требует некоторой организации, всегда реализуется группой либо большими массами. Даже народническая практика индивидуального террора подготовлялась и реализовывалась членами революционных групп. Без поддержки единомышленников-заговорщиков – материальной и эмоциональной – эта практика была бы невозможной. Сугубо индивидуальный (индивидуалистический) протест может быть только пассивным. Это не борьба за общественные привилегии, это ценностное и идейное отрицание принятой в обществе системы ценностей.

Таким образом, тип подвижника в классификации Михайловского представляет собой фигуру, выражающую народную правду, фигуру протестную, стремящуюся к сущности, которой удалось избежать нигилистических крайностей. Религиозные обертоны, которые придал этому типу мыслитель, следует понимать как необходимые штрихи соответствия делу правды – религиозную преданность идеалу. Тем не менее фигура подвижника не совпадала с идеальным антропологическим типом в творчестве Михайловского. Мыслитель критиковал личности, упадающие в метафизику, в «буддийское» подвижничество, которое равно социальному бездействию. А это бездействие сужает пространство борьбы за индивидуальность и разрушает целостность личности, углубившейся в одну только теорию, чтобы избежать социальной ответственности. В этом и состоит отличие типа подвижника от антропологического идеала Михайловского.

Список литературы

- Арендт Х. 2000. *Vita activa*, или О деятельности жизни. СПб., Алетейя, 437 с.
- Биллингтон Д. 2001. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., Рудомино, 880 с.
- Блохин В.В. 2019. Жандарм литературной республики. Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба. М., Весь Мир, 256 с.
- Виленская Э.С. 1979. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в. М., Наука, 303 с.
- Герцен А.И. 1955. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М., Наука, 549 с.
- Костомаров Н.И. 1994. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., Чарли, 638 с.
- Леонтьева О.Б. 2011. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, ООО «Книга», 448 с.
- Михайловский Н.К. 1906. Сочинения: в 6 т. Т. 1. СПб., Русское богатство, VII с., 970 стб.
- Михайловский Н.К. 1896^a. Сочинения: в 6 т. Т. 3. СПб., Русское богатство, 904 стб.
- Михайловский Н.К. 1896^b. Сочинения: в 6 т. Т. 4. СПб., Русское богатство, 1020 стб.

- Михайловский Н.К. 1897. Сочинения: в 6 т. Т. 6. СПб.: Русское богатство, 934 стб.
- Морозов Д.А. 2016. Религиозность и религия в русском революционном народничестве и терроризме в 1870–1880-х гг. Вестник Томского государственного университета, 409: 99–103.
- Овсянко-Куликовский Д.Н. 1909. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. СПб., Прометей, IX, 272 с.
- Пругавин А.С. 1881. Значение сектантства в русской народной жизни. Русская мысль, 1: 301–363.
- Фастовский В.М. 2018. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в это-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов. Неприкосновенный запас, 1: 52–73.
- Фурман Ф.П. 2010. Философские основания дискурсивно-идеологического комплекса народничества: историко-философский анализ. Нижневартовск, Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 209 с.
- Щапов А.П. 1908. Сочинения: в 3 т. Т. 3: С биографией А.П. Щапова. СПб., Издание М.В. Пирожкова, СIX, [1], 717, [3] с.
- Эткинд А.М. 1997. Народничество и люкремакс: классики филологии о русских сектах. В кн.: Лотмановский сборник: Вып. 2: 100–123.
- Юзов И. 1881. Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб., Типография А.М. Котомина, 180 с.
- Billington J. 1958. Mikhailovsky and Russian populism. Oxford, Clarendon Press, XVI, 217 p.

References

- Arendt H. 2000. Vita activa, ili O dejatel'noj zhizni [Vita activa or About active life]. St.-Petersburg, Publ. Aleteya, 437 p.
- Billington J. 2001. Ikona i topor. Opyt istolkovanija istorii russkoj kul'tury [The Icon and the Axe: An Interpretative History of Russian Culture]. Moscow, Publ. Rudomino, 880 p.
- Blohin V.V. 2019. Zhandarm literaturnoj respublik. N. K. Mihajlovskij: zhizn', literatura, politicheskaja bor'ba [Gendarme of the literary republic. N. K. Mikhailovsky: life, literature, political struggle]. Moscow, Publ. Ves' Mir, 256 p.
- Vilenskaya E.S. 1979. N.K. Mihajlovskij i ego idejnaja rol' v narodnicheskem dvizhenii 70-h – nachala 80-h godov XIX v. [N.K. Mikhailovsky and his ideological role in the populists movement of the 1970s and early 1980s]. Moscow, Publ. Nauka, 303 p.
- Herzen A.I. 1955. Sobranie sochinenij [Complete works]. In 30 vols. Vol. 6. Moscow, Publ. Nauka, 549 p.
- Kostomarov N.I. 1994. Bunt Sten'ki Razina. Istoricheskie monografii i issledovanija [Stenki Razin's revolt. Historical monographs and research]. Moscow, Publ. Charli, 638 p.
- Leont'eva O.B. 2011. Istoricheskaja pamja' i obrazy proshloga v rossijskoj kul'ture XIX – nachala XX vv. [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara, Publ. OOO "Kniga", 448 p.
- Mikhailovsky N.K. 1906. Sochinenija [Works]. In 6 vols. Vol. 1. St.-Petersburg, Publ. Russkoe bogatstvo, VII s., 970 p.
- Mikhailovsky N.K. 1896a. Sochinenija [Works]. In 6 vols. Vol. 3. St.-Petersburg, Russkoe bogatstvo, 904 p.
- Mikhailovsky N.K. 1896b. Sochinenija [Works]. In 6 vols. Vol. 4. St.-Petersburg, Russkoe bogatstvo, 1020 p.
- Mikhailovsky N.K. 1897. Sochinenija [Works]. In 6 vols. Vol. 6. St.-Petersburg, Russkoe bogatstvo, 934 p.
- Morozov D.A. 2016. Religioznost' i religija v russkom revolucionnom narodnichestve i terrorizme v 1870–1880-h gg. [Religionism and religion in Russian revolutionary folk and terrorism in the 1870s–1880s]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 40: 99–103.
- Ovsyaniko-Kulikovskii D.N. 1909. Sobranie sochinenij [Complete works]. In 9 vols. Vol. 5. St.-Petersburg, Publ. Prometei, IX, 272 p.
- Prugavin A.S. 1881. Znachenie sektantstva v russkoj narodnoj zhizni [The Significance of Sectarianism in Russian Folk Life]. Russkaya mysl', 1: 301–363.
- Fastovskii V.M. 2018. "Jeto moja vera!" Religiozno-konnotirovannaja leksika v jego-dokumentah narodnichestva konca 1870-h – nachala 1880-h godov ["It is my belief!" Religious-connotated vocabulary in ego documents of the folk of the late 1870s and early 1880s]. Neprikosnovennyi zapas, 1: 52–73.

- Furman F.P. 2010. Filosofskie osnovaniya diskursivno-ideologicheskogo kompleksa narodnichestva: istoriko-filosofskij analiz [Philosophical bases of discursive-ideological complex of populism: historical-philosophical analysis]. Nizhnevartovsk, Publ. Nizhnevartovskogo gos. gumanitarnogo un-ta, 209 p.
- Shchapov A.P. 1908. Sochinenija [Complete works]. In 3 vols. Vol. 3. St.-Petersburg, Publ. Izdanie M.V. Pirozhkova, CIX, [1], 717, [3] p.
- Etkind A.M. 1997. Narodnichestvo i Ijukrimaks: klassiki filologii o russkih sektah [Populism and lucrimax: classics of philology about Russian sects]. Lotmanovskii sbornik, 2: 100–123.
- Yuzov I. 1881. Russkie dissidenty. Staroversy i duhovnye hristiane [Russian dissidents. Starovers and spiritual Christians]. St.-Petersburg, Publ. Tipografija A. M. Kotomina, 180 p.
- Billington J. 1958. Mikhailovsky and Russian populism. Oxford, Clarendon Press, 180 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.07.202

Received July 19, 2022

Поступила после рецензирования 19.10.202

Revised October 19, 2022

Принята к публикации 11.05.2022

Accepted May 11, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры «История и философия», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksei Y. Viazinkin, Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Department «History and Philosophy», Tambov State Technical University, Tambov, Russia

[ORCID: 0000-0003-3821-6168](#)

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-219-229

Языковой национализм как социокультурный феномен

Дегтярев А.К.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
Россия, 346428, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
E-mail: rse1985@mail.ru

Аннотация. Языковой национализм – социокультурный феномен современного общества – не исследован в научном дискурсе, так как не может быть «раскодирован» на уровне плодотворных, но специализированных социолингвистических работ, не претендующих на социально-философское понимание. В рамках представленной статьи, исходя из определения языкового национализма как ветви развития национализма в эпоху поздней современности, обосновано положение о переходе от этнического национализма к языковому с опорой на действия от «социо» к культуре – в отличии от этнонационализма, делающего язык «субстанцией» этнонационального государства. Сделан вывод о том, что языковой национализм не является безобидной версией национализма, так как на уровне маргинальных групп становится инструментом получения социальных преференций через национальный язык и может являться источником напряженности в межнациональных отношениях, особенно в условиях становления многонациональных и многокультурных государств.

Ключевые слова: языковой национализм, этнических национализм, социальные претензии, группы социального действия, культурно-языковая политика, социокультурный феномен, поздняя современность

Для цитирования: Дегтярев А.К. 2022. Языковой национализм как социокультурный феномен. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47 (2): 219–229. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-219-229

Language Nationalism as a Socio-Cultural Phenomenon

Alexander K. Degtyarev

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (SPI)
132 Prosveshchenie St, Novocherkassk, Rostov Region 346428, Russia
E-mail: rse1985@mail.ru

Abstract. linguistic nationalism is a sociocultural phenomenon of modern society that has not been studied in scientific discourse, since it cannot be "decoded" at the level of fruitful, but specialized sociolinguistic works that do not pretend to socio-philosophical understanding. Within the framework of the presented article, based on the definition of linguistic nationalism as a "branch" of the development of nationalism in the era of late modernity, a very important provision is substantiated about the transition from ethnic nationalism to linguistic nationalism based on the action from "socio" to culture, in contrast to ethno-nationalism, which makes language the "substance" of an ethno-national state. It is concluded that linguistic nationalism is not a "harmless version" of nationalism, since at the level of socially marginal groups it becomes an instrument for obtaining social preferences through the national language and can be a source of tension in interethnic relations, especially in the conditions of the formation of multinational and multicultural states.

Keywords: linguistic nationalism, ethnic nationalism, social claims, social action groups, cultural and linguistic policy, socio-cultural phenomenon, late modernity

For citation: Degtyarev A.K. 2022. Language Nationalism as a Socio-Cultural Phenomenon. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47 (2): 219–229 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-219-229

Введение

На исходе XX века немецкий социолог У. Бэк обратился к проблеме «другого модерна», что подвигло исследователя на внимание к процессам, которые по линейной схеме не предвещали сомнений в закреплении политики модернизации на фоне свершений научно-технической революции. Объясняя актуальность своей позиции, У. Бэк отметил беспокойство по поводу того, что рушится мир XIX в., но мы видим, что переживаем действительность после буржуазной эпохи [Бэк, 2000]. Делая вывод о том, что современность является рефлексивной модернизацией, он обосновал методологические сомнения по поводу принятия как базисных в современном обществе идей рынка, демократии, прогресса. В центре его исследований представилась социальная архитектура, политическая динамика и многообразие культурных притязаний.

Чтобы «правда вопросов» не взяла верх над «правдой ответов», определимся с тем, что для нас является обоснованным исследовательским интересом в контексте современного общества в России и в мире. Отметим, что российское общество вступило в период поздней современности (исчезновение традиционных базовых классов, детрадикализация жизненного уклада, многокультурность), особенность которого в том, что социокультурная динамика теперь в меньшей степени определяется воздействием внутренних факторов, связанных как с глобализацией, точнее постглобализмом, так и с перманентными процессами дезинтеграции и интеграции общественной жизни. Мы обосновано полагаем, что это и есть целесообразность нахождения феномена, референтного и к современности в мире, и к российской действительности. Таковым можно определить языковой национализм как социокультурный феномен современности.

Почему для нас важным является рефлексия языкового национализма, который в классической схеме Э. Кедури является исходным принципом создания национального государства и национализма как идеологии, «нации» – органической общности (Кедури, 2010). Ответ на этот вопрос не может быть безуказанным в связи с тем, что национализм является «протоидной» идеологией, обладает различными источниками происхождения и формирования, что часто порождает мысль о множественности национализма. Вместе с тем есть определенные теоретические посылки, позволяющие рассматривать национализм как содержащие параметры идеологии современности (модерна). Это определяется генезисом и логикой: «старт» национализму дан в эпоху французской революции, закреплен в событиях «весны народов» второй половины XIX в. и обретает новые импульсы в XX в. Конец XX в., согласно позициям У. Бэка и Э. Хабермаса – немецкого философа с концепцией модерна как незавершенного проекта, вносит изменения в «знакомый» мир представлений о роли идеологии в современности.

От национализма в достаточной степени тезис о конце идеологии значимых схем социальной мобилизации, социальной консолидации, имеющих базовое значение для национального государства. В этом контексте национализм, для которого национальное государство есть и «очаг», и способ существования и самоорганизации нации, входит в состояние «непреднамеренных рисков». Речь идет о том, что в контексте детерриториализации, сужение или в определенной степени отмирание национального государства под влиянием глобализации мировой экономики, политических отношений и активности транснациональных и наднациональных структур сужается сфера влияния и, соответственно, вос-

требованности национализма в общественно-политическом дискурсе как идеологии суверенитета, идентичности и воспроизведения приемственности. Языковой национализм как социокультурный феноменом современного общества является, используя известное марксистское представление о превращенной форме, – «какимостью», феноменом, по выражению Канта, воображения, воспроизведения атрибутов классического национализма, но по существу «конструкта социо», групп социального действия, ориентированных на защиту сбережения языка как возможности выразить через культурные притязания социальные и социально-политические цели.

Подчеркивая, что целью нашего анализа не является оценка актуального состояния и перспектив языковой политики российского государства как составной части концепции национальной политики, включающей в единый процесс формирования российской политической нации и развитие этнокультурных и культурно-языковых запросов народов России, мы полагаем, что актуальность языкового национализма определяется двумя факторами: социокультурной динамикой национализма, которая содержит различия по сравнению с классическим национализмом эпохи модерна (XIX в. – пер. пол. XX в.), и состоянием межнациональных отношений в российском обществе, где языковой вопрос является индикатором социальных настроений.

Методология исследования

Нет сомнений в том, что теоретический ресурс исследования национализма обширный и содержит сформировавшиеся зрелые методологические подходы. Но не останавливаясь на идеи полноты концептуализации национализма как идеологии, обратимся к изменениям в социальной архитектуре и культурных смыслах, характеризующих национализм в современном обществе. На наш взгляд, на этом пути есть ясные методологические барьеры, связанные с тем, что в условиях глобализации национализм предопределенно объявляется этническим и исчезают маркеры классификации национализма на политические, гражданские, культурные. С другой стороны, то, что мы желаем определить как языковой национализм, для исследователей может представляться коньюктурным, инструментальным в рамках реализации политических целей или уходящим на периферию общественного внимания влиянием новых навязываемых общественному сознанию (гендер, климатические изменения). Поэтому методология исследования языкового национализма требует конкретных методологических упщений, связанных с реконструкторизацией базовых понятий, таких как «национализм», «современное общество», «социокультурный феномен».

Принимая в качестве базового принцип рефлексивности, деобъективации, «понятий как конструируемых в рамках теоретического воображения», мы обращаемся к языковому национализму как к ветви развития национализма на основе перехода от социо к культуре, понимая под социо совокупность институциональных норм и социальных запросов, под культурой – мир особых нормативных порядков и форм осуществления деятельности и образов сознания (Культурология СПБ 1997 с. 204). Обращаясь вновь к пониманию языкового национализма как социокультурного феномена, мы делаем выбор на социокультурном подходе, но не в традиционном смысле как части системного анализа: принцип деобъективации как доминанты исследования ориентирует на «распредмечивание» языкового национализма по меркам феноменальности, так как языковой национализм не претендует на субстанциональность, этернальность и выражается в сфере социальных установок, направленных на социально-фиксированные цели. Для языкового национализма «национальный» не является фундаментальной ценностью, не может быть сравним снацией в классическом национализме.

Основываясь на этом положении, мы предполагаем, что в обществе поздней современности, которое является состоянием незавершенности модерна, деконструкции таких универсальных ценностей, как прогресс, демократия, рынок, рациональность и определяет

мир модерна как традиционность в пользу выбора демократии меньшинств, мультикультурализма. Есть необходимость воспринимать языковой национализм в контексте рефлексивности, виртуализации массового сознания на позициях групп социального действия, для которых язык является выражением оборонительной идентичности, содержащей не части государства и завоевания власти, а как писал А. Турен, французский социолог, автор концепции «Возвращение человека действующего» (Турен А. Возвращение человека действующего. М. 1998. с. 49), приведение в действие культурных механизмов для реализации через дискурс национального языка групповых и интергрупповых интересов.

В этом смысле концепция незавершенного проекта модерна Лю Хабермаса является объяснительной. Определяя философский дискурс о модерне в контексте интерсубъективности, выработки коммуникативной рациональности как апологии и завершенности модерна, немецкий философ в своих политических работах делает интересные и содержательные замечания об отнесенности культурного модерна и модернизации общества, о том, что растет дистанция между культурой специалистов (экспертов) У. Уверхобэк и широкой публикой. Отказ от универсальных ценностей, провозглашенных эпохой Проповедования, определяет динамику национализма, генетически связанного с культурой.

В этом контексте методологически обоснованным является следование позиции Хабермаса как включающей национализм в самосознание модерна на положении «bastard» и позиции рационализма – «новые следствия религии». Разумеется, языковой национализм рефлексируется как кризис современного общества, как следствие того, что постулаты рациональности все более отдаляются от жизненных порядков различных групп действия, квалифицируемых как «широкая публика» (Хабермас Ю. Политические работы, 2005 с. 23). Важная когнитивная интерпретация, заданная Хабермасом, заключается в том, что жизненный мир (пространство групп социального действия) не может быть выведен из состояния оцепенения через утверждения экспернского знания. Поэтому социокультурный подход как соединяющий «социо» и «культуру» ориентирует на понимание языкового национализма как способа действия на основе отказа от экспернского знания и большой политики в контексте запада, демократии в пользу принятия дискурса национального языка для провозглашения собственных независимых от большой политики целей.

Иными словами, перевод на национализм из сферы идеологии большой политики, «идеологии народов» в сферу субполитики форм деятельности, ориентированной на актуализацию частных политических принципов для защиты своих интересов в сложившейся ситуации демократии меньшинств. Избранная теоретико-методологическая схема исследования языкового национализма как социокультурного феномена поздней современности, как мы выявили, определяет выбор принципа субъектности, реализуемого в социокультурном подходе, где базовым условием является комплиментарность социальных (структурных) и культурных (дискурса) факторов. Это результируется в систему морфогенеза действия социальной мобилизации, в которой переплетаются структурные детерминанты и субъектные характеристики действия (Россия трансформирующаяся, 2001 с. 329).

Эволюция национализма как идеально-политического движения, оформленвшегося интеллектуально к концу XIX в., организационно к середине прошлого века, требует от понимания языкового национализма факта «языка» как конституирующего условия достижения национального суверенитета. Но как мы отметили ранее, поздняя современность является собой картину сужения сферы действия национальной государственности, сложности воспроизведения идеологии эпохи современности (модерна), и в этом отношении национализм испытывает влияние, сопоставимое с альтернативными классическими идеологиями (либерализмом, социализмом, консерватизмом).

Исходя из этих положений, рассмотрение языкового национализма как ветви развития национализма в поздней современности определяется трансформацией формулы национализма от действия к культуре. Социоструктурные детерминанты, определяющие формирование групп действия, коллективов, нацеленных на защиту культурно-языковых

форм как способ достижения определенных социальных преференций, имеют в основании доминирование статуса меньшинств с их доступностью политическим и социальным механизмам и возможностью актуализации консолидационного потенциала в рамках социальной конкуренции с «энергетными» группами. Поэтому ситуация с языковым национализмом в обществе поздней современности представляет изменчивую конфигурацию социальных и культурных факторов, как отмечал Ю. Хабермас в обосновании философского дискурса о модерне, современность, ориентированная на исторически ответственную активность, получает некоторый перевес над прошлым (Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. 2008 с. 37).

Языковой национализм, хотя и обнаружил повышенную активность в краткосрочный период (конец XX в. – начало XXI в.) и не может сравниться по временным масштабам и охвату мобилизованных масс с «весной народов» XIX в., является предвестником перехода языкового национализма в состояние смысловой доминанты националистической идеологии и националистических движений.

Обращаясь к социально-политической конкретике, практикам национализма в восточной и западной Европе на постсоветском пространстве и в странах третьего мира, мы не можем игнорировать обстоятельства идеологической транзиции, сосуществования классических и неклассических форм национализма, воспроизведения этнического национализма в странах Восточной Европы и третьего мира и переход к языковому национализму в пределах старой Европы.

Анализируя национализм в национальных государствах, авторы монографии «Национализм в поздней и посткоммунистической Европе» (2010 с. 9), отмечают, что речь идет о так называемом втором национальном возрождении. Правда, при этом они вынуждены признать, что теоретически нельзя считать обоснованным факт повторения периода расцвета национализма, выполнившего миссию объединения наций и государства. Здесь они вынуждены считаться с тем фактом, что этнический национализм, реализующий тоталитарные или авторитарные цели (У Альттермат), становится популярным у широкой аудитории и овладевает умами политиков при условии отсутствия единства в политическую общность, и в этом отношении, когда слабо действует демократические нормы, национализм может представляться наиболее своевременным и результативным способом достижения политических целей. Это противоречит сложившейся реальности многонациональных и многокультурных государств (таковыми реально становятся государства Европы), но не исключает, а напротив, стимулирует стремление создать монолитное этнонациональное государство, как мы это видим на примере Украины, стран Прибалтики и Балкан.

Следует обратить внимание на то, что проект украинского этнонационального государства имеет истоки в украинском этническом национализме конца XIX – середины XX вв., где неслучайно нашли воплощение идеи украинской нации как ориентированной на миссию духовности (униатства), сплоченности (борьба за независимость), свободы (русофobia и в какой-то степени поленофobia). Важно понимать, что украинский этнический национализм является радикальной формой классического национализма, где языку отведена роль инструмента этнитизации политического режима, ассимиляции национальных меньшинств и борьбы в современном политическом и геополитическом контекстах с наследием советского прошлого.

Есть, правда, один важный момент, который, несмотря на провозглашенный курс на евроинтеграцию, делает Украину несостоявшимся государством, практически потерявшим собственный национальный суверенитет, – использование Украины коллективным Западом в качестве инструмента собственной политики превратило ее в общество, где доминируют националисты, удобные как носители идей русофобии и закрепления за Украиной роли антироссийского корпоста, но не принимаемые в качестве полноправных участников процесса евроинтеграции. Это отступление полезно для того, чтобы понять бесперспек-

тивность классического национализма в рамках поздней современности, сужения его действия до инструментальных масштабов, и обретение реальности языковым национализмом, который используется для политических целей, как это наблюдалось во всплеске каталонского сепаратизма, в росте настроений автономизма во французских регионах (Корсака, Бретань).

Однако вполне обоснован вопрос о том, в чем причины спонтанности и кратковременности движений культурного национализма. Исходя из принципа субъектности социокультурного подхода, отметим, во-первых, группы языкового национализма фиксируют «возвращение» субъекта действующего (Турен А. Возвращение человека действующего. 1998. с. 12), но не обрели контуры организованности. Это является следствием дефицита дискурса, позволяющего актуализировать установки на язык как определятель социальной мобилизованности. Также следует подчеркнуть, что группы, адресаты языкового национализма (жители европейской провинции, мелкая и средняя буржуазия) испытывают влияние ограничивающих факторов, связанных с перехватом идей языкового национализма системными политическими партиями, которые актуализируют правопопулистские лозунги в целях сохранения или приумножения базы избирателей, недопущения входа в политику новичков и в не меньшей степени оттеснения языкового национализма на периферию социально-политической жизни. Это ярко проявилось в траектории движения за суверенитет Каталонии, где, несомненно, решающую роль играли социальные, экономические и политические факторы, имеющие историческую и актуальную событийность. В современном испанском обществе реально достигнута степень государственной децентрализации и автономии культурной и языковой сферы в рамках реформ, проводимых в постфранкистский период, и стремление политиков провозгласить суверенитет Каталонии в процессе сепарации от испанского государства (испытал спад в период перехода к формуле создания каталонского государства), не учитывая, что каталонцы как политическая нация входят в состав испанского общества как этническое сообщество, замкнутое в культурноязыковом пространстве. То есть в Каталонии не мог быть воспроизведен классический этнический национализм, а цели языкового национализма не могли найти воплощение в силу того, что адресаты языкового национализма не стали самостоятельной и влиятельной политической силой.

Анализируя данное положение, следует сделать вывод о том, что в перспективе языковой национализм может развиваться, если, и в этом мы соглашаемся с Э. Смитом, эпоха примордиалистов и инструменталистов относится к предшествующему периоду современности (Смит Э. Национализм и модернизм. М. 2004 с. 385). Языковой национализм, если представляет интерес для политических элит как набор культурных ресурсов, приводит к политизации культуры, к тому, что национальный язык становится жертвой политических конфликтов и политический соглашений. Следовательно, отмечает Смит, мы можем сделать вывод о том, что особенность языкового национализма как социокультурного феномена состоит в том, чтобы этническую группу сделать национальностью, конкурирующей на политической сцене.

Но языковой национализм как адресат отмеченных уже социальных групп не может пройти данного превращения: являясь превращенной формой социальной фruстрации, ориентированность на сохранение и рост авторитета родного языка обязывает к тому, что дискурс языка определяется социокультурной средой, но в условиях, когда молодые поколения испытывают влияние глобализации и в действие вступают новые социальные дискурсы, получить импульс ускорения языковой национализм может только при презентации в обществе языковой дискриминации. Она проявляется в форме неконкурентности носителей языка по отношению к «двухязычным» или «многоязычным», когда молодежь, вступая в социальную жизнь, сталкивается с неравенством шансов с обладателями языковой компетентности в рамках образовательного и культурно-символического капитала. Ситуация усложняется и тем, что действует политика перевода социальных различий в

культуре (Расизм, ксенофобия, дискриминация. 2013. с. 163). Другими словами, по мнению Э. Балибара и И. Валлерстайна, возникает социальная дискриминация на основании этнических классификаций. Это находит отклик у «новых средний классов», сфера доходов и квалификаций которых сужается в обществе поздней современности, и культурный аргумент владения языком становится схемой консолидации на основе перехода от преимуществ на принципах классовой эксплуатации к преимуществам как следствию низкой квалификации и низких доходов групп (новых средних классов или по Э. Балибару, или традиционалистов по логике модернизма), недостаточно интегрированных в общество по языковому национализму (эта тема достаточно отчетливо проявляется по отношению к мигрантам). И в том, и в другом смысловых контекстах важно выделить общее: ориентированность на язык как способ достижения социальных целей.

Немаловажную роль здесь играет языковая политика государства, которую можно отнести к «социо», так как проявляется структурная детерминированность языковой активности групп действия. Российский исследователь В.Л. Малахов, выявляя встречное влияние национальных государств как конструктов классического национализма и культурного плюрализма – факта поздней современности, пишет о том, что языковая и символическая политика определяется тем, на какую модель нации ориентировано государство (этническую, гражданскую, политическую) (Малахов В. Л. Национальное государство перед лицом культурного плюрализма. Логос № 53, 2006. с. 88-91): «Можно с определенной степенью уверенности говорить о том, что в этнической модели нации действует языковая сегрегация, которая внешне наделяет меньшинства преимуществами в рамках добровольности владения доминантным языком, но в реальности вызывает постоянное напряжение, определяемое тем, что демонстрируемое преимущество создает больше проблемных ситуаций, чем успехов». Предлагаемый мультикультурализм в рамках этнических моделей вызывает недовольство со стороны групп действия, требующих введения обязательной языковой политики. Как подчеркивает В.Л. Малахов, в гражданской (политической) модели нации речь идет о проявлениях языкового национализма как националистического популизма, где гражданская демократия характеризуется ориентацией на изоляцию языковых радикалов, имеющей основания в интолерантности общества к проявления языкового национализма как версуза этнической модели нации.

В этом смысле языковой национализм может получить поддержку в ситуации «артикуляции культурных различий в публичной сфере», дискуссии о правомерности принимаемых судебных или административных решений относительно культурного разнообразия (символический пример – ношение хиджаба), что резонирует, соотносится с допустимыми границами относительно использования национального языка и языка национальных меньшинств. В публичной сфере языковой национализм выражается в ориентированности на принятие владения национальным языком как свидетельства гражданской и политической лояльности национальных меньшинств.

Таким образом, языковой национализм в обществе поздней современности, если мы рассматриваем Европу как социокультурный регион, содержит тенденцию изменений в классической схеме национализма, связанного с национальными государствами, коллективными общностями (народ, нация) и переходом в условия культурного разнообразия в сферу субполитики, деятельности групп действия, которые в условиях отказа от универсальной ценности национального языка определяют свои социальные притязания сложившимися культурно-языковыми традициями. Эти традиции, определяемые статусом национальных языков, как отмечает В.Л. Малахов, различаются в Канаде и Франции. Не менее важный вывод заключается в том, что языковой национализм характеризует разрыв с традицией «язык как субстанция национальной государственности» и становится инструментальным. Это выявляется недостаточно очевидно, так как социальные преференции групп действия не являются обязательно одобряемые на уровне общественной под-

держки: обращение к защите национального языка делает возможным отклонение обвинений в групповом иудаизме и националистическом популизме.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что языковой национализм как социокультурный феномен общества в поздней современности создает качественно новую ситуацию в траектории национализма как идеологии, трансформируясь в малый норатив, входящий в систему идеологического многообразия по существу, но требующий внимания к возможности роста на языковой почве социального радикализма и критики языковой толерантности в рамках ее подозрения в замещении традиционных ценностей, свойственных группам действия. Особенность становления языкового национализма в современном российском обществе вполне закономерна и предсказуема, так как, в отличии от европейской истории, в России, в силу ее предимперского или имперского состояний, язык не являлся конституирующими фактором (если вспомнить «зисилие» французского в 18–19 вв. и наделение русского языка статусом языка государственного в 19 в.); его роль в консолидации элит состоит в том, что американский исследователь М. Уолцер охарактеризовал как «придание однозначной надэтнической идентичности». Так называемая политика русификации в поздний имперский период преследовала двуединую цель. С одной стороны, языковая политика, направленная на вхождение в мир русского языка, была связана с необходимостью создать государственный организм с ограничениями использования языкового вопроса для течений сепаратизма. В этом смысле референтен «польский вопрос», где политика Петербурга по отношению к полякам определялась приоритетами приведения в состояние минимальной лояльности, нацеленности на то, чтобы университеты и элиты перестали быть источником постоянных угроз для государства. Как сравнение, в Финляндии, входившей в состав Российской Империи, языковая политика являлась либеральной, и официальной российской властью делались усилия как раз для финляндизации, сужения сферы шведского языка, который ставил финское население в зависимое положение. Таким же образом можно говорить о том, что благодаря прибалтийские народы испытывали не молот русификации, а для них жизненно важным являлось освобождение от «немецкого наследства». Аналогичный процесс, без тяжелого давления «молота русификации», проходили и прибалтийские народы – для них жизненно важным являлось освобождение от «немецкого наследства». Относительно других народов империи можно говорить о том, что русский язык переход к русскому языку определялся задачей интеграции элит, но практически не затрагивал основную массу населения.

Исторически сложившийся языковой контекст имел последствием бесперспективность этнического национализма, но в той же степени являлся рискованной зоной для межнациональных отношений внутри России. Этнонационалистическая риторика, свойственная националистам на территориях «русской Польши», Финляндии, Грузии, способствовала тому, что русский национализм в политическом пространстве являлся «слабым», не принимал массового характера, отклонялся левыми и правыми и не вызывал поддержки со стороны имперской бюрократии. Попытки представить феномен черносотенства как проявление радикального этнического национализма (У. Лакер, В. Янов) является идеологически-тенденциозным, так как при изображении черносотенцев националистической массы, забывается, что их деятельность была направлена на поддержку монархии, на борьбу с бюрократией, либералами и социалистами, но не являлась «классическим национализмом».

Другими словами, национализм в период имперской истории занимал маргинальное положение в российском обществе, и усилия новой большевистской власти, связанные с переходом от России как тюрьмы народов к России как союзу народов, определялись задачами построения многонациональной государственности, в которой социалистические нации становятся в контексте коренизации равными и ответственными участниками социалистического строительства. Проводя национальную политику в контексте коренизации,

советские организации и учреждения рассматривали национальный язык и в пропагандистских целях как свидетельство внимания к национальным культурам или национальным кадрам и в рамках идейно-политического противоборства с буржуазным национализмом. С учетом того факта, что за пределами России существовали значительные этнонациональные группы (Польша, Румыния, Чехословакия), языковая политика являлась частью строительства социалистических наций, и ее проведение зависело от сложившихся политических обстоятельств. Таким образом, под запрет попадали проявления буржуазного национализма и великорусского шовинизма, квалифицируемые как отступление и извращение официальной национальной политики, особенно в сфере языка.

Данный момент символичен тем, что в определенной степени объясняет «наследство» предшествующего советского периода и включает теоретико-интеллектуальный контекст языкового национализма как социокультурного феномена современного российского общества. Следует предположить, что культурно-языковая политика советского государства реально обеспечила рассвет национальных культур, создание письменности для народов бывшей Российской империи, и нельзя это достижение придавать забвению или строить оправдание схем дерусификации, принявший обвальный характер после распада советского союза в новых государствах, взявших курс на построение этнонациональной модели государственности. В актуальности можно говорить о двух равнонаправленных тенденциях в развитии языкового пространства в отношениях между Россией и ближним зарубежьем. С одной стороны, есть стремление под знаком многовекторности сузить сферу обращения русского языка, как под влиянием внутренних причин (деятельность политических элит), так и внешних (языковая экспансия), заинтересованных в расширении сферы влияния политических союзов внешних сил (Румыния, Турция). С другой стороны, процесс экономической интеграции, поддержание стабильного межнационального мира формируют запрос на сохранение русского языка как языка межнационального общения.

Какое это отношение имеет к языковому национализму, который, как мы выяснили, является ветвию развития национализма в условиях поликультурных государств европейского континента? Отмечая, что в России русский язык является государственным и одновременно языком межнационального общения, мы исходим из того, что возможности языкового национализма в европейском варианте для России не являются очевидными. Есть проблема культурно-языковых инноваций в различных сферах общественной жизни и на уровне обыденного общения: избыточная глобализация языкового пространства, формирование новых сленгов, особенно на уровне молодежных субкультур, снижение культуры языка под влиянием ухудшения качества преподавания русского языка и литературы на массовом уровне, интернет-пространства, в которых очевидно возникновение языковых симуляторов.

В целом в российском обществе проявляется озабоченность о судьбе русского языка и языков народов России, и эту озабоченность следует разделять с проявлениями этнократии в российских республиках, попытках утвердить статус титульного народа или перестроить систему базового образования по модели доминирования национального языка. Также определенное влияние, особенно в начале 90-х гг., получили идеи современных почвенников (произведения писателей В. Белова, Дм. Балашова, Вал. Распутин). Однако отмеченные тревоги по поводу русского языка не результатировались в массовое движение с признаками языкового национализма. Русский язык действительно литературоцентричен, является мировым культурным наследством и, благодаря авторитету Д. Лихачева, С. Аверинцева, Ю. Лотмана, языковой национализм не стал значим интеллектуальным явлением и сконцентрирован в социально-бытовой сфере, являясь производной от

реактивного поведения населения по отношению к проблемам внешней миграции, «анти-московским» настроениям в форме неодобрения и неприятия культурно-языковых инноваций в СМИ и интернете.

Однако культурная языковая политика российского государства в рамках Стратегии национальной политики, принятой в 2012 г., основывается на упрочении общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонациональных народов России, с другой, сохранения и развития этнокультурного разнообразия народов России: в изложенном контексте для языкового национализма, который инструментален и является адресатом социально-маргинальных групп (имеющих транзитивный социальный статус), объективно находится в состоянии «культурного гетто». Имеется ввиду, что перспективы для наращивания влияния языкового национализма на интеллектуальную ситуацию в обществе не просматриваются, но здесь следует подчеркнуть, что нарушения сбалансированности культурно-языковой политики, перекос в сторону развития этнокультурного многообразия народов на основе конструирования «новых идентичностей» или этнического «реваншизма» могут стимулировать этнизацию языкового национализма, возвращения к состоянию культурно-языковых конфликтов как формы выражения глубинных дезинтеграционных процессов в российском обществе. Поэтому есть необходимость мониторинга национальной политики, верификации ее результатов соответственно заявленным целям культурного многообразия и духовной общности народов России (Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта. М. 2016. с. 59).

В целом можно говорить о том, что языковой национализм как социокультурный феномен современного общества характеризует кризис идеологии этнонационализма, являясь превращенной формой группового «частного» национализма, социальных групп, ориентированных на социальные преференции через защиту национального языка. Это, с одной стороны, является «оборонительным» национализмом, так как направлена на сохранение национального языка в качестве альтернативы политики мультикультурализма государства. Но есть и другой, менее «респектабельный» момент, определяемый тем, что языковой национализм имеет свойство стать формой социальной дискриминации, вводя в общественный дискурс языковую сферу как пространство бинарности «традиционной современности» и формируя конфликт интересов общества и групп языковой мобилизации.

Для современного российского общества, многонационального и многокультурного, доминантой является сохранение духовной общности на основе русского языка как языка межнационального общения и развитие этнокультурного разнообразия народов России через традицию языкового равенства и солидарности национальных языков, что делает актуальным в научном дискурсенейтрализацию языкового национализма, учитывая имперский, советский и постсоветский периоды развития российского общества: признание исторической обусловленности многокультурности России определяет обоснованный интерес к поиску дискурса российской идентичности на основе баланса традиций и инноваций в языковой сфере.

Список литературы

- Бэк У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну. М., Прогресс-традиция, 381 с.
Кедури Э. 2010. Национализм. СПб., Алетейя, 136 с.
Культурология. ХХ в. 1997. СПб., Университетская книга. 640 с.
Малахов В. Л. 2006. Национальное государство перед лицом культурного плюрализма. Логос, 53: 88–91.
Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. 2010. М., РОССПЭН, 695 с.
Волков Ю.Г., Бедрик А.В., Войтенко В.П., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Денисова Г.С., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. 2016. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта. М., Социально-гуманитарные знания, 422 с.

Расизм, ксенофобия, дискриминация. 2013. М., Новое литературное обозрение, 384 с.
Смит Э. 2004. Национализм и модернизм. М., Практис. 464 с.

Турен А. 1998. Возвращение человека действующего. М., Научный мир, 204 с.

Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне. М., Весь мир. 416 с.

Хабермас Ю. 2005. Политические работы. М., Практис, 368 с.

References

- Bek U. 2000. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [The Risk Society. On the way to another modernity]. Moscow, Publ. Progress-traditsiya, 381 p.
- Keduri E. 2010. Natsionalizm [Nationalism]. SPb., Publ. Aleteyya, 136 p.
- Kul'turologiya. XX v. [Culturology. 20th century] 1997. SPb., Publ. Universitetskaya kniga. 640 p.
- Malakhov V. L. 2006. Natsional'noye gosudarstvo pered litsom kul'turnogo plyuralizma [The Nation State in the Face of Cultural Pluralism]. Logos, 53: 88-91.
- Natsionalizm v pozdney i postkommunisticheskoy Evrope [Nationalism in Late and Post-Communist Europe]. 2010. Moscow, Publ. ROSSPEN, 695 p.
- Volkov Yu.G., Bedrick A.V., Voitenko V.P., Vyalykh N.A., Degtyarev A.K., Denisova G.S., Lubsky A.V., Posukhova O.Yu., Serikov A.V., Chernobrovkin I.P. 2016. National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience. M., Social and Humanitarian knowledge, 422 p
- Rasizm, ksenofobiya, diskriminatsiya [Racism, xenophobia, discrimination]. 2013. M., Publ. Novoye literaturnoye obozreniye, 384 p.
- Smit E. 2004. Natsionalizm i modernism [Nationalism and Modernism]. Moscow, Publ. Praksis. 464 p.
- Turen A. 1998. Vozvrashcheniye cheloveka deystvuyushchego [The Return of the Acting Man]. Moscow, Publ. Nauchnyy mir, 204 p.
- Khabermas Yu. 2003. Filosofskiy diskurs o modern [Philosophical discourse on modernity]. Moscow, Publ. Ves' mir. 416 p.
- Khabermas Yu. 2005. Politicheskiye raboty [Political works]. Moscow, Publ. Praksiz, 368 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.08.2021

Received August 13, 2022

Поступила после рецензирования 13.11.2021

Revised November 13, 2022

Принята к публикации 12.02.2022

Accepted February 12, 2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дегтярев Александр Константинович, доктор философских наук, профессор кафедры юриспруденции, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander K. Degtyarev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Jurisprudence, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

УДК 342; 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-230-237

Парадоксальная идеология народничества в правовой культуре русского интеллигента

¹ Римский А.В., ² Исмагилова М.М.

¹ Белгородский юридический институт МВФ РФ им. И.Д. Путилина
308024, Россия, Белгород, ул. Горького, 71

² Культурно-спортивный центр (филиал ООО Газпром трансгаз Чайковский)
617762, Россия, Пермский край, г. Чайковский, ул. Советская, 49
E-mail: alex.rimskiy@yandex.ru; masha.stepkina.2012@mail.ru

Аннотация. Идеология народничества имеет историческое и актуальное значение в развитии правосознания и правовой культуры российского общества. Авторами выявлены парадоксы не только прошлого, но и настоящего: дореволюционная русская интеллигенция мнила себя носителем культурной и исторической миссии в «деле спасения народа» как органической общности от произвола самодержавия. Современная самозванная либеральная интеллигенция также возомнила себя воплощением «всего светлого и прогрессивного» в отличие от ретроградной власти. Всё это несёт в себе «родимые пятна» парадоксализма народнической идеологии, её «веры в народ» и одновременно удалённость и чуждость этому народу, что воплощалось в литературоцентризме отечественной интеллигенции, рассмотрении реальности сквозь призму дискурсивных нарративов, создающих эту парадоксальную идеологию народничества, которая в превращённых формах жива и в актуальной современности. Всё это накладывало и до сих пор определяет специфику отечественной правовой культуры, в которой преобладают архетипы цивилизационного российского традиционализма, консервативного и метаконституционного, опирающегося на духовно-нравственные идеалы, не на конвенциональные правовые нормы. В работе показано, что осознание и теоретическое осмысление парадоксальности идеологии народничества, влияющей до сих пор на практики правовой культуры, поможет избежать «эксцессов экстремизма» в современной российской политике и культуре.

Ключевые слова: народничество, идеология, правовая культура, революционный активизм, бунтарство, экстремизм, разночинская интеллигенция, литературоцентризм

Для цитирования: Римский А.В., Исмагилова М.М. 2022. Парадоксальная идеология народничества в правовой культуре русского интеллигента. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 230–237. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-230-237

The Paradoxical Ideology of Narodnichestvo in the Legal Culture of the Russian Intellectuals

¹Aleksey V. Rimsky, ²Maria M. Ismagilova

¹ Belgorod Law Institute I.D. Putilin Institute of Law of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation.

71 Gorky St, Belgorod 308024, Russia

² Cultural and Sports Center (branch of OOO Gazprom transgaz Tchaikovsky)
49 Sovetskaya St, Tchaikovsky, Perm Region 617762, Russia
E-mail: alex.rimskiy@yandex.ru; masha.stepkina.2012@mail.ru

Abstract. The ideology of Narodnichestvo has historical and topical significance in the development of legal consciousness and legal culture of Russian society. It reveals the paradoxes of both past and present:

Russian intelligentsia embodied the cultural and historical mission in relation to the people as an organic community. In the formation of legal culture with obvious manifestation of the paradox between faith in the people and literary-centrism, containing the idea of returning to the pre-Christian principles of original life, which was a consequence of an era of secularization and not continuity of constitutionalism and conservatism development of Russia.

Keywords: Narodnichestvo, ideology, legal culture, revolutionary activism, rebelliousness, extremism, raznochin intelligentsia, literary-centrism

For citation: Kostin V.E. 2022. The Paradoxical Ideology of Narodnichestvo in the Legal Culture of the Russian Intellectuals. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 230–237 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-230-237

Русский интеллигент как культурно-антропологический тип интересен тем, что в истории России рождение интеллигенции ознаменовалось переходом к началу модернизации, но парадокс генезиса состоит в том, что интеллигент – и это стало общим утверждением – являлся носителем социальной и культурной миссии, которая выражалась в социальном и нравственном долге, совестливости, сострадании к народу, просвещении масс и при этом, как писал И. Берлин, по историческим причинам отчетливо проявлялось расхождение между благими намерениями и реальностью народной жизни [Берлин, 2001, с. 34]. Оценивая феномен русской интеллигенции, как правило, подчеркивают, что вышеописанное явление было бы невозможно, оно не состоялось бы вне контекста петровских реформ.

Воспринимая Петра Великого как противоречивую фигуру российской истории и российской государственности, Патриарх Кирилл сказал, что Петр был русским человеком, его вклад в развитие России несомненен, и он является фигурой исторического масштаба. Но при Петре начался процесс секуляризации общественной жизни, следование западным поведенческим и ментальным образцам. И русская интеллигенция, воспитанная в духе Гегеля, Руссо и Гердера, ориентировалась на «богоборческую» установку, ставило целью, отклоняя казенную церковь, внести в народные массы понимание освобождающих человека смыслов.

Для русской интеллигенции, которая из малочисленного класса образованных людей начала XIX века превратилась в массовый разночинский слой, интеллектуальный «пролетариат», официальное православие являлось не символом христианского смирения, а оправданием «мерзости» русской жизни, рабства русского крестьянина, символом презрения правящей элиты народу. Идеология народничества, представленная в работах кумиров разночинцев В. Белинского, Н. Писарева, Н. Чернышевского, может быть охарактеризована как утопический социализм, но в отличие от известных взглядов Сен-Симона и Фурье основывалась на культе народолюбия, вины перед народом и воздаяния народу «исторической справедливости». Как писал исследователь русской культуры Ю.М. Лотман, парадокс интеллигентского сознания являлся следствием литературоцентризма [Лотман, 2007, с. 98]. Парадоксальность мысли признанного авторитета в понимании русской культуры заключается в том, что народники возродили дохристианские формы жизнедеятельности в качестве узаконенного *антитоповедения*. Действительно, народничество мыслило и действовало по схеме *воображаемого* народа (виртуального и в историческом смысле – как *должного*, и в современном – как *воображаемого, мнимого*). Отклоняя религиозность, – плод суеверий, насаждаемых властью, – и выражая мечту о новом свободном человеке, Н. Чернышевский считал, что, прежде чем стать свободным, русский крестьянин должен обратиться к «топору», другими словами, отвергая «икону», быть призванным к бунту [Белингтон, 2001, с. 62].

Разумеется, мы не обязаны некритически принимать аргументы зарубежных историков инакомыслия: если в них что-то и содержится в качестве достаточно обоснованного вывода, так это факт того, что русская интеллигенция, являясь плодом модернизации России, воплотила противоречия русской общественной жизни, а в поисках органичности народного бытия и в обращении к народу как носителю правды народничество совершило выбор своеобразного *антитоведения*, – того, что Ф. Достоевский назвал «идеологией бесов». В этом выражении русского писателя отражены его долгие духовные искания и мыслительные поиски, в которых он выступает не просто в качестве обличителя революционных «возмутителей» (если бы это было так, то чем Достоевский выделялся бы среди апологетов самодержавия?). Достоевский, прошедший тяжелый путь самоочищения, выдвинул концептуальное (и образное, и рациональное) свидетельство о глубоком духовном кризисе, нашедшем воплощение в правовой культуре, исповедуемой народничеством.

Теперь надо сказать несколько слов о литературоцентризме народников. Это не было их грехом в контексте секуляризации русского общества, так как все образованные слои России испытывали влияние не только французской литературы, но и всей западной философии. Парадокс выходит на поверхность тогда, когда в качестве почти единственной точки духовной опоры выступает литература. Ведь если сравнивать с французской великой классической литературой, воплощённой в произведениях О. Бальзака, Г. де Мопасана, В. Гюго, где дается анализ типу обывателя, мещанина, личности законопослушной с характеристиками добродетели, разъедаемой язвами капитализма, можно увидеть многие родовые идеи русского народничества.

Вот в этой идеологии и проявляется своеобразный «антиkapitalizm» народников, когда они, действуя почти по известной формуле марксизма, видели в правовой культуре лишь отражение господствующих идей правящего класса, оправдание эксплуатации и отчуждения человека.

Но было бы не точно называть народников «предмарксистами» или «квазимарксистами». Они настаивали, а точнее были уверены в духе русской общности, в силе права как неписанной нормы органической жизни народа по формуле «справедливости и правды» [Хостинг, 2000, с. 295]. Дж. Хаски ссылается на воззрение А. Герцена и М. Бакунина, близких по контактам к западной «прогрессивной» интеллигенции, и отмечает удивительную деталь, которая могла бы остаться не замеченной. Народники не были сторонниками М. Бакунина, не могли безоговорочно разделять его революционный социализм, но в большей степени для них был характерен дух сомнения А. Герцена, «колеблющегося мудреца».

Буржуа невозможно любить как класс, сострадание заслуживает конкретная личность, страдающая комплексом Растинька, «живой человек» из русского народа, и в этом смысле народники были субъективистами, оценивали высоко роль личности в истории, парадоксально обожествляли народ и относились к нему как к пастырю и в этом смысле страдали специфическим духовным нарциссизмом. Казалось бы, «хождение в народ» показало отсутствие революционной энергии, сотрудничества народа и «живого человека» с властью, но, как следствие, правовые воззрения народников не стали при этом либеральными. И для них недопустимой была мысль о компромиссе с самодержавной властью, так как они полагали, что «Карфаген должен быть разрушен», поэтому их активность не распространялась на выработку правовых альтернатив, того, что можно описать как «дело свободы». Как «парадоксальный человек», народник жаждал глубоких и коренных изменений и по своим убеждениям и предпочтениям принимал политический радикализм и экстремизм, отвергающий правовую лояльность «живого человека» [Тощенко, 2001, с. 308].

Речь идет не только о вероподданничестве русского человека: актуальна мысль о том, что идеология народничества как *образец негативной идентичности* основывалась на понятии *правовой воли*, в мягком варианте – *правового нигилизма*, правовой «базарщины», и эклектично сочетала элементы позитивизма, волонтаризма и утопизма. При та-

ком воззрении проявлялась логика отрицания и переход к утверждению права, «справедливого для народа», представлялся сложным. История народничества свидетельствует о наличии *разрывов*, понимания уверенного прогресса в буржуазных реформах Александра II и, под воздействием страха потери революционного импульса, *возможности* выхода на политику террора.

Но не будем заниматься сведением идеологии народничества к позиции маргинальной группы: разночинская среда, породившая народников, была неоднородная и те, кто придерживался концепции «малых дел», отстаивал постепенность в освобождении народа, не могут быть обвинены в поссибализме, философии «многообразия возможных и свободных выборов человека». Это было бы упрощенной схемой разделения на «героев» и «обывателей». Как пишет российский исследователь М. Трудолюбов, в России отношение к власти, к собственности и частному пространству не может быть интерпретировано только как следствие коллективизации и индустриализации [Трудолюбов, 2015, с. 29]. Россия являлась страной не догоняющей модернизации, а модернизации «странным образом», то есть незащищенности прав. Так как народники испытывали разочарование в капитализме и буржуазии, возлагая надежду на общину, то действовала логика колlettivизма, и при этом, что опять парадоксально, можно говорить о народниках как о русских индивидуалистах [Леонтьев, 2007, с. 25]. Критикуя отвратительность художественного манифеста Н. Чернышевского «Что делать», русский мыслитель объяснял, что принцип отвлеченного долга неизбежно вёл к отрицанию и морали, и права.

Народники дошли своей односторонней последовательностью в борьбе за освобождение народа до прямого отрицания права народа на правовое просвещение, на отношение к действительности на основании *здравого смысла*. В российском обществе, вероятно, поэтому не сформировался консенсус относительно базовых прав: русский конституонализм, который вроде бы выразился в формировании элементов парламентаризма, страдал «народничеством»: либеральные властители дум предреволюционного периода фактически были учениками народников. Отвергая радикализм большевистской партии и провозглашая опыт перерождения России, ее «домодернизации» до западных образцов, они, несмотря на блестящее юридическое образование, так и не усвоили, казалось бы, очевидную мысль о возможностях использования силы права: утрата авторитета интеллигенцией, как не парадоксально выглядит, определялась ее усилиями изменить сознание народа. Для народных масс важным был вопрос земли, ликвидации сословностей, но конституционные права являлись вожделенным объектом интеллигенции, с которой у народа, как и с властью, данные отношения не складывались. Интересный поворот интеллигенции к эйфории перемен не принимался народными массами, в основном крестьянством, по причине её отдаления от реальной несправедливости, и конфликт власти с интеллигенцией воспринимался многими в узкой провинции как «не наше дело».

Следует подчеркнуть, что крестьянство, которое и отождествлялось народниками с народом, так и продолжало нищать, испытывать периоды голода и непросвещенности. Казалось бы, это – реальная жизнь народа и «идеалы» интеллигенции – различные по своей природе явления, но их объединять – значит создавать из двух одно: синкретический парадокс идеологии «избы» и идеологии «банкетов» в «одном флаконе» (это до сих пор существует в нашей реальной культуре). Как пишет исследователь русской истории Ж. Соколов, репрессии царизма были предчувствием катастрофы, непониманием и желанием воплотить принципы конституонализма, но внутри российского общества идиллические начала, вера в то, что судьба народа решается в университетах, предвосхищали только ужесточение политики самодержавия и сопротивления даже незначительным конституционным подвижкам [Соколов, 2008, с. 133]. Преобразующий потенциал народничества практически к началу XX века исчез. Вероятно, будет натяжкой признать в эсерах и кадетах прямых последователей идеологии народничества (при том, что эсеры, казалось бы, воспроизводили путь народничества в политике террора и были искренне

озабочены земельным вопросом, но их позиция так и оставалась вне правового поля). Ж. Соколофф пишет о «новых народниках», но эта группа не является оригинальной по своим взглядам, так как представляла интересы предпринимателей и ориентировалась на компромисс с государством на основаниях легального марксизма. Капитализм для них являлся естественным этапом развития России, и в этом смысле исчезал объект деятельности народных масс. Очевидно, что перспективным можно считать зачатие социальной политики, однако, в силу отсутствия профсоюзного движения, которое замещалось логикой революционной борьбы и отношением старых народников к рабочему классу как к депривированному, «обездоленному» бывшему крестьянину, правовая культура так и не получила обоснования в необходимости правового регулирования политических и социальных конфликтов.

Реально это означало, что в российском обществе не сложилась «современная», модернистская правовая культура, а право являлось пространством непримиримых политических конфликтов. И если самодержавие могло ссылаться на необразованность народа и исключение иной политики, кроме кнута, то правовое образование народников сыграло с ними злую шутку. С.А. Муромцев обосновал идею организованного правового порядка, который образуется всей совокупностью субъективных идей, «живым правом», в отличии от официального «мертвого права». Являлось ли это последствием влияния идеологии народничества? Следует отметить, что для С. Муромцева, как и для Н. Коркунова или П. Чичерина, право сформировалось как результат позитивизма, применения к праву принципа точности, изучения социальной динамики и социальной статики. Таким образом, вместо идеологизированного понимания народа как органической общности с легитимацией дохристианских общинных форм русские правоведы ставили вопрос о вхождении права в различные сферы общественной жизни на условиях современной правовой культуры, либеральной, с принятием идеи «общего блага».

Дискуссия, которая развернулась в современной западной правовой мысли о соотношении коммунитаризма и либерализма свидетельствует о том, что правовая культура, содержащая принципы общего блага, социальной справедливости и социального равенства, является признанием гражданского статуса личности, запросом на организованное гражданское общество, и в этом есть правота взглядов Муромцева, но так и не установлены критерии справедливого общества, о котором думали и мечтали идеологи народничества [Современный негероизм, 1998, с. 137]. Мы можем убедиться в том, что всё же народники поставили вопрос о характере русской правовой культуры, принимая во внимание условность их объединения преимущественно по критерию отрицания консервативной революции, симфонизма властей и одновременно подозрительного отношения к буржуазному либерализму. Но они и преумножили проблемы, которые потом пытались решить большевики с приходом к власти в рамках возведения в абсолют формул «революционного права». Как мы видим, социалистический эксперимент нельзя называть безоговорочно удачным, но, наверное, следует не забывать, что истоки большевизма есть и в идеологии народничества. По крайне мере, большевики в целях революционной целесообразности разделили народ на классы: крестьянство, вероятно, учитывая опыт неудачного хождения в народ, было объявлено классом, нуждающимся в авангардной роли пролетариата.

В этом смысле народничество являлось движением безвозвратно ушедшей эпохи. Как показывает история революционного террора, развязанного против «недобуржуазных» партий эсеров и меньшевиков, если кадетов, конституционалистов отправляли в эмиграцию, то с эсерами расправлялись жестоким образом. Крестьянство перестало быть народом: крестьянские восстания 20-х годов XX века были вызваны правовым беспределом, повышением базовых социальных и гражданских прав основных масс населения советской России. И, безусловно, идеализм народников, культ народолюбия стал риторической фигурой политической близорукости для идеологов новой власти. Выражение «сила

права» перестало существовать и, если попытаться систематизировать то, что можно охарактеризовать как правовую культуру современного российского общества, нам следует бережно относится к наследию народничества. В условиях реального влияния групповой морали, частных правовых порядков, серых зон в правовом пространстве есть основание считать, что надо учитывать достижения народничества в отстаивании идей права «для народа» и «через народ» [Баранов, Шпак, 2004, с. 39].

Можно также говорить о том, что правовая культура общества нуждается в идеологии как системе ценностей, которые отражают специфику российской культурно-цивилизационной модели. Достоинство народников состояло в том, что они, «страдая» литературоцентризмом, являли слой российского общества с обостренным чувством гражданской совести и независимо от эволюции взглядов признавали формальные правовые институты при условии понимания безусловного характера правовых свобод. Дж. Хостинг писал, что социалистическое мессианство в принципе наследовало мессианство народников, и чувство общности прошло испытание разрушительной волной индивидуализма и рационализма [Хостинг, 2012, с. 29]. Но имеется и повод думать о том, что Россия становится страной сторонников «хорошего общества», общества, в котором следование правовым нормам является самым глубоким ценностным изменением [Федотова, 2005, с. 15]. Действительно, не настаивая на роли правовой культуры как универсального рецепта, логика повседневности вынуждает думать, что современный российский человек является рациональным типом личности и основная проблема состоит в правовой атаке общества, в укорененном чувстве безразличия к силе права. Если народники видели в настроениях крестьянства глубинные нравственные основания справедливости и общность являлась основой правопорядка, а партии и профсоюзы рассматривались как выражение частных интересов, то вполне можно согласится с В.Г. Федотовой, что современная реальность предполагает восстановление процедур права: российское государство является правовым и социальным, согласно Конституции РФ. Для того, чтобы право состоялось, есть необходимость в утверждении в обществе единства права и блага.

Народолюбие содержит абстрактное начало, как писал К. Леонтьев, благо народа мыслится вне его права на суверенность, на отстаивание диалога с властью, то есть на то, что по опыту народников нужно понимать как ценности государства, как гарантии права. Принципиальная противоречивость в идеологии народничества проистекает из спекулятивности обобщений, из того, что право не является, по выражению Гегеля, действительностью действительности, и понятие «душа народа» как образ литературного романтизма реально ведет к отрицанию повседневности, а это близко к утверждению: «браться за топор, чтобы народ переродился из инертной массы в бунтари» [Малинович, 2008, с. 139]. В сущности, народничество принципиально дискредитировано, превратилось в пространство маргинальных смыслов только потому, что поставило перед собой красные линии. Признание за народом права быть безусловным моральным авторитетом по отношению к власти, хранить традицию общности не может быть заменено правовым принуждением к соблюдению коллективных обязательств и отклонением либерализации общественной жизни на основе критерия негативного права.

В теории и истории российской идеологической мысли правовые проблемы всегда представлялись косвенными, зависимыми от морали, духовности, и народники не являются исключением. Но в чем нельзя им отказать, так это в акцентировании внимания на органичности народной жизни, на том, что чувства народа определяются традицией, что правовая культура в России обречена на *традиционность*, укрепление семьи, ценностной иластной иерархии по принципу авторитета поколений и опыту нравственности. Можно отметить интересную тенденцию, которая означала ожесточенность критики народничества со стороны российской правовой мысли в предреволюционный период. В работе «Из глубины» практически уничтожалась русская интеллигенция, вернее, ее социальная и ис-

торическая мысль как класса опасных мечтателей (Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев). Несмотря на то, что дискуссия не вышла за пределы образованного большинства, неизбежным являлось предчувствие непонимания произошедших в обществе тектонических сдвигов в общественном сознании. Русское интеллигентское правосознание, как писал И.А. Ильин, было настроено против монархии и логически осознавало предпосылки революционного максимализма [Ильин, 1998, с. 93].

Заключение

Если не считать монархизм И.А. Ильина безоговорочно принятой позицией, то из анализа избранной темы можно сделать два кратких вывода. Во-первых, исторический урок идеологии народничества заключается в том, что российское общество является обществом, нуждающимся в логике собственных интересов, а не в служении абстрактному «общеевропейскому делу» и, во-вторых, в выстраивании правовой культуры и правового сознания как соответствующего коммунитарному культурно-антропологическому типу русского человека. В этом заключается трезвость, отказ от нигилистических и романтических представлений, понимание того, что Россия встроена в современное глобальное пространство, где господствует постмодернистский правовой дискурс, и к этому обстоятельству нужно прилагать усилия по защите *традиционистских ценностей правовой культуры*, нацеленной на идею общего блага, совести и справедливости.

Данное положение не является абстрактно отвлеченным и основано на выработке правового дискурса, содержащего возможности объединения общественных и государственных институтов, в воспитании веры в силу права, способности правовых норм воздействовать на человека, чтобы побороть влечение как к первобытной дикости радикалов (от исламских террористов до украинских нацистов), так и к правовому однополярному произволу («игра по правилам»), процветающему на современном Западе.

Список литературы

- Баранов П.П., Шпак А.В. 2004. Сила права: политico-институциональный анализ Ростов н/д: Рост. юрид. ин-т., 144 с.
- Белингтон Дж. 2001. Икона и топор. М., Рудомино, 879 с.
- Берлин И. 2001. История свободы. М., Новое литературное обозрение, 544 с.
- Ильин И.А. 1998. О грядущей России. Джордан Вилл, 366 с.
- Леонтьев К. 2000. Поздняя осень России. М., Аграр, 336 с.
- Лотман Ю.М. 2002. История и типология русской культуры. СПб., Искусство-СПб, 768 с.
- Малинович В.В. 2008. Век вывихнут... Распалась связь времен. М., Международный институт гуманитарно-политических исследований, 352 с.
- Новая история интеллигенции. Общая и особенная. 2012. М., РГГУ, Центр Социолог, 408 с.
- Петражицкий Л.И. 1900. Очерки Философии права. СПб., 450 с.
- Русский индивидуализм. 2007. М., Алгоритм, 288 с.
- Современный либерализм. 1998. М., Дом интеллектуальной книги, 320 с.
- Современный негероизм. 1998. М., Прогресс-Традиция, 248 с.
- Соколов Ж. Бедная держава. 2008. М., Издательский дом ГУ ВШЭ, 882 с.
- Тощенко Ж.Т. 2001. Парадоксальный человек. М., Гордарики, 398 с.
- Традиции и русская цивилизация. 2006. М., Астрель, 282 с.
- Трудолюбов М. 2015. Люди за забором. Власть, собственность и частное пространство в России. М., Новое издательство, 246 с.
- Хостинг Дж. 2012. Правители и жертвы. М., Новое литературное обозрение, 344 с.
- Хостинг Дж. 2000. Россия: народ и империя. Смоленск, Русич, 510 с.
- Федотова В.Г. 2005. Хорошее общество. М., Прогресс-Традиция, 544 с.

References

- Baranov P.P., Shpak A.V. 2004. Sila prava: politiko-institutsional'nyy analiz [Force of Law: Political and Institutional Analysis]. Rostov n/d, Publ. Rost. yurid. in-t., 144 p.
- Belington Dzh. 2001. Ikona i topor [Icon and axe]. M., Rudomino, 879 p.
- Berlin I. 2001. Istoriya svobody [The history of freedom]. Moscow, Publ. Novoye literaturnoye obozreniye, 544 p.
- Il'in I.A. 1998. O gryadushchey Rossii [About the coming Russia]. Dzhordan Vill, 366 p.
- Leont'yev K. 2000. Pozdnyaya osen' Rossii [Late autumn in Russia]. Moscow, Publ. Agrar, 336 p.
- Lotman Yu.M. 2002. History and typology of Russian culture. St. Petersburg: "Art-SPb", 768 p. (in Russian).
- Malinkovich V.V. 2008. Vek vyvikhnut... Raspalas' svyaz' vremen [he century will be dislocated... The connection of times has broken up]. Moscow, Publ. Mezhdunarodnyy institut gumanitarno-politicheskikh issledovaniy, 352 p.
- Novaya istoriya intelligentsii. Obshchaya i osobennaya. 2012. [New history of the intelligentsia. General and special]. Moscow, Publ. RGGU, Tsentr Sotsiolog, 408 p.
- Petrazhitsky L.I. 1900. Essays on the Philosophy of Law. SPb., 450 p. (in Russian).
- Russkiy individualizm. 2007. [Russian individualism]. Moscow, Publ. Algoritm, 288 p.
- Sovremennyy negeroizm. 1998. [Modern non-heroism]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya, 248 p.
- Sokoloff J. Poor power. 2008. Moscow: State University Higher School of Economics Publishing House, 882 p. (in Russian).
- Toshchenko Zh.T. 2001. Paradoksal'nyy chelovek [Paradoxical Man]. Moscow, Publ. Gordariki, 398 p.
- Traditsii i russkaya tsivilizatsiya. 2006. [Traditions and Russian civilization]. Moscow, Publ. Astrel', 282 p.
- Trudolyubov M. 2015. Lyudi za zaborom. Vlast', sobstvennost' i chastnoye prostranstvo v Rossii [People behind the fence. Power, property and private space in Russia]. Moscow, Publ. Novoye izdatel'stvo, 246 p.
- Khosting Dzh. 2012. Praviteli i zhertvy [Rulers and victims]. Moscow, Publ. Novoye literaturnoye obozreniye, 344 p.
- Khosting Dzh. 2000. Rossiya: narod i imperiya [Russia: people and empire]. Smolensk, Publ. Rusich, 510 p.
- Fedotova V.G. 2005. Khorosheye obshchestvo [Good society]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya, 544 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.09.2021

Received September 16, 2021

Поступила после рецензирования 16.03.2022

Revised March 16, 2022

Принята к публикации 15.04.2022

Accepted April 4, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, лейтенант полиции, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey V. Rimsky, Candidate of Philosophical Sciences, Police Lieutenant, Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

Исмагилова Мария Михайловна, секретарь руководителя Культурно-спортивного центра (филиал ООО Газпром трансгаз Чайковский), Чайковский, Россия

Maria M. Ismagilova, Secretary of the Head of the Cultural and Sports Center (branch of Gazprom transgaz Tchaikovsky), Tchaikovsky, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-238-250

Конституционно-правовое измерение искусственного интеллекта в странах БРИКС (на примере Индии)

¹ Аристов Е.В. , ² Беликова К.М.

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

² Российский университет дружбы народов,
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
E-mail: welfarestate1@gmail.com
BelikovaKsenia@yandex.ru

Аннотация. Многие государства стремятся воплощать в жизнь принятые ими стратегии развития искусственного интеллекта, что требует осмысления подходов России и зарубежных стран в вопросе разработки и внедрения такого рода технологий с позиции права. Поскольку данная тема изучена недостаточно, цель исследования – анализ некоторых граней конституционно-правового измерения искусственного интеллекта, отраженных в ряде положений индийской Конституции 1949 года (в ред. 2019 года), фиксирующих права и свободы человека в контексте их наполнения новыми смыслами и толкования в связи с развитием искусственного интеллекта. На примере Индии авторами на основании изучения подходов доктрины, положений Конституции, проекта Закона «О защите персональных данных» Индии 2019 г. впервые установлено, что общую направленность практикуемых и закрепляемых нормативно на уровне Конституции и ее судебного и доктринального толкования положений законов, включая их проекты, ограничений прав и свобод человека в современный период, можно описать как стремление найти обоснование таких ограничений в большом значимом общественном интересе, подлежащем защите приоритетно перед защитой интересов частных лиц. Что касается необходимых ограничений прав ИИ, смоделированного по образцу конституционной модели человека, то ограничения, налагаемые на последнего, поначалу неминуемо будут возложены и на его «копию» – искусственный интеллект.

Ключевые слова: права и свободы человека, искусственный интеллект, БРИКС, Индия, Конституция Индии 1949 г., государство благосостояния, социальность, справедливость и недискриминация, принципы деятельности ИИ, прозрачность и подотчетность ИИ, право на неприкосновенность частной жизни, свобода слова и выражения мнений, самоцензур

Для цитирования: Аристов Е.В., Беликова К.М. 2022. Конституционно-правовое измерение искусственного интеллекта в странах БРИКС (на примере Индии). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 238–250. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-238-250

Constitutional and Legal Dimension Artificial Intelligence in the BRICS Countries (Using the Example of India)

¹ Evgenii V. Aristov ² Ksenia M. Belikova

¹ Perm State National Research University, Russia,
15 Bukireva St, Perm 614990, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow 117198, Russia
E-mail: welfarestate1@gmail.com
BelikovaKsenia@yandex.ru

Abstract. In view of the relevance and practical significance the article touches upon some facets of the constitutional and legal dimension of artificial intelligence (AI) in one of the BRICS countries, friendly India, reflected in a number of provisions of the Indian Constitution of 1949 (as amended in 2019), fixing human rights and freedoms (expression of opinions, privacy, etc.) in the context of its` filling with new meanings and interpretation in the context of AI development. The relevance of the study is due to the fact that many states seek to implement the strategies they have adopted for the development of artificial intelligence, which requires to strengthen understanding of the approaches of Russia and foreign countries, including the ones advanced in the development and implementation of such technologies from the perspective of law. The scientific novelty of the research is determined by the goal itself and the results of the work. So, based on the study of the approaches of the doctrine, the provisions of the Constitution and 2019 draft version of proposed Indian personal data law likewise authors personal opinions the authors found that, in particular, the general orientation of the practiced and fixed normatively - at the level of the Constitution and its judicial and doctrinal interpretations – and legally, including draft laws, restrictions on human rights and freedoms in the modern period on the example of India, can be described as a desire to find a justification for such restrictions in a large significant public interest, subject to protection with priority over the protection of the interests of private individuals. As for the necessary restrictions on the rights of AI, if AI is modeled after the constitutional model of a person (human being), then first the restrictions imposed on the latter will inevitably be imposed on its “copy” - artificial intelligence.

Keywords: human rights and freedoms, artificial intelligence (AI), BRICS, India, the Constitution of India 1949, welfare state, sociality, justice and non-discrimination, principles of AI functioning, transparency and accountability of AI, right to privacy, freedom of speech and expression, self-censorship

For citation: Aristov E.V., Belikova K.M. 2022. Constitutional and Legal Dimension Artificial Intelligence in the BRICS Countries (Using the Example of India). NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 238–250 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-238-250

Введение

Ранее в ряде наших статей мы в контексте конституционно-правовых предписаний и сквозь призму действующего законодательства и его изменений касались вопросов понятия и концепции общественного блага, взаимосвязи равновесия интересов и благосостояния, рассмотрения и анализа моделей социального государства и государства благосостояния [Аристов, 2015, 2015а, 2016, 2017; Беликова, 2011, 2013] и развития искусственного интеллекта (ИИ) [Беликова, 2021, 2021а; Belikova, 2021], в том числе в странах БРИКС. В настоящее время мы полагаем, что обозначенные концепции могут быть применимы как критерий анализа действующих (например, в странах Балтийского региона, в Бразилии, Великобритании, Дании, ЕС (на уровне Комиссии), Индии, Италии, Канаде, Китае, Мексике, ОАЭ, Сингапуре, Тайване, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии [Правовое регулирование новых военных технологий..., 2022, с. 389]) и будущих стратег-

гий по содействию использованию и развитию ИИ на предмет совместимости с человеком и человекоцентричным обществом и государством.

Одним из аспектов человекоцентричности выступает мнение [Нечкин, 2020, с. 78] о том, что конституционно-правовой статус высокоразвитого ИИ должен строиться по образу и подобию конституционно-правового статуса человека, в котором исключение должны составить лишь такие его элементы, как *правосубъектность*, которая по своей правовой природе должна быть чрезвычайно близка к правосубъектности органов и организаций и возникать с момента принятия соответствующего решения компетентным государственным органом (ввиду того, вероятно, что современные системы ИИ не имеют достаточно общих с людьми характеристик, чтобы возникло моральное обязательство признавать их субъектами права [Филипова, 2020, с. 57]), и *права, свободы и обязанности, которые должны предполагать ограниченный объем личных прав и свобод, полное отсутствие политических и социально-экономических прав, а также ограниченную де-ликтоспособность ИИ*. При этом основным элементом в структуре конституционно-правового статуса ИИ в России должны стать *универсальные ограничения его прав и свобод, которые бы послужили аналогами естественных человеческих физиологических ограничений и не позволили бы ИИ приобрести эволюционные преимущества перед человеком* [Нечкин, 2020]. Так ли это? Чтобы ответить на этот вопрос нужно сначала обозначить текущий контур того или иного набора прав и свобод самого человека в их нынешнем толковании.

С учетом вышесказанного считаем необходимым изучить некоторые грани конституционно-правового измерения ИИ в одной из стран БРИКС – дружественной нам Индии, с которой в настоящее время обсуждаются вопросы использования рублей и рупий в торговых финансовых сделках, развития суверенного военно-технического сотрудничества и др.¹, отраженные в ряде положений Конституции Индии 1949 г. в ред. 2019 г.², фиксирующие права и свободы человека (выражение мнений, неприкосновенность частной жизни и др.) в контексте их наполнения новыми смыслами и толкования в связи с развитием технологии ИИ.

Трансформация конституционных прав в законодательстве

Конституция Индии обозначает всеобщее благосостояние (a welfare state) в качестве одного из руководящих принципов государственной политики (directive principles of state policy). Согласно этому принципу и ст. 38 государству надлежит обеспечить социальный порядок для содействия благосостоянию народа (State to secure a social order for the promotion of welfare of the people). Конституция предусматривает позитивные действия в этом направлении – как «явно, так и неявно» (explicitly and implicitly) [Аристов, 2017].

В этой связи отмечается³, что статус населения, защищенного Конституцией, и политика позитивных действий в области образования, жилья и занятости будут играть важную роль в определении того, как должны выглядеть в контексте идеи благосостояния народа соответствующие стандарты справедливости (fairness) в случае разработки и применения систем ИИ.

При этом как социальное государство Индия стремится к обеспечению благосостояния и развития своего населения, в особенности наиболее уязвимых категорий, таких как

¹ См., напр.: Индия обводит Запад вокруг пальца. 05.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220405/indiya-1781765763.html> (дата обращения: 05.04.2022).

² The Constitution of India, including the Constitution (One Hundred and Fourth Amendment) Act, 2019 [As on 9 th September, 2020]. URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI.pdf> (дата обращения: 04.04.2022).

³ Marda, Vidushi Artificial Intelligence Policy in India: A Framework for Engaging the Limits of Data-Driven Decision-Making // Philosophical Transactions A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences (2018), Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3240384> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3240384> (дата обращения: 04.04.2022).

некоторые касты, меньшинства и лица с ограниченной трудоспособностью. В процентном соотношении такое население составляет весьма немалую часть от общего его количества¹. Утверждается [Welfare state and education, 1986, p. 26], что социальное государство в Индии основано на новой модели, отличной от западной модели государства благосостояния. Такие отличия обусловлены в первую очередь социальными особенностями и проблемами данного государства. Так, ресурсов, которые находятся в распоряжении государства, становится все больше, в то время как количество населения продолжает расти. Вместе с тем социальные противоречия являются настолько острыми, что проведение срочных социальных и экономических реформ является жизненно необходимым для дальнейшего существования государства.

Габриэль Кёлер [Köhler, p. 5] классифицирует Индию по параметру реализованности в данной стране конституционного принципа социальности государства в настоящее время как «развивающееся государство благосостояния, возникшее на основе необходимости обеспечения защиты прав». Подобная модель государства благосостояния также реализована в Бангладеше и Непале.

Такое государство благосостояния характеризуется следующими основными особенностями:

- социальная политика в сфере образования, здравоохранения, обеспечения занятости населения и социальной защиты номинально основывается на стандартах социальной справедливости;
- в качестве факторов, в том числе обусловивших развитие государства благосостояния, выступают различные изменения в обществе;
- наличие разрыва между разработанными и принятыми на законодательном уровне основами государства благосостояния и их фактической реализацией;
- универсальность социальных пособий (вместе с их достаточно подробной категоризацией в определенных сферах);
- обеспечение доступа населения к продуктам питания является дополнительной функцией государства, выходящей за рамки основных функций в социально сфере².

В этом формате выделяется и вызывает вопросы следующее: во-первых, многозначность термина welfare [Аристов, 2015, с. 10–16], во-вторых, видимое или кажущееся противопоставление или возможность такого противопоставления благосостояния народа (ст. 38) и благосостояния Зарегистрированных каст и Зарегистрированных племен (согласно Приложения Одиннадцатого к Конституции) – официально признаваемых групп населения Индии, исторически принадлежавших социальному низам, находящимся вне системы индийских варн и по традиции относимым либо к «неприкасаемым» (касты – рис. 1), либо к аборигенным жителям, адиваси (племена – рис. 2) [Наумов, Положевич, 2018].

Реализация конституционных прав

Какого же рода обеспокоенности возникают в этой связи в отношении реализации закрепленных Конституцией прав?

Во-первых, растущая обеспокоенность, вызываемая возрастающим использованием систем машинного обучения для принятия важных решений (например, вызывает опасения способность таких моделей быть справедливыми и недискриминационными ко всем людям потому, что обеспокоенность кажется интуитивно понятной в качестве цели, но ряд сложностей в контексте справедливости возникает, прежде всего, со стороны определения).

¹ India – A Welfare State. P. 1 (3 p.). URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan003057.pdf> (дата обращения: 15.03.2021)

² Ibid. P. 4-5.

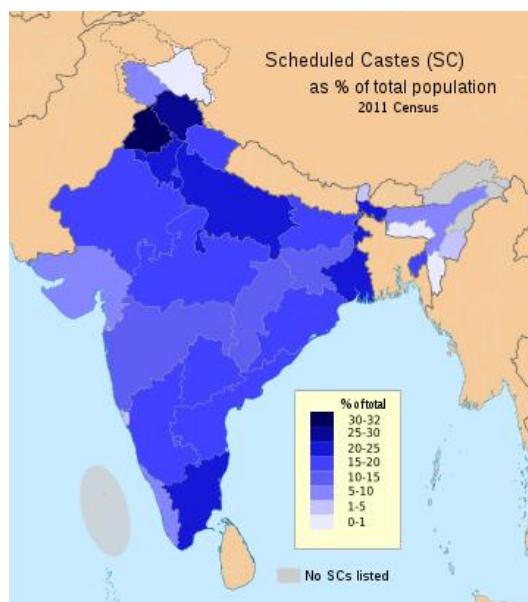

Рис. 1. Карта распределения Зарегистрированных каст в Индии по штатам и союзным территориям по данным переписи населения 2011 г. в % к общему количеству населения (источник: Census of India 2011¹)

Fig. 1. Map of the distribution of Scheduled Castes in India by state and Union Territories according to census data 2011 as % of the total population

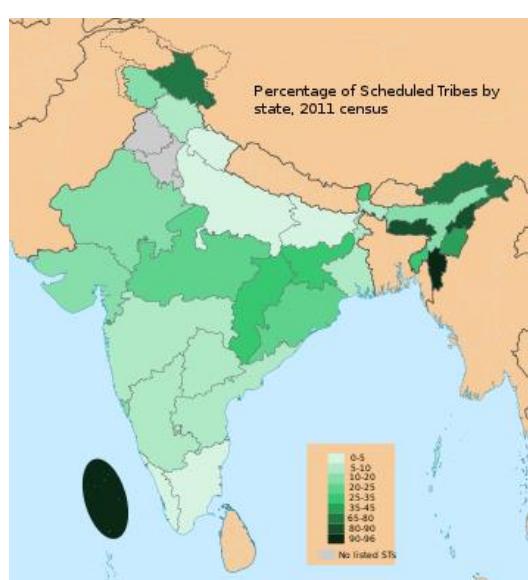

Рис. 2. Карта распределения Зарегистрированных племен в Индии по штатам и союзным территориям по данным переписи населения 2011 г. в % к общему количеству населения (Источник: там же)

Fig. 2. Map of the distribution of Registered Tribes in India by states and Union territories according to census data 2011 as % of the total population (Ibid)

¹ Census of India 2011, Primary Census Abstract, Scheduled castes and scheduled tribes, Office of the Registrar General & Census Commissioner, Government of India. October 28, 2013. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.censusindia.gov.in%2F2011-Documents%2FSCST%2520Presentation%252028-10-2013.ppt&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 04.04.2021)

Ученые-компьютерщики разработали ряд определений¹ в попытке воплотить в жизнь идеалы справедливости и недискриминации всех.

Некоторые из наиболее насущных проблем в этой связи включают:

– обеспечение надлежащей подготовки алгоритмов для получения справедливых результатов в тех случаях, когда характеристики сообщества меньшинств систематически недооцениваются или искажаются;

– смягчение влияния на принятие решений, когда один аспект, например, доход, тесно связан с другой характеристикой, такой как этническая принадлежность, даже если эта последняя характеристика явно не закодирована;

– предотвращение искажений, обусловленных запрограммированными человеком параметрами взаимосвязей между различными полями данных².

Во-вторых, с одной стороны, перекос может иметь место тогда, когда в ходе столкновения «защищенного» и «незащищенного» атрибутов в контексте подрыва желаемой точности имеют место стремления и практика отказа индивидуальной справедливости в попытке обеспечить справедливость групповую³; с другой стороны, сложность заключается в компромиссах как между определениями с позиции выбора наиболее пригодного (применимого) (где критерий применимости? кто его выбирает? для чего? Согласимся с тем, что ответы на эти основополагающие вопросы могут быть разными, в зависимости от этого различия на выходе получим также разную справедливость и разный результат), так и между справедливостью и другими конкурирующими ценностями (см. таблицу).

Так, было показано⁴, например, что устранение дискриминации снижает общую точность модели, а стремление к точным моделям может подрывать справедливость, поскольку точность предполагает восприятие и учет существующих в обществе несправедливых и дискриминационных аспектов. В этом формате важнейшей политической задачей в Индии выступает создание инструментов, контрольных списков и стандартов для выявления того, какие определения справедливости наиболее подходят для конкретных приложений.

В Индии одним из примеров применения алгоритмов может служить в нашем контексте, например, использование правоохранительными органами в Пенджабе-(по данным упоминавшейся выше переписи населения Индии 2011 г. в Пенджабе доля населения из числа зарегистрированных каст наиболее высокая и составляет 32 % населения) Пенджабской системы искусственного интеллекта (Punjab Artificial Intelligence System, PAIS), которая применяет подход «умной полиции» с использованием «запатентованной, передовой гибридной технологии ИИ» для оцифровки судимостей и облегчает криминальный поиск с помощью таких технологий, как распознавание лиц для прогнозирования и распознавания преступной деятельности⁵.

¹ См.: Narayanan, A. (2018) Translation tutorial: 21 definitions of fairness and their politics. Fairness, Accountability and Transparency in Machine Learning Conference 2018. Available from <https://fatconference.org/static/tutorials/narayanan-21defs18.pdf>. Цит. по: Marda, Vidushi. Op. cit.

² Kathryn Hume, «Artificial Intelligence is the future - but it's not immune to human bias», Maclean's, December 27 2017. Цит. по: Artificial Intelligence for Africa: An Opportunity for Growth, Development, and Democratisation / University of Pretoria. P. 29. URL: https://www.up.ac.za/media/shared/7/ZP_Files/ai-for-africa.zp165664.pdf (дата обращения: 02.07.2021)

³ Barocas, S., Bradley, E., Honavar, V., Provost, F. (2017) Big Data, Data Science, and Civil Liberties. A Computing Community Consortium. Available at <https://arxiv.org/abs/1706.03102>.

⁴ Zliobaite I. (2015) On the relation between accuracy and fairness in binary classification. The 2nd workshop on Fairness, Accountability, and Transparency in Machine Learning (FATML) at ICML'15. Available from <https://arxiv.org/pdf/1505.05723.pdf>.

⁵ См.: Sathe, G. 2018 Cops in India are Using Artificial Intelligence That Can Identify You in a Crowd. Huffington Post. Available from https://www.huffingtonpost.in/2018/08/15/facial-recognition-ai-is-shaking-up-criminals-in-punjab-but-should-you-worry-too_a_23502796/.

Принципы, которые следует положить в основу деятельности искусственного интеллекта
 (на основе более 80 документов правительств, научно-исследовательских учреждений,
 предприятий промышленности, институтов гражданского общества и др. по всему миру, 2019)
 Principles that should be the basis for the activities of artificial intelligence
 (based on more than 80 documents of governments, research institutions, industrial enterprises, civil
 society institutions, etc. around the world, 2019)

Этический принцип	Количество документов, в которых встречается этический принцип	Терминология (англоязычный вариант)
Прозрачность	73/84	Transparency, explainability, explicability, understandability, interpretability, communication, disclosure, showing
Справедливость и честность	68/84	Justice, fairness, consistency, inclusion, equality, equity, (non-) bias, (non-)discrimination, diversity, plurality, accessibility, reversibility, remedy, redress, challenge, access and distribution
Безопасность	60/84	Non-maleficence, security, safety, harm, protection, precaution, prevention, integrity (bodily or mental), non-subversion
Ответственность	60/84	Responsibility, accountability, liability, acting with integrity
Соблюдение права на частную жизнь	47/84	Privacy, personal or private information
Содействие всеобщему благодеянию	41/84	Benefits, beneficence, well-being, peace, social good, common good
Свобода и автономность	34/84	Freedom, autonomy, consent, choice, self-determination, liberty, empowerment
Доверие	28/84	Trust
Устойчивость	14/84	Sustainability, environment (nature), energy, resources (energy)
Соблюдение Достоинства	13/84	Dignity
Солидарность	06/84	Solidarity, social security, cohesion [Jobin, Ienca, Vayena, 2019, p. 389-399]

Заявленное намерение этой Системы состоит в том, чтобы снизить уровень преступности, управлять людьми общественными пространствами, чтобы сделать их более безопасными, повысить эффективность работы правоохранительных органов. Однако, как мы видим, могут быть и неблагоприятные последствия – в случае приложений, которые в настоящее время используются правоохранительными органами в Индии, это могут быть и ложные аресты, и необходимость людям из непропорционально уязвимых и маргинализированных сообществ доказывать свою невиновность.

Этот вопрос соприкасается также с другими немаловажными предписаниями уровня Конституции, такими как неприкосновенность частной жизни (приватность, конфиденциальность – right to privacy). Так, в приведенном примере с распознаванием лиц проблема усугубляется тем, что независимо от показателей точности, поведение людей в обще-

ственных местах и их лица по-прежнему собираются, хранятся и, возможно, распространяются или доступны без их согласия. Степень, в которой конфиденциальность может быть уважаема или подорвана технологиями ИИ, зависит напрямую от системы нормативных правовых актов, в которой ИИ функционирует.

Нужно отметить, что как таковое подобное право в Конституции не обозначено, однако в доктрине отмечается¹, что право на неприкосновенность частной жизни основано и вытекает из ст. 21 Конституции «Гарантии жизни и личной свободы», согласно которой «ни одно лицо не может быть лишено жизни или свободы иначе, чем в порядке, установленном законом» – это право, которым пользуются все люди в силу своего существования. Оно распространяется как на физическую неприкосновенность, индивидуальную автономию, так и на свободу слова и свободу двигаться или думать. Это означает, что конфиденциальность касается не только тела, но и распространяется на целостность, личную автономию, данные, речь, согласие, выражения, движения, мысли и репутацию.

Следовательно, право на неприкосновенность частной жизни можно понимать как нейтральные отношения между индивидом, группой и отдельным лицом, которые не подвергаются вмешательству или нежелательному вторжению или вторжению в личную свободу. Этот вопрос был впервые поднят в деле *Kharak Singh vs. the state of UP* (1962)², в котором Верховный суд постановил, что Полицейский регламент 236 штата Уттар-Прадеш нарушает Конституцию, а именно ст. 21, и указал, что право на неприкосновенность частной жизни является частью права на защиту жизни и личной свободы, приравняв таким образом неприкосновенность частной жизни к личной свободе.

А в деле *Mr. X v. Hospital Z* (1998) было установлено, что в случае коллизии между двумя основными правами – правом на неприкосновенность частной жизни и правом на информацию (right to information) будет применяться право, способствующее развитию общественной морали или общественных интересов (public morality or public interest). Так, например, больший общественный интерес может оправдать публикацию даже исключительной личной информации. На тот момент понимания того, что представляет собой «личная» информация, в законодательстве определено не было. Ответ на этот вопрос с позиции современности отчасти содержится ниже с позиции анализа положений проекта закона «О защите персональных данных».

С этого момента были опубликованы для общественного обсуждения два – 2018 и 2019 гг. – проекта закона «О защите персональных данных» (2018 & 2019 draft versions of proposed Indian personal data law). Затем Законопроект о защите персональных данных 2019 г. (Законопроект 2019 г.) был передан в Объединенный парламентский комитет [Gowree Gokhale, Aaron Kamath, Purushotham Kittane, 2021]. Парламентский комитет пришел к выводу, что ограничение сферы действия закона только персональными (личными) данными будет «наносить ущерб конфиденциальности», и поэтому рекомендовал: 1) включить и иные (не персональные – non-personal data, NPD) данные в сферу действия закона и сохранить положения, позволяющие Центральному правительству устанавливать рамки политики в отношении использования и совместного использования последних, 2) расширить регулирующий мандат Управления по защите данных (Data Protection Authority, DPA), включив в него как персональные, так и иные (NPD) данные. Неясно, как один и тот же регулирующий орган сможет выступать в качестве и защитника персональных данных, и разработчика политики использования NPD в общественных интересах. Очевидно, что перспективы, требуемые для этих ролей, совершенно разные.

¹ См.: Different aspects of Right to Privacy under Article 21. December 6, 2021. URL: https://blog.ipleaders.in/different-aspects-of-right-to-privacy-under-article-21/#Right_to_Privacy_in_India (дата обращения: 05.04.2022)

² Зд. и далее цит. по: Ibid. и State of Privacy India. 26th January 2019. URL: <https://privacyinternational.org/state-privacy/1002/state-privacy-india> (дата обращения: 05.04.2022)

Законопроект 2019 г. придерживается жесткого подхода к обязательствам, возникающим в связи с утечками данных, и расширяет мандат DPA, включив в него отслеживание нарушений персональных данных и NPD и рекомендации мер по смягчению последствий утечек данных. Доверенные лица по защите данных (*data fiduciaries*) обязаны сообщать о нарушениях конфиденциальности персональных данных в течение 72 часов с момента получения информации о таком нарушении. Функция оценки воздействия такого нарушения на пользователей данных была возложена на DPA. Интересно, что в Докладе нет прямого обязательства сообщать о нарушении NPD.

Что касается ключевых положений Законопроекта 2019 г., то они таковы [Gowree Gokhale, Aaron Kamath, Purushotham Kittane, 2021]:

— DPA продолжает поддерживать широко сформулированное положение об изъятии, позволяющее Центральному Правительству освобождать любое правительственные учреждение от любых или всех положений этого Закона. Против сохранения этого положения были высказаны возражения в отдельных записках о несогласии, представленных восемью членами Парламентского комитета. Основания для введения исключения связаны с разумными ограничениями свободы слова и выражения мнений, перечисленными в ст. 19(2) Конституции Индии. Тем не менее возможность абсолютного освобождения от всех обязательств DPA может не соответствовать конституционному требованию об узкоспециализированных ограничениях. Хотя в пересмотренном положении разъясняется, что предоставляемое таким образом изъятие будет подлежать справедливым, разумным и соизмеримым процедурам (*the exemption so granted would be subject to just, fair, reasonable and proportionate procedures*), неясно, исправит ли это само по себе широко сформулированную сферу применения изъятия;

— положения DPA, касающиеся классификации данных (персональные – конфиденциальные и критически важные – и не персональные), остаются неизменными по сравнению с Законопроектом 2019 г. и предполагают различные обязательства, применимые к их обработке и передаче.

Так, например, DPA сохраняет широкую механику трансграничной передачи данных, однако DPA теперь обязано консультироваться с Центральным Правительством до утверждения внутргрупповых схем или контрактов на трансграничную передачу SPD. Цель консультаций – обойти запрет передачи таких данных, то есть получить от Центрального Правительства разрешение передавать такие данные иностранному правительству.

С другой стороны, явное согласие DPA остается единственным допустимым основанием для обработки и обмена SPD. При этом в определенных ситуациях, например, в случае обработки SPD персональных компьютеров сотрудников, сбора биометрических данных, таких как видеозапись с камер видеонаблюдения, или в ситуациях, когда такие данные обрабатываются для выявления мошенничества или в целях соблюдения нормативных требований к отчетности или постановления суда получение явного согласия может оказаться невыполнимым или неуместным¹.

Таким образом, Законопроект все еще оставляет ряд вопросов. Представляется, что, с одной стороны, проанализированная правовая база предусматривает неограниченную обработку государством как конфиденциальных, так и иных персональных данных, в то же время государство развертывает приложения ИИ, которые осуществляют наблюдение и профилирование, фактически предоставляя им свободу действий в этом отношении, в том числе содействуя, может быть и косвенно, формированию предвзятости и предубеждений, поскольку при обучении на обширных наборах данных, которые включают как персональные данные, так и конфиденциальные персональные данные, системы ИИ будут по существу впитывать, внедрять и усиливать предубеждения и дискриминацию даже в

¹ Gowree Gokhale, Aaron Kamath, Purushotham Kittane, 2021; URL: <https://privacyinternational.org/state-privacy/1002/state-privacy-india> (дата обращения: 04.04.2022).

том случае, когда чувствительные атрибуты, такие как каста, религия, политические пристрастия, сексуальные предпочтения и пр., будут подвержены принудительной «слепоте», ведь они так или иначе все еще существуют, и «несколько слегка коррелированных признаков могут быть использованы для построения классификаторов высокой точности для чувствительного атрибута» [Barocas, Hardt, Narayanan, 2018]. Вместе с тем Законопроект 2019 г. не затрагивает проблемы слежки, которые в настоящее время актуальны для правовой базы Индии, и фактически полностью умалчивает вопросы подотчетности и прозрачности разведывательных агентств.

В этом ракурсе еще одной важной конституционной свободой, испытывающей трансформацию, выступает свобода слова и выражения мнений (freedom of speech and expression – ст. 19(1)(a) Конституции Индии). Верховный суд Индии неоднократно опирался на нее как на неотъемлемую часть демократии, а также установил, что эта свобода включает в себя право знать (right to know), например, об опасностях, несовершенствах ИИ и т.п. С другой стороны, в контексте свободы слова и прямых и косвенных воздействий на ее реализацию называется применение технологий ИИ в виде умных помощников: автозамены на мобильных устройствах, с которыми все мы сталкивались хотя бы раз, и автоматизированное удаление контента, и пожизненная блокировка аккаунтов в соцсетях, способные стать аналогом цензуры и направленные на удаление законных высказываний и контента (напр., 9 января 2021 г. после беспорядков в здании Капитолия несколько популярных социальных сетей заблокировали аккаунты действующего тогда Президента США Д. Трампа¹), и, напротив, насаждение ложного контента, насильственный экстремизм и дезинформация в Интернете, направленные на разжигание национальной розни, вражды и ненависти, создание у пользователей ложных предпочтений и т.п., что мы могли видеть недавно на примере политики компании *Meta*: 11 марта 2022 г. агентство *Reuters* сообщило, что компания *Meta* на фоне российской военной операции на Украине разрешил пользователям *Facebook* и *Instagram* в некоторых странах призывать к насилию против граждан РФ, российских военных и Владимира Путина; представитель *Meta* сказал, что компания ослабила правила для «форм политического выражения»².

Заключение

Представляется, что общую направленность практикуемых и закрепляемых нормативно на уровне Конституции и ее судебного и доктринального толкования положений законов, включая их проекты, ограничений прав и свобод человека в современный период, на примере Индии можно описать как стремление найти обоснование таких ограничений в большом значимом общественном интересе, подлежащем защите приоритетно перед защитой интересов частных лиц. Конечно, когда речь идет о значительных группах лиц, такой подход, вероятно, оправдан со стороны государства, ибо большая свобода порождает неуправляемость. Вместе с тем сложность здесь, по нашему мнению, состоит в том, чтобы не сорваться в безграничный неконтролируемый произвол со стороны властей в попытке защитить ту или иную группу лиц или интерес. Отвечая же на вопрос, поставленный в статье относительно необходимых ограничений прав ИИ, если уж моделировать ИИ по образцу конституционной модели человека, то ограничения, налагаемые на последнего, поначалу неминуемо будут возложены и на его «копию» – искусственный интеллект.

¹ Трампа заблокировали в соцсетях. Законно ли это. 11 янв 2021. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/01/2021/5ffc13cb9a794777cf0ccb13 (дата обращения: 04.04.2022).

² Munsif Vengattil and Elizabeth Culliford. Facebook allows war posts urging violence against Russian invaders. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/exclusive-facebook-instagram-temporarily-allow-calls-violence-against-russians-2022-03-10/> (дата обращения: 04.04.2022).

Список литературы

- Аристов Е.В. 2015. Государство благосостояния в Южно-Африканской Республике. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 12: 22–25.
- Аристов Е.В. 2015а. Понятие и концепция общественного блага. Право и современные государства, 5: 10–16.
- Аристов Е.В. 2015. Социальность государства в Индии. Нравственные императивы в праве, 3: 19–28.
- Аристов Е.В. 2017. Социальность государства в правовых позициях Верховного суда Индии. Право и государство: теория и практика, 3: 114–118.
- Аристов Е.В. 2016. Тенденции и перспективы развития законодательства Российской Федерации во исполнение конституционного принципа социальности государства. Образование. Наука. Научные кадры, 3: 16–19.
- Беликова К.М. 2021. Направления и перспективы развития и применения искусственного интеллекта в военной сфере в ЮАР. Право и политика, 9: 1–23.
- Беликова К.М., Ахмадова М.А. 2022. Правовое регулирование новых военных технологий в свете законодательства об интеллектуальной собственности и ответственность ученого в странах БРИКС. Изд.: Типография ООО "МДМпринт" (Печатный салон МДМ), 528 с.
- Беликова К.М. 2021а. Развитие искусственного интеллекта в Бразилии: акцент на военную сферу и вопросы интеллектуальной собственности. Право и политика, 10: 1–21.
- Беликова К.М. 2021б. Современные военные технологии и ответственность ученого, создателя, оператора и др.: некоторые подходы стран БРИКС. Проблемы в российском законодательстве, 6: 142–150.
- Беликова К.М. 2011. Социально-ориентированные императивы в латиноамериканских гражданских кодексах. Нравственные императивы в праве, 3: 39–46.
- Беликова К.М. 2013. Экономика права в свете «неэкономической» концепции эффективности как компенсационного социального равновесия: взаимосвязь равновесия интересов и благосостояния. Экономика и право. XXI век, 3: 7–13.
- Бондарь Н.С. 2019. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации. Журнал российского права, 11: 25–42.
- Наумов А.О., Положевич Р.С. 2018. «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: история и современность (Часть II). Государственное управление. Электронный Вестник, 70: 291–328.
- Нечкин А.В. 2020. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее. Lex russica, 8: 78–85.
- Belikova K.M. 2021. Marco legal para o uso da inteligência artificial na esfera militar da Índia no contexto da proteção dos direitos de patente (Legal framework for the use of artificial intelligence in India's military sphere in the context of patent rights protection). Laplage Em Revista, 7(2): 671–690.
- Jobin A., Ienca M. and Vayena E. 2019. The global landscape of AI ethics guidelines. Nature Machine Intelligence, 1: 389–399.
- Köhler G. 2014. Is There an «Asian Welfare State Model» East and South Asian Trajectories and Approaches to the Welfare State. A presentation made to the Conference “Re-Thinking Asia II. Building New Welfare States: What Asia and Europe can learn from each other”, organized by the Friedrich-Ebert-Stiftung (FES) on 28–29 October 2013 in Tutzing, Germany: p. 5
- Koops E.-J., Di Carlo A., Nocco L., Casamassima V., Stradella E. 2013. Robotic Technologies and Fundamental Rights: Robotics Challenging the European Constitutional Framework. International Journal of Technoethics, 2: 1198–1219.
- Mittelstadt, B., Patrick, A., Taddeo, M., Wachter, S & Floridi, L. 2016. The Ethics of Algorithms: Mapping the Debate. Big Data & Society, p. 3.
- Seth S. 2017. Machine Learning and Artificial Intelligence Interactions with the Right to Privacy. Economic and Political Weekly, 51: 66–70.
- Welfare state and education. 1986. Rao, M V. Rama. Public policy formulation: a study of national policy on education. Thesis. Guided by Sudershanam, G. Completed 29/12/1999 at the Department of Political Science, University of Hyderabad: p. 26.

References

- Aristov E.V. 2015. Gosudarstvo blagosostoyaniya v YUzhno-Afrikanskoj Respublike. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie [The welfare State in the Republic of South Africa. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art studies]. Voprosy teorii i praktiki, 12: 22–25.
- Aristov E.V. 2015 a. Ponyatie i koncepciya obshchestvennogo blaga [The concept and concept of the public good]. Pravo i sovremennoye gosudarstva, 5: 10–16.
- Aristov E.V. 2015. Social'nost' gosudarstva v Indii [Sociality of the state in India]. Nrvastvennye imperativy v prave, 3: 19–28.
- Aristov E.V. 2017. Social'nost' gosudarstva v pravovyh poziciyah Verhovnogo suda Indii [Sociality of the state in the legal positions of the Supreme Court of India]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 3: 114–118.
- Aristov E.V. 2016. Tendencii i perspektivy razvitiya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii vo ispolnenie konstitucionnogo principa social'nosti gosudarstva [Trends and prospects of development of the legislation of the Russian Federation in compliance with the constitutional principle of sociality of the state]. Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry, 3: 16–19.
- Belikova K.M. 2021. Napravleniya i perspektivy razvitiya i primeneniya iskusstven-nogo intellekta v voennoj sfere v YUAR [Directions and prospects for the development and application of artificial intelligence in the military sphere in South Africa]. Pravo i politika, 9: 1–23.
- Belikova K.M., Ahmadova M.A. 2022. Pravovoe regulirovanie novyh voennyh tekhnologij v svete zakonodatel'stva ob intellektual'noj sobstvennosti i otvetstvennost' uchenogo v stranah BRIKS [Legal regulation of new military technologies in the light of intellectual property legislation and the responsibility of a scientist in the BRICS countries]. M., Publ. Printing house LLC "MDMprint" (MDM Printing salon), 528 p.
- Belikova K.M. 2021a. Razvitie iskusstvennogo intellekta v Brazilii: akcent na voennuyu sferu i voprosy intellektual'noj sobstvennosti [The development of artificial intelligence in Brazil: emphasis on the first sphere and intellectual property issues]. Pravo i politika, 10: 1–21.
- Belikova K.M. 2021b. Sovremennye voennye tekhnologii i otvetstvennost' uchenogo, sozdatelya, operatora i dr.: nekotorye podhody stran BRIKS [Modern military technologies and the responsibility of a scientist, creator, operator, etc.: some approaches of the BRICS countries]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve, 6: 142–150.
- Belikova K.M. 2011. Social'no-orientirovannye imperativy v latinoamerikanskikh grazhdanskih kodeksah [Socially-oriented imperatives in Latin American civil codes]. Nrvastvennye imperativy v prave, 3: 39–46.
- Belikova K.M. 2013. Ekonomika prava v svete «neekonomiceskoy» koncepcii effektivnosti kak kompensacionnogo social'nogo ravnovesiya: vzaimosvyaz' ravnovesiya in-teresov i blagosostoyaniya [The economics of law in the light of the «non-economic» concept of efficiency as a compensatory social equilibrium: the relationship between the balance of interests and well-being]. Ekonomika i pravo. XXI vek, 3: 7–13.
- Bondar' N.S. 2019. Informacionno-cifrovoe prostranstvo v konstitucionnom izmerenii: iz praktiki Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. ZHurnal rossijskogo prava, 11: 25–42.
- Naumov A.O., Polozhevich R.S. 2018. «Myagkaya sila» Indii kak suverennogo gosudar-stva: istoriya i sovremennost' (CHast' II) [«Soft Power» of India as a Sovereign state: History and Modernity (Part II)]. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj Vestnik, 70: 291–328.
- Nechkin A.V. 2020. Konstitucionno-pravovoij status iskusstvennogo intellekta v Rossii: nastoyashchee i budushchchee [Constitutional and legal status of artificial intelligence in Russia: present and future]. Lex russica, 8: 78–85.
- Belikova K.M. 2021. Marco legal para o uso da inteligência artificial na esfera militar da Índia no contexto da proteção dos direitos de patente (Legal framework for the use of artificial intelligence in India's military sphere in the context of patent rights protection). Laplage Em Revista, 7(2): 671–690.
- Jobin A., Ienca M. and Vayena E. 2019. The global landscape of AI ethics guidelines. Nature Machine Intelligence, 1: 389–399.

- Köhler G. 2014. Is There an «Asian Welfare State Model». East and South Asian Trajectories and Approaches to the Welfare State. A presentation made to the Conference “Re-Thinking Asia II. Building New Welfare States: What Asia and Europe can learn from each other”, organized by the Friedrich-Ebert-Stiftung (FES) on 28–29 October 2013 in Tutzing, Germany: p. 5.
- Koops E.-J., Di Carlo A., Nocco L., Casamassima V., Stradella E. 2013. Robotic Technologies and Fundamental Rights: Robotics Challenging the European Constitutional Framework. International Journal of Technoethics, 2: 1198–1219.
- Mittelstadt, B., Patrick, A., Taddeo, M., Wachter, S & Floridi, L. 2016. The Ethics of Algorithms: Mapping the Debate. Big Data & Society, p. 3.
- Seth S. 2017. Machine Learning and Artificial Intelligence Interactions with the Right to Privacy. Economic and Political Weekly, 51: 66–70.
- Welfare state and education. 1986. Rao, M V. Rama. Public policy formulation: a study of national policy on education. Thesis. Guided by Sudershanam, G. Completed 29/12/1999 at the Department of Political Science, University of Hyderabad: p. 26.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аристов Евгений Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и конституционного права, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

ORCID 0000-0003-2445-3840

Беликова Ксения Михайловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия

ORCID 0000-0001-8068-1616

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenii V. Aristov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law, Perm State National Research University, Perm, Russia

Ksenia M. Belikova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure and International Private Law of Law Institute of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

УДК 340.1
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-251-260

Административное судопроизводство как юрисдикционный процесс: общетеоретический подход

¹ Беляев В.П., ² Нинциева Т.М.

¹ Юго-Западный государственный университет, Россия, 305040,
г. Курск, ул. 50 лет Октября, 96

² Чеченский государственный университет,
Россия, 364093, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32
E-mail: belvp46@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования всех разновидностей юридического процесса и его процессуальной формы, принятием нового процессуального законодательства, включая и КАС РФ, а также потребностями правоприменительной (судебной) практики. Цель исследования: опираясь на устоявшиеся в общеправовой теории точки зрения, с учетом достижений административно-процессуальной науки представить авторское видение сущности административно-юрисдикционного процесса. Его суть заключается в следующей формуле: административно-юрисдикционный процесс – это судопроизводство по отдельным видам (категориям) административных дел, получившее свое закрепление в КАС РФ; административно-процедурный процесс – это рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях в соответствующей процедуре (Раздел IV, а также раздел III КоАП РФ). В общем и целом – как тот, так и другой – это юридические процессы, и они составляют единый административный процесс, пока подразделенный на две части, но имеющий перспективу их окончательного слияния под одним (общим) названием – административный процесс.

Ключевые слова: судопроизводство, юрисдикция, юридический процесс, административно-юрисдикционный процесс, административно-процедурный процесс, сущность, содержание

Для цитирования: Беляев В.П., Нинциева Т.М. 2022. Административное судопроизводство как юрисдикционный процесс: общетеоретический подход. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 251–260. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-251-260

Administrative Legal Proceedings as a Jurisdictional Process: a General Theoretical Approach

¹ Belyaev V.P., ² Nintsieva T.M.

¹ Southwest State University
96, 50 let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russia
² Chechen State University
32 A. Sheripova St, Grozny 364093, Russia
E-mail: belvp46@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need to improve all types of legal process and its procedural form, the adoption of new procedural legislation, including the CAS of the Russian Federation, as well as the needs of law enforcement (judicial) practice. The purpose of the study: based on the points of view established in the general legal theory, taking into account the achievements of administrative procedural science, to present the author's vision of the essence of the administrative-jurisdictional process. Its essence lies in the following formula: administrative-jurisdictional process is a legal proceeding for

certain types (categories) of administrative cases, which has received its consolidation in the CAS of the Russian Federation; administrative-procedural process is the consideration and resolution of cases of administrative offenses in the appropriate procedure (Section IV, as well as Section III of the Administrative Code of the Russian Federation). In general, both the one and the other are legal processes, and they constitute a single administrative process, so far divided into two parts, but with the prospect of their final merger under one (common) name – the administrative process.

Keywords: legal proceedings, jurisdiction, legal process, administrative-jurisdictional process, administrative-procedural process, essence, content

For citation: Belyaev V.P., Nintsieva T.M. 2022. Administrative Legal Proceedings as a Jurisdictional Process: a General Theoretical Approach. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 251–260 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-251-260

Введение

Приступая к исследованию заявленной темы, следует подчеркнуть, что она будет изучаться с позиций общеправовой теории, так сказать, на стыке общепроцессуальной и административно-процессуальной науки. Причем исследованию будут подвергнуты как некоторые институты процессуального права в целом, так и основные положения административно-процессуального права. В первую очередь, в числе таких институтов (положений) предметом рассмотрения становится юридический процесс во всех его разновидностях, включая и административный процесс, а также процессуальная форма (процедура) как базовые категории, посредством которых предполагается раскрытие отдельных аспектов административного судопроизводства в качестве административного юрисдикционного процесса. При этом принимается во внимание то, что современная юриспруденция должна учитывать ценности нового времени и сформированные на их основе общечеловеческие институты [Раянов, 2017, с. 205]. Это философское правило учета современности вполне распространимо и на предмет настоящего исследования, если учесть стремительно развивающуюся процессуализацию, особенно в сфере правоприменения, в том числе и в административно-процессуальной области: «Вместе с тем все более очевидной становится необходимость процессуального оформления деятельности органов исполнительной власти (иначе – ее процессуализация), без чего не может быть ни упорядоченности, ни эффективности, ни законности их функционирования» [Попов, 2021, с. 16].

Актуальность заявленной к изучению проблемы возрастает в связи с необходимостью совершенствования всех разновидностей юридического процесса и его процессуальной формы, принятием в ходе «процессуальной революции» [Краснов, 2018] нового процессуального законодательства, включая и КАС РФ, а также потребностями правоприменительной (судебной) практики.

На этом фоне поставлена задача – опираясь на уже устоявшиеся (превалирующие) в общеправовой теории точки зрения, с учетом достижений административно-процессуальной науки представить свое видение относительно сущности административно-юрисдикционного процесса. «По отношению к другим правовым наукам общая теория государства и права, несомненно, выступает, как общеметодологическая наука, являясь вместе с тем наукой философской, ибо она дает научное решение основного гносеологического вопроса применительно к государству и праву» [Шебанов, 1968, с. 45]. «Общетеоретические понятия занимают "переходное" положение, выполняя "переходные функции", в развитии понятийной формы мышления, они выступают своеобразными "переходными звеньями" между философскими категориями и частнонаучными понятиями, осуществляя многосторонние взаимодействия между собой» [Гот, 1982, с. 86]. В контексте настоящего исследования справедливо и такое суждение А.П. Шергина: «Юридический процесс является обобщающей теоретической конструкцией. Его основные характеристи-

ки (средство реализации материально-правовых норм, функции, участники процесса, стадии, порядок, сроки и формы процессуальных действий и др.) присущи всем нормативно установленным видам юридических процессов. Не исключение и административно-юрисдикционный процесс, в рамках которого реализуется административная ответственность. В правовой науке понятию и содержанию данного вида процесса уделялось значительное внимание. Вместе с тем обращение к этим вопросам с позиций общего учения о юридическом процессе представляется оправданным. Причем такая потребность продиктована не только необходимостью уточнения доктринальных посылок административно-юрисдикционного процесса, вызванного различными его трактовками, но иногда и полным отрицанием» [Шергин, 2015, с. 141].

Юридический процесс, его виды и процессуальная форма

Логика дальнейшего исследования предполагает (в качестве методологического приема) начальное изучение сущностно-содержательных и видовых характеристик юридического процесса, поскольку, сразу же заметим, административный юрисдикционный процесс, а с ним мы связываем исключительно судопроизводственную деятельность, является видом юридического процесса вообще и юридического юрисдикционного в частности.

Понимая необходимость более подробного комментария изложенной позиции, обратимся к доктрине юридического процесса, заметив при этом, что один из основоположников теории юридического процесса (причем в широком его понимании) В.М. Горшенев, классифицируя юридический процесс по предметному признаку, указывает на наличие как уголовного, гражданского, так и административного процесса. Он подчеркивает объективное существование юридического процесса в качестве широкого и объемного комплекса, полиструктурной системы [Горшенев, 1979, с. 3]. В таком подходе нетрудно заметить, что при определении юридического процесса этот ученый упустил так называемый деятельностный аспект, иначе говоря, деятельность соответствующего ряда, из виду управомоченных субъектов.

Мы не случайно обращаем на это внимание, так как в науке не все ученые при определении понятия юридического процесса включают в него деятельность. Так, если В.Д. Сорокин прямо и недвусмысленно утверждает: «Процесс как юридическая категория, объединяющая три разновидности – гражданский, административный и уголовный процессы, – обладает рядом принципиальных свойств, которые, на наш взгляд, состоят в следующем. Во-первых, процесс представляет собой выражение государственно-властной деятельности, иначе говоря, специфический способ осуществления государственной власти. Во-вторых, это динамическое понятие, означающее деятельность соответствующих органов общенародного государства, осуществляющую в определенном порядке, последовательности и направлении. В-третьих, процесс – это не любая деятельность, а исключительно юридическая, в силу чего требующая юридического регулирования при помощи процессуальных норм советского права. В-четвертых, процесс – это деятельность, при помощи которой только и может быть достигнут требуемый правовой результат. Этими существенными качествами обладают и все три ранее названные разновидности процесса – гражданский, административный и уголовный» [Сорокин, 1979, с. 63], то в современном подходе наличествует прямо противоположные мнения. К примеру, П.П. Серков пишет: «Истоки традиционного использования в определениях юридического процесса понятия "деятельность" также, вероятнее всего, следует искать в стремлении в условиях советского государства сохранить нераздельной государственную власть. Само по себе это понятие не содержит юридических признаков и не способно отражать конкретику правового регулирования, несмотря на то, что используется в сочетании с дефинициями, привносящими правовые акценты. Образ деятельности однозначно доминирует над правовыми ха-

рактеристиками, приоритетно привлекая к себе внимание и отвлекая от правовой сущности юридического процесса. Следует учитывать и сравнительные исследования зарубежной правовой мысли, не апеллирующей к категории "деятельность" при определении, в частности, уголовного процесса. Исходя из изложенных доводов, предлагается определять юридический процесс как специализированное правовое регулирование способов распоряжения органами публичной власти, а также государственными органами закрепленными за ними властными полномочиями. В таком ракурсе вычленяются его основополагающая направленность и концептуальные юридически значимые признаки» [Серков, 2015, с. 98]. Не вступая в полемику с автором такого утверждения (прямо скажем, весьма спорного характера, причем с налетом политизированности), вместе с тем не можем согласиться с ним в главном: поскольку любой технологический процесс (юридический процесс не исключение) неразрывен с той или иной деятельностью (в нашем случае юридической), ею опосредован и без нее он мертв, нежизнеспособен.

Примечательно, что, спустя несколько лет, В.М. Горшенин и другие ученые (фактически его ученики) издают фундаментальный труд «Теория юридического процесса», в котором предлагается следующее определение: «Юридический процесс – это комплексная система органически взаимосвязанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права, которая: а) выражается в совершении операций с нормами права в связи с разрешением определенных юридических дел; б) осуществляется уполномоченными органами государства и должностными лицами в пользу заинтересованных субъектов права; в) закрепляется в соответствующих правовых актах – официальных документах; г) регулируется процедурно-процессуальными нормами; д) обеспечивается соответствующими способами юридической техники» [Теория юридического процесса, 1985]. Следовательно, деятельность уполномоченных органов государства, должностных лиц включена в понятие (содержание) юридического процесса. При этом следует сказать, что в названной книге, на «долгие годы вперед определившей контуры юридического процесса» [Павлушкина, 2005, с. 28], как и в книге «Юридическая процессуальная форма. Теория и практика», вышедшей в 1976 году [Витрук и др., 1976], прозвучала идея широкого понимания юридического процесса.

Для настоящего исследования (и в его рамках) изложенное полагаем достаточным, чтобы определиться с сущностью и понятием юридического процесса, достаточным и в качестве предпосылки для рассмотрения административного юрисдикционного процесса непосредственно. Но при этом высажем собственный подход к обозначенной проблеме, и его суть заключается в следующем. Прежде всего, юридический процесс как системная, комплексная правовая категория (правовое образование, правовая конструкция, правовое явление и т.д.) носит двойственный характер: он как бы включает в себя две стороны. Одна из них – это своеобразный регламент, порядок, формат, алгоритм и т.д. осуществления юридической деятельности, а вторая – непосредственная деятельность (как правило, юридическая) управомоченных субъектов, причем в процессуальной форме.

С учетом сказанного сделаем такой вывод: сущность юридического процесса заключается в системной, комплексной, нормативно-установленной и стадийной процессуальной деятельности управомоченных субъектов, направленной, как правило, на рассмотрение и разрешение юридических дел (правовых споров) для достижения поставленных целей. В свою очередь, исходя из сущности юридического процесса, под ним следует понимать комплексное правовое образование в составе установленного законом правового порядка (формата) и совокупности правовых форм стадиальной деятельности управомоченных субъектов, осуществляющей в процессуальной форме, включающей в себя процессуальные средства, направленное на рассмотрение и разрешение юридических дел и правовых споров в целях получения социально-значимых результатов.

Кроме этого, не вдаваясь в дискуссию о широком и узком подходах к юридическому процессу (его понятию), изложим вкратце свою позицию, выраженную в так называемом объединительном варианте. Его суть заключается в том, что (а) юридический процесс опосредует юридическую деятельность и только (отсюда и его название); (б) юридический процесс следует квалифицировать: по уровням (процессуального правообразования и процессуальной правореализации), по предметному признаку (гражданский, арбитражный, уголовный, административный и т.д.); по сферам деятельности и органам, его осуществляющим юридический процесс следует подразделить: на юрисдикционный, исходя из конституционного положения о видах судопроизводства согласно ст. 118 (конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное) и на другие (позитивного свойства) юридические процессы (контрольный, бюджетный, надзорный, избирательный и т.д.). В основе такого подхода лежит судопроизводственная деятельность, безусловно, исключительно судебных органов.

Сущность административно-юрисдикционного процесса

При переходе к непосредственному рассмотрению административно-юридического процесса как *вида юридического процесса* отметим, что именно под таким названием была опубликована статья известного ученого-представителя административной науки А.П. Шергина [2015]. В ее основе содержится посыл, согласно которому «юридический процесс является обобщающей теоретической конструкцией». «Административно-юрисдикционный процесс – самостоятельный вид юридического процесса. Причем он относится к правоприменительным его видам, что предполагает реализацию правовых норм посредством нормативно определенной деятельности уполномоченных органов государства по применению правовых установлений» [Шергин, 2015, с. 141]. И такой подход возражений не вызывает, действительно, административно-юрисдикционный процесс – это отдельный вид юридического процесса.

Вместе с тем, не претендуя на истину в последней инстанции и не вступая в полемику с уважаемым автором, основываясь именно на том, что юридический процесс является обобщающей теоретической конструкцией (по А.П. Шергину), а с нашей точки зрения, юрисдикционный процесс – это исключительно судебный процесс, судопроизводство, полностью не можем согласиться с тем, что административно-юрисдикционный процесс получил «нормативную легализацию в разделе 4 КоАП РФ» [Шергин, 2015, с. 143]. А почему не в КАС РФ – возникает вопрос?

Принципиальное несогласие вызывает также утверждение А.П. Шергина о том, что административно-юрисдикционный процесс является *процессуальной формой* реализации материальных норм об административной ответственности [Шергин, 2015, с. 141], и вот почему. Если исходить из сложившейся в общей теории права позиции относительно процессуальной формы, то она присуща любой разновидности юридического процесса; каждый вид юридического процесса «требует» для себя соответствующую процессуальную форму как внешнее выражение юридического процесса, получившее свое отражение в процессуальных производствах, процессуальных стадиях и процессуальном режиме. Такая триада элементов процессуальной формы – она общая для всех видов юридического процесса, включая и административный процесс. Процесс не может «являться» процессуальной формой, он осуществляется в процессуальной форме.

Поэтому, безусловно, прав Ю.Н. Старилов, когда пишет: «Действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) закономерно повлекло за собой изменение системы российского процессуального законодательства, новую структуру правоотношений, возникающих в сфере реализации судебной власти, необходимость модернизации административного права и процесса. При этом важнейшим практическим достижением в сфере процессуальных отношений стало формирование ад-

министративнопроцессуальной формы, которая, во-первых, характеризуется традиционными для любого вида процессуальной формы признаками, а во-вторых, включает в себя особенности, существование которых обусловлено новым законодательством об административном судопроизводстве» [Старилов, 2016, с. 38].

Думается, что сложившееся (как и отмечаемое применительно к мнению А.П. Шергина) положение во многом объясняется тем, что в административно-правовой (процессуальной) науке до настоящего времени не сложился унифицированный подход к определению как административного процесса, так и других основополагающих категорий. «Нет юридических определений основных понятий: "административный процесс", "административно-юрисдикционное дело", "административный спор", "административная юстиция", "административное судопроизводство" и другие. Не обозначены их предмет, содержание, границы и объем» [Панова, 2017, с. 32].

Отсюда в административно-процессуальной науке нередко наблюдается смешение таких понятий, как «процесс», «процедура», «производство», «порядок», «регламент», «правила» и т.д., тогда как в общей теории права в основном эти понятия (категории и т.п.) получили свою понятийную определенность. Есть все основания согласиться с таким суждением П.П. Серкова: «Изучение юридической литературы на тему административного законодательства позволяет утверждать о непоследовательности и даже противоречивости высказываемых суждений и выводов. Причем речь идет не о второстепенных, а о концептуальных положениях, важных для понимания всего отраслевого правового регулирования» [2016, с. 14]. В определенной мере ему вторит П.Е. Спиридовон: «Можно констатировать, что в науке административного процесса нет единообразного понимания сущности, значения, перспектив развития административных процедур» [2019, с. 5]. Поэтому, полагаем, целесообразно в определенных случаях обращаться к разработкам теории государства и права, что в некоторой степени будет способствовать минимизации названных выше непоследовательности, противоречивости и т.д. В противном случае будет продолжаться «вольное» использование (употребление) процессуальных терминов, категорий и т.д.

Так, в статье об административной процессуальной форме Д.В. Уткин, справедливо отмечая ее роль в осуществлении судебной власти (судебный контроль, судебная защита), вместе с тем пишет: «Появление Кодекса административного судопроизводства – новый этап в развитии процессуального законодательства, устанавливающего *правовые порядки* в разрешении административных споров (дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений). Действие КАС РФ обеспечит дальнейшее развитие *административно-процессуальной формы*, основные контуры которой сегодня зафиксированы в данном процессуальном законе. КАС РФ – система процессуальных норм, принципов, правил, которые дают возможность для формирования новых научных представлений и теоретической модели административного процесса как судебного процесса. Новый процессуальный закон регулирует *порядок* осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении судами общей юрисдикции административных дел» (курсив наш. – авт.) [Уткин, 2016, с. 60]. Таким образом, указанный автор фактически смешивает такие неравнозначные понятия, как «правовые порядки», «процессуальная форма», «порядок», причем в одном кодифицированном процессуальном источнике – КАС РФ.

Возвращаясь к изучению вопросов относительно административно-юрисдикционного процесса, обратим внимание на в общем-то сложившуюся позицию об узком и широком понимании административного процесса. «Итак, в истории административно-правовой науки конец 60-х гг. прошлого века является своеобразной точкой отсчета, от которой ведут свою родословную две концепции административного процесса: широкая управленческая (В.Д. Сорокин) и узкая юрисдикционная (Н.Г. Салищева). Названные концепции вполне объединяются единым административным процессом, единой административно-процессуальной деятельностью, регулируемой нормами единого админи-

стративно-процессуального права – третьей самостоятельной процессуальной отраслью российского права, наряду с двумя первыми процессуальными отраслями – гражданским и уголовным процессами» [Попов, 2021, с. 18].

Заметим, что фактически первым исследованием административного юрисдикционного процесса стала работа Н.Г. Салищевой [1964]. Представителем широкого понимания административного процесса также были изданы соответствующие монографии [Сорокин, 2002].

Следующее, на что обратим внимание, это подразделение административно-юрисдикционного процесса на две части. Так, в функционале административно-юрисдикционного процесса А.П. Шергин отмечает две функции: административного преследования (главная функция) и защиты прав и законных интересов участников административно-юрисдикционного процесса [Шергин, 2015, с. 145]. В свою очередь, Л.Л. Попов относительно административного процесса считает так: «Увы, силою обстоятельств он оказался разделен на две части: первая – управленческий процесс и юрисдикционный процесс, связанный с совершением административных правонарушений (КоАП РФ), обеспечивающая реализацию исполнительной власти, и вторая – юрисдикционный административный процесс, вытекающий из спорных административно-правовых отношений, обеспечивающий реализацию судебной ветви власти на основе Кодекса административного судопроизводства (КАС РФ)» [Попов, 2021, с. 17].

Ни в коем случае не отрицая справедливость мнений указанных ученых, вместе с тем предлагаем собственный подход к рассматриваемой проблеме с учетом и на основе разработок общей теории права и теории юридического процесса. Его суть заключается в следующей формуле: административно-юрисдикционный процесс – это судопроизводство по отдельным видам (категориям) административных дел, получившие свое закрепление в КАС РФ; административно-процедурный процесс – это рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях в соответствующей процедуре (Раздел IV, а также раздел III КоАП РФ). В общем и целом – как тот, так и другой – это юридические процессы, и они составляют единый административный процесс, пока подразделенный на две части, но имеющий перспективу их окончательного слияния под одним (общим) названием «административный процесс». Как представляется, в этом направлении мыслит и видный современный ученый-административист Ю.Н. Старилов: «Появление Кодекса административного судопроизводства – новый этап в развитии процессуального законодательства, устанавливающего правовые порядки в разрешении административных споров (дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений). Действие КАС РФ обеспечит дальнейшее развитие административно-процессуальной формы, основные контуры которой сегодня зафиксированы в данном процессуальном законе. КАС РФ – система процессуальных норм, принципов, правил, которые дают возможность для формирования новых научных представлений и теоретической модели административного процесса как судебного процесса» [Старилов, 2016, с. 42].

Заключение

Итак, в нашем подходе административно-юрисдикционный процесс – это процессуальная деятельность Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции и мировых судей по рассмотрению и разрешению административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий (п. 1 ст. 1 КАС РФ). Следовательно, только административное судопроизводство, регламентируемое КАС РФ, входит в состав административного юрисдикционного процесса, поскольку считаем понятие «юрисдикция» производным от понятия «судопроиз-

водство». На чашу весов также положим весьма существенное обстоятельство (факт) – принятие и действие первого кодифицированного процессуального нормативного правового акта – КАС РФ как новый этап в развитии административного процессуального права и административного процесса в целом.

Список литературы

- Бенедик И.В., Горшенев В.М., Крупин В.Г., Мельников Ю.И., Олейников С.Н., Погребной И.М., Шахов И.Б. 1985. Теория юридического процесса. Под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, Вища шк., Изд-во при Харьк. ун-та. 192 с.
- Виртук Н.В., Горшенев В.М., Добровольская Т.Н., Иконицкая И.А., Лучин В.О., Недбайло П.Е., Основин В.С., Пиголкин А.С., Сорокин В.Д., Чечина Н.А., Чечот Д.М., Элькинд П.С. 1976. Юридическая процессуальная форма: Теория и практика. Москва, Юрид. лит. 278 с.
- Горшенев В.М. 1979. О разновидностях юридического процесса. В кн.: Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Под ред. В.М. Горшенева. Ярославль, Ярославский государственный университет: 3–10.
- Гот В.С. 1982. О понятийном аппарате современной науки. Вопросы философии, 8: 80–87.
- Краснов Ю.К. 2018. Процессуальная революция переходит в процессуальную реформу. Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство; право и управление, 10(101): 49–53.
- Павлушкина А.А. 2005. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Под ред. В.М. Ведяхина. Самара, Самарская государственная экономическая академия, 480 с.
- Панова И.В. 2017. Развитие административного судопроизводства и административной юстиции в России. Право. Журнал Высшей школы экономики, 1: 32–41.
- Попов Л.Л. 2021. Эссе о доктрине административного процесса. Lex Russica, Том 74, № 6(175): 11–21.
- Раянов Ф.М. 2017. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. Москва, Юрлитинформ, 262 с.
- Салищева Н.Г. 1964. Административный процесс в СССР. М., Юрид. лит. 158 с.
- Серков П.П. 2016. Административное право, административное судопроизводство и механизм правоотношения. Журнал административного судопроизводства, 1: 14–24.
- Серков П.П. 2015. К вопросу о современном понимании юридического процесса. Вектор развития науки. Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 8: 88–98.
- Сорокин В.Д. 2002. Административный процесс и административное процессуальное право. СПб., Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 474 с.
- Сорокин В.Д. 1979. XXV съезд КПСС и вопросы нормотворческого производства в советском административном процессе. В кн.: Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: межвузовский тематический сборник. Под ред. В.М. Горшенева. Ярославль, Ярославский государственный университет: 61–68.
- Спиридовон П.Е., 2019. Проблемы и перспективы развития административных процедур в административном процессе и системе государственного управления. Журнал административного судопроизводства, 1: 5–10.
- Старилов Ю.Н. 2016. Значение КАС РФ для создания полноценной системы современного административного процессуального права. В кн.: Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: сборник трудов V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко (Новороссийск, 03 июня 2016 года). Краснодар, Изд. Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»: 38–52.
- Уткин Д.В. 2016. Содержание и особенности административно-процессуальной формы. Журнал административного судопроизводства, 1: 59–66.
- Шебанов А.Ф. 1968. Общая теория государства и права как методологическая наука. В кн.: Некоторые вопросы советской правовой науки: сборник статей. Кишинев: 43–46.
- Шергин А.П. 2015. Административно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса. Вестник Университета им. О.Е. Кутафина, 8: 140–147.

References

- Benedik I.V., Gorshenev V.M., Krupin V.G., Mel'nikov Yu.I., Oleinikov S.N., Pogrebnoi I.M., Shakhov I.B. 1985. Teoriya yuridicheskogo processa [Legal process theory]. Kharkiv, Vishcha shk.: Publishing house at Kharkiv. Un-te, 192 p.
- Virtuk N.V., Gorshenev V.M., Dobrovol'skaya T.N., Ikonickaya I.A., Luchin V.O., Nedabajlo P.E., Osnovin V.S., Pigolkin A.S., Sorokin V.D., Chechina N.A., Chechot D.M., El'kind P.S. 1976. Yuridicheskaya processual'naya forma: Teoriya i praktika [Legal procedural form: Theory and practice]. M., Publ. YUrid. lit. 278 p.
- Gorshenev V.M. 1979. O raznovidnostyah yuridicheskogo processa [About the varieties of the legal process]. In: Aktual'nye problemy yuridicheskogo processa v obshchenarodnom gosudarstve. [Actual problems of the legal process in the national state: interuniversity thematic collection]. Ed. V.M. Gorsheneva. YAroslavl', YAroslavskij gosudarstvennyj universitet: 3–10.
- Got V.S. 1982. O ponyatiyem appara sovremennoj nauki [About the conceptual apparatus of modern science]. Voprosy filosofii, 8: 80–87.
- Krasnov YU.K. 2018. Processual'naya revolyuciya perekhodit v processual'nyu reformu [The procedural revolution is turning into a procedural reform]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika, predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 10 (101): 49–53.
- Pavlushina A.A. 2005. Teoriya yuridicheskogo processa: itogi, problemy, perspektivy razvitiya [Theory of legal process: results, problems, prospects of development]. Ed. V.M. Vedyahina. Samara, Samara State Academy of Economics, 480 p.
- Panova I.V. 2017. Razvitie administrativnogo sudoproizvodstva i administrativnoj yusticii v Rossii [Development of administrative legal proceedings and administrative justice in Russia]. Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki, 1: 32–41.
- Popov L.L. 2021. Esse o doktrine administrativnogo processa [Essay on the doctrine of the administrative process]. Lex Russica, Vol. 74, No. 6 (175): 11–21.
- Rayanov F.M. 2017. Filosofiya prava: diskursivnyj analiz i novye vyvody [Philosophy of Law: Discourse Analysis and New Conclusions]. M., Publ. YUrLitinform, 262 p.
- Salishcheva N.G. 1964. Administrativnyj process v SSSR: monografiya [Administrative process in the USSR]. M., Publ. YUrid. lit. 158 p.
- Serkov P.P. 2016. Administrativnoe pravo, administrativnoe sudoproizvodstvo i mekanizm pravootnosheniya [Administrative law, administrative proceedings and the mechanism of legal relations]. ZHurnal administrativnogo sudoproizvodstva, 1: 14–24.
- Serkov P.P. 2015. K voprosu o sovremenном ponimanii yuridicheskogo processa [On the issue of the modern understanding of the legal process]. Vektor razvitiya nauki. Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA), 8: 88–98.
- Sorokin V.D. 2002. Administrativnyj process i administrativnoe processual'noe pravo [Administrative process and administrative procedural law]. SPb., Publ. S.-Peterburg. yurid. in-ta. 474 c.
- Sorokin V.D. 1979. XXV s"ezd KPSS i voprosy normotvorcheskogo proizvodstva v so-vetskom administrativnom processe [XXV Congress of the CPSU and the issues of normative production in the Soviet administrative process]. In: Actual problems of the legal process in the national state: interuniversity thematic collection. Ed. V.M. Gorsheneva. YAroslavl', Publ. Yaroslavl State University: 61–68.
- Spiridonov P.E., 2019. Problemy i perspektivy razvitiya administrativnyh procedur v administrativnom processe i sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Problems and prospects of development of administrative procedures in the administrative process and the system of public administration]. ZHurnal administrativnogo sudoproizvodstva, 1: 5–10.
- Starilov YU.N. 2016. The importance of the CAS of the Russian Federation for the creation of a full-fledged system of modern administrative procedural law. In: Administrative and legal regulation of law Enforcement: Theory and Practice: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of Doctor of Law, Professor Viktor Vasilyevich Denisenko (Novorossiysk, June 03, 2016). Krasnodar, Publ. Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation": 38–52 (in Russian).
- Utkin D.V. 2016. Soderzhanie i osobennosti administrativno-processual'noj formy [Content and features of the administrative-procedural form]. ZHurnal administrativnogo sudoproizvodstva, 1: 59–66.

- Shebanov A.F. 1968. The general theory of state and law as a methodological science. In: Some questions of Soviet legal science: a collection of articles. Chisinau: 43–46 (in Russian).
- Shergin A.P. 2015. Administrativno-yurisdikcionnyj process kak vid yuridicheskogo processa [Administrative-jurisdictional process as a type of legal process]. Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina [Bulletin of the O.E. Kutafin University], 8: 140–147.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляев Валерий Петрович, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Нинцева Тамила Магомедовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Чеченский государственный университет, г. Грозный, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery P. Belyaev, Professor, Doctor of Law, Professor, Department of State Theory and History and Law, Southwestern State University, Kursk, Russia

Tamila M. Nintsieva, PhD in Law, associate professor of the Department of State Theory and History and Law, Chechen State University, Grozny, Russia

УДК 241.38

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-261-270

Соборность и соборы Русской православной церкви (XIII – начало XVII вв.). Каноническое право

Воронин И.К.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
Россия, 680021, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47

E-mail: voronin@festu.khv.ru

Аннотация. Понятиям «церковный собор» и «соборность» посвящен обширный пласт литературы отечественных светских историков и историков церковного права, православных богословов. Однако взаимосвязь этих понятий далеко не ясна. Остается непонятным и то, какие коллективные мероприятия церкви можно считать собором. Методологически и то, и другое следует рассматривать с позиций историзма и одновременно с учётом не только истории церковного, канонического права и церковной доктрины, но и наработок смежных дисциплин, в частности истории русского языка. Автор отвергает politicизацию первого термина, предпринимаемую отечественными мыслителями и публицистами в последние полтора столетия. В то же время он приходит к выводу, что употребление в XV–XVII в. термина «соборность» в символе веры и церковные соборы как таковые легитимизовали существующую в то время власть, основанную на сословном представительстве. Автор выработал критерии отнесения к церковному собору отдельных коллективных церковных мероприятий и на основании конкретного материала дал их определение. В статье рассмотрен вклад отдельных церковных соборов в развитие Русской православной церкви.

Ключевые слова: символ веры, церковный собор, соборность, земский собор, вселенскость, миръ, сословное представительство, каноническое право, царь

Для цитирования: Воронин И.К. 2022. Соборность и соборы русской православной церкви (XIII – начало XVII вв.). Каноническое право. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 261–270. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-261-270

Conciliarism and Cathedrals of the Russian Orthodox Church (13th – early 18th centuries). Canon law

Ivan K. Voronin

Far Eastern State Transport University,
47 Serysheva St, Khabarovsk, Khabarovsk region 680021, Russian Federation
E-mail: voronin@festu.khv.ru

Abstract. An extensive literature of Russian secular historians and historians of church law, Orthodox theologians is devoted to church councils and the concept of "conciliarity". However, the relationship between these concepts is far from clear. It also remains unclear what collective events of the church can be considered a council. Methodologically, both should be considered from the standpoint of historicism, and, at the same time, taking into account not only the history of church law and church dogmatics, but also the developments of related disciplines, in particular the history of the Russian language. The author rejects the politicization of the first term, undertaken by Russian thinkers and publicists in the last century and a half. At the same time, he comes to the conclusion that the use of the term "conciliarity" in the symbol of faith in the 13th – 18th centuries and church councils, as such, legitimized the existing power at that time based on class representation. The author has developed criteria for attributing individual collective church events to a church council, and based on specific material has given their definition. The article examines the contribution of individual church councils to the development of the Russian Orthodox Church.

Keywords: symbol of faith, church council, conciliarity, zemstvo council, universality, mir, estate representation, canon law, tsar

For citation: Voronin I.K. 2022. The Conciliarity and Cathedrals of the Russian Orthodox Church (13th – early 18th centuries). Canon law. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 261–270 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-261-270

Введение

Русская православная церковь – важнейший общественный институт российского государства. Авторитет церкви весьма высок в современном мире. В значительной степени этому способствует коллегиальный характер организации, который с наибольшей полнотой выражается в созыве церковных соборов. Ретроспективное изучение этого явления светскими и церковными исследователями позволяет выявить его роль в истории русского православия.

В отечественной науке имеется обширный пласт литературы, посвящённый разбору понятий «церковный собор» и «соборность», созданный трудами светских историков и философов [Воробьев, 1885; Мищенко, 2011; Петрушко, 2018; Черепнин, 1978], историков церковного права [Каптерев, 1906; Шаров, 1895; Цыпин, 1994], православными богословами [Афанасьев, 2003; Костромин, 2020; Макарий, 1883] на протяжении последних полутора столетий. Однако проблема заключается в том, что до сих пор нет ясности в вопросе о взаимосвязи этих понятий. Авторы допускают путаницу и в том, какие коллективные мероприятия церкви можно считать собором. Методологически эти понятия рассматриваются нами с позиций историзма и одновременно с учётом истории церковного, канонического права и церковной догматики. При этом учитываются наработки смежных дисциплин, в частности истории русского языка [Словарь... 1982; Словарь... 1996], а также имеющиеся в нашем распоряжении первичные источники [Памятники... 1880; Российское законодательство... 1880; Строев, 1877].

Автор отвергает политизацию термина «соборность», что нередко встречается в трудах отечественных мыслителей, публицистов, политических деятелей XIX–XX вв. На основании комплексного изучения литературы, первичных источников он приходит к выводу, что употребление в XV–XVII вв. термина «соборность» в символе веры и церковные соборы как таковые легитимизовали существующую в то время власть, основанную на сословном представительстве.

Традиция коллегиально принимать решения восходит ещё к библейским временам и находит подтверждение в созыве Вселенских соборов¹. Всего за период с 325 г. по 787 г. н.э. было проведено 7 Вселенских соборов, на которых присутствовали представители всех поместных церквей во главе с папой римским и византийским патриархом. Почетным председателем соборов был Византийский император. На соборах были приняты важнейшие решения, в том числе Символ веры, ставшие основой христианской догматики как на Западе, так и на Востоке. Русский читатель смог ознакомиться в полной мере с «деяниями» соборов только в конце XIX – начале XX вв. благодаря переводам их материалов, осуществленных богословами и учеными Казанской духовной академии. Безусловно, на «деяния» этих соборов, выражавших коллективную волю авторитетов церкви того времени, постоянно ссылались, а также с них брали пример. Одновременно они служили образцом организации процедуры выработки решений поместным церквям, в том числе и для русской православной. В истории РПЦ это ярко проявляется в созыве «освященных» (церковных) соборов допетровского периода, отражается в её церковной догматике.

¹ Деяния Вселенских соборов. 1908–1913. В 7-ми т-х. Изд. в рус. переводе при Казанской Духовной Академии. Изд. 3-е. Казань, Центральная Типография.

Целью данной статьи является формулирование определений понятиям «соборность» как символу веры и «соборы» в русской православной церкви исходя из исторических реалий XV–XVII вв.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются понятие «соборность», вписанное в один из членов Символа веры Русской православной церкви, и сами «освященные» церковные соборы как высший орган сословного представительства духовенства русской православной церкви.

Методами исследования главным образом является компаративистский междисциплинарный подход в сочетании с принципом историзма при рассмотрении фундаментальных понятий церковной доктрины и церковной истории.

Соборность как базовое понятие в Русской православной церкви

Церковным соборам и понятию «соборность» посвящена обширная литература отечественных светских исследователей [Шаров, 1895; Мищенко, 2011; Петрушко, 2018], историков церковного права, православных богословов [Каптерев, 1906; Макарий, 1883; Афанасьев, 2003; Давыденков, 2017; Костромин, 2020]. Эти два понятия взаимосвязаны между собой. Однако и то, и другое следует рассматривать как с позиций историзма, так и с учётом наработок смежных дисциплин, в частности истории русского языка. О православной доктрине следует высказаться отдельно, ибо она лежит в основе регулирования внутрицерковных отношений. В славянском (русском) переводе IX член Символа веры, принятого на Никео-Царьградском Вселенском соборе, излагается следующим образом: «*В Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь верую*». В ставшем уже классическом богословско-доктринальском трактате XIX в. Архиепископ Макарий исходил из того, что точный перевод греческого слова *Καθολική* («кафолическая») [Макарий, 1883, с. 241] означает «вселенство», истолковывает его как безграничность истинной православной церкви в пространстве и во времени (категория вечности). На сходных позициях стоят и современные отечественные богословы, в частности протоиерей О. Давыденков [2017]. Тем не менее, в наше время им уже трудно игнорировать тот факт, что в XIX в. благодаря славянофилам для целого ряда философов термин «соборность» становится основанием толкования идентичности великорусской нации и истинного христианина – православного верующего. В противовес этой точке зрения западники полагали, что именно «соборность», проявляющаяся в русской общине, – препятствие для развития в нашем народе индивидуализма как основы прогрессивных устремлений передовой части нашего общества [Мищенко, 2011]. При этом все они рассматривали период XVI–XVII вв., когда земские и церковные соборы регулярно созывались.

Мы здесь согласны с современными отечественными богословами, которые полагают, что эти «штудии» уводят от собственно богословского понимания проблемы¹. С другой стороны, на наш взгляд, они далеки и от принципа историзма, так как не учитывают, в каких исторических условиях возник этот термин, а самое главное – этот институт – земский и церковный соборы. Летом 1922 г. сторонниками «белой идеи» во Владивостоке был созван так называемый Земский Собор. По их мнению, он мог бы сплотить против «большевистского зла» всех его противников. Однако мнимых земцев не поняли не только красные – их ярые противники, но и большинство белых в Приморье, не говоря уже о его населении [Цыпкин, 2002].

Не исключено, что термин «соборность» был введён в лексику восточных славян ещё равноапостольскими святыми Кириллом и Мефодием в IX в. н.э. при переводе ими

¹ Соборность – слово, которого нет в Символе веры. Не скучный сад. 2 (85). 30.01.2013. <http://www.nsad.ru/articles/sobornost-slovo-kotorogo-net-v-simvole-veryy> (Дата обращения: 09.08.2021).

богослужебных книг с греческого на их языки. И дело здесь вовсе не в ошибке «салунских братьев», а в необходимости приспособить новую, более сложную терминологию для общества, переживающего переход от варварства к христианской цивилизации. В словаре древнерусской лексики синонимом слова «соборный» является слово «сборный»¹, при том, что это и здание, и помещение, где собираются верующие, и понятие, насчитывающее более двадцати смыслов весьма широкого спектра. Материалом для словаря послужили письменные источники, охватывающие период с XI по XVII век. Приведём некоторые представляющие для нас интерес смыслы слова «соборный»:

- 1) общий, относящийся ко всем, в том числе общая молитва, для которой собираются в церкви;
- 2) составляющий общину;
- 3) вселенский, всеобщий (в отличие от сектантского);
- 4) относящейся к общественному богослужению, литургии;
- 5) относящейся к собранию высшего духовенства, церковному собору;
- 6) относящийся к собранию представителей сословий;
- 7) в философии общий (в противовес частному).

Из указанных семи значений, только два – 3-е и 7-е являются переводом греческого слова *καθολική*. Первое значение приведено в так называемой Ефремовой кормчей (XII в.) – наиболее раннем русском переводе греческого Номакона [«аще κъто съборънъи вѣрѣ исправльшиъ» (*καθολική*)]. Вторая отсылка к термину *καθολιкή* содержится в переводах византийского богослова Иоанна Дамаскина для обозначения термина «философия» как учения об общем. В то же время русские книжники XI–XVII вв. словом «соборность» обозначали и другие понятия, не связывая их с греческим *καθολική* (2-й, 5-й смыслы) [Словарь..., 1996, с. 83–85].

С другой стороны, в русском языке XI–XVII вв. для обозначения понятия «вселенная» было другое слово – «миръ». Обращаясь к тому же источнику – «Словарю...», где в статье, посвящённой этому слову, даётся интересный пример – выдержка Остроумова Евангелия (XI в.) из греческого оригинала) [Словарь..., 1996, с. 165]: «...яко възлюбиль мя прегъже съложения мира» (Ио, XVII, 24). В греческом оригинале «миръ» писался как *κόσμον* (космос). Характерно, что русское слово «миръ» имел и другой смысл. Это сельская община (слово встречается уже в краткой редакции Правда Русская («Аще поиметь кто чюжъ конь, либо оружие, либо портъ, а познаетъ въ своему миру, то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду»), в представлении ещё древнерусских смердов (термин крестьянин появился в русском языке на рубеже XV–XVI вв.) она осмысливалась как внутренняя вселенная, в которой замыкались все его интересы.

Итак, слово «миръ», по мнению историков русского языка, имеет разное пространственное значение как большая и малая вселенная. Слова «собор» (сбор) и «соборность» (вселенскость), таким образом, коррелируются со словом «миръ». Более того, слово «соборность», во-первых, было весьма многозначно, имело множество оттенков, во-вторых, оно, как правило, употреблялось при передаче наиболее важных смыслов, в-третьих, оно было адекватным как для передачи богословских терминов, переводимых с греческого, так и обыденных понятий. Самое главное – термин «соборность» был понятен широкому кругу православных верующих и «вверху», и «внизу». Он был ограничен для XVI–XVII вв., когда сформировалась сословно-представительная монархия и созыв земских и церковных соборов был реальностью развития русской государственности. Как отмечают современные авторы, «...славянский термин, отсылающий нас к словам "сбор", "собрание", не чужд богословскому смыслу, в центре которого – Евхаристическое собрание как "наиболее полное выявление Церкви Божией"» [Задорнов, Ореханов, Кырлежев, 2013].

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. 1996. Выпуск 23 (Съ – сдымка). Гл. ред. Г.А. Богатова. Ин-т русского языка. М., Наука, С. 83-86.

В то же время будучи понятен широкому кругу русских людей в XVI–XVII вв. термин «собор» и производные от него «соборный», «соборность» способствовали легитимизации обозначаемых им светских и духовных институтов, что уже выходит за рамки их догматического и философского толкования и вводит его в правовое поле.

«Освященные» Соборы Русской православной церкви: понятие и наиболее важные критерии их определения

В ходе изучения доступной нам литературы и источников удалось выявить не менее полусятни церковных соборов, проведенных до начала XVIII века. Ещё в начале прошлого столетия известный церковный историк Н.Ф. Каптерев высказал мысль, что не все «сборы» церковных иерархов можно отнести к «освященным» соборам как *высший орган сословного представительства духовенства русской православной церкви* [Каптерев, 1906, с. 7]. Примечательно, что в качестве «прегрешений» патриарха Никона ему вменяли то обстоятельство, что он не созывал ежегодных совещаний епископов. Это рассматривалось как нарушение внутри церковной дисциплины [Шаров, 1895, с. 16]. В то же время в работах отечественных исследователей [Черепнин, 1978; Каптерев, 1906] большое число таких соборов просто упускаются из общего подсчёта или же, наоборот, единый собор разделяется на два и т.п., что ведёт к увеличению их числа (речь идёт о Большом Московском Соборе, который проходил в два этапа, но рассматривается большинством историков церкви как одно большое мероприятие) [Шаров, 1895.]. На наш взгляд, это происходит потому, что ни Н.Ф. Каптерев, который посвятил церковным соборам отдельную работу, ни другие исследователи не выдвигают критерий отнесения того или иного собрания (или совещания) иерархов церкви к «освященному» церковному собору.

Мы полагаем, что, кроме коллегиальности, такими критериями могут быть следующие признаки:

1) легальность, то есть законность, как с точки зрения духовенства, так и светских властей, с санкции которых данный собор был созван. Кроме того, важна и оценка этого собора в последующем, о чем пойдёт речь ниже;

2) представительность сословного собрания духовенства, то есть представляет ли он все духовенство и насколько отражает его позицию. В данном случае это и есть проявление «соборности» церкви;

3) важность принимаемых на соборе решений, охватывающих догматические и организационные аспекты её дальнейшего существования как истинно православной церкви.

Как правило, все эти признаки в той или иной мере присущи всем церковным соборам, хотя и не в полной мере. Обозначая эти критерии (признаки), мы учитываем два обстоятельства: во-первых, конкретную историческую обстановку, в которой проходили эти соборы и, во-вторых, ту оценку, которую давали и дали этому событию их современники, потомки и наши современники.

Первое неоспоримое сведение о церковном соборе, созванном на Руси, относится к упомянутому нами Владимирскому собору 1274 г., созванному митрополитом Кириллом в правление князя Даниила Александровича. Если исходить из источника, опубликованного в XIX в. [Русская..., 1880], круг участников собора был крайне узок. Кроме митрополита на нем присутствовали: Долмат Новгородский, Игнатий Ростовский, Феогност Переяславльский, Семеон Полоцкий и вновь поставленный на епископскую кафедру Серапион [Русская..., 1880].

После монгольского нашествия на Русь церковная жизнь в стране была в крайне расстроенном состоянии. Начался процесс смешения центра политической, культурно-религиозной жизни с южной Руси на северо-восток, что и отразилось на месте проведения и персональном составе собора. Митрополит Кирилл был первым первосвятителем Митрополии Киевской и всея Руси [Строев, 1877]. Полномочий преподобного Кирилла было

недостаточно для того, чтобы созвать на собор всех русских иерархов. В то же время не мог ему помочь и князь Даниил Александрович – по сути, еще удельный, а не всероссийский правитель. Тем не менее решение собора о введении во внутреннюю жизнь славянской Кормчей и принятые им «определения» имели огромное значение в упрочении положения православной церкви. Определения были приняты на Руси церковью и включены в многочисленные списки Кормчей вплоть до XV в. Правда, в поздних списках отсутствует первое определение, осуждающее симонию. Симония (греч. σιμονία) – купля-продажа церковных должностей, духовного сана, церковных таинств и священодействий. Таким образом, в течение 200 лет этот памятник канонического права был действующим нормативным актом церковного характера [Русская..., 1880].

Практика созывов церковных соборов возобновилась во второй четверти XV столетии при Великом Московском князе Василии II Темном. Они проходили в иных исторических условиях:

- во-первых, происходило ослабление власти Золотой Орды, распавшейся на многочисленные улусы;
- во-вторых, некогда могучая Византийская империя находилась на грани катастрофы и искала спасения в церковной унионе с католичеством и папой Римским;
- в-третьих, шло неуклонное возвышение Москвы, чему не могли помешать ни интриги князей, ни вмешательство извне со стороны литовцев и поляков, ни борьба за великокняжеский трон между представителями московской династии. В этих условиях усиливается роль церкви и русского духовенства во внешней и внутренней политике Московского государства.

Особо следует отметить собор 1441 г., на котором свергли митрополита Исидора – ярого приверженца Флорентийской униони. Православные и католические участники Ферраро-Флорентийского Собора 5 июля 1439 г. подписали орос собора, который вошёл в историю как «Флорентийская унионя». Уния состояла в признании православными католических догматов, в том числе и Вселенское верховенство папы Римского, правомерными. В оросе была лишь одна компромиссная оговорка: католическая месса и православная лiturгия объявлялись равнозначными, но одну служили в католических храмах, другую – в православных. Вся острота ситуации заключалась в том, что митрополит-униат был поставлен на митрополичью кафедру в Москве из греков не по желанию русского Великого князя, а по воле византийского патриарха. Последний, как и император ромеев, сам был сторонником униони. Действие московского собора и Великого князя, посадившего епископа Рязанского и Муромского Иова местоблюстителем митрополичьей кафедры, нарушило все нормы канонического права, ставившие московскую митрополию в подчинение константинопольскому патриарху. Однако только Москва сохраняла верность православию, тогда как все восточные церкви актом подписания Флорентийской униони склонили свои головы перед папой Римским. Московский великий князь как глава светской власти и московская метрополия, объединявшая христиан Северо-Восточной Руси, оказались единственными защитниками истинной веры – православия. С другой стороны, изгнание Исидора и появление Иова в митрополиты означало фактическое установление автокефалии русской православной церкви, хотя юридически это произойдёт почти через полтора столетия с утверждением патриаршества на Руси.

Безусловно, с формальной стороны решения церковного собора 1441 г. не были безупречны. Однако он уже представлял не только иерархов церкви, но и все духовенство Московской Руси. Средневековый русский летописец отмечал, что Василий II созвал «...свою землю епископы, архимандриты и игумены, и всех книжников» [Полное..., 1910, с. 180]. На самом деле главными действующими лицами, помимо самого Великого князя, были епископы Северо-Восточной Руси: Ростовский, Сузdalский, Рязанский, Коломенский, Сарайский, Пермский [Петрушко, 2018] Фактическая легитимность принятого на соборе решения подтверждается и тем, что его поддержали большинство москвичей. Об

этом косвенно свидетельствует тот факт, что они встали на сторону Василия II Темного в его борьбе с узурпатором Дмитрием Шемякой. Это в конечном счете обусловило победу первого над вторым [Петрушко, 2018].

В XVI в. церковные соборы стали проводиться чаще, чем в предшествующее столетие. На XVII в. выпадает почти три четверти от общего их числа за все три столетия. К этому времени сложилась «повестка дня» соборов. Они рассматривали:

- избрание сначала митрополитов, а затем патриархов;
- низложение первосвятителей;
- вопросы доктрины и богослужения;
- канонизацию русских святых;
- осуждали вероотступников и раскольников;
- этические проблемы священнослужителей и мирян, укрепление дисциплины внутри церкви;
- материальное положение церкви (в том числе вопросы о допустимости симонии) и церковного землевладения.

По сути, церковные соборы к XVII в. становятся своеобразным сословно-представительным органом. Однако они отличались и от земских соборов, и от Боярской думы. Первые – земские соборы – представляли интересы всех господствующих сословий, церковные соборы – главным образом духовенства. Боярская дума, представлявшая интересы земельной аристократии, была постоянно действующим органом управления, церковные соборы – созывались по мере необходимости и, как правило, для решения острых и неотложных вопросов.

Председательствовал на соборах патриарх, а если его не было – один из авторитетнейших иерархов церкви. Обязательно участвовал царь, по инициативе которого и собирался собор. Однако господствовал не монархический, а коллегиальный принцип. Решающее слово принадлежало коллегии епископов и других иерархов церкви, которые, однако, ни в коей мере не могли игнорировать ни мнения государя, ни мнения первосвятителя.

Роль светских лиц, главным образом боярской аристократии, как правило, была пассивной. Однако в ряде случаев и они активно включались в работу соборов, особенно когда затрагивались их сословно-вотчинные интересы. Такие соборы Черепнин Л.В. квалифицировал как церковно-земские соборы. К ним, в частности, он причислил Стоглавый собор (1551 г.), Большой Московский собор (1666–1667 гг.) [Черепнин, 1978]. К таким соборам юристы-историки, публикаторы замечательного многотомника правовых памятников прошлого, относят вслед за Черепнином Л.В. соборы 1580 и 1584 годов, на которых рассматривались вопросы церковного землевладения. Хотя роль светского элемента на соборе, судя по сохранившимся документам, была не совсем ясна [Российское..., 1985].

Из общего числа соборов выделяются так называемые Большие соборы. Характерным примером является Московский собор 1666–1667 гг., проходивший с перерывами более года. Направленный главным образом против старообрядцев, он одновременно низложил Никона с патриаршего трона, выбрал нового первосвятителя, рассмотрел вопросы канонического характера. В борьбе со старообрядцами собор пошёл на крайнюю меру – отменил Стоглав. Полемизируя со своими оппонентами, участники собора 1666–1667 годов квалифицировали своё собрание как больший собор, то есть имеющий больше полномочий, чем собор 1451 г., на котором был принят Стоглав. В числе главных аргументов было то, что на соборе 1666–1667 гг. присутствовали и московский патриарх, и восточные патриархи, и более широкий круг иерархов церкви [Шаров, 1895].

Как правило, собор посвящался решению одной какой-либо проблемы. Цель созыва собора, его «повестка дня» может быть одним из критериев классификации церковных соборов XV–XVII вв. Так, на этом основании Н.Ф. Каптерев [1906] – выделяет так называемые избирательные соборы, то есть те, на которых избирали Киевских и Всея Руси мит-

рополитов и Московских патриархов. Однако мы не согласны с его мнением о том, что такие соборы нельзя и назвать собственно церковными соборами. На наш взгляд, избрание нового митрополита или затем патриарха серьезно влияло на всю политику русской православной церкви, зачастую определяла его судьбу.

Отдельную группу соборов составляют так называемые судебные соборы, на которых предавались отступники от истинной веры христианской. Это могли быть как еретики, так и собственно отступники, как, например, патриарх Никон, который был низложен с патриаршего трона. Суд в любом случае носил инквизиционный характер. Никакой защиты и не предполагалось. «Виновный» должен был признать свою вину и раскаяться. В противном случае его ждало суровое наказание. Пример тому – судьба протопопа Аввакума.

Обсуждение норм церковного права, вопросов церковной догматики шёл в ключе диалога между царём и главными участниками собора в вопросно-ответной форме. Вопросы, как правило, если касались взаимных светских и церковных проблем, формулировались царем при участии патриарха и особо доверенных лиц. Ответы давались обычно митрополитом или патриархом и поддерживались остальными участниками собора.

Н.Ф. Каптерев [1906] указывает на сервильность иерархов, готовых согласиться на любые предложения царя. Действительно, ни царь, ни иерархи не желали вступать в открытый конфликт. Однако при столкновении интересов – обычно это вопросы церковного землевладения – отцы церкви проявляли завидное упорство и изворотливость. Так было на соборе 1551 г., большинство участников которого были иосифляне – сторонники сохранения церковного землевладения [Российское..., 1985]. Так было и на соборе 1688 г., который рассматривал вопрос о значительном увеличении числа епархий [Воробьев, 1885]. Согласившись с мнением молодого царя Федора Алексеевича, патриархат вместо новых 33 епархий открыл всего четыре, то есть, фактически саботировав решение собора. Правда, это произошло после смерти монарха [Каптерев, 1906].

Церковные соборы – характерный признак сословного представительства. Несмотря на то, что они проходили в период укрепления самодержавия и созывались по инициативе самого царя, роль других участников собора не была пассивной. В соборных «пригово-рах» (или «деяниях»), наряду с царем, непременно значатся имена митрополитов и патриархов, занимавших первосвятительский трон, а также епископов, возглавлявших церковные округа. Остальным, вероятно, отводилась роль статистов. К ним, в частности, относились «преподобные игумены» и «честные архимандриты», то есть настоятели (начальники) крупных монастырей и авторитеты церкви, которые уже своим присутствием легитимизировали сам собор. В целом же соборы умело отстаивали интересы церкви, решая при этом важнейшие проблемы церковной, а порой и светской жизни.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, предлагаем следующее определение понятия «церковный собор» в контексте нашего исследования, применительно к русской православной церкви XV–XVII в. Итак, церковные (или «освященные» как их называли современники) соборы – это высший коллективный орган сословного представительства русской православной церкви XV–XVII вв., состоящий из собрания церковных иерархов и клира, во главе с первосвятителем (митрополитом или патриархом), созываемого царём (или великим князем) по мере необходимости, уполномоченного решать внутрицерковные и другие вопросы, затрагивающие интересы церкви и отстаивавшие особый статус духовенства как сословия.

Отдельно следует сказать о епархиальных церковных соборах. О них упоминается на известном нам Владимирском соборе 1247 г., а практика их созыва прослеживается до XVI в. Созывались они в так называемое соборное воскресенье раз в год. Инициатива исходила от епископа – главы епархии. Он же обращался к присутствующим на соборе с поучительным словом. Это был достаточно представительный институт, так как в нем

участвовало все приходское духовенство. Однако «освященными» церковными соборами их ни в коем случае назвать нельзя. На них решались сугубо внутренние епархиальные вопросы. В частности, они могли экзаменовать новопреставленных приходских священников на знание премудростей литургии [Неселовский, 1906; Памятники..., 1880].

Понятие «соборность» и конкретные мероприятия, связанные со сбором церковных иерархов и всего клира для решения важнейших вопросов развития церкви, взаимосвязаны между собой. Полагаем, что в XV–XVII вв., когда русская православная церковь регулярно созывала церковные соборы, противопоставлять понятия «соборность» и «собор» было нелепо. Более того, термин «соборность», включённый в русский перевод символа веры, отражал правосознание русского народа, легитимность всей системы власти, базирующейся на сословном представительстве, одним из важнейших элементов которого были церковные соборы.

Список источников

- Акты Земских соборов. 1985. Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. Отв. ред. А.Г. Маньков. 512 с.
- Давыденков О., прот. 2017. Догматическое богословие. М., Изд-во ПСТГУ, 624 с.
- Памятники древнерусского канонического права. 1880. Ч. 1 (Памятники XI–XV в.). Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Санкт-Петербург. Археографическая комиссия. Т. 6: [4], IV с., XX, 930. 316, 70 стб.
- Полное собрание русских летописей. 1910. Т. XXIII, Изд. 1-е. Ермолинская летопись. СПб., 252 с.
- Российское законодательство X–XX веков. 1985. Под общей редакцией О.И. Чистякова. Акты Земских соборов. Т. 3. 512 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. 1996. Выпуск 23 (Съ – сдымка). Гл. ред. Г.А. Богатова. Ин-т русского языка. М., Наука, 253 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. 1982. Выпуск 9 (М). Гл. ред. Г.А. Филин. Ин-т русского языка. М., Наука, 357 с.
- Строев П.М. 1877. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., Павел Строев. X с., 1064, 68 стб.
- Цыпин В. А. 1994. Церковное право. Курс лекций. М., Круглый стол по религиозному образованию, Издательство МФТИ, 440 с.

Список литературы

- Афанасьев Н., протопресвитер. 2003. Церковные соборы и их происхождение. Москва, Свято-Филаретовский Прав.-Христианский институт, 201 с.
- Воробьев Г. 1885. О Московском соборе 1681–1682 гг. Опыт исторического исследования. СПб., 160 с.
- Каптерев Н.Ф. 1906. Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий. Сергиев Посад, тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 121 с.
- Костромин К., прот. 2020. К вопросу о свойствах христианской общины. *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*, 2(6): 5–16. DOI: 10/47132/2541-9587_2020_2_5.
- Макарий. 1883. Православно-догматическое богословие. Т. II. 4-е изд. СПб., Типография Р. Голике, 598 с.
- Мищенко А.В. 2011. О соборности как понятии духовном, религиозном и философском. *Вестник МГТУ*, 14(2): 319–324.
- Неселовский А.А. 1906. Чины хиротессий и хиротоний (опыт историко-археологического исследования). Каменец-Подольск, Тип-я С.П. Киржацкого, 375 с.
- Петрушко В.И. 2018. Флорентийская Уния, Московский Собор 1441 года и начало автокефалии Русской Церкви. *Церковь и время*, 1 (82): 99–168.
- Цыпкин Ю.Н. 2002. Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917–1922 гг.). (История возникновения, развития и гибели небольшевистских альтернатив развития Дальнего Востока России). Хабаровск, ХГПУ, 267 с.
- Шаров П.Ф. 1895. Большой Московский собор 1666–1667 гг. Киев., тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 200 с.
- Черепнин Л.В. 1978. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., Наука. 416 с.

References

- Afanasyev N., protopresbyter. 2003. Church councils and their origin. Moscow, Svyato-Filaretovsky Is Right.-Christian Institute, 201 p. (in Russian).
- Vorobyov G. 1885. About the Moscow Cathedral of 1681-1682 The experience of historical research. St. Petersburg, 160 p. (in Russian).
- Kapterev N.F. 1906. Tsar and Moscow church cathedrals of the XVI and XVII centuries. Sergiev Posad, publ. Holy Trinity. St. Sergius Lavra, 121 p. (in Russian).
- Kostromin K. F. 2020. K voprosu o svojstvah hristianskoj obshchiny [On the Question of the Properties of the Christian Community]. *Trudy kafedry bogoslovija Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii*, 2(6): 5–16.
- Makarii. 1883. Orthodox Dogmatic Theology. Vol. II. 4th ed. St. Petersburg., publ. R. Golike, 598 p. (in Russian).
- Mishchenko A.V. 2011. O sobornosti kak ponjatii duhovnom, religioznom i filosofskom [On sobornost as a spiritual, religious and philosophical concept]. *Vestnik MGTU*, 14(2): 319–324.
- Neselovsky A.A. 1906. Ranks of ordinations and ordinations (experience of historical and archaeological research). Kamenets-Podolsk, publ. S.P. Kirzhatsky, 375 p. (in Russian).
- Petrushko V.I. 2018. Florentijskaja Unija, Moskovskij Sobor 1441 goda i nachalo avtokefalii Russkoj Cerkvi [The Florentine Union, the Moscow Cathedral of 1441 and the beginning of the autocephaly of the Russian Church]. *Cerkov' i vremja*, 1 (82): 99–168.
- Tsyplkin Yu.N. 2002. Non-Bolshevik alternatives to the Development of the Russian Far East during the Civil War (1917–1922). (History of the emergence, development and development of non-Bolshevik alternatives to the development of the Russian Far East). Khabarovsk, KHSPU, 267 p. (in Russian).
- Sharov P.F., 1895. The Great Moscow Cathedral of 1666–1667. Kiev., publ. G.T. Korchak-Novitsky, 200 p. (in Russian).
- Cherepnin L.V. 1978. Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Zemsky sobors of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. M., Nauka. 416 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронин Иван Константинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права», ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», г. Хабаровск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan K. Voronin, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and history of state and law, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

УДК 347
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-271-298

Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории

Габов А.В.

Институт государства и права Российской академии наук,
Россия, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: gabov@igpran.ru

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: gabov@bsu.edu.ru

Аннотация. Основу отечественного гражданского законодательства на протяжении уже довольно длительного периода времени составляет отраслевой кодифицированный акт – Гражданский кодекс (с 1922 года). Между тем и в теории права в целом, и в теоретических исследованиях по проблемам гражданского права нет единства в том, что такое кодекс, по какому принципу должна осуществляться кодификация, какой охват нормативных положений должен быть при кодификации и т.д. Многие из этих проблем возникали в период проведения последней по времени реформы гражданского законодательства (с 2008 года). При оценке кодификации гражданского законодательства надо также учитывать дискуссии относительно отдельных кодификаций норм торгового и хозяйственного права (в советское время), норм торгового и предпринимательского права (в постсоветский период). Принимая во внимание знаменательную дату – 100-летие Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, автор полагает правильным обратиться к основным этапам и событиям и идеям, которые сопровождали кодификацию отечественного гражданского законодательства, чему и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: кодификация, кодекс, гражданское право, гражданское законодательство, Гражданский кодекс

Для цитирования: Габов А.В. 2022. Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 271–298. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-271-298

Codification of Domestic Civil Legislation: Some Pages of History

Andrey V. Gabov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka St, Moscow 119019, Russia

E-mail: gabov@igpran.ru

Belgorod National Research University
85 Victory St, Belgorod 308015, Russia
e-mail: gabov@bsu.edu.ru

Abstract. The basis of domestic civil legislation for quite a long period of time has been an industry codified act – the Civil Code (since 1922). Meanwhile, both in the theory of law in general and in theoretical studies on the problems of civil law, there is no unity on what a code is, on what principle codification should be carried out, what coverage of normative provisions should be in codification, etc. Many of these problems also arose during the period of the most recent civil law reform (since 2008). When assessing the codification of civil legislation, one should also take into account the discussions

regarding the separate codification of the norms of commercial and economic law (in the Soviet era), as well as the norms of business law (in the post-Soviet period). Taking into account the significant date - the 100th anniversary of the Civil Code of the RSFSR of 1922, the author believes it is right to refer to the main stages and events and ideas that accompanied the codification of domestic civil legislation, which is the subject of this work.

Keywords: codification, code, civil law, civil law, Civil Code

For citation: Gabov A.V. 2022. Codification of Domestic Civil Legislation: Some Pages of History. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 271–298 (in Russin). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-271-298

Введение

Нормы гражданского права имеют исключительно важное значение для эффективной реализации множества интересов граждан и иных субъектов; прежде всего, конечно, они имеют определяющее значение для реализации экономических интересов; они способствуют наиболее полной реализации конституционных принципов свободы экономической деятельности, неприкосновенности собственности и иных конституционных положений, направленных на регулирование поведения участников разнообразных экономических отношений. Экономическими отношениями регулирующая роль гражданского права не ограничивается. В настоящее время значительную роль нормы гражданского права оказывают и применительно к охране различных нематериальных благ, и тем не менее именно нормы гражданского права в совокупности с иными частями нашего законодательства, прежде всего административного права, создают фундамент экономики российского государства, в силу чего о Гражданском кодексе иногда и несколько претенциозно говорят как об «экономической конституции».

Эффективная реализация норм гражданского права во многом связана с состоянием гражданского законодательства. Системность, логичность структуры изложения норм, построения отдельных нормативных предписаний и институтов, отсутствие противоречий между нормативными положениями, своевременное обновление актов гражданского законодательства и проч. – все это обеспечивает в конечном итоге субъектам гражданского права и правоприменительным органам возможность использовать и применять необходимый нормативный материал наиболее эффективным образом. Качественные характеристики гражданского законодательства в первую очередь обеспечиваются его системой и структурой. В нашей стране в основе всей системы гражданского законодательства находится кодифицированный отраслевой акт – Гражданский кодекс, структурирование нормативного материала в котором происходит путем выделения обширной общей части и особенной части, т.е. Кодекс построен по пандектной системе¹, использованной ранее при кодификации немецкого гражданского права. Выделение общей части – это, по мнению О.С. Иоффе, технический прием, который сводится к тому, что «как бы выносятся за скобки общие положения, свойственные всем или подавляющему большинству норм, которые объединены в данном кодексе или своде» [Иоффе, 1957, с. 31]. Наличие общей части позволяет логично структурировать нормативный материал, избегая повторов; в виде общей части появляется своего рода «фильтр», позволяющий оценивать корректность и целесообразность включения в кодекс новых положений (расширение предмета регулирования и др.).

Задача Кодекса – системное нормативное регулирование частных (имущественных и личных неимущественных) отношений, составляющих предмет гражданского законода-

¹ «Исторически, – отмечал О.С. Иоффе, – образование общей части представляло собой результат разработки пандектной системы расположения частно-правовых норм в немецкой юриспруденции XVII в., противопоставляемой институционной системе, которая запечатлена в источниках римского права» [Иоффе, 1957, С. 30]

тельства. Кодекс – результат кодификации, т.е. не просто соединения в одном нормативном акте схожих по предмету и методу регулирования уже действующих (существующих) норм, но систематизации норм, существенно переработанных в соответствии с политико-правовыми установками, лежащими в основе кодификации. Кодекс определяет правовое положение участников гражданского оборота, устанавливает принципы (основные начала) гражданского законодательства, основания возникновения и порядок осуществления прав гражданских прав, в том числе права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности; регулирует различные договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, в том числе отношения, осложненные иностранным элементом. При этом Гражданский кодекс не является единственным местом, в котором размещены нормы гражданского законодательства. Кодекс, собственно, не может и не должен включать все нормативные предписания, необходимые для регулирования отношений, составляющих предмет гражданского законодательства. Однако Кодекс включает основную массу таких нормативных предписаний с указанием того, где и в каких случаях могут еще находиться нормы, направленные на развитие его положений, а также устанавливает соотношение норм, которые содержатся в различных актах гражданского законодательства.

Такая структура отечественного гражданского законодательства – когда в ее основе (основе) находится кодифицированный акт, – сформировалась не сразу. Российское право прошло долгий путь, прежде чем идеи кодификации норм гражданского права были воплощены. Путь этот был неровен и тернист, наполнен иногда противоборством различных идей, подходов, концепций, а потому, учитывая, что в 2022 году мы отмечаем примечательную дату для нашего права – 100-летие ГК РФСФР 1922 г., целесообразно этот путь проанализировать. Это тем более важно, что многие дискуссии вокруг потенциальных направлений совершенствования и развития гражданского законодательства упираются именно в общие вопросы: что такое кодификация, каковы должны быть подходы к ней, что можно называть кодексом, а что нецелесообразно и т.д.

Систематизация отечественного гражданского законодательства до 1922 г.

Точку отсчета для истории кодификации норм отечественного гражданского права определить непросто.

Попытки систематизации российского права (в целом) предпринимались в различные периоды истории и хорошо известны по своим названиям (Русская правда, судебники). В период царствования Алексея Михайловича было принято Соборное уложение 1649 г. [Соборное уложение 1649 года, 2011], которое отдельные исследователи уже называют кодификационным актом; этот акт заменил многие имеющиеся акты [Юртаева, 2012], однако в полном смысле этого слова кодификацией не стал, поскольку после его принятия продолжалась практика принятия отдельных законов, не встроенных в общую систему. Соборное уложение, кроме того, нельзя относить к попыткам не то что кодификации, но даже систематизации норм гражданского права, поскольку в тот период известное нам сегодня отраслевое деление просто отсутствовало.

В последующем попытки систематизации продолжились уже в период правления Петра I, которым создавались специальные комиссии по созданию нового свода правовых норм [Шершеневич, 1898], однако успехом они не закончились. Попытки начать систематизацию законодательства (всего) предпринимались и далее: в период царствования Петра II, Анны Иоановны и Елизаветы Петровны [Числов, 1896; Шершеневич, 1898; Латкин, 1909], Петра III [Юртаева, 2012], но и они не завершились результатом (краткий обзор деятельности всех комиссий с 1700 г. дан в следующей работе: [Обозрение исторических сведений о Своде законов, 1837, С. 12–41]). Следует отметить, что ни в одном случае речь

не шла о какой-либо кодификации норм гражданского права (соответствующие нормы еще не выделялись структурно среди других нормативных предписаний).

Интересна попытка кодификации законодательства (создания уложения), предпринятая в период царствования Екатерины II, от которой остался весьма любопытный документ – Наказ, содержащий идеи, которые следует положить в основу создаваемого уложения.

В части норм гражданского права, впрочем, этот документ беден; в нем нормы гражданского права не выделены от других; не содержит этот документ сколь-нибудь взятых общих положений, концентрируясь на отдельных проблемах («рукоделие и торговля», «о наследствах» [Наказ, 1770, с. 202, 270–288 и др.]). Такое отношение к нормам гражданского права как в самом Наказе, так и в процессе работы комиссии по составлению нового уложения исследователи (Г.Ф. Шершеневич) комментировали так: «Гражданское право менее всего занимало внимание как императрицы, так и комиссии. В Наказе встречается весьма мало замечаний относительно этой области права и это объясняется очень просто тем, что Монтескье и Беккариа, которых Екатерина II, по ее собственным словам, так ловко "оббрала", не касаются почти вовсе этой сферы. В депутатских наказах также встречается сравнительно не много заявлений, относящихся к гражданскому праву, хотя и были высказаны некоторые соображения о большей свободе оборота недвижимостей, о завещаниях, о законном наследовании, об уничтожении ограничений права собственности, о находке, кладе и нек. др. Вопросам гражданского права уделено было весьма мало заседаний и то уже под самый конец, перед закрытием комиссии. Да и сами депутаты сравнительно мало высказывались по вопросам гражданского права» [Шершеневич, 1898, с. 63].

Первая продуктивная попытка кодификации собственно норм гражданского права была предпринята в начале XIX в. в виде проекта Гражданского уложения [Проект Гражданского Уложения Российской Империи, 1809; Проект Гражданского уложения Российской империи, 1814; Пахман, 1876, С. 391–469; Шершеневич, 1898, С. 64–76 и др.], основную роль в подготовке которого (с 1808 г.) сыграл выдающийся российский государственный деятель М.М. Сперанский.

«Продуктивной» ее можно назвать по двум причинам: во-первых, в силу того, что нормы гражданского права наконец-то начали обособляться от иных законоположений; во-вторых, в результате кодификационных работ был создан самый первый проект гражданского уложения. Недаром авторитетные исследователи вопросов кодификации отечественного гражданского права прямо пишут, что «современная история российского гражданского права» началась именно с кодификационных работ начала XIX в. [Маковский, 2005, с. 115–116].

Структура проекта Гражданского уложения, опубликованная в 1814 г., включала: части (первая посвящена гражданскому состоянию, вопросам брака, семьи; вторая – имуществу, включая вопросы наследования; третья касалась способов приобретения имущества («О договорах»)), главы (в первой части 14 глав, во второй – 29 глав, в третьей – 19); сквозная нумерация параграфов (статей) в тексте отсутствовала, каждая часть имела собственную нумерацию.

Оценивая идейную составляющую этого проекта, следует указать на несомненное влияние французского опыта кодификации; оно признается всеми исследователями [Пахман, 1876, с. 392; Кодан, Тараборин, 2002; Маковский, 2005, С. 115–116; Томсинов, 2008; Ружицкая, 2011, с. 8–9; Ружицкая, 2012, с. 132; Захарова, 2016; Райников, 2016, с. 41]. Г.Ф. Шершеневич даже отмечал, что «самая мысль о выделении гражданского права из общей системы не выработалась у нас самостоятельно, а заимствована и особенно укрепилась под влиянием французского кодекса» [Шершеневич, 1898, с. 68]. Однако оценки того, насколько глубоко и основательно французский опыт был заимствован при подготовке проекта уложения, разнятся. А.Л. Маковский отмечает, что будущее Гражданское уложение должно было стать «насколько возможно, копией Гражданского кодекса Наполеона»; он отмечает далее: «система проекта Гражданского уложения была приведена в соответствие с

системой *Code Civil*: оно должно было состоять из трех книг – о лицах (I), об имуществе (II) и о договорах (III). Со структурой первой книги *Code Civil* почти полностью совпадала и внутренняя структура первой книги проекта Уложения. Из *Code Civil* было заимствовано (хотя далеко не всегда дословно) и большинство текстов конкретных норм» [Маковский, 2005, с. 116]. Несколько иную общую оценку можно встретить у В.А. Томсина: «Проект Гражданского уложения Российской империи 1809 г. делился, подобно Гражданскому кодексу французов на три части. Некоторые его нормы были внешне похожи на аналогичные нормы французского кодекса, однако в целом – и общей системой своей, и содержанием норм, а самое главное смыслом правовых институтов – произведение Сперанского весьма сильно отличалось от Кодекса Наполеона» [Томсинов, 2008, с. 31].

Оценки «глубины» заимствования могут быть различны; скорее всего, как и в отношении множества фактов и событий прошлого достигнуть какого-то компромисса здесь не удастся. Однако, оценивая влияние французского опыта кодификации гражданского права на авторов проекта, надо помнить в целом о французском влиянии на русское общество в тот период, воздействии на него, как бы мы сейчас сказали, французской «мягкой» силы (философии, культуры и т.д.). Надо учитывать и то, что опыт французской кодификации гражданского законодательства был на тот момент наиболее «свежим» – *Code Civil* был принят в 1804 г. Этот кодекс¹ и в современный период считается одним из образцовых примеров кодификаций как с точки зрения структуры (институционная), так и с точки зрения формулировок конкретных законоположений; кодекс, как отмечают исследователи, «отличается рядом несомненных достоинств и с точки зрения законодательной и юридической техники. В нем охвачены все основные институты гражданского права, изложенные в четкой логической последовательности... Язык кодекса предельно ясен, точен, прост понятен не только ученым-юристам, но и лицам, недостаточно сведущим в юриспруденции» [Гражданское и торговое право капиталистических государств, 1993, с. 37]. Указывать – как на негативный факт – на заимствование французского опыта, с нашей точки зрения, нельзя и по той причине, что на тот момент отсутствовал собственный отечественный пример подобного рода систематизации гражданского законодательства, а кроме того, не имелось и системно изложенных доктрин, идей, которые могли бы стать основой для самобытной, основанной только и исключительно на собственном опыте систематизации гражданского законодательства.

В силу различных, прежде всего политического характера причин данная кодификация осталась незавершенной. Г.Ф. Шершеневич писал: «Не содержание, не юридические недостатки проекта, не доказанная неприменимость его к русскому быту помешали осуществиться в то время предприятию Сперанского, а исключительно неблагоприятные политические обстоятельства и личная вражда...» [Шершеневич, 1898, с. 74]. Тем не менее опыт составления проекта Гражданского уложения оказался весьма востребованным. Как справедливо пишет В.А. Томсинов, «составленный М.М. Сперанским в 1809 г. проект Гражданского уложения сыграл немаловажную роль в развитии русского права. Не принимая его во внимание, трудно понять, каким образом учрежденному Николаем I в начале 1826 г. Второму отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии удалось всего за шесть лет создать Свод законов Российской Империи» [Томсинов, 2008, с. 31]. И.В. Ружицкая полагает: «Можно утверждать, что последующая успешная деятельность Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии в деле систематизации российского законодательства предопределена была большой предварительной работой, проделанной Комиссией составления законов» [Ружицкая, 2011, с. 12]. П.В. Крашенинников полагает, что «существовавшая во главе с Михаилом Михайловичем Сперанским в начале XIX в. подготовку проекта Гражданского уложения, а затем и

¹ Актуальный текст см.: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения – 04.05.2022 г.).

Свода законов, в частности ч. 1 т. X.» можно считать (в совокупности) первым этапом кодификации отечественного гражданского законодательства [Крашенинников, 2019, с. 31].

Свод законов Российской Империи (о своде, его составлении и проблемах см.: [Коркунов, 1894; Кассо, 1904, с. 53–89; Майков, 1905; Кодан, 2010, с. 89–95 и др. работы]) стал собственно первым официальным действующим актом, в котором (т. X) были систематизированы нормы отечественного гражданского законодательства. При создании Свода именно вопросы систематизации, как отмечается исследователями, были целью Верховной власти [Обозрение исторических сведений о Своде законов, 1837, с. 70; Тараборин, 2015, с. 194]; исходя из этого (и с учетом подхода к классификации различных сводов) формулировались установки в части видения сущности Свода: «очевидно, что наше Сводное Уложение в начатах его, и состав Юстинианов в действительном исполнении, одни представляют дело Законодательное; все прочие виды, — выписки, сборники, указатели, книги учебные и ученые, — суть дело частное. Сим определено было существо Свода. Он должен быть Corpus juris, общим составом Законов, и в сем понятии должен обнимать все части Законодательства во всей их совокупности» [Обозрение исторических сведений о Своде законов, 1837, с. 81].

Тем не менее применительно к Своду может быть поставлен вопрос: можно ли говорить о нем, как о результате кодификации? С одной стороны, в нем лишь систематизирован имевшийся нормативный материал (как и планировалось), однако нельзя не обратить внимание и на мнения исследователей, которые указывали на помещение в него норм, не имевших никакой исторической основы, по существу норм новых [Шершеневич, 1898, с. 94–97]. Именно это дало выдающемуся российскому правоведу Г.Ф. Шершеневичу основание для вывода о том, что в части норм гражданского законодательства Свод «представляет собой ничто иное, как кодекс, весьма, правда, несовершенный» [Шершеневич, 1898, с. 97]. Подчеркнем, что ответ на поставленный вопрос во многом зависит от того, что конкретный исследователь вкладывает в понятие «кодификация» (а здесь довольно много различных точек зрения), и при этом следует учитывать одно обстоятельство, на которое нечасто обращают внимание при оценке Свода: он был не единственным источником гражданского права; помимо норм общеимперских, которые были систематизированы в т. X Свода, в отдельных частях Российской Империи действовали собственные гражданские законы, сосредоточенные в отдельных кодексах и сводах (указаниях), причем их содержание могло отличаться весьма значительно.

Свод законов на довольно продолжительный период времени обеспечил регулирование гражданских отношений в Российской Империи, однако его недостатки привели к решению о начале подготовки нового проекта Гражданского уложения, история которой занимает период с конца XIX – начале XX вв. (1882–1917).

Основания для начала кодификации были понятны: существовавшая система актов гражданского законодательства представляла лишь внешнее единство, в реальности же содержащиеся в них нормы не представляли стройной системы, имелось много устаревших норм, пробелов (что приводило к интересному явлению – формулированию многих значимых норм гражданским кассационным департаментом Правительствующего Сената). Как отмечал И.М. Тютрюмов, «неудовлетворительность всей системы наших гражданских законов, препятствующая правильному развитию этой важнейшей отрасли законодательства и установлению единства общих гражданских норм для всех местностей государства, послужила основанием к изданию Высочайших повелений 12 и 26 мая 1882 г. о начале общего пересмотра действующих гражданских законов и о составлении гражданского уложения» [Гражданское уложение. Кн. 1. Положения общие, 2007, с. IX]. Также к моменту начала кодификационных работ значительно изменились социально-экономические отношения.

При оценке проекта надо отметить следующие важные положения.

Во-первых, его структура – это результат влияния немецкого права, поскольку мы видим выделение довольно значительных по объему общих положений (Книга 1). Сама структура была сложной, статьи группировались по следующим структурным единицам: книги (всего пять книг: «Положения общие», «Семейственное право», «Вотчинное право», «Наследственное право», «Обязательственное право»), разделы, главы, отделения, которые объединяли статьи со сквозной нумерацией.

Во-вторых, положения Гражданского уложения включали в себя нормы семейного права и нормы, регулирующие иные отношения, которые в настоящее время регулируются отдельными кодифицированными актами.

В-третьих, создатели проекта Гражданского уложения *не планировали, как минимум, первоначально, отказа от сложного регулирования гражданских отношений на территориях Российской Империи*, т. е. регулирования гражданских отношений в губерниях Царства Польского и Прибалтийских губерниях иными актами. Такой подход вызывал сомнения и даже существенные возражения у некоторых современников, которые можно проиллюстрировать следующими словами А.М. Гуляева: «Местные особенности, вызываемые условиями климатическими и топографическими, всегда будут существовать, несмотря на политическую ассимиляцию окраин с коренными частями Империи; но местные особенности, составляющие наследие прежнего самобытного политического существования окраин, конечно, подлежат устраниению и замене их единым общим гражданским законом, что наилучшим образом обеспечит слияние всех частей государства. Создание единообразных юридических условий жизни, без сомнения, составляет сознательную цель законодательной политики, и нужно иметь серьезные основания для того, чтобы отказываться от достижения этой цели, завещая разрешение этой задачи неопределенному будущему» [Гуляев, 1903, с. 29].

Долгая и кропотливая работа отечественных юристов над указанным проектом хорошо известна и может быть легко отслежена в связи с неоднократным изданием в дореволюционный период имевшихся проектов с редакционными материалами, объясняющими существо предлагавшихся правовых решений. Данная кодификация не закончилась принятием нового Гражданского уложения; причин тому можно назвать множество, однако стоит вспомнить пророческие слова Г.Ф. Шершеневича, сказанные им в 1906 г. о влиянии революции в России на процесс принятия нового уложения: «В разгар революции, за насилием и потоками крови, еще не видны и не скоро будут видны начала, на которых способно было бы примириться все русское общество. Строить гражданский кодекс без выяснения начал – все равно, что возводить дом без фундамента», «необходимо признать – добавлял он, – что пока революция не совершил свой полный оборот, не может быть и речи о проекте гражданского уложения» [Шершеневич, 1906, с. 10–11]. Похожую, хотя и чуть в более мягкой форме мысль можно встретить в заключении по итогам одного из обсуждений Санкт-Петербургского юридического общества, прошедших в 1907 г.: «Настоящее время является неподходящим для завершения этой работы [*пересмотр проекта – прим авт.*], ибо теперь переходная пора; уложение же должно служить полным выражением сложившегося уклада» [СПб. юридическое общество, 1907, с. 2922].

При том, что ни одна из пяти книг проекта гражданского уложения так и не стала законом, в полной мере неудачной признать эту попытку кодификации нельзя – общепризнанно, что многие положения проекта стали основой для положений первой советской кодификации гражданского законодательства – ГК РСФСР (1922).

Советские кодификации гражданского законодательства (период до начала 1990-х гг.)

ГК РСФСР 1922 г. (о разработке, содержании и влиянии этого кодекса см.: [Бахчисарайцев, 1948; Развитие кодификации советского законодательства, 1968; Новицкая, 2002;

Рузанова, 2016, и мн. др. работы]) в создании которого большую роль сыграл выдающийся юрист того времени А.Г. Гойхбарг¹ [Крашенинников, 2018, с. 60; Шилохвост, 2020, с. 259–295] был результатом изменения политической и экономической ситуации в РСФСР – введения НЭПа и связанного с этим расширения имущественного оборота в стране [Развитие кодификации советского законодательства, 1968, с. 102]. Как писал В.И. Серебровский, «в эпоху военного коммунизма, за отсутствием гражданского оборота и за отмиранием денежного обращения, гражданское законодательство являлось, в сущности, совершенно излишним», однако «потребность в гражданском законодательстве стала настоятельно ощущаться только со временем перехода к новой экономической политике, когда оживилось денежное и товарное обращение и в известных пределах развязался частный оборот» [Серебровский, 1927, с. 21].

Особенности исторического момента – времени разработки принятия этого кодекса (переход к НЭПу) предопределили как его юридико-технические особенности, так и особенности его содержания.

Кодекс (первоначально) включал 435 статей (причем отдельные статьи были сопровождены примечаниями), разделенные на четыре части: Общая часть, Вещное право, Обязательственное право, Наследственное право; его составной частью стал и вводный закон (постановление ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.»). С.И. Раевич в части юридико-технических особенностей Кодекса (его структура, прежде всего) указывал, что кодекс готовился с «исключительной быстрой», а потому «навряд ли можно было бы желать от авторов его, чтоб они создали для этого Кодекса особую систему, отличную которые выработаны были ранее буржуазно-феодальным и чисто-буржуазным правом»; также им отмечалось новизна задач – ГК «явился одним из первых этапов развития советского гражданского законодательства, а не завершением длительной истории его и не результатом долгого и дающего богатый опыт развития»; «самое содержание гражданского законодательства, – отмечал он, – имевшееся в наличии в момент утверждения Кодекса, предъявляло тогда меньше требований к своеобразию внешней оболочки, в которую оно должно было быть облечено. В нашем праве было тогда меньше оформившихся, в достаточной мере своеобразных институтов, отличающих его от других законодательств»; именно это, по его мнению, объясняет «почему от авторов ГК навряд ли возможно было бы ожидать, чтоб они построили Кодекс по своеобразной системе, отличной в своей основе от всех типов систематики, выработанных историей буржуазных кодификаций» [Raевич, 1926, с. 48–49].

При анализе структуры Кодекса – наличие общей части – явно видно влияние немецкой правовой традиции, что исследователями объясняется и сквозь призму образования большинства ученых-правоведов того времени. А.С. Райников отмечает, что «превращение российской системы частного права в пандектную состоялось скорее в советский, нежели в дореволюционный период, и произошло это не под влиянием системы отечественного гражданского законодательства или же практики его применения, но в силу научных предпочтений цивилистов, стоявших у истоков советской науки гражданского права..., которым было суждено определить черты отечественной системы частного права, получили юридическое образование в начале XX в., когда в российских университетах установилось «безраздельное властование» пандектной теории. Ее фундамент, воспринятый учеными, на долгие десятилетия определил вектор развития отечественной цивилистики» [Райников, 2016, с. 43].

¹ И.С. Перетерский писал в части персонального вклада в разработку проекта, со ссылками на Раевича, что «основная работа по составлению Гр. кодекса является делом двух человек (Гойхбара и Бернштейна) и заняла, менее двух месяцев» [Перетерский, 1927, № 6, С. 50].

В части содержания можно отметить, что с одной стороны целью Кодекса было урегулировать частные отношения, а с другой – сделать это таким образом, чтобы не нарушались основы нового строя, среди которых была непримиримая борьба с частными элементами в экономике. При этом при создании нового кодекса были использованы прежние наработки – материалы проекта Гражданского уложения, причём в весьма значительном объеме: как отмечает А.Л. Маковский, проект Кодекса был «больше, чем наполовину, а то и не две трети» наполнен за счёт переработанных норм проекта Гражданского уложения [Маковский, 2010, с. 22]. Влияние дореволюционного права при создании этого документа признавалось *и в период, когда кодекс принимался* – И.В. Славин писал, что «создание Гражданского Кодекса первоначально в комиссии юристов происходило под знаком реставрации дореволюционного гражданского права» [Славин, 1922, с. 2].

Еще один важный момент в части содержания заключается в том, что Кодекс не включал регулирование ряда отношений, которые предполагалось регулировать проектом Гражданского уложения (к примеру, вопросы брака и семьи). Как справедливо отмечает А.С. Райников, «в отличие от проекта Гражданского уложения Российской империи, который включал в себя нормы о трудовых, семейных отношениях и земельной собственности, ГК РСФСР 1922 г. устанавливал необходимость регулирования этих отношений «особыми кодексами» (ст. 3). В результате с 1922 г. в нашем государстве стали формироваться три самостоятельные отрасли права, исторически находившиеся в лоне права гражданского, — семейное, трудовое и земельное» [Райников, 2016, с. 44].

Значение кодификации гражданского законодательства 1922 г. далеко выходит только за пределы территории РСФСР. По образцу Кодекса были приняты гражданские в других союзных республиках. Некоторые из союзных республик ввели Кодекс в действие на определенное время на своих территориях; в 1940 г. было разрешено временное применение этого кодекса на территории присоединившихся республик Прибалтики [Развитие кодификации советского законодательства, 1968, с. 110–111].

ГК РСФСР 1922 г. был документом, созданным ещё до образования Союза Советских Социалистических Республик (декабрь 1922, Союз ССР). В соответствии с первой Конституцией СССР (1924 г.) к ведению Союза ССР (п. «п» ст. 1) относилось установление основ гражданского законодательства. Это изменение, равно как и отношение к ГК РСФСР как акту временному, который требовал пересмотра [Раевич, 1929, с. 100 и др.], вызвало необходимость обсуждения новой кодификации, а именно – создания основ союзного гражданского законодательства (о работе над этим документом, а также о дискуссиях, которые его сопровождали см.: [Гойхбарг, 1927, с. 1044–1046; Раевич, 1929, с. 100–102; Доклад тов. Стучка о выработке основ гражданского права Союза ССР и переработке ГК РСФСР, 1930, с. 20–22; Развитие кодификации советского законодательства, 1968, с. 111–114 и др. работы].

Работа над проектом основ гражданского законодательства велась с 1923 по 1931 гг. Проект был опубликован в 1931 г., он насчитывал 169 статей, в большинстве которых содержались нормы, непосредственно регулирующие имущественные отношения [Развитие кодификации советского законодательства, 1968, с. 111, 113]. По оценке А.Л. Маковского, «этот проект представлял собой попытку практического воплощения теории двухсекторного права П.И. Стучки, который в предисловии, определял гражданское право как «установленные формы для имущественных хозяйственных взаимоотношений, вытекающих из необходимого для существования товарообмена, т.е. обмена продуктов на основе права частной собственности». Поэтому в основном проект был рассчитан на регулирование отношений между «частными лицами» и между ними и социалистическими организациями» [Развитие кодификации советского законодательства, 1968, с. 113–114].

Конституционные изменения в 1930-е гг. (Конституция СССР 1936 г.) привели к изменению в кодификационных работах: была предпринята попытка разработки единого ГК СССР (об этой кодификации, дискуссиях, которые ее сопровождали см.: [Проект Гражданского кодекса Союза ССР, 1940, с. 1–2; Генкин, 1946, с. 30–34; Братусь, 1947,

с. 47–51; Венедиктов, 1947, с. 7–11; Братусь, 1948, с. 10–23; Венедиктов, 1954, с. 26–40; Дозорцев, 1954, с. 104–108; Развитие кодификации советского законодательства, 1968, с. 114–116] и др. работы).

Подготовка такой кодификации была начата перед Великой Отечественной Войной в ВИЮН (Всесоюзном Институте Юридических наук (ныне – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)) в 1938 г., и уже к 1940 г. был подготовлен для обсуждения второй вариант, состоящий из 8 разделов (основной структурный элемент), 45 глав, объединявших 822 статьи, включая положения о браке и семье [Проект Гражданского кодекса Союза ССР (второй предварительный вариант), 1940]. Работу над этим документом прервала Великая Отечественная Война, после которой она была возобновлена и были подготовлены обновленные проекты кодекса в 1947, 1948 и 1951 гг. [Развитие кодификации советского законодательства, 1968, с. 115–116].

Идеи, заложенные при разработке этого проекта, предельно ясны из тех комментариев, которые давались его разработчиками: *если ГК РСФСР был кодексом переходного периода (как и все подобные кодексы союзных республик), то этот кодекс должен был стать «кодексом победившего социализма»* [Братусь, 1948, с. 10; Генкин, 1946, с. 30]. Эта кодификация осталась незавершенной, и единый союзный кодифицированный акт в области гражданского законодательства принят не был, хотя имеющиеся материалы послужили для следующих кодификационных проектов, которые были реализованы в 1960-е гг.

Кодификация гражданского законодательства 1960-х гг. представлена двумя документами – Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 (Основы) и ГК РСФСР 1964 г. (об этом этапе кодификации отечественного гражданского законодательства см.: [Братусь, 1962, с. 8–23; Иоффе, Толстой, 1962; Иоффе, Толстой, 1965; Развитие кодификации советского законодательства, 1968, с. 116–141; Толстой, 1970; Иоффе, 1975; Маковский, 2010, с. 191–226 и др. работы]).

Основы были довольно компактным документом (129 статей в первоначальной редакции), в котором содержались основные нормы гражданского законодательства, единые для всего СССР, на основании которых в союзных республиках принимались собственные гражданские кодексы. ГК РСФСР 1964 г.

За принятием Основ гражданского законодательства последовало принятие ГК РСФСР 1964 г., состоящего из 8 разделов («Общие положения», «Право собственности», «Обязательственное право», «Авторское право», «Право на открытие», «Право на изобретение, рационализаторское предложение и промышленный образец», «Наследственное право», «Правоспособность иностранных граждан и лиц без гражданства. Применение гражданских законов иностранных государств и международных договоров»), объединяющих (первоначально) 569 статей.

Содержание ГК РСФСР 1964 г. интересно тем, что он не только включал результаты ранее состоявшихся работ по кодификации (проект ГК СССР), но и отражал результаты дискуссий о системе советского права и предмете регулирования гражданского права. Так, положительный итог первой из таких дискуссий (1938–1955) состоял в том, что при исследовании отраслей советского права (соответственно и при конструировании новых нормативных актов) необходимо различать предмет регулирования и метод регулирования [Иоффе, 1975, с. 59]. В ГК РСФСР 1964 г. был закреплен принцип единства гражданско-правового регулирования социалистических имущественных отношений вне зависимости от их субъектного состава [Иоффе, 1975, с. 88]. Таким образом при создании нового регулирования отказались от идеи дихотомии или дуализма в регулировании имущественных отношений (двухсекторная концепция), когда нормам гражданского кодекса было необходимо охватывать «только отношения между гражданами или с участием граждан» [Иоффе, 1975, с. 79], которую отстаивали сторонники хозяйственного права. В соответствии со ст. 2 ГК РСФСР 1964 г. кодекс регулировал отношения: государственных, кооперативных и других общественных организаций между собой; граждан с госу-

дарственными, кооперативными и другими общественными организациями; граждан между собой. Как отмечал М.И. Брагинский, принятие ГК РСФСР 1964 г. можно рассматривать как «победу «монизма», т. е. взглядов тех ученых, которые выступали за единство гражданского права [Брагинский, 2000, с. 60, 62].

Особенностью Основ гражданского законодательства и ГК РСФСР 1964 г. было то, что они представляли собой уже не кодифицированный документ переходного периода, каким отчасти был ГК РСФСР 1922 г., а были нормативными актами, принимавшимися в условиях полного огосударствления экономики, что отразилось, к примеру, в развернутой и обстоятельной преамбуле Основ. В связи со спецификой условий принятия указанных документов исследователи обращают внимание на значительное «опрощение» и примитивизацию норм отечественного гражданского права [Маковский, 2010, с. 36–38]. В большей степени это были документы, рассчитанные на регулирование отношений между советскими гражданами, чем социалистическими организациями.

Кодификации 1990 гг.

Эти кодификации представлены Основами гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (ОГЗ СССР 1991 г.) и действующим Гражданским Кодексом Российской Федерации (ГК РФ).

Новые кодификации осуществлялись в условиях радикального изменения политических и экономических основ отечественной государственности. И если это ещё менее выражено применительно к условиям создания ОГЗ СССР 1991 г., то в полной мере относимо ко времени создания ГК РФ – первого кодифицированного документа постсоветской эпохи.

ОГЗ СССР 1991 г. создавался в условиях заявленного перехода к рыночной экономике, а также действия целого ряда нормативных актов, которыми были легализованы ранее невозможные формы частной экономической деятельности. Структурно Основы состояли из 7 разделов («Общие положения», «Право собственности. Другие вещные права», «Обязательственное право», «Авторское право. Право на изобретение и другие результаты творчества, используемые в производстве», «Наследственное право», «Правоспособность иностранных граждан и юридических лиц. Применение гражданских законов иностранных государств и международных договоров»), объединивших 170 статей.

Как отмечали исследователи, главное назначение Основ – «стать центром правовой регламентации складывающихся рыночных отношений» [Суханов, 2008, с. 74]. Однако таким центром указанный документ стал ненадолго и вовсе не по причинам качества самого документа, а в силу прекращения существования Советского Союза. ОГЗ СССР 1991 г. применялся лишь в тот период новейшей российской истории, пока не было создано новое российское гражданское законодательство.

Действующий ГК РФ принимался в очень непростых условиях постсоветского экономического развития начала 1990-х гг., который характеризовался полным распадом прежней экономической и социальной системы. Работа над проектом первой части Гражданского кодекса осуществлялась в период отказа от ведущей роли государства в экономике, «ухода» государства из целого ряда сфер, приватизации, признания частной собственности основой современной экономики.

Эта работа осуществлялась на фоне конституционного кризиса (закончившегося принятием Конституции Российской Федерации в 1993), а также отсутствия системного регулирования множества новых отношений. Часть таких отношений регулировалась новыми актами (нормативное регулирование приватизации, о предприятиях и предпринимательской деятельности, о собственности и др.); часть экономических отношений регулировалась указами Президента РФ (например, Указ Президента РФ от 7 октября 1993 г. № 1598 «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации»). Отдельные группы отношений регулировались актами бывшего

СССР (ГК РСФСР 1964 г., ОГЗ СССР 1991 г.), которые применялись на территории РФ с отдельными оговорками: нормы ОГЗ СССР 1991 г. применялись за исключением положений, устанавливающих полномочия Союза ССР в области гражданского законодательства, и в части, не противоречащей Конституции РФ и законодательным актам РФ, принятым после 12 июня 1990 г. (дата принятия Декларации Съезда Народных Депутатов РСФСР «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»), а нормы ГК РСФСР 1964 г. применялись, если они не противоречили законодательным актам РФ, принятым после 12 июня 1990 г., и иным актам, действующим в установленном порядке на территории РФ (постановления Верховного Совета РФ: от 14 июля 1992 г. № 3301-1 «О регулировании гражданских правоотношений в период проведения экономической реформы» и от 3 марта 1993 г. № 4604-1 «О некоторых вопросах применения законодательства Союза ССР на территории Российской Федерации»).

Соответственно, встал вопрос о подготовке новой кодификации, которая, как справедливо указывал Е.А. Суханов, должна была «вобороть в себя и снова ввести в действие на российской территории все основные гражданско-правовые категории и конструкции, созданные для регулирования имущественного оборота, проверенные многолетней практикой и отвечающие здравому смыслу и мировому коммерческому опыту. Тем самым отпадет необходимость в ряде действующих законов-декретов «революционного типа» [Суханов, 2008, с. 89].

Проект первой части ГК РФ был подготовлен в Исследовательском центре с привлечением ведущих отечественных ученых (С.С. Алексеева, М.И. Брагинского, Г.Д. Голубова, Ю.Х. Калмыкова, А.Л. Маковского, Е.А. Суханова, С.А. Хохлова и др. [Гражданский кодекс Российской Федерации: Проект. Часть I, 1993, с. 2]). Такой подход – участие в разработке ведущих отечественных ученых-правоведов – был реализован и при создании проектов всех последующих частей ГК РФ.

Для понимания теоретических дискуссий, которые сопровождали разработку проекта части первой ГК РФ, весьма любопытны материалы Международной научно-практической конференции «Гражданское законодательство Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы», организованной Высшим Арбитражным Судом РФ и Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, состоявшейся 17–19 мая 1994 г.; на этом мероприятии обсуждался целый ряд «развилок», которые предопределяли вид будущего ГК. Основная развилка, которая обсуждалась многими докладчиками – это необходимость отдельной кодификации норм предпринимательского и/или торгового права. Для такого обсуждения был не только исторические основания (известные дискуссии в части необходимости отдельной кодификации хозяйственного права в советский период), но и вполне явные политico-правовые предпосылки: во-первых, в Заявлении Правительства РФ и Банка России от 24 мая 1993 г. «Об экономической политике Правительства и Центрального Банка России»¹ в качестве базовых структурных изменений было заявлено, что Правительство РФ внесет в Верховный Совет РФ и новый Гражданский кодекс, и Торговый кодекс, «включающие усиление правовой защиты контрактов»; во-вторых, Основные направления исследовательской программы «Пути формы укрепления российского государства», утвержденные Указом Президента РФ от 29 апреля 1994 г. № 848², предусматривали разработку и принятие и Гражданского кодекса, и Предпринимательского кодекса. По итогам обсуждения были приняты рекомендации, в которых было высказано отрицательное отношение к идеи принятия Предпринимательского кодекса, поскольку «такой подход не позволит создать единую эффективную систему гражданского законодательства, приведет к дублированию одних и тех же положений в разных законах, значительно усложнит применение соответствующих норм пра-

¹ Российские вести, 1993. № 103.

² СЗ РФ. 1994. № 2. Ст. 84.

ва»; было отмечено, что принятие такого кодекса также «противоречит историческому опыту России и современным тенденциям развития правовых систем»; при этом в данных рекомендациях не исключалась «возможность подготовки Торгового (коммерческого) кодекса на основе Гражданского кодекса как акта, детализирующего и дополняющего его основные положения применительно к сфере коммерческих отношений» [Материалы Международной научно-практической конференции «Гражданское законодательство Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы», 1994, с. 146]. Однако реализации эта идея – отдельного торгового кодекса – не нашла (интересно, что целесообразность существования гражданского и торгового кодексов обсуждалась (как один из вопросов, на которые необходимо дать ответ при кодификации гражданского законодательства) еще в дореволюционный период [Шершеневич, 1898, с. 122]; имела место дискуссия и после революции (1920-е гг.)]. Когда позднее обсуждался документ с похожим названием, но применительно к регулированию торговых отношений на евразийском пространстве, было высказано мнение о нецелесообразности его принятия: как отмечено в заключении Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на проект торгового кодекса ЕврАзЭС, «традиция дуализма частного права не имела места ни в Российской империи, ни в СССР, ни в современной России. Исторических корней для признания или «восстановления» особого торгового (коммерческого) права у нас не существует. Особенностью российского государственно-политического строя всегда было отсутствие в нем сколько-нибудь серьезной сословной автономии. Поэтому дуализма частного права в России не существовало и до революции 1917 г.». Совет также отмечал «выявившуюся в XX в. в государствах с развитой рыночной экономикой тенденцию постепенного отказа от дуализма кодексов частного права (Швейцария, Италия, Нидерланды)» [Из практики Совета по кодификации, 2010, с. 174–181].

Для понимания основных идей, которые были реализованы при создании ГК РФ, необходимо учитывать положения еще одного документа, принятого в 1994 г., – Программы «Становление и развитие частного права в России», утвержденной Указом Президента РФ от 7 июля 1994 г. № 1473 (Программа).

Сущность политico-правовых установок, указанных в этом документе, может быть выражена следующим образом: *российское гражданское право – частное право*. Как отмечалось в Программе, «частное право в России, исходя из ее исторических правовых традиций, должно иметь в качестве своего основного источника гражданский кодекс...» (абз. 1 раздел 2). Создание нового гражданского законодательства оценивалось как преодоление тоталитарного прошлого: «Переход России к новым экономическим и социальным отношениям, принятие новой Конституции Российской Федерации, реформаторские законы о собственности и предпринимательстве существенно преобразовали правовую систему тоталитарного прошлого, где основой было огосударствление экономики, подавление самостоятельности участников имущественных отношений. Открылась сфера для регулирования отношений граждан и юридических лиц на основе общепризнанных в мире принципов частного права: независимости и автономии личности, признания и защиты частной собственности, свободы договора. Но подлинные частноправовые отношения в России еще не установились. Не устраниены остатки узаконений, рассчитанных на планово-командную экономику и делающих правовую систему нестабильной. Не заменено устаревшее гражданское законодательство. В юридическом образовании частное право до сегодняшнего дня осталось предметом изучения российской истории и зарубежных правовых систем. Частное право не стало обычным для юридической практики и не вошло в сознание участников экономических отношений» (абз. 2 раздел 1).

Важным в указанном документе является указание на то, что одним ГК РФ система норм гражданского права не исчерпывается. Как отмечено в Программе, помимо ГК РФ, «ключевое значение в гражданском законодательстве должны занять законы, принятие которых будет предусмотрено в самом Кодексе (законы о регистрации юридических лиц,

регистрации недвижимости и сделок с ней, об акционерных обществах, об ипотеке и другие). Важное значение имеет также отражение частноправовых начал в новом земельном и жилищном законодательстве, которые должны в части регулирования оборота земли и рынка жилья соответствовать положениям Гражданского кодекса Российской Федерации о собственности, договорах, наследовании» (абз. 3 раздел 2). Таким образом, изначально закладывалась ограниченность кодификации гражданско-правовых норм в одном документе – ГК РФ и предполагалось, что будет принят ряд отдельных федеральных законов, но, что важно, только в тех случаях, когда об этом будет указывать непосредственно сам ГК РФ. Также не предполагалось полностью уйти от частичной кодификации отдельных (близких по функции) норм в иных кодифицированных актах (нормы жилищного и земельного права к тому времени также были кодифицированы).

При оценке процесса кодификации, завершившегося принятием действующего ГК РФ, следует обратить внимание на еще несколько важных обстоятельств.

Во-первых, изначально не ставился вопрос о границах возможной кодификации в ГК РФ норм публично-правового характера, что тоже объяснимо самим подходом: ГК РФ – кодификация частноправовых норм, хотя в некотором объеме (к примеру, в части четвертой) публично-правовые нормы в кодексе присутствуют. Тем не менее, положение общего характера, данное в ст. 2 ГК РФ указывает, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Приведем только один пример, показывающий влияние ГК РФ на такого рода отношения – ст. 11 Налогового кодекса РФ, которая указывает, что институты, понятия и термины гражданского законодательства Российской Федерации, используемые в Налоговом кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено самим Налоговым кодексом.

Во-вторых, принципиально не обсуждался вопрос о возможности появления норм гражданского права на уровне субъектов Российской Федерации. Этот вопрос был решен ко времени принятия кодекса на уровне Конституции РФ (1993) – гражданское законодательство было отнесено исключительно к ведению Российской Федерации (п. «о» ст. 71). В последующем, тем не менее, субъекты РФ получили в ограниченных случаях возможность регулирования отдельных отношений, составляющих предмет гражданского права. В качестве примера можно назвать законодательство экстраординарного характера, принятое для целей урегулирования отношений, возникших в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым (Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»), к примеру, в части регулирования статуса и отношений юридических лиц. При оценке такого регулирования следует учитывать правовую позицию Конституционного Суда РФ, данную в ряде его постановлений и определений (постановление от 7 ноября 2017 г. № 26-П, определение Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2155-О и ряд др.), и в соответствии с которой принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов квалифицировано как «особый случай, требующий специальных мер, в том числе направленных на обеспечение реализации имущественных прав участников гражданских правоотношений, сложившихся в Республике Крым до ее принятия в Российскую Федерацию».

В-третьих, при анализе данной кодификации нельзя забывать и о том, что она развивалась на фоне создания Модельного Гражданского кодекса СНГ, который были принят на пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников

СНГ 29 октября 1994 г.¹. Важность этой работы заключалась в том, что тем самым новое гражданское законодательство России создавалось не отдельно от стран СНГ, а гармонизировалось с законодательством государств – участников СНГ, что создавало во многом общие подходы к регулированию всех важнейших вопросов, а это, в свою очередь, значительно облегчало взаимодействие граждан и юридических лиц с контрагентами из государств – участников СНГ.

Принятие и введение в действие ГК РФ во всех его четырех частях происходило постепенно, на протяжении почти 15 лет с 1994 по 2006 гг.: часть первая была принята в 1994 г. (отдельные нормы действовали уже с указанного года, а большая часть норм с 1 января 1995); часть вторая принята в 1996 г. (введена в действие с 1 марта 2006); третья часть – в 2001 г. (введена в действие с 1 марта 2002), а последняя – четвёртая часть – в 2006 г. (введена в действие с 1 января 2008).

О значении норм ГК РФ в системе норм гражданского права указывает ст. 3 ГК РФ – нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ. Это положение часто воспринимают как определение приоритета норм ГК РФ над нормами иных федеральных законов. Однако в действующей правовой системе (при отсутствии указаний о таком приоритете в Конституции РФ, а также отсутствии специального закона о нормативно-правовых актах) о подобном приоритете говорить нельзя. Соответствующий вывод следует из правовых позиций Конституционного Суда РФ. В частности, в его определении от 3 февраля 2000 г. № 22-О отмечалось (исходя из признания любого кодекса – федеральным законом), что Конституцией РФ не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов, и ни один федеральный закон, в силу ст. 76 Конституции РФ, не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой. А противоречия между нормами ГК РФ и другими федеральными законами, регулирующими указанные отношения, должны устраниться в процессе правоприменения (т. е. по существу, с использованием известных приёмов толкования – соотношение общей и специальной нормы; по времени принятия и т.д.). Таким образом, в нашей правовой системе нормы ГК РФ только по факту их нахождения в указанном кодексе не имеют приоритета над гражданско-правовыми нормами, содержащимися в иных федеральных законах.

Отличительной особенностью ГК РФ от предыдущих кодификаций является его структура и объём. «Часть» (а раздел как ранее) – выступала в качестве основной структурной единицы для кодификации. Все четыре части включали 1551 статью (разделённые чаще всего на отдельные пункты), для объединения которых использовалось шесть структурных единиц – часть, раздел, подраздел, глава, параграф, подпараграф.

В первой части, включающей три раздела, были кодифицированы: общие положения о предмете, принципах регулирования, субъектах (гражданах, юридических лицах и публично-правовых образованиях), объектах, сделках, гражданско-правовых сроках и исковой давности; положения о праве собственности и других вещных правах; общие положения об обязательствах и договорах. Вторая часть кодифицировала положения об отдельных видах обязательств (отдельных типах договоров и внедоговорных обязательств). В части третьей кодифицированы вопросы наследования (основания и порядок наследования, особенности наследования отдельных видов имущества и др.) и международного частного права (регулирование гражданско-правовых отношений, осложнённых иностранным элементом). Часть четвертая включает вопросы интеллектуальной собственности (права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации).

Особенностью кодификации стало обособление общей части кодекса (часть 1); здесь явно прослеживается влияние немецкого права (идея обособления общей части). Еще одна

¹ Текст см.: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения – 3 мая 2022 г.)

особенность – это наличие в кодексе части четвертой, посвященной исчерпывающему регулированию интеллектуальных прав (эта часть кодифицировала положения, которые ранее содержались во множестве отдельных законов); в результате можно сказать, что ГК РФ – это единственный в мире гражданский кодекс, исчерпывающим образом регулирующий интеллектуальные права.

К особенностям современной кодификации можно отнести наличие и роль отдельных законодательных актов о введении в действие (вводных законов), которые сопровождали введение в действие каждой части ГК РФ. Соответственно, таких федеральных законов было четыре:

– Федеральный от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹;

– Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации»²;

– Федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»³;

– Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴.

По своему содержанию такие законы включают несколько групп положений: о порядке введения в действие кодекса (отдельных его законоположений) (в том числе для регулирования отношений, возникших до введения в действие нового акта), о признании утратившими силу и/или недействующими прежних законов, нормы временного регулирования различных отношений и т.д. Такое содержание вводных законов объясняется теми обстоятельствами, что к моменту принятия частей нового кодекса действовало значительное число нормативных актов, принятых в разные годы и различным образом регулировавших те отношения, которые стали предметом регулирования соответствующей части кодекса. Кроме того, введение нового акта происходит всегда в момент, когда множество субъектов гражданских права состоят в различного рода отношениях, урегулированных прежними законами. А потому для определенности регулирования требуется установить порядок введения в действие новых норм.

Для анализа вводных законов отметим, что рекомендации по составлению законо-проектов (Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законо-проектов (редакция 2021 года)) в настоящее время указывают, что само понятие «введение в действие» употребляется только по отношению к кодексам, равно как и самостоятельный федеральный закон о введении в действие принимается только в отношении кодексов; как отмечено в указанных рекомендациях 2021 г. целью принятия такого акта является установление даты введения в действие соответствующего кодекса (его отдельных положений); в нем могут содержаться отдельные переходные положения (дата, с которой нормы соответствующего кодекса применяются к тем или иным правоотношениям и др.); в нем могут устанавливаться обязанности субъектов правоотношений по приведению своих документов в соответствии с правовым регулированием, устанавливаемым соответствующим кодексом; в них могут присутствовать нормы о предельных сроках действия тех или иных правоотношений (п. 14 Методических рекомендаций).

ГК РФ (часть первая) определил те нормативные правовые акты, в которых могут содержаться нормы гражданского права (ст. 3), установив их структуру (иерархию): федеральные законы (ГК РФ и иные федеральные законы); указы Президента РФ, которые не должны противоречить ГК РФ и иным федеральным законам; постановления Правитель-

¹ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

² СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 411.

³ СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4553.

⁴ СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5497.

ства РФ, принятые во исполнение ГК РФ и иных федеральных законов, указов Президента РФ; нормативные правовые акты министерства и иных федеральных органов исполнительной власти, издаваемые в пределах, предусмотренных ГК РФ, другими федеральными законами и иными правовыми актами.

Как и было предусмотрено при подготовке ГК РФ, часть положений была кодифицирована в ряде отдельных федеральных законов, о необходимости принятия которых прямо указывалось в нормах ГК РФ (Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральный закон от 21 июля 1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц» и др.). При этом следует обратить внимание, что практически сразу после принятия части первой ГК РФ появилось и немало нормативных правовых актов, которые не были предусмотрены ГК РФ (например о некоммерческих организациях, общественных объединениях и др.).

При оценке ГК РФ следует коротко отметить соотношение этого кодекса с рядом иных отраслевых кодексов – Жилищным, Семейным, Земельным и другими.

Положения ГК РФ применяются для регулирования жилищных отношений, не урегулированных Жилищным кодексом РФ (ЖК РФ), субсидиарно (ст. 7 ЖК РФ). При этом надо учитывать специфику (сложность, комплексность) предмета регулирования действующего ЖК РФ, который содержит множество норм публично-правового характера.

Семейные отношения (комплекс неимущественных и имущественных отношений) ГК РФ напрямую не регулирует (такая практика существует в некоторых странах, и, как видно из проектов отечественных кодификаций, аналогичные подходы были не чужды их разработчикам). Согласно ст. 4 Семейного кодекса (СК) гражданское законодательство, прежде всего нормы самого ГК РФ, применяются к указанным в ст. 2 СК имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, в части, не урегулированной семейным законодательством, и постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений.

Соотношение (разграничение) положений ГК РФ и норм Земельного кодекса РФ (ЗК РФ) сложнее. В отличие от СК РФ применительно к земельным отношениям необходимо разграничить действие обоих документов в части имущественных отношений, связанных с землей, как особым объектом прав. Согласно ст. 1 ЗК РФ при регулировании земельных отношений применяется принцип разграничения действия норм гражданского законодательства и норм земельного законодательства в части регулирования отношений по использованию земель, а также принцип государственного регулирования приватизации земли. Исходя из этого, ст. 3 ЗК РФ устанавливает, что имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами.

Похожие правила можно встретить и в других кодексах. Статья 4 Водного кодекса РФ указывает, что им регулируются водные отношения, а имущественные отношения, связанные с оборотом водных объектов, определяются гражданским законодательством в той мере, в какой они не урегулированы Водным кодексом. Статья 3 Лесного кодекса РФ определяет, что лесное законодательство регулирует отношения в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, лесоразведения (лесные отношения), а имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков, лесных насаждений, полученных при использовании лесов и осуществлении мероприятий по сохранению лесов древесины и иных лесных ресурсов, регулируются гражданским законодательством, а также ЗК РФ, если иное не установлено настоящим Лесным кодексом и другими федеральными законами.

Отдельно следует отметить соотношение положений ГК РФ с различными транспортными уставами и кодексами (в настоящее время – Воздушный кодекс РФ 1997 г., Кодекс торгового мореплавания РФ 1999 г., Кодекс внутреннего водного транспорта РФ 2001 г., Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации 2003 г., Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта 2007 г. (отметим, что часть таких документов по форме существует собственно в виде кодекса, а часть – в форме отдельного федерального закона с названием, включающим устав или кодекс)). Специальных норм о соотношении положений таких уставов (кодексов) в них чаще всего нет (одно из исключений – ст. 1 КТМ РФ). В виде таких уставов (кодексов) перед нами комплексные правовые образования (в отличие от ГК РФ как акта отраслевой кодификации), включающие как нормы частного, так и публичного права; их существование обусловлено спецификой транспортных отношений в целом и экономико-техническими различия видов транспорта. Дискуссии о целесообразности их отдельного существования, объединения в единый транспортный кодекс, унификации частноправовых отношений в ГК РФ и проч., в настоящее время не завершены.

Реформа гражданского законодательства 2000–2010 гг.

Наличие множества источников регулирования, накопившаяся практика применения действующих положений, в том числе судебная практика, выявленные в регулировании пробелы и противоречия, практически сразу к моменту окончания кодификации (2006) сделали актуальным вопрос о необходимости начала работы по совершенствованию гражданского законодательства, что нашло отражение в Указе Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором Президент РФ принял предложение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (Совет) о разработке концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и проектов федеральных законов о внесении изменений в ГК РФ. Важной частью данного документа стали заявленные цели совершенствования, определившие те подходы, которые были впоследствии заложены в концептуальные документы и проекты изменений ГК РФ (п. 1 Указа):

- дальнейшее развития основных принципов гражданского законодательства РФ, соответствующих новому уровню развития рыночных отношений;
- отражение в ГК РФ опыта его применения и толкования судом;
- сближение положений ГК РФ с правилами регулирования соответствующих отношений в праве Европейского союза;
- использование в гражданском законодательстве РФ новейшего положительного опыта модернизации гражданских кодексов ряда европейских стран;
- поддержание единства регулирования гражданско-правовых отношений в государствах-участниках СНГ;
- обеспечение стабильности гражданского законодательства РФ.

В процессе работы над концептуальными положениями сначала (2008–2009) рабочими группами были созданы отдельные концепции¹, а именно:

- Концепция реформирования общей части обязательственного права (проект рекомендован Советом к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 66 от 29 января 2009 г.));

¹ Все указанные ниже концепции доступны на сайте Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ: <https://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/> (дата обращения – 04.05.2022).

- Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (проект рекомендован президиумом Совета к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 2 от 11 марта 2009 г.));
- Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект рекомендован Советом к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 68 от 16 марта 2009 г.));
- Концепция развития законодательства о вещном праве (проект рекомендован президиумом Совета к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 3 от 18 марта 2009 г.));
- Концепция развития законодательства о ценных бумагах и финансовых сделках (проект рекомендован Советом к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 69 от 30 марта 2009));
- Концепция совершенствования раздела VII Гражданского кодекса Российской Федерации «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» (проект рекомендован президиумом Совета к опубликованию в целях обсуждения (протокол от 13 мая 2009 г.));
- Концепция совершенствования раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации «Международное частное право» (проект рекомендован президиумом Совета к опубликованию в целях обсуждения (протокол от 13 мая 2009 г.)).

После их опубликования данные документы стали предметом обсуждения на различных мероприятий с целью сбора замечаний и предложений от юридического сообщества. По итогам соответствующих обсуждений был подготовлен общий документ, содержащий концептуальные подходы, направления развития, а также конкретные предложения по изменению соответствующих положений ГК РФ – Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета от 7 октября 2009). Как было указано в данном документе, его разработчики не предполагали новой кодификации, указывалось, что ГК РФ «прошел проверку временем», а «интересы стабильности гражданско-правового регулирования и устойчивости экономических отношений и гражданского оборота в стране требуют поддержания основополагающей роли ГК в системе гражданского законодательства и бережного сохранения на будущее большинства его норм». Исходя из этого делался вывод о том, что «Концепция не предполагает ни новую кодификацию отечественного гражданского законодательства, ни даже подготовку новой редакции ГК». В Концепции были еще раз подтверждены те основные положения, на которых основывались создатели ГК РФ: «Концепция исходит в целом из того, что гражданское право является правом частным, и частноправовой метод регулирования должен в нем преобладать».

На основании Концепции Советом был подготовлен первый проект изменений в ГК, который был опубликован на сайте Высшего Арбитражного Суда РФ и на сайте Исследовательского центра частного права при Президенте РФ. Подготовка законопроекта проводилась в семи рабочих группах, образованных Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, работой которых руководили: по общим положениям ГК – В.Ф. Яковлев, по законодательству о юридических лицах – Е.А. Суханов, по законодательству о вещных правах – А.А. Иванов, по законодательству об обязательствах (общие положения) – В.В. Витрянский, по законодательству о ценных бумагах и финансовых рынках – С.В. Сарбаш, по законодательству о международном частном праве – И.С. Зыкин, по законодательству об интеллектуальных правах – Е.А. Павлова¹.

Этот документ, который в отличие от самой Концепции, не проходил содержательного и долгого обсуждения, после опубликования вызвал большую критику. Проект

¹ Текст см.: <https://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/projects/> (дата обращения – 03.05.2022).

в первоначальной его версии был представлен Президенту РФ 30 декабря 2010 г., после чего по его поручению он обсуждался в различных министерствах и ведомствах, а также на различных совещаниях. Доработанный с учётом состоявшихся обсуждений проект был представлен Президенту РФ 16 мая 2011 г., после чего по поручению Президента РФ он был окончательно доработан образованной Министром юстиции РФ рабочей группой. Единый проект № 47538-6 Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был внесён Президентом РФ в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в апреле 2012 г. и тогда же был принят в первом чтении (27 апреля)¹. После принятия указанного закона в первом чтении дискуссии о предлагаемых правовых решениях возникли с новой силой (особенно в части реформирования положений о юридических лицах и вещных правах). Как отмечают исследователи, при обсуждении между первым и вторым чтением «в общей сложности поступило более 2 тыс. поправок к проекту» [Витрянский, 2016, с. 16; Крашенинников, 2019, с. 47].

В результате дискуссий единый проект изменений был разделён на несколько частей, соответствующие федеральные законы были приняты в период с конца 2012 по 2020 гг.:

- Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²;
- Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»³;
- Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»⁴;
- Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵;
- Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶;
- Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»⁷;
- Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸;
- Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»⁹;
- Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁰;

¹ Материалы см.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения – 03.05.2022).

² С3 РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

³ С3 РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

⁴ С3 РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

⁵ С3 РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

⁶ С3 РФ. 2013. № 40 (часть III). Ст. 5030.

⁷ С3 РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.

⁸ С3 РФ. 2014. № 11. Ст. 1100.

⁹ С3 РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

¹⁰ С3 РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

– Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹;

– Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 456-ФЗ «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации»².

Часть предлагаемых изменений осталась до настоящего времени непринятой (например, раздел о вещных правах).

При этом окончательные правовые решения в целом ряде случаев (положения о юридических лицах) весьма значительно отличаются от того, что предлагалось первонациально и даже было предусмотрено Концепцией.

Изменения ГК РФ осуществляются не только в рамках реализации Концепции, но и по иным основаниям (исполнение решений Конституционного Суда РФ, решение актуальных проблем (к примеру, регулирование общих вопросов проведения дистанционных собраний гражданско-правовых сообществ) и др.). Продолжается работа и по подготовке концептуальных изменений (например Концепция развития положений части второй Гражданского Кодекса Российской Федерации о договоре страхования, одобрена решением Совета 25 сентября 2020 № 202/оп-1/2020»).

Заключение

Как видно из анализа процессов кодификации отечественного гражданского законодательства, за более чем 200-летнюю историю (если отсчитывать ее от кодификационных работ начала XIX в.) менялись и подходы, и идеи.

Попытка создать новое гражданское законодательство (проект Гражданского уложения) на первый взгляд (и это признают единодушно все исследователи и этой кодификации, и личности ММ. Сперанского) натолкнулась на препятствия политического характера, а потому не закончилась принятием нового нормативного акта. Однако в реальности, как думается, проблема была не в интригах, не в негативном восприятии французского опыта, личности создателей и проч., а в том, что формирование кодифицированного акта, в котором соединяются нормы, имеющие значение и для повседневного быта, и для реализации различного рода экономических интересов, возможно только тогда, когда есть определенный общественный компромисс, заключающийся в видении того, как должны регулироваться общественные отношения. Этот компромисс не создается на ровном месте волей монарха и стараниями создателей нового нормативного акта; для него необходимы и политические, и экономические предпосылки; для него необходима определенная философская рефлексия, осмысление того, как (и почему) в определенном обществе регулируются имущественные и неимущественные отношения, какие формы регулирования это общество принимает, а какие оно отвергает и т.д. Ничего этого не было и близко в тот момент, когда затевалось создание проекта Гражданского уложения в начале XIX в. В результате этого даже весьма искусно составленный текст оказался чужд тем, кому он был предложен для обсуждения. И на этом фоне совершенно иначе воспринимается решение Николая I не создавать нечто новое, а, напротив, для начала навести порядок в существующем регулировании, упорядочить законы, создать их систему, необходимую в практической деятельности, – это не отказ от нововведений, реформ и проч. – это совершенно разумный шаг, позволяющий понять исходные начала регулирования. Не пройди русское право этот этап, вряд ли были бы возможны и дальнейшие конструктивные шаги по его развитию.

¹ СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4761.

² СЗ РФ. 2020. № 52 (Часть I). Ст. 8602.

Попытка кодификации в конце XIX – начале XX вв. была исключительно интересна тем, насколько глубоко и основательно прорабатывались все предложения. Имея «под рукой» опыт предшественников, значительную практику по применению действующих норм, отдельные наработки доктрины, хорошее понимание процессов кодификации гражданского законодательства, протекающих в других государствах Европы того времени, разработчики проекта Гражданского уложения попытались составить идеальный для русской действительности текст нормативного акта. Но и здесь, как думается, помешало отсутствие компромисса; все отечественное право было «снесено» бурными событиями, начавшимися в феврале 1917 г., включая и те наработки, которые касались системного регулирования гражданских отношений.

Качественная проработка законопроектного материала, которую осуществили отечественные правоведы, не прошла даром, и ее результаты были использованы уже в новых общественных (советских) реалиях. Но это использование было более по форме, чем по содержанию, т. к. новой власти требовалось новое регулирование и имущественных, и неимущественных отношений. Поэтому весь период 1920–1950 гг. (исключая период Великой Отечественной Войны) – это попытка нахождения новых форм этих отношений, нахождения этого самого компромисса, что выразилось и в дискуссиях, и в проектах. Последствию ГК РСФСР 1922 г. не был таким компромиссом, хотя и действовал значительный период времени.

Найти относительный компромисс удалось лишь в процессе кодификации 1960-х гг., которая фиксировала новые общественные реалии, отражала результаты дискуссий между «монархистами» и сторонниками отдельной кодификации норм хозяйственного права и т. д. Но он (компромисс) оказался в реальности иллюзией, поскольку его основа (преобладающее влияние государственной собственности, коллективизм, умаление личного (частного) интереса и др.) стала не более чем формой, прикрывающей очень сложные общественные процессы (прежде всего в сфере экономики), в которых личные (частные) интересы оказывались куда как более важными, чем интересы общественные (государственные). И когда в обществе начались тектонические изменения в середине – конце 1980-х гг., иллюзия компромисса стала очевидна. Это выразилось в том, что его результат – кодифицированный акт – «отставили» в сторону и стали создавать новое регулирование, пытаясь «нащупать» новые «точки» компромисса.

Сделать это удалось только ближе к середине 1990-х гг., после прекращения СССР, событий октября 1993 г. и принятия новой Конституции РФ в 1993 г., что позволило сформулировать и политико-правовые установки, и создать на их основе и с учетом имеющегося опыта новый ГК РФ. Компромиссный характер ГК РФ проявлялся во многом. С одной стороны, в самом подходе, который представлял собой в основном реализацию экономического характера положений Конституции 1993 г. (свобода экономической деятельности, собственности и проч.); это проявлялось в максимальной широкой диспозитивности, правонаследии субъектов гражданского права. По существу ГК РФ был рассчитан на регулирование имущественных отношений, рассчитан на участников экономических отношений. С другой стороны, известный компромисс заключался в довольно долгом периоде отказа от вступления в силу положений Главы 17 Кодекса (право собственности и другие вещные права на землю).

Однако споры, дискуссии, разное видение направлений развития регулирования никуда не делись, что проявилось в последующем при принятии отдельных федеральных законов (которые не всегда, мягко говоря, ориентировались на положения Кодекса), а также в правовых позициях Конституционного Суда РФ, в которых давалась оценка многим положениям Кодекса, включая, к примеру, развитие идей «слабой стороны» в правоотношении.

Отсутствие компромисса по множеству конкретных вопросов хорошо показал опыт реформирования ГК РФ в 2000–2010 гг. Некоторые из дискуссий, которые сопровождали

процесс реформирования (в части юридических лиц и вещных прав) существенно затянули принятие новых законов, которыми были обновлены нормы ГК РФ; они оказали существенное влияние и на содержание тех правовых решений, которые нашли отражение в тексте Кодекса. Относиться к состоявшимся дискуссиям излишне критически, полагать, что они как-то задержали прогрессивное развитие гражданского права, нельзя. Вообще, весь ход реформирования гражданского законодательства этого периода не может не вызывать одобрения: разработчики проектов изменений подошли к делу реформирования с научным подходом, сначала были разработаны концептуальные положения, которые были широко обсуждены, и только потом стал создаваться новый нормативный материал. В таком подходе явно угадывался расчет на то, что сначала будет найден искомый компромисс по принципиальным вопросам и только потом будут формироваться новые конкретные правовые решения. То, что это не всегда удавалось сделать, не говорит в пользу ни реформаторов, ни их оппонентов: все эти дискуссии и их результат, в том числе и то состояние нормативного материала, которое мы имеем после реформы, – это и есть отражение того компромисса, который достигнут на настоящий момент.

К положительным результатам реформирования можно отнести не только обновление нормативного материала, но и закрепление общего подхода о том, что любое изменение (а равно приостановление действия или признание утратившими силу положений) осуществляется отдельным федеральным законом; положения, предусматривающие внесение изменений в ГК РФ, приостановление действия или признание утратившими силу его положений, не могут быть включены в тексты законов, изменяющих (приостанавливающих действие или признающих утратившими силу) другие законодательные акты или содержащих самостоятельный предмет правового регулирования (Федеральный закон от 28 декабря 2016 № 497-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹). Такое правовое решение отчасти гарантирует от попадания в основной документ, регулирующий гражданско-правовые отношения, недостаточно проработанных положений.

Тем не менее говорить об устойчивости регулирования сегодня нельзя. В результате многочисленных изменений отдельные фрагменты ГК РФ требуют по факту новой реформы (к примеру, положения о юридических лицах); Кодекс «стоит» перед новыми вызовами, которые порождены научно-техническим процессом, развитием цифровизации, генетических технологий. Возникает множество новых вопросов и в части субъекта, и в части объектов гражданских прав, и в части возможных форм взаимодействия субъектов.

Конечно, пока накопленные изменения недостаточны для того, чтобы основательно «вторгаться» в основной гражданский закон страны, тем более что первые попытки учесть новые явления (к примеру, цифровые права) назвать вполне удачными нельзя, однако необходимость изменения ГК РФ в этой части – лишь вопрос времени. И при этом, на подходе к этой новой волне изменений гражданского законодательства, мы должны с максимальной пользой использовать те результаты, которые получены в ходе обсуждения Концепции развития гражданского законодательства. Возможно новые обсуждения будут не менее долгими и бурными, но компромисс, хочется надеяться на это, будет в итоге найден, ибо без него никакая кодификация не может состояться.

Список источников

- Гражданский кодекс Российской Федерации: Проект. Часть I. 1993. Исследовательский центр частного права при Президенте РФ; Министерство юстиции РФ. М., 198 с.
- Гражданское уложение. Кн. 1. Положения общие: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии. 2007. Отв. ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. М., Волтерс Клувер, 288 с.

¹ СЗ РФ. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 38.

Наказ Ея Императорского Величества Екатерины II Самодержицы Всероссийской данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., Императорская Академия Наук, 1770. 405 с.

Проект Гражданского Уложения Российской Империи, составленный в Комиссии Законов. Часть I. 1809. Санкт-Петербург, Сенатская типография.

Проект Гражданского уложения Российской империи. 1814. Санкт-Петербург, В типографии Правительствующего Сената.

Проект Гражданского кодекса Союза ССР. 1940. (второй предварительный вариант). Всесоюзный институт юридических наук НКЮ Союза ССР. М., 58 с.

Список литературы

- Бахчисарайцев Х.Э. 1948. К истории гражданских кодексов советских социалистических республик (Очерки). М., Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 160 с.
- Брагинский М.И. 2000. О месте гражданского права в системе право публичное – право частное». Проблемы современного гражданского права: Сборник статей. М., Городец, С. 46–80.
- Братусь С.Н. 1947. 25 лет Гражданского кодекса РСФСР и некоторые проблемы разработки Гражданского кодекса СССР. V научная конференция, посвященная тридцатилетию советского государства и права: Тезисы докладов. 4–10 декабря 1947 г. Военно-юридическая академия Вооруженных сил Союза ССР. М., РИО ВЮА, С. 47–51.
- Братусь С.Н. 1948. Некоторые вопросы проекта ГК СССР. Советское государство и право, 12: 10–23.
- Братусь С.Н. Важный этап в развитии советского гражданского законодательства. Новое в гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве Союза ССР и союзных республик (Труды научной сессии ВИОН). М., 1962. С. 8–23.
- Венедиктов А.В. 1947. К проекту Гражданского кодекса СССР. Социалистическая законность, 1: 7–11.
- Венедиктов А.В. 1954. О системе гражданского кодекса СССР. Советское государство и право. 2: 26–40.
- Витрянский В.В. 2018. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., Статут, 528 с.
- Генкин Д.М. 1946. Содержание и система Гражданского кодекса СССР. Социалистическая законность. 11–12: 30–34.
- Гойхбарг А.Г. 1927. К выработке «Основ гражданского законодательства». Еженедельник Советской Юстиции. 34: 1044–1046.
- Гражданское и торговое право капиталистических государств: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. 1993. М., Междунар. отношения. Отв. ред. Васильева Е.А. 560 с.
- Гуляев А.М. 1903. Единство гражданского права и проект гражданского уложения. Киев: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 143 с.
- Дозорцев А.В. 1954. О предмете советского гражданского права в системе Гражданского кодекса СССР. Советское государство и право, 7:104–108.
- Доклад тов. Стучка о выработке основ гражданского права Союза ССР и переработке ГК РСФСР. 1930. Советская юстиция. 12: 20–22.
- Захарова М.В. 2016. О французских корнях российского права: исторический анализ. Журнал российского права. 6(234): 15–22.
- Из практики Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (проект Торгового кодекса ЕврАзЭС). 2010. Вестник гражданского права. Т. 10. 2: 174–181.
- Иоффе О.С. 1957. Вопросы кодификации общей части советского гражданского права. Вопросы кодификации советского права. Ленинградский государственный университет А.А. Жданова. Л., Выпуск 1: 30–47.
- Иоффе О.С. 1962. Основы советского гражданского законодательства. Л., Издательство Ленинградского университета, 216 с.
- Иоффе О.С., Толстой Ю.К. 1965. Новый Гражданский кодекс РСФСР. Л., Изд-во ЛГУ, 477 с.
- Иоффе О.С. 1975. Развитие цивилистической мысли в СССР (Часть I). Л., Издательство Ленинградского университета, 160 с.
- Кассо Л.А. 1904. К истории Свода законов гражданских. Журнал Министерства Юстиции. 3: 53–89.

- Кодан С.В. Тараборин Р.С. 2002. Несостоявшаяся кодификация гражданских законов 1800–1825 гг. Екатеринбург, 199 с.
- Кодан С.В. 2010. М.М. Сперанский и создание Свода законов Российской империи. Вестник Сибирского юридического института МВД России. 4(8): 89–95.
- Коркунов Н.М. 1894. Значение Свода законов. СПб., Типография В.С. Балашева и К°. 26 с.
- Крашенинников П.В. 2018. Страсти по праву: очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М., Статут. 331 с.
- Крашенинников П.В. 2019. Кодификация отечественного гражданского права. Кодификация российского частного права. В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. Д.А. Медведева. М., Статут, 492 с.
- Латкин В.Н. 1909. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX ст.). Издание второе (Переработанное и дополненное). СПб., Типография Монтвида. 644 с.
- Майков П.М. 1905. О своде законов Российской империи. СПб., Типография товарищества «Общественная польза», 279 с.
- Маковский А.Л. 2005. Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной экономике России. Журнал российского права. 9(105): 115–128.
- Маковский А.Л. 2010. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., Статут, 736 с.
- Материалы Международной научно-практической конференции «Гражданское законодательство Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы» (17–19 мая 1994 г.). 1994. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 196 с.
- Обозрение исторических сведений о Своде законов. Изд. 2-е. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. 204 с.
- Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., ИКД «Зерцало-М», 2002. 224 с.
- Пахман С.В. 1876. История кодификации гражданского права. В 2 Т. СПб., 472 с.
- Перетерский И.С. 1927. Советские гражданские кодексы. Советское право. 6: 49–64.
- Раевич С.И. 1924. Компетенция Союза и Союзных Республик в вопросах «гражданского законодательства». Советское право. 4: 3–20.
- Раевич С.И. 1926. О внешней стороне гражданского кодекса (способ изложения, система и объем его). Советское право. 4: 48–58.
- Раевич С.И. 1927. О выработке общесоюзных основных начал гражданского законодательства. Советское право. 3: 32–47.
- Раевич С.И. 1929. Пересмотр Г.К. и выработка Основ гражданского законодательства Союза С.С.Р. Еженедельник Советской Юстиции. 5: 100–102.
- Развитие кодификации советского законодательства. 1968. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М., Юридическая литература, 247 с.;
- Райников А.С. 2016. Исторические основания отечественной гражданской кодификации (по следам исследований А. Л. Маковского). Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 5: 40–54.
- Ружицкая И.В. 2011. «Статьи проекта не совсем соответствуют духу русских законов...»: кодификационная деятельность в царствование Александра I. Вестник РУДН. История России. 1: 5–17.
- Ружицкая И.В. 2012. Кодификационные проекты императора Александра I как составная часть его политических реформ. Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 11: 130–139.
- Рузанова В.Д. 2016. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: предпосылки принятия и преемственность правового регулирования. Юридический вестник Самарского университета. 2: 37–42.
- Славин И.В. 1922. Гражданский Материальный Кодекс. Еженедельник Советской Юстиции. 41: 2–3.
- Серебровский В.И. 1927. Развитие гражданского законодательства в РСФСР. Право и Жизнь. Книга 8: 21–27.
- Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. 2011. Составитель, автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. М., Зерцало. 440 с.
- СПб. юридическое общество [прения по докладу М.Д. Немировского и сообщению Ф.А. Вальтера «О положении работ по составлению гражданского уложения»] 1907. Право. Еженедельная юридическая газета. СПб., 45: 2920–2922.
- Суханов Е.А. Гражданское право России – частное право. 2008. Отв. ред. В.С. Ем. М., Статут, 588 с.

- Тараборин Р.С. 2015. Свод законов гражданских российской империи 1832 г.: генезис законодательной конструкции. Вопросы управления. 2(14): 194–199.
- Толстой Г.К. 1970. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961–1965 гг.): автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. Л., ЛГУ. 38 с.
- Томсинов В.А. 2008. Систематизация российского законодательства в первой четверти XIX века. Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 3: 14–49.
- Числов П.И. 1896. История русского права от издания Соборного уложения царя Алексея Михайловича до издания Свода законов по лекциям приват-доцента Московского университета: Издание для слушателей автора. М., Типо-литография О.И. Лашкевича и К°, 317 с.
- Шершеневич Г.Ф. 1898. История кодификации гражданского права в России. Казань, Типография Императорского университета, 128 с.
- Шершеневич Г.Ф. Революция и гражданское уложение. Право. Еженедельная юридическая газета. 1906. 1: 8–12.
- Шилохвост О.Ю. Александр Гойхбарг. 2020. Горькая судьба Красного Трибониана: Биография создателя первого советского Гражданского кодекса. М., Статут, 626 с.
- Юртаева Е.А. 2012. История законотворчества в России (XVIII – начало XX вв.). М., Юрлитинформ, 728 с.

References

- Bakhchisaraitsev Kh.E. 1948. On the history of the civil codes of the Soviet socialist republics (Essays). M., Legal publishing house of the Ministry of Justice of the USSR, 160 p. (in Russian).
- Braginsky M.I. 2000. On the place of civil law in the system of public law – private law. Problems of modern civil law: Collection of articles. M., Gorodets, P. 46–80 (in Russian).
- Bratus S.N. 1947. 25 years of the Civil Code of the RSFSR and some problems in the development of the Civil Code of the USSR. V scientific conference dedicated to the Thirtieth Anniversary of the Soviet State and Law: Abstracts. December 4–10, 1947 Military Law Academy of the Armed Forces of the USSR. M., RIO VYuA, P. 47–51 (in Russian).
- Bratus S.N. 1948. Some questions of the draft Civil Code of the USSR. Soviet state and law, 12: 10–23 (in Russian).
- Bratus S.N. 1962. An important stage in the development of Soviet civil legislation. New in the civil and civil procedural legislation of the USSR and the union republics (Proceedings of the scientific session of VIYUN). M., P. 8–23. (in Russian).
- Venediktov A.V. 1947. To the draft of the Civil Code of the USSR. Socialist legality, 1: 7–11 (in Russian).
- Venediktov A.V. 1954. On the system of the civil code of the USSR. Soviet state and law, 2: 26–40 (in Russian).
- Vitryansky V.V. 2018. Reform of Russian civil law: interim results. M., Statute, 528 p. (in Russian).
- Genkin D.M. 1946. The content and system of the Civil Code of the USSR. Socialist legitimacy, 11–12: 30–34 (in Russian).
- Goykhbarg A.G. 1927. To the development of the "Fundamentals of Civil Legislation". Weekly Soviet Justice. 34: 1044–1046 (in Russian).
- Civil and Commercial Law of Capitalist States: Textbook. 3rd ed., reprint. and additional 1993. M., International. relations. Ed. Vasilyeva E.A. 560 p. (in Russian).
- Gulyaev A.M. 1903. The unity of civil law and the draft civil code. Kyiv: Printing house of the partnership I.N. Kushnerev and Co., 143 p. (in Russian).
- Dozortsev A.V. 1954. On the subject of Soviet civil law in the system of the Civil Code of the USSR. Soviet state and law, 7: 104–108 (in Russian).
- Comrade's report Stuchka on the development of the foundations of the civil law of the USSR and the revision of the Civil Code of the RSFSR. 1930. Soviet justice, 12: 20–22 (in Russian).
- Zakharova M.V. 2016. On the French Roots of Russian Law: A Historical Analysis. Journal of Russian Law, 6(234): 15–22 (in Russian).
- From the practice of the Council for Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation (Draft Commercial Code of the EurAsEC). 2010. Civil Law Bulletin, T. 10. 2: 174–181 (in Russian).

- Ioffe O.S. 1957. Questions of codification of the general part of Soviet civil law. Questions of codification of Soviet law. Leningrad State University A.A. Zhdanov. L., Issue 1: 30–47 (in Russian).
- Ioffe O.S. 1962. Fundamentals of Soviet civil law. L., Leningrad University Press, 216 p. (in Russian).
- Ioffe O.S., Tolstoy Yu.K. 1965. New Civil Code of the RSFSR. L., Publishing house of Leningrad State University, 477 p. (in Russian).
- Ioffe O.S. 1975. The development of civil thought in the USSR (Part I). L., Leningrad University Press, 160 p. (in Russian).
- Kasso L.A. 1904. On the history of the Code of Civil Laws. Journal of the Department of Justice, 3: 53-89 (in Russian).
- Kodan S.V. Taraborin R.S. 2002. The Failed Codification of the Civil Laws 1800–1825. Yekaterinburg, with. P. 40–41 (in Russian).
- Kodan S.V. 2010. M.M. Speransky and the creation of the Code of Laws of the Russian Empire. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4(8): 89–95 (in Russian).
- Korkunov N.M. 1894. Significance of the Code of Laws. St. Petersburg, Printing House V.S. Balasheva and Co. 26 p. (in Russian).
- Krasheninnikov P.V. 2018. Passion for Law: Essays on the Law of War Communism and Soviet Law. 1917-1938. M., Statute. 331 p. (in Russian).
- Krasheninnikov P.V. 2019. Codification of domestic civil law. Codification of Russian private law. V.V. Vitryansky, S.Yu. Golovina, B.M. Gongalo and others; ed. YES. Medvedev. M., Statute, 492 p. (in Russian).
- Latkin V.N. 1909. Textbook of the history of Russian law in the period of the Empire (XVIII and XIX centuries). Second edition (Revised and enlarged). SPb., Montvid Printing House. 644 p. (in Russian).
- Maykov P.M. 1905. On the Code of Laws of the Russian Empire. SPb, Printing house of the partnership "Public benefit", 279 p. (in Russian).
- Makovskiy A.L. 2005. Civil law in the Soviet planned economy and in the Russian market economy. Journal of Russian Law, 9(105): 115–128. (in Russian).
- Makovskiy A.L. 2010. On the codification of civil law (1922–2006). M., Statute, 736 p. (in Russian).
- Review of historical information about the Code of Laws. Ed. 2nd St. Petersburg.: Type. II of the Department of Its Own E.I.V. Chancellery, 1837. 204 p. (in Russian).
- Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Civil Legislation of the Russian Federation: Status, Problems, Prospects" (May 17–19, 1994). 1994. M., Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 196 p. (in Russian).
- Novitskaya T.E. The Civil Code of the RSFSR of 1922. M., ICD «Zertsalo-M», 2002. 224 p. (in Russian).
- Pakhman S.V. 1876. History of the codification of civil law. In 2 T. St. Petersburg, 472 p. (in Russian).
- Perettersky I.S. 1927. Soviet civil codes. Soviet law, 6:49–64. (in Russian).
- Raevich S.I. 1924. Competence of the Union and the Union Republics in matters of "civil law". Soviet law, 4: 3–20 (in Russian).
- Raevich S.I. 1926. On the external side of the civil code (the method of presentation, the system and its volume). Soviet law, 4: 48–58 (in Russian).
- Raevich S.I. 1927. On the development of all-Union basic principles of civil legislation. Soviet law, 3: 32–47. (in Russian).
- Raevich S.I. 1929. Revision by G.K. and development of the Fundamentals of Civil Legislation of the Union of S.S.R. Weekly Soviet Justice, 5: 100–102 (in Russian).
- Development of the codification of Soviet legislation. 1968. All-Union Research Institute of Soviet Legislation. M., Legal literature, 247 p. (in Russian).
- Raynikov A.S. 2016. Historical Foundations of Domestic Civil Codification (Following the Research of A. L. Makovsky). Bulletin of Moscow University. Episode, 11 5: 40–54 (in Russian).
- Ruzhitskaya I.V. 2011. "The articles of the draft do not quite correspond to the spirit of Russian laws...": codification activities in the reign of Alexander I. Bulletin of RUDN University. Russian history. 1: 5–17 (in Russian).
- Ruzhitskaya I.V. 2012. Codification projects of Emperor Alexander I as an integral part of his political reforms. Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University. 11: 130–139 (in Russian).

- Ruzanova V.D. 2016. Civil Code of the RSFSR of 1922: prerequisites for the adoption and continuity of legal regulation. Legal Bulletin of Samara University. 2: 37–42 (in Russian).
- Slavin I.V. 1922. Civil Material Code. Weekly Soviet Justice, 41: 2–3 (in Russian).
- Serebrovsky V.I. 1927. Development of civil legislation in the RSFSR. Law and Life. Book 8: 21–27 (in Russian).
- Cathedral Code of 1649. Legislation of Tsar Alexei Mikhailovich. 2011. Compiler, author of the preface and introductory articles V.A. Tomsinov. M., Mirror. 51 p. (in Russian).
- SPb. legal society [debate on the report of M.D. Nemirovsky and the message of F.A. Walter "On the state of work on the preparation of the civil code"] 1907. Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 45: 2920–2922 (in Russian).
- Sukhanov E.A. 2008. The civil law of Russia is a private law. Rep. ed. V.S. Eat. M., Statute, 588 p. (in Russian).
- Taraborin R.S. 2015. Code of Civil Laws of the Russian Empire in 1832: the genesis of the legislative structure. Management issues, 2(14): 194–199 (in Russian).
- Tolstoy G.K. 1970. Codification of civil legislation in the USSR (1961–1965): author. diss. ... d. j. n. L., LGU. 38 p. (in Russian).
- Tomsinov V.A. 2008. Systematization of Russian legislation in the first quarter of the 19th century. Bulletin of Moscow University. Episode 11 3: 14–49 (in Russian).
- Chislov P.I. 1896. History of Russian law from the publication of the Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich to the publication of the Code of Laws based on lectures by a Privatdozent of Moscow University: Publication for the author's listeners. M., Typo-lithography O.I. Lashkevich and Co., 317 p. (in Russian).
- Shershenevich G.F. 1898. History of the codification of civil law in Russia. Kazan, Imperial University Printing House, 128 p. (in Russian).
- Shershenevich G.F. 1906. Revolution and Civil Code. Law. Weekly legal newspaper, 1: 8–12 (in Russian).
- Shilokhvost O.Y. Alexander Goykhbarg. 2020. The hard luck of the Red Tribonian: Biography of the Creator of the First Soviet Civil Code. M., Statute, 626 p. (in Russian).
- Yurtaeva E.A. 2012. History of lawmaking in Russia (XVIII – early XX centuries). M., Yurlitinform, 728 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Габов Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, действительный член Академии военных наук, доктор юридических наук, Почетный доктор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, научный руководитель Юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

РИНЦ: 292511, IstinaResearcherID (IRID):
1224554, ResearcherID: Q-9357-2017,
 ORCID: 0000-0003-3661-9174

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Gabov, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, full member of the Academy of Military Sciences, doctor of law, Honorary doctor of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Acting Head of the Civil and Business Law Sector, Chief researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Law Institute, Belgorod National Research University

УДК 34:2; 348; 340; 342:23/25
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-299-306

Соотношения между каноническим правом и правом государственным: научная мысль до 1917 года

Исидор (Тупикин Р.В.), митрополит Смоленский и Дорогобужский,
Смоленская Православная Духовная Семинария
Смоленской Епархии Русской Православной Церкви
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Тимирязева, д. 5
E-mail: tupikinrv2017@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию сложной природы и особенностей взаимодействия церковного права и права государственного. Автор обозначает факт и причины сложности этого предмета исследования. В статье подробно рассмотрены особенности интерсекциональности и взаимного влияния между этими двумя нормативными системами, которые автор позиционирует как выраженно обособленные, но онтологически пересекающиеся. Описание и объяснение особенностей онтологии интерсекциональности и взаимной детерминированности канонического права и права государственного осуществляется по выделяемым и обозначаемым автором «контурам» и «площадям» взаимодействия. Автор раскрывает дискуссии и подходы в научной мысли до 1917 года по вопросам о значении церковного права и канонического права, их корреляции, об их соотношении с правом государственным.

Ключевые слова: церковное право, каноническое право, государственное право, отношения между государством и религиозными объединениями, теология, богословие, нравственность в праве

Для цитирования: Исадор (Тупикин Р.В.), митр. Смоленский и Дорогобужский. 2022. Соотношения между каноническим правом и правом государственным: научная мысль до 1917 года. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 299–306. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-299-306

Correlations Between Canon Law and State Law: Scientific Thought Before 1917

Isidor, Metropolitan of Smolensk and Dorogobuzh (Tupikin R.V.)
Smolensk Orthodox Theological Seminary
5 Timiryazeva St, Smolensk 214000, Russia
E-mail: tupikinrv2017@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the complex nature and features of the interaction of church law and state law. The author indicates the fact and the reasons for the complexity of this subject of research. The article considers the features (in detail) of intersectionality and mutual influence between these two normative systems. The author positions these two regulatory systems as distinctly separate, but ontologically intersecting systems of normative regulation. The article presents the author's concept of describing and explaining the features of the ontology of intersectionality and mutual determinism of canon law and state law, carried out according to the "contours" and "areas" of interaction identified and designated by the author. The author of the article reveals discussions and

approaches in scientific thought until 1917 on the issues of the meaning of church law and canon law, their correlation, their relationship with state law.

Keywords: church law, canon law, state law, relations between the state and religious associations, theology, morality in law

For citation: Isidor (Tupikin R.V.), Metropolitan of Smolensk and Dorogobuzh. 2020. Correlations Between Canon Law and State Law: Scientific Thought Before 1917. NОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 299–306 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-299-306

Введение

Тематика интерсекциональности и взаимного влияния церковного права, или иначе и синонимично – канонического права (лат – *Lex Canonica*; англ. – *Canon Law*; франц. – *Droit canonique, Droit ecclésiastique*), и права государственного (мирского правового регулирования, светского права) является настолько же актуальной сегодня, насколько и мало исследованной. Неслучайно Н.А. Заозерский отмечал, что трудно указать более сложный и жизненный предмет исследования, требующий именно по причине жизненности своей утонченно-осторожного к себе внимания, чем вопрос о церковной власти [Заозерский, 1894, с. 1]. А указываемая П.А. Лашкарёвым «своебразность положения науки церковного права в ряду других юридических наук, и трудность задачи её при её наличном состоянии» [Лашкаревъ, 1889, с. iii; 167] детерминирует сложность теоретико-моделирующей стыковки этих двух нормативных систем, а равно двух научных направлений, их изучающих.

Дополнительной сложности придаёт и наличие рецидивов 70-летнего периода доминирования вульгарно-атеистической идеологии над правовой наукой.

Частично названная тематика нашла своё отражение в работах некоторых современных отечественных авторов (хотя основной объём референтной литературы надо искать в изданной до 1917 года). Для примера обозначим В.В. Багана (иерея Владислава) [Баган, 2022], А.А. Дорскую [2009], И.В. Понкина [Ponkin, 2019; Понкин, 2015], В. Цыпина (протоиерея Владислава) [Цыпин, 2009]. Однако полностью тема не раскрыта по сей день, нуждаясь в дополнительных исследованиях и объяснениях.

К вопросу о значении и соотношении понятий «церковное право»

В соответствии с определением, данным протоиереем Василием Певцовым, «церковное право в объективном смысле представляет собою совокупность всех норм или законов, которыми управляются жизнь и отношения Церкви как видимого самостоятельного общества. В смысле субъективном оно есть совокупность различных прав и обязанностей, принадлежащих членам Церкви сообразно с различным положением их в церковном обществе» [Певцовъ, 1914, с. 4]. Мы определяем церковное каноническое право (называя его *Lex Canonica*) как целостную, субстантивную и самореферентную (порядкообразующую и порядкоподдерживающую) систему внеправовой (экстра-правовой) нормативной регламентации, принимаемой внутрицерковными властями и формирующей церковный канонический порядок и церковное каноническое нормативное пространство.

В российских источниках до 1917 года встречаются по крайней мере два понятия: «каноническое право» и «церковное право», а как научная и образовательная дисциплина ещё и третье – «церковное законоведение».

Согласно А.И. Поповицкому, «каноническое право есть внутреннее право церкви, церковное право есть внешнее её право. Но это внешнее право есть ничто иное, как развитие, ис-

толкование и приложение к частным случаям и внешнему положению церкви тех первона-чальных её прав, которые вытекают из самого существа и цели бытия церкви, и находятся, следовательно, в неразрывной связи с внутренним её правом» [Поповицкий, 1862, с. 362]. И это вполне рациональный подход, но для наших исследовательских целей мы станем позиционировать понятия «каноническое право» и «церковное право» как синонимичные (хотя нам известны подходы, разграничающие и обособливающие эти понятия, и помимо указанного автора [Павловъ, 1902; Цыпин, 2009]).

Вопросам природы и особенностей интерсекциональности и взаимного влияния церковного права и права государственного и посвящено наше исследование.

Источниковой основой нашего исследования выступила библиотека литературы XVIII – начала XX века на русском языке в старой орфографии (более 3 тыс. томов) – по церковному каноническому праву и многим другим тематическим направлениям, собранная и обработанная непосредственно нами (в сотрудничестве с иереем Владиславом Баганом, но с совершенно разными исследовательскими целями и задачами, с иными подходами), в цифровом виде, снабжённая нами указателем (индексом) [Исидор (Тупикин Р.В.), митрополит Смоленский и Дорогобужский, Баган, 2020]. Дополнительными источниками выступила подборка из сотен томов научной литературы по тематике истории и теории канонического (в данном случае – преимущественно католического) права на французском, итальянском, испанском и английском языках. Полностью соглашаясь с принципиальным суждением А.А. Ламанова относительно долженствования различия русской науки канонического права от западной [Ламановъ, 1907, с. 9-10], вместе с тем полагаем безусловно важным обращение к таким иностранным источникам.

Две обособленные, но интерсекциональные системы нормативного регулирования

Поскольку каноническое право обладает уникальной природой, исходно проистекающей из системообразующих религиозных постулатов христианства, и, как писал Е.Н. Темниковский, «цели церквей не только лежат вне государственных задач, но и вообще трансцендентны по отношению к земному миру; они заключаются в содействии человеку в достижении им вечного спасения, пред абсолютной, несравнимой ценностью которого для верующего отступают все ценности земной жизни» [Темниковский, 1909, с. 70], то не может быть ни совпадения, ни подмены между этими двумя масштабными нормативными системами. Вместе с тем таковые и не являются полярно антагонистичными по отношению друг к другу (исключение – большевистский режим в нашей стране с 1917 по конец 1930-х гг.) или принципиально несопрягаемыми. Всё ж таки, как писал П.А. Лашкарёв, Церковь непосредственно связана с исторически сложившимся естественно-правовым порядком общего жития людей [Лашкаревъ, 1889, с. 40].

Хотя у такого сопряжения и такой интерсекциональности есть свои пределы, на которые (например, в части невозможности взятия Церковью на себя полномочий карать в уголовном и уголовно-процессуальном порядке преступников) указывал ещё прот. Михаил Горчаков [Горчаковъ, 1909, с. 214-215]. Неприемлемость взятия на себя Церковью не просто избыточных, но прямо разрушительных функций, тех самых, что по общему правилу берёт на себя государственная власть и выступает таким образом «разлиновщиком» границ между двумя указанными нормативными системами – правом церковным и правом государственным (но, подчеркнем, граница не абсолютна, и имеются наложения, пересечения). Именно это определяет и то, что Церковь и не стремится закрыть своим урегулированием (церковным правом) все сегменты, каверны, направления общественных отношений, такая задача не рассматривается даже чисто теоретически.

Как отмечал Н.А. Заозерский, ни в коем случае нельзя втискивать право православной церкви в прокрустово ложе чуждых для него форм и чуждой ему юридической логики [Заозерский, 1894, с. vi].

Собственно пункт IV.5 Основ социальной концепции Русской Православной Церкви¹ предлагает концептуально определенное разведение этих двух систем, отмечая центральное системообразующее положение Божественного Откровения в каноническом праве созданной Господом Иисусом Христом Церкви, при этом, «если иные религиозные законоустановления даны для отпавшего от Бога человечества и по природе своей могут быть частью гражданского законодательства, то христианское право принципиально надсоциально. Оно непосредственно не может быть частью гражданского законодательства, хотя в христианских обществах и оказывает на него благотворное влияние, являясь его нравственным основанием».

По словам Е.Н. Темниковского, «проникновение народа нравственными началами христианства в высшей степени желательно и для государства» [Темниковский, 1909, с. 70]. И мосты между двумя нормативными системами проводились систематически на всём протяжении истории христианства, разве что кроме самых первых веков христианства, историю которых мы будем вынуждены оставить за рамками исследования. Как отмечал А.С. Павлов, «полная система самобытного церковного права развилась ещё в те времена, когда государство (именно римская империя) игнорировало церковь или даже прямо преследовало её» [Павловъ, 1902, с. 11].

В том числе это происходило на чисто субъективном человеческом уровне, на уровне межличностных профессиональных отношений. Юристы государства активно контактировали с юристами по каноническому праву. Как писал Н.А. Заозерский, ещё в первом тысячелетии ко двору патриарха сходились лучшие силы, а патриарший синод в Константинополе в эпоху наивысшего благосостояния патриаршества был высшей практической школой церковного законоведения [Заозерский, 1894, с. 251]. Этот обмен между мирскими юристами и церковными правоведами обеспечивал более чем существенное влияние, но, конечно же, даже существенно меньшее, нежели объём влияния, оказывавшийся государственным правителем и/или его ближайшим окружением, самопозиционировавшими себя как верующие христиане, на всю систему законодательства и власти в государстве.

Правда, была проблема «отыгрывания всего назад», когда «вслед за православными государствами восходили на него неправославные» [Обозрѣніе греко-римскихъ законовъ въ отношеніи къ Церкви, 1850, с. 161], но эти периоды заканчивались возвращением к власти следующих поколений верующих людей. И влияние в таких случаях шло и в обратную сторону, как, например, в случае права престолонаследия в Российской Империи [Темниковский, 1909; Заозерский, 1894].

Влияние церковного права на право государственное в нашей стране сопровождалось ещё и той спецификой, что вместе с христианством на Русь пришли и корпуса нормативных установлений и нормативных порядков из Византийской Империи. По словам протоиерея Василия Певцова, вместе с христианством перешли в Россию из Греции каноны Вселенской Церкви, также и церковно-гражданские постановления Византийской империи, и в славянских Кормчих книгах интегрировались чисто гражданско-правовые нормативные установления из византийских сборников [Пѣвцовъ, 1914, с. 17].

«Мосты» между каноническим правом и правом государственным наводятся и в рамках сферы действия государственного нормативно-правового регулирования статуса и деятельности церковных учреждений (в целом в сфере религии). В разные эпохи и в разных

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, принятые Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000.

государствах способы и меры такого урегулирования варьировались, разнились, но хоть в какой-то мере были всегда, и это предопределяет пересечение предметно-объектных сфер регулирования в этих двух рассматриваемых нами нормативных системах.

Как писал прот. Василий Певцов, «значение государственных законов в церковном праве имеет тесную связь с положением, занимаемым Церковью в государстве, со взаимоотношениями между ними. Вообще Православная Церковь признаёт обязательными для себя государственные законы страны, когда они относятся к той внешней, человеческой, стороне церковного устройства и управления, которой Церковь соприкасается с государственным устройством, и когда эти законы не противоречат существенным целям Церкви, её внутренним Богом дарованным правам» [Певцовъ, 1914, с. 14].

Но есть и обратное воздействие, когда, например, в семейном праве церковное право имплицитно, а то и явно влияет, вторгается, даже образуя определенный меланж, в сферу нормативного воздействия права государственного.

И таких сфер на самом деле немало.

Церковное право исторически оказало очень существенное влияние на отрасли уголовного права и уголовно-исполнительного права – через инфильтрацию принципов нравственности, гуманности (человечности), справедливости, честности, способности к прощению, выступая своего рода донором «несущих конструкций» этих принципов.

Хотя известно, что институт помилования преступника главой государства негативно оценивался немалым числом правоведов (например, Чезаре Беккариа писал, что «показывать людям, что преступление прощается и что наказание не всегда бывает неминуемым оного следствием, есть то же, что писать в них надежду к ненаказанности и заставить их думать, что наказание, претерпеваемое теми, которых не простили, есть более действие жестокости и насилия, нежели правосудия. Государь, прощаю кого-нибудь, жертвуя общественной безопасностью частному человеку, и в частном постановлении, сделанном слепым добродушием, изрекает общее определение к ненаказанности» [Беккарія, 1803, с. 171]), тем не менее этот, пусть и вызывающий споры, институт – помилования – имеет высокое значение в общем объёме полномочий верховной власти государства.

И этот институт – богословски детерминирован, черпает свои глубинные нравственные истоки и духовные понимания именно через право церковное в богословском концепте прощения.

Детерминантом сопряжения двух исследуемых нами нормативных систем является онтологическая их схожесть в немалом числе внутренних аспектов. Неслучайно М.А. Остроумов указывал, что каноническое право представляет в сущности такую же многосложную систему, как и государственное право в его внутриструктурном делении, так же имея «аналогичные ветви и подразделения» [Остроумовъ, 1893, с. 131] – церковно-имущественное право, церковно-иерархическое управленческое право, церковно-семейное право, церковно-судебное право и другие.

По словам Н.К. Соколова, «вопрос о влиянии церкви на установление государственного строя в нашем отечестве и на образование нашего древнего законодательства уже не раз служил предметом серьёзных и специальных трудов наших учёных историков и юристов» [Соколовъ, 1870, с. 65].

Но, как писал Чарльз Донахью-мл., история канонического права ещё не написана [Donahue-Jr. C. 1986], но тем более ещё не написана история взаимодействия канонического права и права государственного (тем более диверсифицированно – в отношении Русской Православной Церкви Московского Патриархата, других православных церквей, Римской католической церкви). И эта история начинает сегодня новый виток.

Заключение

Исследование онтологии взаимодействия, пересечения (интерсекциональности), взаимной исторической обусловленности, сложной детерминированности права канонического и права государственного требует по крайней мере нескольких подходов и связанных с ними интерпретационных проекций. Мы в этой статье останавливаемся на одном таком подходе.

Согласно нашему авторскому концепту, выступающему результатом произведённых исследований, *пересечение и взаимное влияние канонического права и права государственного осуществляется по следующим «контурам» и «площадям» взаимодействия:*

1) правовая онтология современных правовых институтов и субинститутов, сопряжённая с онтологией канонического права:

- признание государственными судебными органами норм канонического права и решений религиозных судов религиозных организаций по целому кругу общественных отношений;

- признание и уважение онтологии, автономности и онтологической легитимности нормативного универсума внутренних нормативных установлений (пока нет прямых и грубых нарушений государственного законодательства);

- сложные онтологические нормативные пересечения, наложения, контроверсии и взаимоусиления норм канонического права и права государственного в сфере семейных отношений, в биомедицинской сфере, сфере культуры и ряде других сфер общественных отношений;

- опосредованное нравственное фреймирование и пронизывание императивами (зиждящимися на каноническом праве) современного права (институт помилования, институт условно-досрочного освобождения, институт крайней необходимости в уголовном праве, «прошивка» огромного числа законов христианскими нравственными императивами через их имплементацию в конкретных нормах (с изложением принципов нравственности, справедливости, гуманности и т.д.) и мн. др.);

- пересечение, интерсекциональность тезаурусов государственного права и права канонического (соответственно правовой науки и науки канонического права), взаимное интерпретационно-смысловое проникновение и достраивание, а равно иные ныне действующие проявления многих общих истоков;

2) исторически обусловленное существенное влияние, ретроспективно фиксируемое.

Список источников

- Беккарія Ч. 1803. Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ. С.-Петербургъ: Типографія при Губернскомъ правленії, xliv; 268 с.
- Горчаковъ М.И. 1909. Церковное право: Краткій курсъ лекцій. С.-Петербургъ, 349 с.
- Заозерскій Н.А. 1894. О церковной власти. Основоположенія, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства церкви по учению православно-канонического права. Сергіевъ Посадъ: Типографія А.И. Снегирёвой, iv; xiii; 458 с.
- Ламановъ А.А. 1907. Церковное право. С.-Петербургъ: Типографія Вольфа, 175 с.
- Лашкаревъ П.А. 1889. Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Изъ чтеній по церковному праву. Кіевъ: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, xiv; 213 с.
- Обозрѣніе греко-римскихъ законовъ въ отношеніи къ Церкви. 1850. Статья вторая. Законы Императора Іустиніана Великаго (527–565). Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. 1850. Часть LXV. С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, с. 21–59; 161–202 соотв. раздела нумерации Отделения II.
- Остроумовъ М.А. 1893. Очеркъ православнаго церковнаго права. Ч. 1. Введеніе. Т. 1. Харьковъ: Типографія Губернскаго Правленія, x; 672 с.

- Павловъ А.С. 1902. Курсъ церковнаго права. Сергіевъ Посадъ: Типогр. Св.-Троицкой Сергіевой Лавры.
- Пѣвцовъ В.Г. 1914. Лекціи по церковному праву. С.-Петербургъ: Типографія С.Петербургской одиночной тюрьмы, 240 с.
- Поповицкій А.И. 1862. О преподаваніи богословскихъ наукъ въ университетахъ. Журналы засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ. С.-Петербургъ: Типографія Императорской академіи наукъ, С. 362–363.
- Соколовъ Н.К. 1870. О вліянії Церкви на историческое развитіе права. Московскія университетскія извѣстія, 1: 1–103.
- Темниковскій Е.Н. 1909. Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти: Историко-догматический очеркъ. Ярославль: Типографія Губернскаго правленія, 72 с.

Список литературы

- Баган В.В. 2022. Киевская Духовная Академия как образовательный центр развития дисциплины «каноническое право» в Российской Империи в XIX в. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 47 (1): 73–81.
- Дорская А.А. 2009. Церковное право Российской империи XIX – начала XX вв. как отрасль права. *История государства и права*, 9: 34–37.
- Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский (Тупикин Р.В.), Баган В.В. 2020. Церковное каноническое право; богословие и теология; церковные история, порядок, управление и жизнь; государство, Церковь и право; филология, искусство, философия и архивистика. Научно-библиографический указатель изданий на русском языке до 1917 года. Смоленская православная духовная семинария. Смоленск, Свиток. 176 с.
- Понкин И.В. 2015. К вопросу о содержании понятия уважения государством внутренних установлений религиозных организаций. *Религия и право*, 2: 10–15.
- Donahue-Jr. C. 1986. Why the history of canon law is not written [Почему не написана история канонического права]. London: Selden Society.
- Ponkin I.V. 2019. Opinion on act (decision), adopted by the Holy Synod of the Patriarchate of Constantinople on 11 October 2018. *Stato, Chiese e pluralismo confessionale*. 21 gennaio. № 2.
- Цыпин В. 2009. Каноническое право. М., Издательство Сретенского монастыря. 864 с.

References

- Bagan V.V. 2022. Kiev Theological Academy as an Educational Center for the Development of the Discipline of "Canon Law" in the Russian Empire in the 19th Century. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 47(1): 73–81 (in Russian)
- Dorskaya A.A. 2009. Church law of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries as a branch of law. *Istoriya gosudarstva i prava*, 9: 34–37 (in Russian).
- Isidor (Tupikin R.V.), Metropolitan of Smolensk and Dorogobuzh, Bagan V.V. 2020. Church Canon Law; theology and theology; church history, order, government, and life; state, church and law; philology, art, philosophy and archiving. Scientific bibliographic index of publications in Russian before 1917 [Tserkovnoe kanonicheskoe pravo; bogoslovie i teologija; tserkovnye istoriiia, poriadok, upravlenie i zhizn'; gosudarstvo, Tserkov' i pravo; filologija, iskusstvo, filosofija i arkhivistika. Nauchno-bibliograficheskiy ukazatel' izdanii na russkom iazyke do 1917 goda]. Smolensk: Svitok. 176 c.
- Ponkin I.V. 2015. To the question of the content of the concept of respect by the state of the internal regulations of religious organizations [K voprosu o soderzhanii poniatija uvazheniya gosudarstvom vnutrennikh ustanovlenii religioznykh organizatsii]. *Religion and Law*, 2: 10–15.
- Donahue-jr. C. 1986. Why the history of canon law is not written. – London: Selden Society. (in English)
- Ponkin I.V. 2019. Opinion on act (decision), adopted by the Holy Synod of the Patriarchate of Constantinople on 11 October 2018. *Stato, Chiese e pluralismo confessionale*. 21 gennaio. № 2.
- Tsyipin V. 2009. Canon law [Kanonicheskoe pravo]. Moscow, 864 c.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Исидор (Тупикин Р.В.), митрополит Смоленский и Дорогобужский, кандидат юридических наук, ректор Смоленской Православной Духовной Семинарии Смоленской Епархии Русской Православной Церкви, доцент кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин семинарии, г. Смоленск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Isidore (R.V. Tupikin), Metropolitan of Smolensk and dorogobuzhsky, candidate of law, rector of the Smolensk Orthodox Theological Seminary of the Smolensk Diocese of the Russian Orthodox Church, associate Professor of the Department of theological and Church-historical disciplines of the Seminary, Smolensk, Russia

УДК 343
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-307-313

Историко-правовой анализ функционирования института суда присяжных в России

Коцюмбас М.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Академическая, д. 23, стр. А, кв. 5
E-mail: mih.koc@yandex.ru

Аннотация. На основе сравнительного анализа современного и дореволюционного российского законодательства, регламентирующего судопроизводство с участием присяжных заседателей, рассмотрены вопросы общественно-исторического потенциала и преемственности данной модели суда в рамках отечественного правового поля. Автором раскрыты основания возникновения института, пути его становления и факторы, тормозящие полноценную реализацию; осуществлено исследование эффективности уголовно-правовых преобразований путем сопоставления качественных и количественных показателей судебных решений, выносимых судом с участием присяжных заседателей на разных этапах исторического процесса. Сделан вывод о современном статусе суда присяжных, не выступающем центральным звеном судебной системы в отличие от статуса суда присяжных в дореволюционной России, но сохранившем и упрочившим свой общественно-исторический потенциал и позиции.

Ключевые слова: присяжные заседатели, история отечественного права, суд, судопроизводство, реформа, судебные уставы

Для цитирования: Коцюмбас М.С. 2022. Историко-правовой анализ функционирования института суда присяжных в России. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 307–313. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-307-313

Historical and Legal Analysis of the Functioning of the Institute of Jury Trial in Russia

Mikhail S. Kotsumbas

Lomonosov Moscow State University,
23, p. A, sq. 5 Akademicheskaya St, Belgorod 308012, Russia
E-mail: mih.koc@yandex.ru

Abstract. Based on a comparative analysis of modern and pre-revolutionary Russian legislation regulating judicial proceedings with the participation of jurors, the article examines the issues of socio-historical potential and continuity of this model of the court within the domestic legal field. The author reveals the reasons for the emergence of the institute, the ways of its formation and the factors hindering the full implementation; carried out a study of the effectiveness of criminal legal transformations by comparing the qualitative and quantitative indicators of court decisions made by the court with the participation of jurors at different stages of the historical process.

The conclusion is made about the modern status of the jury trial, which is not the central link of the judicial system, unlike pre-revolutionary Russia, but has preserved and strengthened its socio-historical potential and positions.

Keywords: jurors, history of domestic law, court, judicial proceedings, reform, judicial statutes

For citation: Kotsumbas M.S. 2022. Historical and Legal Analysis of the Functioning of the Institute of Jury Trial in Russia. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 307–313 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-307-313

Введение

«Мы строили, строили, и, наконец, построили» – прошло не многим больше трех лет с тех пор, как вступили в действие законодательные положения, внедрившие в реалии правовой системы современной России обновленный и расширявший свои масштабы институт суда присяжных заседателей, а дискуссии на предмет его уместности и жизнеспособности в условиях отечественного контекста так и не утихли. Неодобрительная риторика в этом русле зачастую разворачивается с оглядкой на заимствованность, чужеродность и противоречивость судебного «народного элемента».

Дав научной работе столь ироничное вступление, всерьез же попытаемся разобраться, прочен ли «фундамент» российской модели суда с участием присяжных заседателей, укоренился ли он исторически, был ли «выращен» отечественным правом и органично встроен в российскую систему институтов, прежде чем его коснулись действующие ныне масштабные нововведения.

К истокам российского суда присяжных

Ретроспективный взгляд на российский суд присяжных позволяет выделить свидетельства его зарождения еще в Русской Правде, где упоминалось об обязанности совершившего преступление, но не признавшего вину лица предстать перед «двенадцатью мужами», заключавшими о его виновности, и в более поздних памятниках истории – Псковской судной грамоте 1467 года, Новгородской судной грамоте 1471 года, где прототипом современного суда присяжных выступал так называемый «суд одрин».

В будущем новаторские, но несколько преждевременные ввиду экономической и политической незрелости государства тезисы о включении в суд «народного элемента» [Тарасов, Гарифуллина, 2011, с. 12] прозвучат от депутатов Уложенной комиссии 1767 года, а при Александре I некоторые положения найдут свое отражение в виде сословных заседателей коронных судов. Спустя годы, увеличивающаяся дистанция между отечественным правом и передовыми европейскими доктринаами, обнажившая изнанку крепостнического строя и неизбежность политической перестройки, становилась очевидной не только либералам. Тем не менее реализация проектов законов о судоустройстве и судопроизводстве, разработкой которых более полувека занимались Министерство юстиции и Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, так и не состоялась, лишь только со вступлением на престол Александра II великое дело отмены крепостного права,вшавшее столько страхов, осуществилось благополучно, подготовив тем самым почву для переосмыслиния концепции судебной власти.

20 ноября 1864 года Александр II подписал Судебные уставы, и, несмотря на то, что новый суд начал действовать лишь через полтора года, именно с этой датой правоведы напрямую связывают дальнейшую периодизацию эволюции суда присяжных. Так, подчеркивая дискретность его исторического развития, А.А. Демичев [1997], поддерживающий и другими учеными [Новикова, 2004; Багаутдинов и др., 2006], выделяет два основных этапа: 1864–1917 годы; с 1993 года по настоящее время.

Актуализируя исследование применительно к последним институциональным трансформациям, мы бы предложили дополнить представленное деление периодом с 2018 года и остановиться в общих чертах на каждом из них.

Дореволюционные трансформации российского суда присяжных

Итак, Положение о введении в действие Судебных Уставов предусматривало «постепенное открытие» судебных установлений, начиная с 1866 года¹ – тогда же в Санкт-

¹ Положение о введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 г., высочайше утвержденное императором 19 октября 1865 г. СПб., Гос. Типография, 1830-1885. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40. № 42587.

Петербурге и Москве состоялось торжественное открытие судебной палаты и окружного суда, а в течение последующих четырех лет – во всех остальных губерниях (хотя в действительности к 1870 году новый суд действовал в 23 губерниях вместо 44 [Трофимова, 2006, с. 7] и лишь к началу XX века – на всей территории).

Заметим, что законодательные новации 1993 года имели аналогичный последовательный вектор: «...постепенно, поэтапно, уже изведенным путем, начатым в 1864 году по пути, как говорили в то время, не столько реформы, сколько создания судебной власти» [Руднев, 1993, с. 1], в чем обнаруживается общий законодательный прецедент использования нового института.

Но вернемся в дореволюционную Россию, где, несмотря на принятие обществом суда присяжных с большим воодушевлением, вскоре выяснилось, что организация его работы оставляет желать лучшего.

Постоянные заботы доставляли проблемы, связанные с социальным составом жюри: в Российской Империи в период с 1864 года и вплоть до отмены суда присяжных их количество в соответствии с законом составляло 12 человек основного и не менее 2 человек запасного состава¹, как, впрочем, и в современной России до реформы 2018 года.

Между тем обеспечение явки кандидатов по приглашениям представляло нелегкую задачу, что предопределялось, прежде всего, отсутствием оплаты труда присяжных при обязательной явке в суд. По Судебным уставам от исполнения присяжной повинности не мог «уклоняться ни один член общества, способный нести ее»², при этом нередко такая ноша оказывалась непосильна обычным людям: крайняя бедность ставила лиц низших сословий перед необходимостью устраиваться на подработки или вовсе попрошайничать, чтобы иметь возможность приехать в город на сессию суда, обеспечивать себя жильем и пропитанием [Ильюхов, 2015].

Общие требования к присяжным заседателям устанавливались Учреждением судебных установлений 1864 года, согласно которому подобным статусом мог обладать мужчина возрастом от 25 до 70 лет любого сословия, состоящий в русском подданстве и проживавший в уезде, где проводилось избрание, не менее двух лет. Не допускались к участию в отправлении правосудия несостоятельные должники и лица, совершившие преступления, не владеющие русским языком, а также немые, глухие, слепые или лишенные рассудка³. Очевидно, при попытке сопоставления дореволюционного и современного законодательства о суде присяжных также можно выявить весьма явную преемственность, начиная с минимального возраста кандидатов и заканчивая обстоятельствами, препятствующими участию лица в качестве присяжного заседателя.

Далее в каждом уезде предполагалось составление общих списков граждан, имеющих право на избрание в присяжные заседатели, таких как почетные мировые судьи, гражданские чиновники в должностях пятого и ниже классов, а также лица, занимавшие выборные должности, в том числе крестьяне, избранные в очередные судьи волостных судов или в добросовестные волостных и сельских расправ и равных с ними сельских судов, волостные старшины, головы, сельские старости и другие соответствующие им должности в общественном управлении сельских обывателей. Для остальных условием участия в суде в качестве присяжного заседателя выступал имущественный ценз, подразумевающий наличие имущества определенной стоимости для различных сословий.

¹ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб, 1866. Электронный ресурс URL: http://www.library6.com/books/sudeb_ustav_1.pdf. (дата обращения 01.03.2022).

² Там же.

³ Учреждение судебных установлений 1864 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> (дата обращения 03.03.2022).

Примечательны в этом контексте описываемые историками любопытные ситуации самостоятельного осуществления присяжными контроля за законностью своего состава. К примеру, как писал Н.П. Тимофеев [1881, с. 8], в одном из окружных судов присяжные заседатели заявили председательствующему судье о нахождении среди них крестьянина, с которым они «судить не могут», поскольку тот, будучи волостным судьей, по выражению односельчан, «дюже водкой брал за судейство свое». В итоге, по заключению прокурора и ввиду коллективного заявления о неблагонадежности этого присяжного, последний был вычеркнут из списка.

Без сомнения, суд присяжных стал краеугольным камнем судебной реформы, однако базой решений так называемых «судей факта» выступало собственное восприятие ими жизненных ценностей, правды и справедливости, основанных по большей части на недовольстве политической и социальной обстановкой в обществе [Ильюхов, 2015], что не соответствовало представлениям руководящей власти и повлекло значительное сокращение широкой по введении Судебных уставов юрисдикции присяжных заседателей (Законы с 9 мая 1878 года¹ по 7 июля 1889 года²). Так, из их ведения были исключены все дела о должностных преступлениях, преступлениях против управления, насильственных действиях против должностных лиц, совершенных при исполнении ими служебных обязанностей.

Контрреформы Александра III, помимо ограничения компетенции, наметили и иные тенденции, связанные в числе прочего с модернизацией судопроизводства и привлечением достойного состава кандидатов.

Завершился же данный этап развития суда присяжных вскоре после Октябрьской революции его упразднением путем принятия Совнаркомом «Декрета о суде № 1» 22 ноября 1917 года, а в советский период, исходя из специфики государственного строя, в свете которого органы судебной власти имели значение «революционной расправы в отличие от суда как такового» [Демичев, 1997, с. 89-91], о суде присяжных говорить не приходилось.

Современные трансформации российского суда присяжных

Последующему подъему рассматриваемого института способствовал в итоге лишь распад СССР, что вполне закономерно, поскольку дореволюционный суд присяжных, предполагая радикально иную, нежели на него возложили, социальную роль, оказался излишне демократичной для своего времени.

Повторное введение суда присяжных не случилось одномоментно, как замечено ранее. Вспомнив исторический опыт Российской Империи, разработчики Концепции новой судебной реформы предусмотрели постепенное возвращение к идеи участия граждан в правосудии, которому, по замыслу авторов, предрекалось привнести в атмосферу казенной юстиции житейский здравый смысл и народное правосознание.

Так, 24 октября 1991 года Постановлением Верховного Совета РСФСР была одобрена Концепция судебной реформы в РСФСР³, а 16 июля 1993 года принят Закон РФ № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных заседателей» от 7 июля 1889 г. СПб., Гос. Типография, 1885–1916. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 9. № 6162.

² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях» от 9 мая 1878 г. СПб., Гос. Типография, 1830–1885. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 53. № 58489.

³ Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1435.

РСФСР об административных правонарушениях»¹, обеспечивающий возможность рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей.

С 1 января 2003 года институт был введен в 69 регионах России, а спустя семь лет распространил свое действие на всей территории Российской Федерации, включая Чеченскую Республику.

Период с 2010 по 2015 годы запомнился некоторого рода законотворческими колебаниями, имевшими своим следствием значительное ограничение объема подсудности уголовных дел, подлежащих рассмотрению судом присяжных.

Между тем опасения теоретиков о перспективной нефункциональности этого правового института не материализовались: напротив, в июне 2018 года сфера его действия подверглась беспрецедентному расширению, в том числе путем наделения районных судов возможностью рассмотрения дел с участием коллегии присяжных².

Рассматривая в настоящей работе этапы реформирования института присяжных заседателей и применение опыта его реализации в современной и императорской России, резонно задаться вопросом об эффективности уголовно-правовых преобразований, оценить которую можно на базе сопоставления качественных и количественных показателей, выносимых в тот или иной период времени судебных решений. За основу такого анализа нами взяты статистические данные по Белгородской области и Харьковскому судебному округу Российской Империи [Тарновский, 1899], на территории которого и располагалась современная Белгородчина, за периоды в 14 лет: 1874–1888, 2003–2017 годы, а также отрезок с 2018 по 2021 год по статистике Белгородского областного суда (для оценки результатов последней из реформ института присяжных заседателей).

Очевидно, современная практика применения суда присяжных демонстрирует более совершенную процессуальную организацию, о чем свидетельствует повышение качества отправления правосудия: 62 % за период 1874–1888 годов против 75 % в 2003–2017 годах.

Между тем в Российской Империи решения такого плана обжаловались крайне редко, всего в 11 случаях из 100 – никто не верил в возможность вынесения более справедливого акта чиновниками судебной палаты, которая и представляла апелляционную инстанцию. В настоящее время приговоры пересматриваются в большинстве случаев (2003–2017 годы – 83 %, 2018–2021 годы – 100 %), само собой, по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством, то есть не затрагивая справедливость вердикта.

Наряду со стабильностью возросла и репрессивность суда присяжных 2003–2017 годов – 23 % оправдательных приговоров в сравнении с 38 % по Харьковскому судебному округу. С 2018 года число оправдательных вердиктов вновь пошло по восходящей линии и за трехлетний период составило немногим менее 43 %, хотя, разумеется, делать выводы о тенденциях в этом вопросе преждевременно.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что сегодня суд присяжных не выступает центральным звеном судебной системы, в отличие от дореволюционной России, данная форма судопроизводства не только сохранила свой общественно-исторический потенциал, но и упрочила позиции.

¹ Закон РФ от 16.07.1993 № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях». Ведомости СНД и ВС РСФСР. 19.08.1993. № 33. Ст. 1313.

² Федеральные законы от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей». СЗ РФ. 27.06.2016. № 26 (Часть I). Ст. 3859; от 23.06.2016 № 209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». СЗ РФ. 27.06.2016. № 26 (Часть I). Ст. 3878.

Изучение поставленного вопроса сквозь призму сравнительно-исторического анализа действующего и дореволюционного законодательства обнаружило очевидные параллели как в практике становления и внедрения суда присяжных, так и в его принципиальных чертах. Такого рода преемственность, безусловно, не означает всецелую рецепцию норм Судебных уставов, но позволяет с уверенностью говорить об исторической традиции и укоренении правового института в российской среде – в уже хорошо известной оболочке, в условиях осознания правоприменителем его возможностей и слабых сторон.

Как говорил И.Я. Фойницкий: «Междур ломкой и обережением судебных уставов есть нечто среднее – развитие» [Бобрищев-Пушкин, 2013, с. 11], будем надеяться, что этот путь приведет нас к успеху.

Список источников

- Багаутдинов Ф.Н., Емеева Н.Р., Клюкова М.Е., Петрова И.С. 2006. Производство в суде присяжных: учеб. пособие. Казань, Таглимат, 228 с.
- Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях» от 9 мая 1878 г. СПб., Гос. Типография, 1830–1885. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 53. № 58489.
- Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных заседателей» от 7 июля 1889 г. СПб., Гос. Типография, 1885–1916. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 9. № 6162.
- Закон РФ от 16.07.1993 № 5451–1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях». Ведомости СНД и ВС РСФСР. 19.08.1993. № 33. Ст. 1313.
- Положение о введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 г., высочайше утвержденное императором 19 октября 1865 г. СПб., Гос. Типография, 1830–1885. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40. № 42587.
- Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1435.
- Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб, 1866. Электронный ресурс URL: http://www.library6.com/books/sudeb_ustav_1.pdf. (дата обращения 01.03.2022).
- Федеральный закон от 23.06.2016 № 190–ФЗ «О внесении изменений в Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей». СЗ РФ. 27.06.2016. № 26 (Часть I). Ст. 3859.
- Федеральный закон от 23.06.2016 № 209–ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». СЗ РФ. 27.06.2016. № 26 (Часть I). Ст. 3878.
- В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917–1922 гг.) / Ин–т марксизма–ленинизма при ЦК КПСС; [Составители Ж. Г. Адibекова и др.]. 1987. М.: Политиздат, XII, 641.
- Учреждение судебных установлений 1864 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/3450/> (дата обращения 03.03.2022).

Список литературы

- Бобрищев-Пушкин А.М. 1896. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., журн. «Русская мысль», 624 с.
- Демичев А.А. 1997. Суд присяжных в России: периодизация. В кн: 100 лет XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 3–5 сентября 1996 г.). Н. Новгород, КиТиздат: 89–91.
- Ильюхов А.А. 2015. Суд присяжных в России: история его становления и развития. История государства и права, 23: 34–41.

- Новикова Е.С. 2004. Суд присяжных в России: становление и развитие: на примере Ставропольской губернии: Автореф. дис. ... кандидата истор. наук. Ставрополь, 22 с.
- Руднев В. 1993. Суд присяжных: трудное возвращение в Россию. Советская юстиция, 16: 1.
- Тарновский Е.Н. 1899. Итоги русской уголовной статистики 1874–1894 годы. СПб., Типография Правительствующего Сената, 407 с.
- Тарасов А.А., Гарифуллина О.Р. 2011. Народное участие в правосудии: вопросы теории, истории и современного состояния в постсоветских государствах. Вестник ТГУПБП, 1(45): 12–25.
- Тимофеев Н.П. 1881. Суд присяжных в России: судебные очерки. М., тип. А.И. Мамонтова, 48 с.
- Трофимова О.Ю. 2006. Институт присяжных заседателей: история и современность. Чебоксары, Чуваш. гос. Ун-т, 87 с.

References

- Bobrishchev-Pushkin A.M. 1896. Empiricheskie zakony deyatel'nosti russkogo suda prisyazhnnyh [Empirical laws of the activity of the Russian jury]. M., journal «Russkaya mysl'», 624 p.
- Demichev A.A. 1997. Sud prisyazhnnyh v Rossii: periodizaciya [Jury trial in Russia: periodization. In the book]. In: 100 let XVI Vserossijskoj promyshlennoj i hudozhestvennoj vystavke v Nizhnem Novgorode [100 years of the XVI All-Russian Industrial and Art Exhibition in Nizhny Novgorod]: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (N. Novgorod, September 3–5, 1996). N. Novgorod, KiTizdat: 89–91.
- Il'yuhov A.A. 2015. Sud prisyazhnnyh v Rossii: istoriya ego stanovleniya i razvitiya [Jury trial in Russia: the history of its formation and development]. Istorya gosudarstva i prava, 23: 34–41.
- Novikova E.S. 2004. Jury trial in Russia: formation and development: On the example of the Stavropol province: Abstract. dis. ... candidate of historical sciences. Stavropol', 22 p. (In Russian)
- Rudnev V. 1993. Sud prisyazhnnyh: trudnoe vozvrashchenie v Rossiyu [Jury trial: a difficult return to Russia]. Sovetskaya yusticiya. 16: 1. (In Russian)
- Tarnovskij E.N. 1899. Itogi russkoj ugolovnoj statistiki 1874–1894 gody [The results of Russian criminal statistics 1874–1894]. SPb., Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 407 p.
- Tarasov A.A., Garifullina O.R. 2011. Narodnoe uchastie v pravosudii: voprosy teorii, istorii i sovremenennogo sostoyaniya v postsovetskih gosudarstvah [People's participation in justice: issues of theory, history and the current state in post-Soviet states]. Vestnik TGUPBP, 1(45): 12–25.
- Timofeev N.P. 1881. Sud prisyazhnnyh v Rossii: sudebnye ocherki [Jury trial in Russia: judicial essays]. M., tip. A.I. Mamontova, 48 p.
- Trofimova O.YU. 2006. Institut prisyazhnnyh zasedatelej: istoriya i sovremennost' [Institute of Jurors: history and modernity]: tekst lekcij. Cheboksary, Chuvash. gos. Un-t, 87 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коциомбас Михаил Сергеевич, студент юридического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Kotumbas, 1st year student of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

УДК 342.9 : 343.8 : 343.9 : 340.1
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-314-326

Административные правонарушения и противоправное поведение несовершеннолетних: вопросы профилактики, правового просвещения и правового информирования в РФ

1 Мельникова О.В., 2 Сапогов В.М.

¹ Псковский филиал Академии ФСИН России,

Россия, 180014, г. Псков, Зональное шоссе, 28,

E-mail: olgaleshchenko@hotmail.com

² Псковский государственный университет,

Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, 2

E-mail: dikbul@yandex.ru

Аннотация. Национальным приоритетом нашей страны второе десятилетие подряд выступает обеспечение благополучного и безопасного детства. Сформировавшаяся система взглядов и принципов, существующие направления, формы и методы профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, основанные на нормах действующего законодательства, позволяют создать условия для формирования законопослушной личности в подростковом возрасте. Однако правоприменительная практика и криминогенная обстановка в некоторых регионах России требуют проработки отдельных вопросов профилактики противоправного поведения среди несовершеннолетних. Анализ статистических данных о преступлениях и правонарушениях, совершенных несовершеннолетними в России за период с 2016 по 2021 год, позволил рассмотреть специфику одной из форм профилактического воздействия в виде правового просвещения и правового информирования, установить ее влияние на становление правомерного поведения подростков в обществе. Основой исследования выступили нормы права, регламентирующие вопросы профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних, деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации. Изучение возрастных особенностей юношеского возраста, правового сознания несовершеннолетних, активно пользующихся ресурсами интернет-пространства, позволили разработать ряд предложений в профилактике правонарушений и противоправного поведения подростков в обществе, которые в дальнейшем могут использоваться органами государственной власти, правоохранительными органами и образовательными организациями. Отмечено, что совместная профилактическая деятельность предусматривает правовое просвещение не только самих несовершеннолетних, но их родителей и иных законных представителей.

Ключевые слова: несовершеннолетние, правонарушения, преступления, противоправное поведение, подростки, родители, профилактика правонарушений, правосознание, правовое просвещение, правовое информирование

Для цитирования: Мельникова О.В., Сапогов В.М. 2022. Административные правонарушения и противоправное поведение несовершеннолетних: вопросы профилактики, правового просвещения и правового информирования в РФ. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 314–326. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-314-326

Administrative Offenses and Illegal Behavior of Minors: Issues of Prevention, Legal Education and Legal Information in the Russian Federation

¹Melnikova O.V., ²Sapogov V.M.

¹Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
28 Zonal Highway, Pskov 180014, Russia,
E-mail: olgaleshchenko@hotmail.com

²Pskov State University,
32 pl. Lenina, Pskov 180000, Russia,
E-mail: dikbul@yandex.ru

Abstract. For the second decade in a row, the national priority of our country has been the provision of a prosperous and safe childhood. The formed system of views and principles, the existing directions, forms and methods of preventive work with juvenile delinquents, based on the norms of the current legislation, allow creating conditions for the formation of a law-abiding personality in adolescence. However, law enforcement practice and the criminogenic situation in some regions of Russia require the study of certain issues of preventing illegal behavior among minors. BUTanalysis of statistical data on crimes and offenses committed by minors in Russia for the period from 2016 to 2021, including in some constituent entities of the Federation (Rostov region, Vologda region, Irkutsk region) made it possible to consider the specifics of one of the forms of preventive impact in the form of legal education and legal information, to establish its influence on the formation of the lawful behavior of adolescents in society. The basis of the study was the rule of law governing the prevention of juvenile delinquency and crime, the activities of juvenile departments of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The study of the age characteristics of adolescence, the legal consciousness of minors who actively use the resources of the Internet space, made it possible to develop a number of proposals for the prevention of offenses and illegal behavior of adolescents in society, which can later be used by state authorities, law enforcement agencies and educational organizations. It is noted that joint preventive activities provide for legal education not only of minors themselves, but of their parents and other legal representatives.

Keywords: minors, offenses, crimes, illegal behavior, adolescents, parents, prevention of offenses, legal awareness, legal education, legal information

For citation: Melnikova O.V., Sapogov V.M. 2022. Administrative Offenses and Illegal Behavior of Minors: Issues of Prevention, Legal Education and Legal Information in the Russian Federation. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 314–326 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-314-326

Введение

Важным направлением деятельности Российского государства выступает противодействие преступности в обществе, профилактика и предотвращение противоправного поведения со стороны граждан. Это обусловлено тем, что общественный порядок и общественная безопасность являются одной из главных задач современной государственной политики России.

Сегодня в нашей стране проживает около 147 млн людей¹. Достигнут исторический максимум по численности детей и подростков – 30 млн человек². В среднем на 10 тысяч человек приходится 13 детей в возрасте до 17 лет, родители которых лишены родитель-

¹ Численность населения России по переписи оценили в 147 миллионов человек. РИА новости от 08.04.2022 [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20220408/naselenie-1782540292.html> Дата доступа: 28.04.2022.

² Доля детей в численности населения РФ достигла исторического максимума. РИА новости от 01.06.2020 [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20200601/1572265452.html> Дата доступа: 28.04.2022.

ских прав¹. Все чаще в отношении родителей применяется временная мера в виде ограничения родительских прав.

На территории России ежедневно несовершеннолетние лица, их родители или иные законные представители (опекуны, попечители, усыновители) привлекаются к различным видам административных наказаний. Употребление подростками и молодежью наркотиков, токсических веществ и иных психотропных веществ, а также алкоголя и спиртосодержащей продукции – достаточно распространенное явление. В школьном возрасте увеличивается число деструктивных проявлений со стороны несовершеннолетних.

Современные исследователи А.З. Арсланбекова и З.М. Абдусаламова [2017] отмечают несовершенство системы раннего предупреждения правонарушений несовершеннолетних и отсутствие универсального метода или технологии в работе с подростками, состоящими на различных видах профилактического учета. Несмотря на внимание исследователей к данной проблеме (интересны, например, работы И.М. Магомадовой [2022], которая описывает подходы и принципы, применяемые в педагогико-правовой дидактике, С.В. Велиевой [2015], где подробно рассмотрены особенности отклоняющегося поведения подростков), совершение подростками административных правонарушений и противоправных деяниях остается серьезной проблемой современного общества, поэтому особое внимание следует уделить их возрастным особенностям и вопросам профилактики правонарушений, в том числе рассмотрев практику некоторых регионов Российской Федерации.

Гипотеза исследования заключается в рассмотрении правового просвещения и правового информирования как одной из наиболее эффективных форм профилактического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, преступников, а также их родителей (законных представителей). Для повышения качества профилактической работы с несовершеннолетними, совершившими административные правонарушения (преступления), предупреждения совершения ими повторных противоправных деяний, становления законопослушного поведения анализируется деятельность областных межведомственных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в отдельных субъектах РФ, формулируются обоснованные выводы и вносятся предложения по результатам проведенного исследования правосознания современного «цифрового поколения».

Основные методы, использованные авторами: диалектический метод познания, общеначальные (анализ и синтез, индукция и дедукция, определение, классификация и сравнение, аналогия и обобщение) и частнонаучные (социологический, сравнительно-правовой, формально-юридический) методы логического познания.

Обзор статистических данных о преступности, правонарушениях несовершеннолетних и их родителей (законных представителей) за 2016–2021 годы

Нормами российского законодательства установлен возраст, по достижении которого наступают различные виды ответственности для несовершеннолетних. Так, административная ответственность наступает для лиц, достигших к моменту совершения административного правонарушения возраста 16 лет (ст. 2.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ), а уголовная ответственность – по общему правилу с 16 лет, а в некоторых случаях с 14 лет (ст. 20 Уголовного кодекса РФ). Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 105, 111, 112, 126, 131, 132, 158, 161, 162, 163, 166, ч. 2 ст. 167, ст. 205, 205.3, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ст. 205.6, 207, ч. 2 ст. 208, ст. 211, ч. 2 ст. 212, ч. 2 и 3 ст. 213, ст. 214, 221.1, 223.1, 226, 229, 267, 277, 360, 361 Уголовного кодекса РФ.

¹ Семья и дети в России. 2021: Стат. сб./ Росстат, Общественная палата Российской Федерации, 2021. 116 с. [Электронный ресурс]. <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1995&p=attachment> Дата доступа: 28.04.2022.

Проведенный анализ статистических данных федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, размещенных в открытом доступе на официальном сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ¹, позволяют сказать об устойчивости основных показателей судимости несовершеннолетних за период с 2016 по 2020 год и охарактеризовать ее социально-демографическую структуру:

- совершили преступления более 92 % лиц мужского пола;
- в возрасте 16–17 лет совершили преступления около 70 % несовершеннолетних;
- являлись учащимися на момент совершения преступления около 66 % подростков, нигде не учились и не работали – 30 %;
- в полной семье либо в семье с одним родителем воспитывалось по 45 % соответственно, вне семьи – 9 %.

Если обратиться к общей структуре судимости, то на момент совершения преступления не были ранее судимы и состояли на учете в специализированных органах 15,9 % несовершеннолетних, что на 1,3 % меньше показателя 2016 года (17,2 %). Количественные показатели преступности несовершеннолетних в 2020 году составили 2,3 тыс. человек (в 2016 г. – 4,1 тыс. человек). За последние пять лет подростковая преступность сократилась на 43,2 %.

В составе группы совершают преступления 50 % несовершеннолетних, при этом около 20 % из них – при участии взрослых. Абсолютные значения статистики судимости несовершеннолетних лиц в групповых преступлениях снизились с 2016 года на 36,5 % – с 11,8 тыс. лиц в 2016 г. до 7,5 тыс. лиц в 2020 г.

Показатель судимости лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте в состоянии алкогольного опьянения, составил в 2020 г. 11,2 %, что на 3,1 % меньше показателя в 2016 г. (14,3 %). За последние пять лет число таких лиц уменьшилось на 51,9 % – с 3,4 тыс. лиц в 2016 г. до 1,6 тыс. лиц в 2020 г.

В наркотическом или ином опьянении совершили преступления 0,3 % или 48 несовершеннолетних, признанных судами виновными (в 2016 году – 0,7 % или 159 лиц)².

Обобщенные результаты деятельности областных межведомственных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав отдельными регионами нашей страны за последние три года (2019–2021 гг.) позволяют исследовать динамику основных показателей административных правонарушений несовершеннолетних и их родителей (законных представителей).

Комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных районов и городских округов Вологодской области в 2020 году было проведено 690 заседаний. За указанный период времени поступило 11 175 административных материалов, что на 11 % меньше, чем в 2019 году, а рассмотрено 11 222 административных материалов (в 2019 году – 12 282).

По итогам рассмотрения административных материалов были вынесены постановления по пункту 1 части 1 статьи 29.9 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее по тексту – КоАП РФ) о назначении административного наказания:

- несовершеннолетним в виде штрафа – 6 174 (55 %), в виде предупреждения – 4 214 (38 %);
- родителям (лицам их замещающим) в виде штрафа – 3 880, в виде предупреждения – 2927;
- иным лицам в виде штрафа – 225.

¹ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOУ_2020.pdf Дата доступа: 21.04.2022.

² Там же.

Кроме того, 2 050 человек было привлечено к административной ответственности в соответствии с закон Вологодской области от 08.12.2010 № 2429-ОЗ «Об административных правонарушениях в Вологодской области»¹.

В 2020 году численность несовершеннолетних, в отношении которых различными органами и учреждениями системы профилактики Вологодской области проводилась индивидуальная профилактическая работа составила 4 570 (на конец года). Всего в течение 2020 года индивидуальная профилактическая работа проводилась в отношении 5 948 несовершеннолетних.

Рассмотрим результаты деятельности областной межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в *Ростовской области*. В 2021 году было проведено 4 994 рейда. Общее количество лиц, состоящих на профилактическом учете и в отношении которых проводились проверки, составило 5 454 человека, в том числе 3 433 несовершеннолетних и 2021 родителей (законных представителей). За неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию подростков (ст. 5.35 КоАП РФ) было привлечено 4 108 чел., за нахождение несовершеннолетних в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (ст. 20.22 КоАП РФ) – 181 чел., а также за другие виды административных правонарушений – 579 чел. (ст. 6.10 – 412 чел., ст. 14.16 – 48 чел., ст. 20.1 – 64 чел., ст. 20.20 – 26 чел., ст. 20.21 – 29 чел.). Всего к административной ответственности в ходе проведения рейдов было привлечено 4 868 родителей (законных представителей).

Рассмотрим практику проведения индивидуальной профилактической работы с подростками в Ростовской области в 2021 году.

Органами и учреждениями системы профилактики Ростовской области в 2021 году проводилась индивидуальная профилактическая работа с 7 420 несовершеннолетними, из них:

- 1392 чел. совершили правонарушение и к ним были применены меры административного взыскания;
- 993 чел. употребляли без назначения врача алкогольную и спиртосодержащую продукцию, наркотики, токсические вещества и прочие психотропные вещества;
- 492 чел. совершили преступление, но в связи с не достижением возраста уголовной ответственности (14 или 16 лет) не подлежали установленной законом ответственности;
- 107 чел. были осуждены условно или к иным мерам альтернативных видов уголовных наказаний (обязательные работы, исправительные работы и др.);
- 15 чел. были осуждены к лишению свободы за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, но были освобождены от отбывания наказания в воспитательных колониях в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия².

За 2021 год 1 435 родителей (иных законных представителей) привлечены к административной ответственности за нарушение требований закона Ростовской области от 16.12.2009 № 346-ЗС «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию».

Если обратится к данным о состоянии преступности и правонарушений несовершеннолетних, профилактике деструктивных проявлений несовершеннолетних, а также противоправных действиях, совершенных в отношении несовершеннолетних на территории *Иркутской области* в 2019 году, то можно отметить, что криминальная активность под-

¹ Отчет о работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Вологодской области в 2020 году [Электронный ресурс]. <https://kgzisb.gov35.ru/images/отчет%20для%20размещения.pdf> Дата доступа: 22.04.2022.

² О результатах работы областной межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также о мерах по решению проблем детской безнадзорности и правонарушений в Ростовской области по итогам 2021 года. Официальный портал Правительства Ростовской области [Электронный ресурс]. <https://www.donland.ru/result-report/1346/> Дата доступа: 21.04.2022.

ростков в возрасте от 14 до 17 лет снизилась и составила 11,9 % на 1 тыс. населения. Однако в 12 муниципальных образованиях Иркутской области зафиксирован рост подростковых преступлений. Наибольший рост наблюдался в Зиминском районе (на 68,8 %), Тайшетском районе (на 65,4 %), Эхирит-Булагатском районе (на 42,9 %), Куйтунском районе (на 38,1 %), городе Братске (на 35,7 %), Ольхонском районе (на 33,3 %).

Количество несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности в 2019 году в Иркутской области составило до 1 280 человек. Большинство несовершеннолетних совершили уголовно-наказуемые деяния в возрасте 16–17 лет (794 из 1 280 или 62 %), 38 % – это несовершеннолетние в возрасте 14–15 лет (487 из 1 280).

К административной ответственности за совершение правонарушений в сфере антиалкогольного и антинаркотического законодательства привлечено в 2019 году 660 несовершеннолетних (573 и 87 соответственно), а также 597 родителей (иных законных представителей) несовершеннолетних.

Представителями районных (городских), районных в городах комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных образований Иркутской области в 2019 году было организовано и проведено 1 677 заседаний. За нарушение норм КоАП РФ за данный период времени было рассмотрено 16 883 протокола об административных правонарушениях, из них: 2 636 – в отношении несовершеннолетних; 14 100 – в отношении родителей (законных представителей).

За нарушение закона Иркутской области от 05.03.2010 № 7-ОЗ «Об отдельных мерах по защите детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие, в Иркутской области» (далее – закон Иркутской области от 05.03.2010 № 7-ОЗ) было рассмотрено в 2019 году 3 386 протоколов об административных правонарушениях.

По результатам рассмотрения протоколов об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних было вынесено 2 188 постановлений о назначении административного наказания (2018 г. – 2 229; снижение на 1,8 %), в отношении родителей (законных представителей) – 12 877 (2018 г. – 14 926; снижение на 13,7 %).

К административной ответственности по части 1 статьи 5.35 КоАП РФ было привлечено 94,2 % родителей (законных представителей), или 12 133 человек.

За нарушение статьи 9 закона Иркутской области от 05.03.2010 № 7-ОЗ в связи с неисполнением несовершеннолетними образовательных организаций без уважительных причин было привлечено 3 339 родителей (законных представителей).

Кроме этого, 539 родителей (законных представителей) привлечены к административной ответственности за потребление несовершеннолетними алкогольных напитков (статья 20.22 КоАП РФ), снижение относительно 2018 года на 27,4 %¹.

Среди регионов Российской Федерации наибольший удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступления в 2021 году, распределился следующим образом: Еврейская автономная область – 6,4 %, Магаданская область – 6,3 %, Новгородская область – 6,0 %, Республика Тыва – 5,6 %, Республика Карелия – 5,5 %, Иркутская область, Забайкальский край, Новосибирская область – по 5,3 % соответственно, Республика Бурятия – 5,2 %, Кемеровская область (Кузбасс) – 5,0 %². В остальных регионах нашей страны показатели преступности несовершеннолетних гораздо ниже.

¹ Отчет о работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Иркутской области в 2019 году [Электронный ресурс]. <https://gospotrebnadzor.irkobl.ru/sites/kdnizp/doc/report/Otchet%20po%20profilaktike%202019.pdf> Дата доступа: 22.04.2022.

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> Дата доступа: 22.04.2022.

Практика отдельных регионов Российской Федерации и общероссийская статистика о преступлениях, административных правонарушениях, противоправных деяниях несовершеннолетних свидетельствует о важной роли в профилактике правонарушений именно субъектов РФ. Разрабатываемые в регионах нашей страны программы профилактики имеют ряд специфических особенностей и привязку к местности. Это связано с культурными ценностями, традициями, вероисповеданием, уровнем преступности и криминологической обстановкой в конкретном регионе. Изученные статистические данные о преступности и правонарушениях несовершеннолетних Ростовской области, Вологодской области, Иркутской области за 2019–2021 годы подтверждают данное суждение.

Возрастные особенности несовершеннолетних и противоправное поведение в обществе

Процесс профилактики правонарушений несовершеннолетних представляется достаточно трудоемким и требует особого внимания к изучению возрастных особенностей юношеского возраста и личности подростков (индивидуумов). Рассмотрим суть данных особенностей и определим их влияние на правовое поведение несовершеннолетних в обществе (законопослушное либо противоправное).

Способность подростков осознавать значение своих поступков и нести за них ответственность говорит о синтезивности становления морального сознания в процессе их взросления. Теория морального развития Л. Конберга, подробно описанная Яном Стюартом-Гамильтоном [Стюарт-Гамильтон, 2002] позволяет разделить развитие морального сознания на три этапа: 1) доморальный уровень (до 7 лет), 2) уровень конвенционной морали (7–12 лет), 3) уровень автономной морали (с 13 лет). Доморальный уровень сознания развивается при выполнении определенных правил и в конечной цели ориентирован на принуждение либо наказание, либо личную выгоду в поступках. Внешние нормы поведения проявляются в конвенционном уровне морального развития, и выражены в поддержании установленного порядка либо получении одобрения. Ориентация на самостоятельную систему принципов и внутренние установки личности происходит на этапе развития автономной морали.

Исследования Лоуренса Конберга доказывают, что личностное самоопределение (понимание своего места в обществе, сущности происходящего в мире), формирование четких ориентиров и постановка важных жизненных задач, подчинение принятым моральным требованиям в обществе происходят именно в юношеском возрасте, то есть в период развития личности, когда конвенционная мораль сознания (в возрасте 7–12 лет) переходит к автономной морали (с 13 лет) [Kohlberg, 1973]. В данный возрастной период подростки способны делать самостоятельный выбор и находить решения в происходящей вокруг действительности, могут определиться с родом деятельности в будущем либо подобрать профессию, которая им кажется наиболее подходящей и соответствует морально-му самоопределению.

В юношеском возрасте возрастает потребность в общении с друзьями, сверстниками, информационный канал взаимодействия с окружающим миром основан на групповой принадлежности. Также в данный период развития личности формируются нужные навыки социального взаимодействия. Подростки испытывают потребность в постоянном эмоциональном контакте [Петровский, 1973, с. 78].

В связи с развитием информационных технологий, подростки проводят в сети Интернет, в том числе в социальных сетях, мессенджерах, в режиме онлайн около 6 часов ежедневно¹. Информация, получаемая несовершеннолетними в таком формате, не может

¹ Как меняется сознание человека в эпоху цифровых технологий. Заседание Евразийского научно-исследовательского Института Человека на тему: «Новая идеология цифровой цивилизации: сознание, погруженное в Интернет. Как непрерывная информационная доступность отражается на умственных способ-

обеспечить весь эмоциональный спектр, который возможно получить лишь при живом общении. В связи с этим восприятие молодежью реального мира, их правовые взгляды и представления не совпадают с социально-правовой действительностью.

Итак, возрастные особенности, свойственные юношескому возрасту, позволяют оценить уровень морального развития подростка, характеризовать его личность, мировоззренческие взгляды, социальные и правовые установки, установить влияние сформировавшихся взглядов на правомерность либо противоправность поступков как на этапе ранней юности в 16–18 лет, так и позднее – 18–25 лет.

Данный возраст – этап общей и правовой социализации личности (индивидуума), в котором усваиваются основные ценности, нормы, правила поведения и навыки, неразрывно связанные с процессом формирования правосознания и правового воспитания.

Правовые основы профилактики правонарушений несовершеннолетних

В соответствии с Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» система мер профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних предусматривает общую и индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними, их родителями или иными законными представителями.

К безнадзорным и беспризорным несовершеннолетним, а также подросткам, подвергнутым принудительным мерам воспитательного воздействия, применяются меры по их социальной адаптации. Законодателем отмечается, что данные лица находятся в трудной жизненной ситуации и им необходимо оказать содействие в реализации их конституционных прав и свобод, а также помочь в трудовом и бытовом устройстве (ст. 24 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»).

В соответствии со ст. 18 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о профилактике правонарушений) одной из форм профилактического воздействия на несовершеннолетних является правовое просвещение и правовое информирование. В качестве специфического способа информирования Закон о профилактике правонарушений называет профилактическую беседу.

Под профилактической беседой понимается разъяснение лицу, в отношении которого применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, его моральной и правовой ответственности перед обществом, государством, социальными и правовыми последствий продолжения антиобщественного поведения [Ефремова, 2018].

В приложении к приказу МВД России от 15.10.2013 № 845 «Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних по профилактике правонарушений несовершеннолетних посвящена пятая глава.

В целях профилактики правонарушений несовершеннолетних, своевременного выявления и устранения причин и условий, способствующих их совершению, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних (далее ПДН), согласно п. 33.7.1 указанного приказа, оказывают содействие администрации образовательных учреждений в организации правовой пропаганды.

Приложением к письму Минпросвещения России, МВД России, Минобрнауки России от 02.11.2020 № 07-6607, 12/5351, МН-11/1548 «Рекомендации об организации межведомственного взаимодействия и обмена информацией между образовательными органи-

ностях человека. Проблемы фильтрации информации и снижение нагрузки на память» [Электронный ресурс]. <http://sei.usue.ru/sobytiya/597-kak-menyaetsya-soznanie-cheloveka-v-epokhu-tsifrovych-tehnologij/> Дата доступа: 30.04.2022.

зациями и органами внутренних дел о несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, а также о выявленных несовершеннолетних «группы риска» определены важные, на наш взгляд, направления совместной профилактической деятельности субъектов профилактики в течение учебного года.

Так, в рамках совместной профилактической деятельности предусмотрено правовое просвещение несовершеннолетних обучающихся и их родителей (законных представителей). В этих целях инспектора ПДН размещают на информационных стендах образовательных организаций наглядные материалы по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, выписки из нормативных правовых актов и законодательства Российской Федерации. Лекционные занятия и беседы с обучающимися и их родителями (опекунами, попечителями, усыновителями), проводимые инспекторами ПДН, направлены на пропаганду законопослушного и безопасного поведения подростков в обществе. Популяризация здорового образа жизни, правила поведения в общественных местах, правовая тематика достаточно часто выступают предметом обсуждения на классных часах и родительских собраниях в образовательных организациях с участием инспектора ПДН.

Сотрудники подразделений по противодействию экстремизму, контролю за оборотом наркотиков, Госавтоинспекции в пределах своей компетенции осуществляют агитационно-пропагандистские, правовые и просветительские мероприятия, направленные на профилактику экстремизма и терроризма среди несовершеннолетних обучающихся, на предупреждение распространения наркомании в подростковой среде, и обучают безопасности дорожного движения.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации о профилактике правонарушений и в целях правового просвещения и правового информирования субъекты профилактики правонарушений (федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры РФ, следственные органы Следственного комитета РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления) или лица, участвующие в профилактике правонарушений, доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств. Такая информация может доводиться путем применения различных мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного или методического характера. К примеру, деятельность прокуратуры по предупреждению противоправных действий со стороны несовершеннолетних может осуществляться как в процессе прокурорского надзора, так и впоследствии при реализации ненадзорных функций. Одним из таких направлений ненадзорной деятельности является правовое просвещение.

Отметим, что просветительская деятельность всегда выполняла несколько функций: это и расширение кругозора индивида, и обретение им правильной социальной ориентации. Пропагандистская работа во всех средствах массовой информации, социальных сетях и иных технологиях способствует достижению позитивного результата, а значит, повышает эффективность правового просвещения несовершеннолетних.

Сегодня профилактическая деятельность прокуратуры осуществляется в различных регионах посредством правового просвещения и информирования и обладает региональной спецификой. Это связано с особенностями правового менталитета и правовой культуры граждан, проживающих на данных территориях [Долидзе, Ионкина, 2021].

Итак, правовое просвещение молодежи в целях профилактики административных правонарушений и противоправного поведения в обществе осуществляется как правоохранительными органами и органами государственной власти, так и образовательными организациями, культурными учреждениями, некоммерческими и волонтерскими объединениями. Правовое просвещение и правовое информирование несовершеннолетних выступают одной из форм профилактического воздействия.

Правовое просвещение и правовое информирование несовершеннолетних и их родителей (законных представителей)

В целях повышения эффективности мер профилактики правонарушений и противоправного поведения несовершеннолетних, недопущения укоренения в сознании подростков жестокости, агрессии, презрения, цинизма, искажения социально-правовых представлений об обществе и государстве, отклонений в поведении, восприятии, мышлении, а также для предотвращения формирования деформаций (дефектов) их правосознания целесообразно использовать наиболее адаптированные под современные условия информатизации и цифровизации общества формы и способы осуществления правового просвещения и правового информирования.

Напомним, что правовая культура как разновидность общественной культуры представляет определенный способ организации жизнедеятельности общества, который зависит от степени освоения и использования обществом правовых знаний, ценностей (уровня правосознания) и выражается в правовом поведении граждан. В связи с этим правовые установки выступают механизмом внутреннего руководства к совершению поступков, что порождает правовое состояние субъекта в правомерном либо противоправном виде [Власова и др., 2022].

Важность правового просвещения граждан нашей страны, развития высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины отмечается и в нормативных правовых актах, среди которых можно назвать следующие: «Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168, государственная программа «Юстиция» 2014 года, Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках национального проекта «Образование» 2018 года, «Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года», «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы», «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», «Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года», «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». В указанных документах акцентируется внимание государства к благам и ценностям российских граждан и подчеркивается важность правового просвещения населения, в том числе молодежи.

Действующие в настоящее время государственные программы, национальные стратегии, концепции недостаточно адаптированы под молодежь, которая с раннего возраста ориентируется на бесконтактное взаимодействие в виртуальном пространстве, «встраивается» в гибридный способ существования в онлайн- и офлайн-среде. «Продвинутая в цифре» молодежь подвержена рискам маргинализации, бедности, отчуждения и социальной эксклюзии как и NEET-молодежь, которая нигде не учится и не работает [Буланова, 2018]. Так как правовая жизнь современного подростка состоит не только из правомерных начал, но и из проявлений противоправной направленности (совершение правонарушений в социуме и в цифровой среде, участие в различного рода злоупотреблениях, в том числе в окружении взрослых и/или при их содействии), то подросткам свойственны и деформации правосознания, и низкий уровень правовой культуры. Аналогичное можно сказать и об их родителях и иных законных представителях, которые лишились родительских прав либо ограничивались в них, а также подвергались иным видам административных наказаний за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию детей.

У несовершеннолетних, являющихся активными интернет-пользователями (особенно социальных сетей), формируется так называемое клиповое мышление, которое характеризуется короткими фразами и мыслями, неумением сосредоточиться на любой информа-

мации на долгое время. Средства массовых информаций, агрессивный маркетинг Интернета, общение и онлайн-жизнь в виртуальном социуме оказывают сильное воздействие на правосознание подростков и влияют на правомерность их поступков. В связи с этим важное место в профилактике административных правонарушений отводится деятельности в сфере правового просвещения и правового информирования подростков. Субъектами профилактической деятельности будут выступать лица, создающие условия и способствующие проявлению патриотических качеств несовершеннолетних, формированию положительных свойств личности – это родители (законные представители), педагоги, правоохранительные органы, органы местного самоуправления.

Правовое сознание несовершеннолетних, совершивших правонарушения

Правовое информирование и просвещение «цифровых детей», преступивших закон и совершивших правонарушение (преступление) представляется достаточно непростой мерой профилактической работы.

Проведенное нами в регионах Северо-Западного федерального округа России в начале 2022 года исследование количественных и качественных характеристик правового сознания несовершеннолетних, активно использующих в своей жизни сеть Интернет, позволяет сделать вывод об отсутствии у большинства опрошенных объективных представлений о праве как особом социальном явлении. При удовлетворительной правовой осведомленности у значительной части несовершеннолетних старшего подросткового возраста отсутствует потребность соблюдать правовые предписания в виртуальном пространстве.

Анализ сформированности сферы направленности компонентов правосознания (логико-нормативного, эмоционально-образного и принципиально-волевого) исследуемой категории несовершеннолетних позволил выявить незрелость их правового мышления, несоответствие имеющихся теоретико-правовых представлений и потребностей их реализации в повседневной жизни, неустойчивость правосообразных установок и убеждений, что приводит к дефективному развитию их правового сознания и как следствие противоправному поведению в обществе.

В отличие от реальной действительности, в которой подросток сталкивается с позитивными и негативными процессами и явлениями правовой жизни общества, в информационной среде право и все, что с ним связано, могут представляться в гипертроированном или искаженном виде, наполненном игровыми или фейковыми смыслами. Стремительная сетевой коммуникации подростков солидарность, выражаемая в виде комментариев, лайков, репостов относительно событий государственно-правовой жизни общества, вызывавших их сочувствие и поддержку, вероятно, основана на случайно возникшем эмоциональном всплеске, так как уровень сформированности правового самосознания несовершеннолетнего может быть таким, что он не в состоянии дать объективную оценку, соответствует ли информация правовой действительности, лежит ли в ее основе правомерное содержание.

Создающая в сознании ребенка иллюзия анонимности сети Интернет, позволяет несовершеннолетним сбиваться в виртуальные стаи и создает условия для вовлечения в группы, склоняющие к асоциальным, опасным поступкам, и эти группы управляются и имеют своих организаторов, которые стимулируют членов группы к определенному поведению и направляют угрозы непокорным участникам.

Таким образом, при реализации форм профилактического воздействия на несовершеннолетних и их родителей (законных представителей) в виде правового просвещения и правового информирования отдельное внимание следует уделять повышению уровня правовой культуры, изменению сферы направленности правосознания и преодолению имеющихся его дефектов (деформаций).

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к осмыслению следующих вопросов и проблем в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних и их противоправного поведения в обществе, которые требуют дальнейшей проработки:

1) программы профилактики правонарушений несовершеннолетних обладают региональной спецификой и имеют ряд особенностей, связанных с менталитетом и правовой культурой граждан, проживающих в конкретном субъекте Российской Федерации, с их ценностями, традициями, вероисповеданием, а также с уровнем преступности и с криминологической обстановкой;

2) изучение личности подростка, склонного к противоправному поведению в обществе и совершившего преступление, правонарушение предполагает рассмотрение юношеского возраста как этапа общей и правовой социализации личности (индивидуума), в котором усваиваются основные ценности, нормы, правила поведения и навыки, неразрывно связанные с процессом формирования правосознания и правовой культуры;

3) при проведении общей и индивидуальной профилактической работы, организации профилактических бесед в виде правового просвещения и правового информирования подростков и их родителей (законных представителей) целесообразно использовать подходы и принципы, применяемые в педагогико-правовой дидактике (педагогической юриспруденции)

4) для повышения эффективности профилактической деятельности с несовершеннолетними целесообразно модернизировать существующие формы, методы и средства информационно-правового пространства, ориентированные на формирование правовой компетентности несовершеннолетних в цифровой среде и их групповой идентичности на правообразной основе;

5) для формирования позитивной социокультурной среды, поддержания здорового образа жизни, повышения правовой грамотности, культуры и компетентности подростков, склонных к деструктивному, аддиктивному либо иному виду отклоняющегося поведения, следует повысить качество правопросветительских и правово-спiritуальных мероприятий, проводимых в образовательных организациях в игровой форме, в которых несовершеннолетние смогут спроектировать на себя результат противоправного поведения в обществе в виде наступившей уголовной, административной и иного вида ответственности.

Список литературы

- Буланова М.Б. 2018. NEET-молодежь: опыт международной диагностики. Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение», 3(13): 54–62. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-3-54–62.
- Велиева С.В. 2015. Первичная профилактика аддиктивного поведения у подростков: организационно-психологические подходы. Вестник психиатрии и психологии Чувашии, 11(4): 107–123.
- Власова Г.Б., Дроздова А.М., Ковалев В.В., Мельникова О.В., Ряснянская Н.А. 2022. Исследование актуальных проблем уровня и формирования правосознания и правовой культуры современной студенческой молодежи. Под общ. ред. А.М. Дроздовой. Т. 2. М., Изд-во Инфра-М. 260 с.
- Долидзе Н.И., Ионкина Р.С. 2021. Современные технологии правового просвещения и правового информирования как инструмент профилактической деятельности прокуратуры. Российский следователь, 9: 54–57.
- Ефремова Е.С. 2018. Об институте убеждения в налоговом праве. Налоги, 3: 8–11.
- Магомадова И.М. 2022. Особенности, основные положения и виды дидактических принципов в юридическом образовании. Современное педагогическое образование, 3: 55–61.

- Петровский А.В. 1973. Опыт построения социально-психологической концепции групповой активности. Вопросы психологии, 5: 3–18.
- Сьюарт-Гамильтон Я. 2002. Что такое психология. СПб., Изд-во Питер. 304 с.
- Kohlberg L. 1973. The Claim to Moral Adequacy of a Highest Stage of Moral Judgment. Journal of Philosophy, 70: 630–646.

References

- Bulanova M.B. 2018. NEET-molodezh': opty mezdunarodnoj diagnostiki [NEET-youth: experience of international diagnostics]. Vestnik RGGU. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie, 3(13): 54–62. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-3-54-62.
- Velieva S.V. 2015. Pervichnaya profilaktika addiktivnogo povedeniya u podrostkov: organizacionno-psihologicheskie podhody [Primary prevention of addictive behavior in adolescents: organizational and psychological approaches]. Vestnik psichiatrii i psichologii Chuvashii, 11(4): 107–123.
- Vlasova G.B., Drozdova A.M., Kovalev V.V., Mel'nikova O.V., Ryasnyanskaya N.A. 2022. Issledovanie aktual'nyh problem urovnya i formirovaniya pravosoznaniya i pravovoij kul'tury sovremennoj studencheskoj molodezhi [The study of topical problems of the level and formation of legal consciousness and legal culture of modern students]. Vol. 2. M., Publ. Infra-M. 260 p.
- Dolidze N.I., Ionkina R.S. 2021. Sovremennye tekhnologii pravovogo prosveshcheniya i pravovogo informirovaniya kak instrument profilakticheskoy deyatel'nosti prokuratury [Modern technologies of legal education and legal information as a tool for preventive activities of the prosecutor's office]. Rossijskij sledovatel', 9: 54–57.
- Efremova E.S. 2018. Ob institute ubezhdeniya v nalogovom prave [About the institution of persuasion in tax law]. Nalogi, 3: 8–11.
- Magomadova I.M. 2022. Osobennosti, osnovnye polozheniya i vidy didakticheskikh principov v yuridicheskem obrazovanii [Features, main provisions and types of didactic principles in legal education]. Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie, 3: 55–61.
- Petrovskij A.V. 1973. Opty postroeniya social'no-psihologicheskoy koncepcii gruppovoj aktivnosti [Experience in building a socio-psychological concept of group activity]. Voprosy psichologii, 5: 3–18.
- Stuart-Gamil'ton Ya. 2002. Chto takoe psichologiya [What is psychology]. Saint-Petersburg, Publ. Piter, 304 p.
- Kohlberg L. 1973. The Claim to Moral Adequacy of a Highest Stage of Moral Judgment. Journal of Philosophy, 70: 630–646.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ О БАВТОРАХ

Мельникова Ольга Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Псковский филиал Академии ФСИН России, г. Псков, Россия

Сапогов Владимир Митрофанович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и теории права, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

ORCID 0000-0003-4959-8966

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Melnikova, PhD in Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russia

Vladimir M. Sapogov, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Legal Disciplines and Theory of Law, Pskov State University, Pskov, Russia

УДК 340.142

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-327-333

Об объективации социальных притязаний в праве (на примере ограничения дееспособности гражданина)

Смирнова М.Г.

Северо-Западный филиал Российского Университета Правосудия,
Россия, 198217, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5
E-mail: msm777@inbox.ru

Аннотация. Социальные притязания выступают социальной основой права. Ведущей формой объективации социальных притязаний в праве является нормативный правовой акт. Если нормы права отстают или неполно регулируют отношения, возникающие в обществе, появляются социальные притязания на закрепление соответствующих прав. В противном случае законодательство будет невостребованным и неэффективным. Автором поставлена цель проанализировать процесс объективации социальных притязаний для определения способов повышения эффективности законодательства, регламентирующего институт ограничения дееспособности гражданина. Исследование начинается с изучения процесса объективации социальных притязаний, способов выявления и форм их закрепления в праве. Процесс объективации социальных притязаний автор демонстрирует на примере норм, регулирующих отношения в области ограничения дееспособности гражданина. Полагаем, что возникла потребность их усовершенствования, путем внесения соответствующих дополнений и изменений в нормы гражданского и особенно гражданского-процессуального законодательства, а также в Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Выявлены проблемы отсутствия официально закрепленного понятия «психическое здоровье», а также четких оснований для ограничения дееспособности гражданина, связанных с его психическим здоровьем. Показано, что назрела необходимость в разграничении оснований для признания гражданина полностью недееспособным и ограниченно дееспособным. Сделан вывод: социальные притязания направлены на устранение пробелов и коллизий в праве, на повышение уровня качества законодательства. Объективация социальных притязаний в праве способствует полноте и эффективности правового регулирования в целом.

Ключевые слова: социальные притязания, способы выявления социальных притязаний, формы закрепления социальных притязаний, объективация социальных притязаний в праве, ограничение дееспособности, психическое здоровье

Для цитирования: Смирнова М.Г. 2022. Об объективации социальных притязаний в праве (на примере ограничения дееспособности гражданина). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 327–333. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-327-333

On the Objectification of Social Claims in Law (by the Example of the Restriction of the Legal Capacity of a Citizen)

Marina G. Smirnova

North-Western Branch of the Russian University of Justice,
5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg 198217, Russia
E-mail: msm777@inbox.ru

Abstract. Social claims are actually the forerunner of law, its social basis. The leading form of objectification of social claims in law is a normative legal act, it is in it that the significant interests of the

claimants receive their consolidation in the process of implementing the act. If the norms of law lag behind or do not fully regulate the relations that arise in society, there are social claims to consolidate the relevant rights. Otherwise, the legislation will be unclaimed and ineffective. In this regard, the author aims to analyze the process of objectification of social claims in order to determine ways to improve the effectiveness of legislation regulating the institution of restriction of a citizen's legal capacity. The research begins with a direct study of the process of objectification of social claims, ways of identifying and forms of their consolidation in law. The author demonstrates the process of objectification of social claims by the example of norms regulating relations in the field of limiting the legal capacity of a citizen. We believe that there is a need to improve them by making appropriate additions and amendments to the norms of civil and especially civil procedure legislation, as well as to the Law of the Russian Federation No. 3185-1 dated 02.07.1992 "On psychiatric care and guarantees of citizens' rights in its provision". The problems of the absence of an officially fixed concept of "mental health", as well as clear grounds for limiting the legal capacity of a citizen related to his mental health, are revealed. It is shown that there is a need to differentiate the grounds for recognizing a citizen as completely incapacitated and with limited legal capacity. The conclusion is made: social claims are aimed at eliminating gaps and conflicts in the law, at improving the quality of legislation. The objectification of social claims in law contributes to the completeness and effectiveness of legal regulation in general.

Keywords: social claims, ways to identify social claims, forms of consolidation of social claims, objectification of social claims in law, limitation of legal capacity, mental health

For citation: Smirnova M.G. 2022. On the Objectification of Social Claims in Law (by the Example of the Restriction of the Legal Capacity of a Citizen). NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 327–333 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-327-333

Введение

Проблемы социальной обусловленности права всегда находились в эпицентре научных интересов [Лапаева, 2020; Мальцев, 2007; Трофимов, 2009], поскольку качество закона и его реальная применимость напрямую связаны с его социальным содержанием. Социальные притязания выступают фактически предтечей права, его социальной основой.

Прав был Н. Луман, когда писал, что «право возникает не из-под пера законодателя. Оно обусловлено множеством нормативных ожиданий, иначе говоря, правовых требований, и едва ли могли бы издаваться законы без этого базиса. Прежде всего учитывается нормативность таких требований» [Luhmann, 1981, p. 122].

В настоящее время в быстро меняющемся в мире наиболее остро стоит проблема соответствия законодательства интересам и потребностям общества, социальных групп и иных притязателей. В отечественной юридической литературе притязания изучались преимущественно как элемент субъективного права, отвечающего за возможность защиты нарушенного права [Матузов, 1972; Халфина, 1974; Явич, 1961]. Исследование же проблем притязаний в общесоциальном ракурсе [Мазуров, 2019; Смирнова, 2011] являются недостаточно разработанными и требуют дополнительных научных разработок.

Так, в перечень острых тем гражданского, гражданско-процессуального права отечественной отрасли входит проблема ограничения дееспособности гражданина [Тарасова, 2015; Туктамышева, Павкина, Любецкая, 2021], поскольку отсутствуют полноценные комплексные научные исследования в этой области, которые бы раскрыли подробные основания для признания гражданина ограниченно дееспособным (включая психическое здоровье), особенности его правового статуса. Доктринальные разработки послужили бы фундаментальной основой для последующих внесений изменений и дополнений действующего законодательства с целью объективации социальных притязаний лиц, ограниченных

в дееспособности и требующих создания на законодательном уровне надежного механизма защиты непосредственно их прав и членов их семьи.

В связи с этим автором поставлена цель проанализировать процесс объективации социальных притязаний для определения способов повышения эффективности законодательства, регламентирующего институт ограничения дееспособности гражданина.

Объективации социальных притязаний в праве

Объективное право формируется в результате артикулирования и отстаивания индивидами, социальными группами, иными субъектами своих интересов, социальных притязаний. В результате деятельности правотворческих и иных органов социальные притязания получают свою объективацию в праве. Ведущей формой закрепления социальных притязаний в праве выступает нормативный правовой акт (законы и подзаконные акты). Принимаемые законодателем нормативные правовые акты должны отражать назревшие социальные притязания субъектов, отвечать интересам и потребностям общества. Они должны быть востребованными, актуальными, легитимными, обладать высоким качеством и соответствовать законодательству, имеющему большую юридическую силу.

На предпроектной стадии «индикатором» качества нормативных правовых актов выступает прежде всего правовая экспертиза, которая является обязательной процедурой при разработке нормативных правовых актов. Правовая экспертиза включает в себя социальную правовую и юридико-техническую экспертизы. Именно социальная правовая экспертиза определяет соответствие проектов нормативных правовых актов интересам, социальным притязаниям субъектов, насколько проект закона является социально ожидаемым и востребованным обществом. Одним из значимых видов социальных правовых экспертиз выступает антикоррупционная экспертиза. Ее основной задачей является проверка принятого нормативного правового акта на предмет его соответствия Конституции Российской Федерации и федеральным законам, выявляется также наличие в акте пробелов, коллизий, противоречий, неопределенностей, порождающих неоднозначность толкования. Правовая экспертиза выступает одним из эффективных способов выявления социальных притязаний. Кроме того, к ним можно отнести и правовой мониторинг, процедуру общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов посредством Интернета, оценку регулирующего воздействия (Regulatory Impact Assessment – RIA), опросы общественного мнения и другое.

Однако, если требования притязателей не получили свое закрепление в нормах права или получили свое закрепление искаженно, то существует механизм нормоконтроля. Именно он призван «курировать» качество нормативных правовых актов на их соответствие Конституции Российской Федерации и законодательству, имеющему большую юридическую силу.

В процессе нормоконтроля суды вырабатывают правоположения, которые также выступают одной из форм институционализации социальных притязаний в праве. Правоположения судебной практики, закрепляя социальные притязания субъектов, оказывают регулирующее воздействие на отношения в обществе, поскольку суды, прежде всего по делам непосредственного нормоконтроля, выносят решения, в резолютивной части которых признают нормативный правовой акт незаконным и недействительным. Доводы суда, изложенные в мотивировочной части, и выводы резолютивной части решения суда о лишении юридической силы нормативного правового акта выступают правоположениями судебной практики, при помощи которых институционализируются социальные интересы притязателей. В дальнейшем правоположения судебной практики выступают прообразом юридических норм для законодателя, но регулирующее их воздействие начинается с момента вступления решения суда в законную силу.

Юридическая природа правоположений судебной практики находит неоднозначную оценку в юридической литературе. Многие авторы полагают, что правоположения судебной практики не имеют правообразующего значения, поскольку суды, являясь самостоятельной ветвью государственной власти, не должны заниматься правоиздательской деятельностью и тем самым заменять законодателя. Мы же полагаем, что правоположения судебной практики выступают одной из форм объективации социальных притязаний в праве и эффективным средством контроля качества нормативных правовых актов. Нормоконтроль является по сути «ревизором» законодательства. Данную функцию суды вынуждены осуществлять и формировать правоположения, поскольку в противном случае не было бы механизма контроля качества издаваемых законов и удовлетворения соответствующих требований притязателей.

Нормоконтроль, осуществляемый судами, выступает одним из способов выявления социальных притязаний субъектов, а формируемые в результате непосредственного и опосредованного нормоконтроля правоположения выступают одной из эффективных форм институционализации требований притязателей.

К формам объективации социальных притязаний в праве, помимо нормативного правового акта и правоположений судебной практики, мы относим также правовые позиции Конституционного Суда РФ. Конституционный контроль, осуществляемый Конституционным Судом РФ (ч. 2 ст. 125 Конституции РФ¹), выступает одним из видов нормоконтроля в целом.

Кроме того, правовые акты муниципальных и иных негосударственных органов, правовой обычай, индивидуальный договор в сфере частного права можно также отнести к формам закрепления социальных притязаний в праве.

Социальные притязания как средство усовершенствования норм, регулирующих отношения в области ограничения дееспособности гражданина

Существенные изменения в регулирование отношений в области ограничения дееспособности гражданина были внесены в 2015 г., они дополнили основания для ограничения лица в дееспособности вследствие психического расстройства². Ранее данное основание выступало исключительно для признания гражданина недееспособным. Однако не всегда характер и степень развития психического заболевания влекут у гражданина полное непонимание значения своих действий и возможности руководить ими. Нередко судебные психиатрические экспертизы дают отрицательные заключения, например, в случае отставания гражданина в психическом и интеллектуальном развитии (низкий коэффициент интеллекта), или когда умственный возраст гражданина не соответствует хронологическому возрасту лица.

Эти случаи отхватываются п. 2 ст. 30 Гражданского Кодекса РФ³. Полагаем, что именно в установлении данной нормы получили свое закрепление назревшие притязания граждан и иных заинтересованных лиц (членов их семей) в области ограничения дееспособности. Так, гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство. Такой гражданин совершает сделки, за исключением сделок, предусмотренных пунктами 1, 2 и 4 ст. 26 Гражданского Кодекса РФ. Однако

¹ Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.04.2022) // Российская газета", N 238-239, 08.12.1994.

гражданин может совершать сделки только с письменного согласия попечителя, т.е. речь идет именно об ограничении его сделкоспособности (ст. 177 Гражданского Кодекса РФ), поскольку данные лица, обладающие соответствующим уровнем психического здоровья, психическими расстройствами незначительной степени, не могут понимать значение своих действий или руководить ими без помощи других лиц. Эксперты по данным категориям дел должны исследовать степень выраженности когнитивного, мнестического дефицита, который соотноситься с адаптацией гражданина в повседневной жизни.

Кроме того, эксперты по данным категориям дел в рамках проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы должны обязательно выяснять и описывать уровень социальной адаптации гражданина, в отношении которого судом решается вопрос об ограничении дееспособности. Эксперты анализируют сведения, характеризующие уровень социального функционирования гражданина, а именно: данные о трудовой деятельности, поведение по месту жительства, дневники социальных работников, сведения о возможности лица распоряжаться своими средствами, самостоятельно оплачивать расходы, оформлять необходимые документы, данные об участии лица в иных юридически значимых действиях (например, в приватизации квартиры). Исследуются собственная письменная продукция лица: дневники, записные книжки, заявления. Основная задача – выяснить способность лица самостоятельно осуществлять гражданско-правовые сделки, возможность сохранения относительной самостоятельности в принятии решений.

Решение данных вопросов осложняется тем, что в Законе РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹ отсутствует легальная дефиниция понятия «психическое здоровье», а также четкие медицинские основания (критерии), при которых лицо может быть ограничено в дееспособности.

На основании изложенного полагаем, что назрела необходимость внесения изменений и дополнений в действующее законодательство с целью объективаций социальных притязаний граждан и членов их семьи в области ограничения дееспособности.

Заключение

Подводя итоги, автор приходит к выводу, что для создания эффективного законодательства, регулирующего отношения в сфере ограничения дееспособности граждан, необходимо провести комплексные действия, направленные на выявления социальных притязаний граждан с целью их объективации в праве. К ним относятся социологические исследования в этой области: анкетирование граждан, специалистов-практиков (экспертов, проводящих психиатрические экспертизы по делам об ограничении дееспособности граждан) и опросы общественного мнения.

Важным способом выявления социальных притязаний является мониторинг право-применения. В результате данного мониторинга должна быть проанализирована судебная практика по делам, связанным с ограничением дееспособности граждан (хотя она в настоящее время незначительна), выявлены проблемные аспекты, которые нуждаются в правовом разрешении.

На законодательном уровне необходимо закрепить официальную дефиницию понятия «психическое здоровье», выработать четкие медицинские основания (критерии) при которых лицо может быть ограничено в дееспособности. Выявлена необходимость в разграничении оснований для признания гражданина полностью недееспособным и ограниченно дееспособным.

Необходимо внести дополнения в Гражданский процессуальный кодекс РФ, предусмотрев обязательное проведение судебных психиатрических экспертиз по данным категориям дел.

¹ Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (с изм. от 30.12.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

По мнению автора, в научной разработке также нуждается вопрос деликтной ответственности гражданина, ограниченного судом в дееспособности вследствие психического расстройства, поскольку в настоящее время основную ответственность по обязательствам несет он сам, а не попечитель.

Объективация назревших социальных притязаний граждан повысит качество правового регулирования в области ограничения дееспособности граждан.

Список литературы

- Лапаева В.В. 2020. Социология права. М., 336 с.
- Мальцев Г.В. 2007. Социальные основания права. М., 800 с.
- Мазуров И.И. 2019. Правовое регулирование притязаний. Российский журнал правовых исследований, 1: 173–178.
- Матузов Н.И. 1972. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 292 с.
- Смирнова М.Г. 2011. Институционализация социальных притязаний в праве. СПб., 240 с.
- Тарасова Е.Н. 2015. Актуальные вопросы применения критерии недееспособности и ограничения дееспособности в гражданском праве. Ленинградский юридический журнал, 2(40): 102–111.
- Трофимов В.В. 2009. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов, 308 с.
- Туктамышева С.В., Павкина О.А., Любецкая Д.М. 2021. Ограничение дееспособности гражданина вследствие психического расстройства: актуальные вопросы. Modern Science, 21: 199–203.
- Халфина Р.О. 1974. Общее учение о правоотношении. М., 351 с.
- Явич Л.С. 1961. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 172 с.
- Luhmann N. 1981. Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 456 s.

References

- Lapaeva, V.V. 2020. Coziologia prava [Sociology of law]. M., 336 p.
- Malzev G.V. 2007. Cozialnae osnovanie prava [Social foundations of law]. M., 800 p.
- Mazurov I.I. 2019. Pravoe regulirovaniye pritazanei [Legal regulation of claims]. Russian Journal of Legal Studies, 1: 173–178.
- Matuzov N.I. 1972. Lichocte. Pravo. Democratia. Teoreticheskie promblema cybektivnogo prava [Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of subjective law]. Saratov, 298 p.
- Smirnova M.G. 2011. Instituzionalizacia socialnix prityzanei v prave [Institutionalization of social claims in law]. SPb., 240 p.
- Tarasova E.N. 2015. Aktualnue vopros primenienia kreteriev nedeespobnosti I ogranicenia deespobnosti v grazdanskom prave. [Topical issues of application of criteria of incapacity and limitation of legal capacity in civil law]. Leningrad Law Journal, 2 (40): 102–111.
- Trofimov, V.V. 2009. Pravoobrazovanie v sovremennom obchestve: teoretiko-metodologicheskie aspect [Legal education in modern society: theoretical and methodological aspect]. Saratov, 308 p.
- Tuktamusheva C.V. Pavkina O.A., Lubezkay D.M. 2021 Ogranichenie deecposobnoete grajdan vsledstvie psicheskogo rastrostva [Restriction of a citizen's legal capacity due to a mental disorder: current issues. Modern Science, 21: 199–203.
- Halfina R.O. 1974. Obshee ychenye o pravootnoshenee. [The general doctrine of the legal relationship]. M., 351 p.
- Yvich L.C. 1961. Promblema regulirovania covetckix obchectvennyx otnosheniy [Problems of legal regulation of Soviet public relations]. M., 172 p.
- Luhmann N. 1981. Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. [Differentiation of law: Contributions to the sociology of law and legal theory]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 456 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Марина Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina G. Smirnova, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Procedure Law, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-334-341

Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования

Суменков С.Ю.

Саратовская государственная юридическая академия,

Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1

Пензенский государственный университет,

Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40

E-mail: sumenkov@bk.ru

Аннотация. В связи с существующим в практике разнообразием подвидов специального статуса, регламентируемых специальными нормами различного уровня специализации, автором представлен анализ соотношения специального правового статуса, специальной и исключительной нормы. Цель исследования: определение воздействия специальных, а равно исключительных норм на статус субъекта, а также выявление своеобразия форм внешнего выражения указанных норм. Показано, что существование специального статуса возможно только на основе наличия специальной нормы, которая его регламентирует, тем не менее появление такого статуса достаточно объективно, поскольку является реакцией на разнообразие общественных отношений, подпадающих подрегулятивное воздействие права; специальные нормы действуют вместе с общими нормами, выполняя такие функциональные задачи, как конкретизация и детализация общественных отношений. Сделаны следующие выводы: особой группой специальных норм являются исключительные нормы. Они предусматривают прямо противоположные вариации правового регулирования. При этом такая противоположность не означает нарушения основных правовых требований. Исключения могут быть как из общих, так и специальных норм. Исключительные нормы также характеризуют специальный правовой статус субъектов. Специальные и исключительные нормы воплощаются в формах права, прежде всего в нормативных актах. Для специальных норм присущее объективирование в законах, тогда как исключительные нормы находят свое выражение в подзаконном правотворчестве. Постановка проблемы в данном аспекте детерминировала обращение к ведомственному нормотворчеству. Отмечена излишняя абстрактность исключительных норм, в особенности обозначаемых термином «исключительный случай».

Ключевые слова: специальный правовой статус, специальная норма, исключительная норма, исключение в праве, форма права, формальная определенность

Для цитирования: Суменков С.Ю. 2022. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 334–341. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-334-341

Special and Exceptional Norms as a Component of a Special Legal Status: Peculiarities of Correlation and Forms of Objectification

Sergey Y. Sumenkov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St, Saratov 410056, Russia

Penza State University, 40 Red St, Penza 440026, Russia

E-mail: sumenkov@bk.ru

Annotation. Due to the existing in practice variety of subtypes of special status, regulated by special norms of different levels of specialization, the author represents an analysis of the ratio of such important and ambiguous phenomena of the legal system as special legal status, special and exclusive norm. The

purpose of the study: to determine the impact of special as well as exclusive norms on the status of the subject, and to identify the specificity of the forms of external expression of the said norms. Attention is drawn to the fact that the existence of a special status is possible only on the basis of the presence of a special norm, which regulates it. Nevertheless, the emergence of such a status is quite objective, since it is a response to the diversity of social relations falling under the regulatory impact of law. It is shown that special norms act together with general norms, performing such functional tasks as specifying and detailing social relations. Special norms do not violate the general ones, but only supplement or limit the scope of them. The following conclusions are drawn: exclusive norms are a special group of special norms. They provide for directly opposite variations of legal regulation. However, this opposite does not mean a violation of the basic legal requirements. Exceptions can be both from general and special norms. Exclusive norms also characterize the special legal status of subjects. Special and exclusive norms are embodied in the forms of law, primarily normative acts. Special norms are objectivized in laws, while exclusive norms find their expression in subordinate lawmaking. The statement of the problem in this aspect determined the reference to departmental rulemaking. It is noted the excessive abstractness of the exclusive norms, especially denoted by the term “exceptional case”.

Keywords: special legal status, special norm of law, exclusive norm of law, exception in law, form of law, formal certainty

For citation: Sumenkov S.Yu. Special and Exceptional Norms as a Component of a Special Legal Status: Peculiarities of Correlation and Forms of Objectification. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Right. Law, 47(2): 334–341 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-334-341

Введение

Регулируемые правом общественные отношения безгранично многообразны, что детерминировано объективным законом необходимого разнообразия жизни. Многочисленные фактические обстоятельства, личности субъектов правоотношений обуславливают наличие многоаспектного юридического потенциала – прежде всего специальных юридических норм. Наличие таких норм детерминирует правовую регламентацию специальных статусов участников правоотношений. При этом само по себе понятие «специальный статус» далеко не однозначно. Практика показывает достаточно большое количество различного рода подвидов специального статуса, регламентируемых специальными нормами различного уровня специализации.

В отличии от специальных правил исключения в праве находят свое воплощение в отдельной группе специальных норм, обозначаемых как исключительные нормы. Они также регламентируют специальный статус. Исключительные нормы сочетают в себе как свойства индивидуализации правового регулирования, так и предельную его абстрактность. Для того, чтобы одновременно учреждать специальные статусы и быть их неотъемлемыми компонентами, и специальные, и исключительные нормы должны быть выражены в определенной легитимной форме.

Актуальность заявленной темы объясняется количественными и качественными факторами. Палитра специальных норм широко представлена в различных источниках российского права, создавая целый пласт альтернативного правового регулирования. В еще большей степени это относится к исключительным нормам в силу их способности кардинально изменять единые для всех нормативные эталоны.

Целью исследования является изучение воздействия специальных, а равно исключительных норм на статус субъекта, а также анализ своеобразия форм внешнего выражения указанных норм.

Специальные и исключительные нормы в российском праве

Право в его нормативном понимании представляет собой огромную совокупность юридических норм. Последние регламентируют многочисленные и разнообразные общественные отношения, что объективно детерминирует и многообразие оснований классификации самих юридических норм. Одним из таких оснований служит стратификация норм права на общие и специальные. Здесь следует сразу оговориться, что термин «общие нормы» несколько условен, не имеет отношения к так называемым отправным (учредительным) нормам. Речь идет именно о дифференциации так называемых норм-правил поведения, то есть предписаний, непосредственно устанавливающих вариации возможного и должного поведения субъектов правовых отношений. «Особое значение имеют так называемые **специальные нормы** (*jussingulare*), предусматривающие определенные законом исключения (изъятия) из общего правила для особых случаев» [Мицкевич, 2007, с. 568].

Смысловой концепт подобного утверждения верен. Специальные нормы устанавливают иные варианты регуляции общественных отношений, чем общие. «Специальная норма, – писал И.Н. Сенякин, – это общеобязательное государственное предписание... устанавливаемое с целью конкретизации и детализации, учета своеобразия и особенностей какого-либо вида (подвида) общественных отношений, род которых регулируется общей правовой нормой» [Сенякин, 1987, с. 54].

Вместе с тем хотелось бы отметить определенную неточность, обусловленную полным отождествлением специальной нормы и исключением.

Исключение из правил в сфере права – это сложное и неоднозначное понятие, легальным образом учреждающее иной по сравнению с правилами способ правового регулирования. При этом такие исключения не нарушают правила, поскольку также облечены в юридическую форму, а именно объективированы в нормы-права. Подобного рода нормы можно обозначить как нормы-исключения, но в доминанте своей они получили наименование исключительных норм.

По нашему мнению, специальные и исключительные нормы находятся в органичном единстве, не означающем тем не менее их полной идентичности. Здесь, по нашему мнению, можно представить такую конструкцию: каждая исключительная норма является нормой специальной, однако не всякая специальная норма выступает как исключительная норма. Разница детерминирована, как уже было сказано, тем, что исключительная норма обязательно содержит в себе исключение из правил. В свою очередь специальные нормы, если изъять из их состава автономную группу исключительных норм, олицетворяют собой не исключения, а специальные правила. Последнее не предусматривает выхода регламентирующего воздействия за рамки общих правил.

Специальное правило действует наряду, вместе, параллельно с общим. «Таким образом, специальное правило подразумевает тот же стандарт поведения, что и правило общего характера. ... Особенности, позволяющие выделять специальное правило из общего, касаются специфических условий, ситуаций, субъектов, обстоятельств и т.д.» [Суменков, 2012, с. 243]. Но вся специфичность специальных правил, воплощаемых в специальных нормах, не имеет принципиального значения, ибо не предусматривает, в отличие от исключений, противоположного варианта регулирования.

При этом исключения могут быть как из общих, так и специальных правил. Так, например, п. 1.5 Правил специальных (школьных) перевозок учащихся, проживающих в сельской местности предусматривает, что организация подобного рода перевозок должна осуществляться при наличии лицензии на данный вид деятельности, за исключением случая, если эта деятельность осуществляется для обеспечения собственных нужд¹.

¹ См.: Постановление Главы Администрации Оричевского района Кировской области от 14.04.2007 № 103 «Об утверждении Правил специальных (школьных) перевозок учащихся муниципальных образователь-

Соотношение общих, специальных и исключительных норм достаточно сложное, оно может привести к конкуренции названных разновидностей юридических предписаний [Байдарова, 2019], а в некоторых случаях и коллизии данных норм. «Каким же образом, – задается вопросом Н.А. Власенко, – происходит разрешение коллизии между общей, специальной и исключительной правовыми нормами?» [Власенко, 2015, с. 90]. Ученый сам и отвечает на данный вопрос: «Исключительный закон отменяет действия общего» [Власенко, 2015, с. 90].

Тем самым в случае коллизии общей нормы и специальной нормы, противоречие будет разрешено в пользу последней; аналогичным образом коллизия разрешается и между общей нормой и нормой исключительной. «Сфера действия общих норм, – писал А.Ф. Черданцев, – ограничивается наличием исключительной» [Черданцев, 1979, с. 75]. Но если коллизия возникнет между специальной нормой и исключительной нормой, то действует тот же принцип и, соответственно, исключительная норма отменяет действие специальной.

В качестве примера сложнейшего соотношения общих специальных и исключительных норм можно привести массив нормативных актов, регламентирующих вопросы пенсионного обеспечения.

Особенности форм объективирования специальных и исключительных норм

Так, общие нормы, регламентирующие пенсионные правоотношения, содержатся в первую очередь в таких актах, как федеральные законы от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»¹, от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»².

Однако несколько ранее был принят нормативно-правовой акт, касающийся определенной группы субъектов, обладающих специальным статусом в силу прохождения службы в определенных структурах. Речь идет о Законе РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей»³. Именно данный закон содержит специальные юридические нормы, которые предполагают иной (параллельный) по сравнению с общим порядком порядок пенсионного обеспечения для некоторых категорий лиц.

Указанный закон как раз и выступает формой объективирования специальных правил, отвечая основным требованиям, предъявляемым к подобного рода разновидностям результатов законотворчества. «Специальные законы... должны отвечать особым требованиям юридической технологии: четко и предметно конкретизировать действие общего положения; оттенять особенности и специфику; сужать объем и сферу его действия; закреплять особые условия реализации и т.д.» [Сенякин, 2007, с. 45].

При этом, как видно уже из самого названия закона, к числу таких специальных субъектов относятся и сотрудники органов внутренних дел (ОВД). При этом в дополнение к вышеназванному специальному закону был принят еще целый ряд актов, конкретизирующих и детализирующих специальные правила начисления пенсии и исчисления выслуги лет. К таким нормативным актам относятся прежде всего федеральные законы от 19 июля

ных учреждений, проживающих в сельской местности, на территории Оричевского района». Справочно-правовая система «Гарант» (дата обращения – 22.04.2022).

¹СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.

²СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4920.

³Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 9. Ст. 328.

2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Детально подобные правоотношения регламентированы действующим в настоящее время Постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прaporщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, органах принудительного исполнения Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации»³.

Речь тем самым идет о конкретизирующей функции, априори присущей специальным нормам, поскольку, как верно отмечал И.Н. Сенякин, «посредством конкретизационной функции специальные нормы выполняют одну из главных целей – детально отразить характерные черты и признаки родовых общественных отношений» [Сенякин, 1987, с. 59].

Таким образом, помимо общих норм, существуют учрежденные государством формы права, в которых объективируются специальные нормы, устанавливающие специальные правила пенсионного обеспечения, в частности, сотрудников ОВД. Наблюдается своеобразная диалектическая взаимосвязь общего и особенного в правовом механизме. Смысл ее в том, что общий нормативный акт отражает главные, характерные черты родового общественного явления и ни в коем случае не должен пытаться урегулировать эти отношения так, чтобы предусмотреть каждый возможный вариант или отдельный случай [Халфина, 1988, с. 37].

Специальные и исключительные нормы как компонент специального статуса

В тоже время в конгломерате нормативных актов имеются еще более специализированные правила, действующие уже в проекции к специальным правилам. Это объясняется тем, что «само понятие "специальный правовой статус" далеко не однозначно. В структуре каждого специального статуса можно выделять "основной" специальный статус и его неопределенно большое множество подвидов» [Малько, Суменков, 2005, с. 59].

В частности, есть специальный статус сотрудника ОВД; этот статус регламентируют специальные нормы, в том числе и такой компонент, как исчисление выслуги лет и, соответственно, пенсионное обеспечение.

Вместе с тем следствием объективного процесса специализации выступает дальнейшая дифференциация общественных отношений и усиление процесса специализации норм. Основания подобного рода специализации более чем разнообразны, имеют как субъективный, так и объективный характер. Например, в проекции к специальным нормам, определяющим льготную выслугу среди сотрудников ОВД, могут быть такие критерии, как прохождение службы в соответствующем подразделении на некоторых должностях⁴либо отдельных местностях. Так, например, п. 4 Приказа МВД России от 16 октября

¹СЗ РФ. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4595.

²СЗ РФ. 2011. № 49 (часть I). Ст. 7020.

³ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 40. Ст. 3753.

⁴Приказ МВД РФ от 22.06.2009 № 472 «Об утверждении Перечня подразделений и должностей начальствующего состава Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, служба в которых предоставляет право на исчисление выслуги лет для назначения пенсии на льготных условиях» // Российская газета. 2009. 11 августа.

2012 г. № 943 «О мерах по обеспечению социальной защищенности сотрудников и работников органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих службу или работающих на космодроме "Байконур" и в г. Байконуре, и членов их семей» предельно четко устанавливает следующее: «Засчитывать сотрудникам с 1 января 1995 года выслугу лет для назначения пенсий из расчета один месяц службы за два месяца»¹.

Здесь, как думается, можно усмотреть уже не просто реализацию конкретизационной функции специальных норм, а выполнение ими юридической детализации. «Налицо не конкретизация законодательства, а процесс его нормативной детализации, что не одно и тоже. ... Детализация – конечный этап вертикального среза в специализации законодательства, дальнейшее распространение которой происходит путем учета вариантов особых особенностей, регулируемых общественных процессов» [Сенякин, 1993, с. 55].

В свою очередь исключительная норма может также конкретизировать и даже детализировать регламентируемые отношения. Однако надо признать, что в доминанте своей исключения носят абстрактный характер: нормы, содержащие исключения, предельно абстрактны [Суменков, 2016, с. 42]. Но преобладание абстрактности в исключительных нормах служит магистральным основанием разграничения их с нормами специальными. Как уже отмечалось выше, если специальные нормы (даже с учетом «гиперспециализации») действуют наряду, вместе с общими, то исключительные нормы предусматривают прямо противоположный вариант регуляции. По обоснованному мнению М.А. Байдаровой, «итогом исключительной нормы являются зеркальнопротивоположные предусмотренными общими (и специальными) предписаниями дозволения и ограничения»[Байдарова, 2020, с. 18].

Так, развивая приведенный выше пример об особенностях исчисления выслуги, необходимой для пенсионного обеспечения в ОВД, можно привести весьма интересный нормативный ведомственный акт: Приказ МВД России от 22 января 2015 г. № 54 «Об утверждении Перечня подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, дислоцированных в высокогорных местностях Российской Федерации на высоте от 1000 до 1500 метров над уровнем моря, а в исключительных случаях и ниже, служба в которых засчитывается в выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях»². Само название данного акта свидетельствует о сочетании специальных норм и исключений. К первым, по нашему мнению, относятся нормы, учреждающие правила, назначения пенсии на льготных условиях для тех, служит либо служил ОВД, расположенных в высокогорных местностях. А вот вторые связаны с употреблением термина «исключительный случай», который в терминосистеме исключений характеризуется как обладающий наибольшей абстрактностью и применяемый для обозначения ситуации, являющейся в наибольшей степени атипичной [Суменков, 2011, с. 22].

Действительно, никакой расшифровки исключительности случая ни в названии нормативного акта, ни в самом тексте не дается; каких-либо критериев исчисления льготной выслуги для сотрудников, проходящих службу в местности ниже 1000 метров, не содержится. Это «классическое» исключение из правил, интересное тем, что оно синтезировано непосредственно со специальными правилами и содержится в одном нормативном акте.

Заключение

Норма как содержание всегда требует объективизации в какой-либо юридически значимой форме.

Специальные нормы, характеризующие специальный правовой статус субъекта, в обязательном порядке объективируются в различных формах права. Доминирующей формой является нормативный правовой акт: закон либо подзаконный акт. Преобладающей формой выражения специальных норм выступает закон, который можно именовать как

¹Российская газета. 2012. 19 декабря.

²Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 27.

«специальный закон» [Демин, 2021, с. 92]. Специальные законы «издаются для известного разряда лиц специальных отношений, отличающихся особыми свойствами, которые не соответствуют общим нормам и требуют поэтому особых норм» [Трубецкой, 1998, с. 91]. Сказанное не означает отрицания воплощения специальных норм в подзаконном, в том числе и ведомственном нормотворчестве, а лишь подчеркивает магистральную форму их внешнего проявления – законе.

Особую группу специальных норм составляют исключительные нормы. Эти нормы учреждают исключения из правил и во многом характеризуют не только специальный статус лица, но и направлены на учет своеобразия правоотношений. Формы выражения исключительных норм предельно многообразны, «вызываются разнообразием целей общественной жизни и издаются в тех случаях, когда общее правило не может быть приспособлено к индивидуальному случаю...» [Трубецкой, 1998, с.91].

Исключительные нормы также отражаются в специальном правовом статусе субъекта; объективируются в большинстве своем посредством подзаконного нормотворчества.

Список литературы

- Байдарова М.А. 2019. Конкуренция общей, специальной и исключительной нормы: вопросы теории и практики. Вестник Поволжского института управления, 19(3): 57–64.
- Байдарова М.А. 2020. Механизм реализации исключений в праве: теоретические и практические аспекты:автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 30 с.
- Власенко Н.А. 2015. Избранное. М., Норма, 672 с.
- Демин П.Н. 2021. Специальные нормы в российском праве: понятие, признаки, формы выражения. Евразийский юридический журнал, 1(152): 92–96.
- Малько А.В., Суменков С.Ю. 2005. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, Информационно-издательский центр ПГУ, 180 с.
- Мицкевич А.В. 2007. Нормы права. В кн.: Общая теория государства и права: академический курс. Т. 2. М., 571 с.
- Сенякин И.Н. 1987. Специальные нормы советского права. Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 97 с.
- Сенякин И.Н. 1993. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики. Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 194 с.
- Сенякин И.Н. 2007. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 504 с.
- Суменков С.Ю. 2011. Проблемы фиксации исключений из правил в текстах нормативно-правовых актов. Актуальные проблемы российского права, 4(21): 22–32.
- Суменков С.Ю. 2012. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов, Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 384 с.
- Суменков С.Ю. 2016. Исключения в праве: общетеоретический анализ:автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 58 с.
- Трубецкой Е.Н. 1998. Энциклопедия права. СПб., Юрид. ин-т, 183 с.
- Халфина Р.О. 1988. Диалектические противоречия и право. Советское государство и право, 1: 30–37.
- Черданцев А.Ф. 1979. Толкование советского права (теория и практика). М., Юрид.лит., 168 с.

References

- Bajdarova M.A. 2019. Konkurenčija obshhej, special'noj i iskljuchitel'noj normy: voprosy teorii i praktiki [Competition of general, special and exclusive norms: issues of theory and practice]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, 19(3): 57–64.
- Bajdarova M.A. 2020. Mehanizm realizacii iskljuchenij v prave: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Mechanism for implementing exceptions in law: theoretical and practical aspects] :abstract of the dissertation ... of the candidate of law. sciences'. Saratov, 30 p.
- Vlasenko N.A. 2015. Izbrannoe [Favorites]. M., Publ. Norma, 672 p.

- Demin P.N. 2021. Special'nye normy v rossijskom prave: ponjatie, priznaki, formy vyrazhenija [Special rules in Russian law: concept, characteristics, forms of expression]. Evrazijskij juridicheskij zhurnal, 1(152): 92–96.
- Mal'ko A.V., Sumenkov S. Ju. 2005. Privilegii i immunitety kak osobyye pravovye iskljuchenija [Privileges and immunities as special legal exceptions]. Penza, Publ. Informacionno-izdatel'skij centr PGU, 180 p.
- Mickevich A.V. 2007. Normy prava [Rules of law]. General theory of State and law: academic course. Vol. 2. M., 571 p.
- Senjakin I.N. 1987. Special'nye normy sovetskogo prava [Special rules of Soviet law]. Saratov, Publ. Sarat. un-ta, 97 p.
- Senjakin I.N. 1993. Specializacija i unifikacija rossijskogo zakonodatel'stva. Problemy teorii i praktiki [Specialization and unification of Russian legislation. Problems of theory and practice]. Saratov, Publ. Sarat. un-ta, 194 p.
- Senjakin I.N. 2007. Federalizm kak princip rossijskogo zakonodatel'stva [Federalism as a principle of Russian legislation]. Saratov, Publ. GOUVPO «Saratovskaja gosudarstvennaja akademija prava», 504 p.
- Sumenkov S. Ju. 2011. Problemy fiksacii iskljuchenij i zpravil v tekstah normativno-pravovyh aktov [Problems of fixing exceptions to the rules in the texts of regulatory acts]. Aktual'nye problem rossijskogo prava, 4 (21): 22–32.
- Sumenkov S. Ju. 2012. Iskljuchenija v prave: teoretycheskie osnovy, juridicheskaja ocenka, sistemnyj analiz [Exceptions in law: theoretical basis, legal assessment, system analysis]. Saratov, Publ. FGBOU VPO «Saratovskaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija», 384 p.
- Sumenkov S. Ju. 2016. Iskljuchenija v prave: obshhetoereticheskij analiz [Legal Exceptions: General Theoretical Analysis]: avtoref. dis. ...d-ra jurid. nauk. Saratov, 58 p.
- Trubeckoj E.N. 1998. Jenciklopedija prava [Encyclopedia of Law]. SPb., Jurid. in-t, 183 p.
- Halfina R.O. 1988. Dialekticheskie protivorechija i pravo [Dialectical contradictions and law]. Sovetskoegosudarstvoipravo, 1: 30–37.
- Cherdancev A.F. 1979. Tolkovanie sovetskogo prava (teoriya i praktika) [Interpretation of Soviet law (theory and practice)]. M., Publ. Jurid. lit., 168 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ О БАВТОРЕ

Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и государства и права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия; профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey Y. Sumenkov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and State and Law of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia; Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Penza State University, Penza, Russia

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 141.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-342-356

Откровение и открытие: случай Колумба (религиозно-культурологические аспекты географических открытий)

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. В современной гуманитарной науке вопросы, связанные с географическими открытиями Нового времени остаются недостаточно изученными, хотя именно в процессе открытия новых земель раскрывается глубинная сущность современной цивилизации, ее скрытые потенциалы развития, активированные именно в ходе путешествий, расширивших представление о территории планеты. Через уникальную фигуру Х. Колумба рассматривается уникальные концепты открытия нового в пространственном движении к неоткрытым землям. Для выяснения скрытых культурно-преобразующих потенциалов цивилизации в хронологической последовательности проанализировано поэтапное осознание Колумбом своего призыва как открывателя новых миров. Предметом анализа выступает духовная установка Колумба на открытие новых пространств мира, тем самым анализируются возможности религиозного сознания по преображению реальности. В ходе исследовательского анализа выявляется возможность и право религиозного мировосприятия на реальное изменения устоявшихся представлений о новизне. В статье обосновывается тезис о том, что в основе стремления к открытию нового у Колумба как представителя меняющейся цивилизации лежала христианская позиция на расширение понятия новизны, получившая особый импульс в период жизни Колумба. Географические открытия Нового времени, по мнению автора, предстают как форма реализации заложенного в христианстве стремления к новому, демонстрируют потенциалы преображения окружающей реальности, свойственные христианской системе ценностей. Представленная автором концептуальная оценка путешествий Нового времени позволяет говорить о расширении представлений о мире в традиционно христианском смысле, когда мир, предстает как многогранная тайна, которую можно, конечно, не разгадать, но увидеть величие этой тайны и ее многогранность. Иллюстративно-культурологический материал, приведенный в статье, призван аргументировать тезис о пространственной «результативности» христианства, показать, что мировидение, основанное на христианской системе ценностей, определяло порыв к открытию новых земель, к расширению границ представлений о мире.

Ключевые слова: религиозная топография, христианство и география, открытия Х. Колумба, культурология и религия

Для цитирования: Колесников С.А. 2022. Откровение и открытие: случай Колумба (религиозно-культурологические аспекты географических открытий). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 342–356. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-342-356

Revelation and Discovery: The Case of Columbus (Religious and Cultural Aspects of Geographical Discoveries)

Sergey A. Kolesnikov

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russia
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Annotation. In modern humanities, issues related to geographical discoveries of Modern times remain insufficiently studied, although it is in the process of discovering new lands that the deep essence of modern civilization is revealed, its hidden development potentials activated precisely during travels that expanded the idea of the planet's territory. Through the unique figure X . Columbus examines the unique concepts of the discovery of the new in the spatial movement to the undiscovered lands. In order to clarify the hidden cultural and transformative potentials of civilization, Columbus' gradual realization of his vocation as the discoverer of new worlds is analyzed in chronological order. The subject of the analysis is Columbus' spiritual attitude to the discovery of new spaces of the world, thereby analyzing the possibilities of religious consciousness for the transformation of reality. In the course of the research analysis, the possibility and the right of religious worldview to a real change in the established ideas of novelty are revealed. The article substantiates the thesis that Columbus's desire to discover the new as a representative of a changing civilization was based on the Christian position on the expansion of the concept of novelty, which received a special impetus during the life of Columbus. Geographical discoveries of the New Time, in the author's opinion, appear as a form of realization of the aspiration for the new inherent in Christianity, demonstrate the potentials of transformation of the surrounding reality inherent in the Christian system of values. The conceptual assessment of Modern travel presented by the author allows us to talk about the expansion of ideas about the world in the traditionally Christian sense, when the world appears as a multifaceted mystery, which, of course, can not be solved, but to see the greatness of this mystery and its versatility. The illustrative and culturological material presented in the article is intended to argue the thesis about the spatial "effectiveness" of Christianity, to show that the worldview based on the Christian system of values determined the impulse to discover new lands, to expand the boundaries of ideas about the world.

Keywords: religious topography, Christianity and geography, discoveries of Columbus, cultural studies and religion

For citation: Kolesnikov S.A. 2022. Revelation and Discovery: The Case of Columbus (Religious and Cultural Aspects of Geographical Discoveries). NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 342–356 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-342-356

Откровение открытия

История Великих географических открытий XVI века, кардинально изменивших картину мира, хранит немало тайн. И одна из таких тайн – а, возможно, и самая главная тайна – это само возникновение у европейского общества XVI века потребности в совершении открытий. Что же побудило португальцев, испанцев и другие народы Средиземной зоны Европы неожиданно воспламениться жаждой открытий, жаждой обретения новых земель, стремлением расширить, казалось бы, уже достаточно стабильный христианский мир?

Европейское Средневековье, из которого генетически возникало Новое время, не претендовало на расширение географических границ мира, точнее, не ощущало еще сакрального зова открытия – Открытия! – в том значении, которое вкладывали в него Б. Диаш, Х. Колумб, Васко де Гамма, Ф. Магеллан, Дж. Кабот, Г. Гудзон и многие другие мореплаватели Нового времени. Однако для того, чтобы понять причину столь разного осознания границ цивилизованного, а равнозначно для той эпохи – христианского – мира,

необходимо хотя бы в общих чертах определить, что же собой представляет понятие нового, географически нового, для зарождающегося из недр Средневековья Нового времени.

А.Я. Гуревич, сравнивая ситуацию открывания новых земель Средневековья и Нового времени, писал о специфике открывания норманнами Америки: «Даже посетив Америку и прожив несколько лет на одном из ее островов, норманны не открыли ее в том смысле, в каком открыл Америку Колумб: реальных последствий ни для американских индейцев, ни для эскимосов, ни для европейцев этот эпизод не имел» [Гуревич, 1971, 159]. Таким образом, перенося мысль известного культуролога на проблему новизны географических открытий, можно определить суть открытия как установление устойчивой связи новых пространств с миром цивилизации, то есть с миром тех ценностей, которые прошли апробацию и испытание на результативность в ходе многовековой европейской истории. И ценности эти, определяющие все своеобразие эпохи Великих географических открытий, есть ценности христианские, давшие импульс к расширению границ известного мира.

Накапливающиеся в течение Средневековья знания о новых землях, о блаженных островах, о таинственных материках, то исчезающих, то вновь обнаруживаемых территориях подспудно готовили прорыв в мировосприятии, в осознании неминуемого расширения границ известного мира. Но осуществлялся этот процесс в недрах именно христианской культуры, принявший тезис о важности расширения границ мира Божьего. Сам процесс открытия – конечно, у разных мореплавателей по-разному, в силу их индивидуальной «религиозной виртуозности» [Вебер, 1994] – приобретал религиозный контекст служения священному делу открытия величия мира как Божьего творения.

Несомненно, Европа Нового времени не владела исключительным «патентом» на религиозный смысл географических открытий. Достаточно бросить хотя бы обзорный взгляд на динамику расширения географических знаний человечества, чтобы обнаружить устойчивый «тренд» в открытиях новых земель преимущественно теми людьми, которые стремились расширить религиозное пространство той или иной конфессии, людьми, видевшими свое призвание и предназначение в миссионерском подвиге.

Так, в Азии процесс географических открытий – в частности, взаимооткрытия Индии Китаем, а Китая Индией – инициировался прежде всего буддийскими монахами. Еще в III в. до н. э. индийский правитель Ашока использовал буддийских монахов для изучения далеких стран [Магидович, 1957, с. 16]. И в дальнейшем именно монахи – будь то буддийские или христианские – шли в первых рядах открывателей новых земель. Именно буддийские миссионеры открыли гималайские области и Тибет, именно монах Фа Сянь, совершивший буддийское паломничество на рубеже IV–V в. н.э., прошел через Центральную Азию в северо-западную Индию и оставил одно из первых описаний географических открытий, которое получило название «Фо го цзи». Буддийский паломник, китаец Сюань Цзан (VII в. н. э.) открыл путь в Гиндукуш, прошел в северную Индию, о чем рассказал в «Записках о странах Запада». Буддийский монах И Цзин прошел вдоль берегов Индокитая, изучая санскрит, долгое время провел в буддийском центре в Шривиджай...

Миссионерское служение как импульс к открытию новых земель не прервался и в христианской традиции. Миссия, подвигающая монаха к расширению мира Божьего, к поиску новых земель, ждущих слова Божьего, стала тем руководящим принципом, согласно которому христианские миссионеры открывали новые земли. Например, по сообщению ирландского монаха Дикуйля (около 825 г.), именно ирландские монахи открыли к северу от Шотландии Фарерские острова [Хенинг, 1961], именно посланцы римского папы совершили первые путешествия к Великому Хану в Центральную Азию [Дитмар, 1989], именно монах-францисканец Гильом Рубрук в 1249 году дошел до Каракорума и поразился сосуществованием там миссий самых разных религиозных конфессий [Бейкер, 1950]. Список можно продолжить.

При этом в контексте религиозных оснований географических открытий можно обнаружить интересную особенность. Наиболее продуктивными в открытиях – именно в от-

крытиях, а не в освоении, порабощении, завоевании – новых земель оказываются те концессии, которые обретут статус мировых религий, в отличие от язычества. Общества, в которых царил культ языческих религий, как правило, не испытывали обостренного интереса к географическим открытиям, не жаждали расширения пространственных границ известного мира.

Так, одна из древнейших языческих цивилизаций Древний Египет, очевидно, не испытывала потребности в открытии новых земель, ограничиваясь тем пространством, которое простипалось вдоль плодоносного Нила [Алексеев, Новокшонов, 1989]. Когда известный историк и географ Геродот попытался прояснить ситуацию с изучением истоков Нила, который являлся буквально движущей силой всей древнеегипетской цивилизации на протяжении тысячелетий, то наткнулся на отсутствие знаний в этой сфере, а главное, на отсутствие интереса к получению новых географических знаний. В своей «Истории» Геродот отмечает: «О природе Нила я не мог узнать ничего ни от жрецов, ни от кого-либо еще... что касается истоков Нила, то ни один не говорил, что знает их» [Геродот, 1972, с. 28]. Культ мертвых, являющийся основой языческих взглядов египтян, не требовал новых земель, ему было достаточно городов мертвых, где были похоронены сотни поколений, буквально уходящие в глубь истории. Потребности в открытии новых пространств, где могли бы жить живые, в Древнем Египте не было. Для языческого Египта более «органичным» было погребение прошлого, чем открытие нового. Скорее там проявлялась тенденция отрыва от земли, отказа от познания земных территорий – иллюстрацией могут служить все более стремящиеся вверх пирамиды фараонов. Как выстроить пирамиду, по которой уйдет в небеса живой бог, египтяне знали, но откуда «приходит» Нил, их не интересовало [Wilkinson, 2010].

В целом для язычества характерно преобладание пространственно-герметичного мироощущения. Взятое язычеством из магической культуры наследие страха перед всем, что находится за пределами ареала, подчиненного конкретному языческому богу или божку, оказывало влияние и на интерес, точнее на его уничтожение, к новым пространствам. Страх преодоления лимитов закольцованного пространства, видимо, и является одной из религиозных причин столь слабого развития географических познаний в Древнем мире. Доминирование в языческом темпоральном, временном, восприятии закольцованной цикличности переносилось и на топосные, пространственные мироощущения. Границы круга языческого времени трансформировались в ограничение пространства, которое бы не вызывало онтологический страх. Отработанные технологии подчинения богов и подчиненности богам могли эффективно осуществляться только в пространственных ареалах, уже апробированных поколениями предков, новые же пространства потенциально несли в себе опасность и угрозу.

Время и пространство язычества принципиально ограничивали исследовательский интерес замкнутыми границами, и все, что находилось «по ту сторону» политеистического-сакрального хронотопа вызывало страх. Показательно, что известный культуролог и языковед Э. Бенвенист, этимологизируя индоевропейское числительное *tu* (два), установил, что оно обозначало не только число, но и понятие, соответствующее глаголу «бояться» [Бенвенист, 1974, с. 88]. Все, что являлось «вторым», непохожим, новым – пугало и настораживало.

Кроме того, языческий хаос как онтологическая основа бытия формировал пространственное мировосприятие по принципу разорванности, дискретности пространственного единства. И темпоральный, и пространственный хаос язычества не мог способствовать целостному мировосприятию, восприятию мира как единого, связанного пространства. К этому необходимо добавить, что отсутствие единой доминанты – и пространственной в том числе – в сакральном мироосознании вело язычество к невозможности выделить/отделить старое от нового. Само понятие пространственно нового –

новых земель, новых территорий, новых пространств – наталкивалось на деструктуризацию нового и старого. В политеистических религиозных системах старое могло трансформироваться в новое, и наоборот, – цикл времени-пространства мог повторяться неуклонно долго. Новое предполагает преодоление старого, ветхого – язычество было не способно на подобное преодоление.

А потому финикийцы, величайшие мореходы Древнего мира, свои путешествия совершили не для открытия новых миров, а для достижения большего комфорта в старых. Само понятие открытия для финикийцев не было важным – главным была прибыльность той или иной территории. Поэтому для них, например, не так было значимо, кто открыл острова Кипр или Крит – финикийцы или египтяне, кто первым вышел к южным берегам Балкан, они не открывали, а прежде всего колонизировали Мальту, Сардинию, Корсику. Подобное мироощущение присутствовало и у языческой Древней Греции: греки не ставили перед собой задачу открытия новых земель – они основывали колонии, принципиально не фиксируя сам факт открытия. Древнегреческий мореплаватель Пифей, которому приписывается открытие Британии (325–320 гг. до н. э.), скорее всего, шел вслед за финикийцами, стремясь к колонизации, а не открытию новых пространств. Колонизация греками черноморского побережья носила прежде всего характер освоения сравнительно небольшой территории, за пределы которой греки не стремились выйти.

Еще менее результативными в плане географических открытий оказались военные походы Александра Македонского. Характеризуя их, крупный исследователь истории географических походов И.П. Магидович писал: «В географическом отношении походы Александра оказались столь же бесплодны, как и в научно-историческом» [Магидович, 1957, с. 30]. Зачастую задачи, которые ставились перед географами, сопровождавшими войско Александра Македонского, уже были решены их предшественниками, и здесь можно увидеть процесс деградации географических знаний, возникающий из-за утраты интереса в языческом обществе к подлинным открытиям новых земель.

Римская империя немногое изменила в познании мира: римляне не открывали, а «ознакомились» [Магидович, 1957, с. 32] с другими землями, которые также были открыты ранее, и римляне лишь шли по проложенному пути. «На всем азиатском материке, – пишет И.А. Магидович, – римляне не сделали никаких открытий: войны они вели только на Ближнем Востоке, со Средним Востоком торговали через ближневосточных подданных, а товары с Дальнего Востока получали через посредников [Магидович, 1957, с. 37]. Религиозной потребности в открытии новых земель не возникало, а следовательно, не было и открытий. Даже те немногочисленные экспедиции, которые предпринимались римлянами, как, например, римские походы вглубь Африки, совершенные Луцием Корнелием Бальбом на быстроходных верблюдах в 19 г. до н. э. или в I в. н. э. Септимием Флакком и Юлием Матерном, предстают скорее как военные операции, а не географические экспедиции, причем уверенности в их подлинном совершении у историков нет.

Если перейти к временам уже христианской эпохи, то язычники-вигинги могут служить примером того, как далекие путешествия не превращались в географические открытия. Для викинга, несущегося по «путям лебедей», не существовало понятие «новой земли» [Тьеэри, 1937]. Тотемическое мировосприятие, уподобляющее викингов зверям, – и многочисленные атрибуты звероподобия и кораблей, и внешнего облика, и стиля поведения подтверждают этот тезис – лишало их путешествия главного признака географического открытия: фиксации территориальной новизны и соотнесенности этой новой территории с единственным цивилизованным миром, миром Божьим. Неслучайно норманнский путешественник Отер (IX в. н. э.) характеризуется не как первооткрыватель северо-западного побережья Европы, а как промышленник, перед которым стояли задачи опять-таки освоения, а не открытия. Поэтому же язычники-норманы и не стали в полном значении этого слова открывателями Америки – им стал христианин Христофор Колумб.

Колумб: иной или новый?

Феномен интереса к новизне, присущий Новому времени, можно определить как духовную культурообразующую доминанту всей эпохи. Практически во всех сферах культуры начинается сложно объяснимый с рациональной точки зрения глобальный процесс обращения к новому, возникает неимоверная жажда открытия: в языке – Данте и Петрарка выявляют новые грани литературного совершенства; в искусстве – Микеланджело, Рафаэль и Тициан создают новое художественно-визуальное представление о человеке и мире; в науке – Коперник и Парацельс рисуют новую картину мироздания; в интеллектуальной сфере – Альберти и Мирандола формулируют новую этику и способ познания; в мореплавании – Колумб и Магеллан открывают новые пространства и земли...

Но единой составляющей процесса жажды нового становится глубокое религиозное мировосприятие, скорее даже религиозное подвижничество самых различных первооткрывателей Нового времени, конечно, уже без аскетических крайностей Средневековья. Данте, создавая «Божественную комедию», по сути открывает новое теологическое видение мира на основе религиозно-поэтического симбиоза. Петрарка получает мировую известность – лавровый венок поэтической славы! – именно благодаря своим этико-религиозным трактатам, где открывает новые пространства христианской души, способной выразить свое религиозное чувство в новых социально-культурных условиях. Парацельс достигает открытый в естественнонаучной области, полагаясь на незыблемый тезис о метафизической связи микрокосма человека с макрокосмом бытия. И даже Дж. Бруно, вопреки идеологическому мифу об его атеистичности, сжигают не за то, что он проповедовал гелиоцентрическую систему, а за слишком рьяное религиозное рвение, превращающееся в ересь (в протоколах инквизиции сохранились высказывания Бруно, требующего, чтобы его называли «сыном неба» [Michel, 1962]).

Религиозность Нового времени – глубокая, укорененная, осознанная – становится тем импульсом, который подвигал интеллектуалов и художников, ученых и путешественников к расширению границ Божественного мира. Сама потребность в новом становится и основанием и условием развития веры: отныне новизна входит неотъемлемой частью в религиозное мировосприятие, ожидание и уверенность в пришествии и раскрытии новизны, Нового, сопоставимо с уверенностью в осуществлении Божественного чуда. Собственно, открытие Нового – будь то Новый Свет или новые слова – и становилось для людей эпохи Нового времени постоянно совершающимся чудом.

В теолого-культурологическом контексте феномена новизны совершенно «по-новому» предстает взаимосвязь Средневековья и Нового времени. Причины, по которым Средневековье не реализовывало потенциал раскрытия нового, столь присущий христианскому мировидению, достаточно сложны. Хотелось бы только отметить: из граней мудрости Средневековья заключалось в том, что эта эпоха, пронизанная глубокими религиозными интуициями, еще жила свежей памятью о той псевдо-новизне, которую культивировало язычество на самых высших уровнях цивилизованности, прежде всего римской цивилизованности. Хаос, являющий себя языческому сознанию в хитросплетениях псевдо-новых комбинаций, был способен в мороке политеизма восприниматься как некая новизна, но точнее было бы охарактеризовать эти «миражи» как дурную бесконечность мозаики разорванного сознания. Христианское Средневековье с настороженностью относилось к новизне не потому, что видело в нем опасность изменений, а потому, что, напротив, строго оценивало саму значимость изменений, искало подлинную новизну и отсекало, подчас буквально выжигало, любой симулякр нового как наследие хаотического политеизма. Именно опыт Средневековья по кристаллизации новизны, опыт очищения новизны от примесей «вечного возвращения» и лег в основание того взрыва интереса к новому, который и определил всю сущность эпохи Нового времени. Без аскетического, нередко жесткого и жестокого, религиозного «фильтра», через который пропустило Средневековье

понятие новизны, трудно представить культурообразующий механизм всей современной европейской цивилизации.

Вместе с тем Средневековье помнило об опасности новизны, об искушении новизной, а потому стремилось отретушировать резкость Нового. И это искушение еще только предстояло пройти современникам Колумба, причем далеко не все, в том числе и сам Адмирал Моря-Океана (титул, пожалованный Колумбу), смогли в итоге выдержать это искушение. Средневековье выработало технологию предохранения религиозного сознания от опасностей нового и передало дальше эту «технологию» Новому времени. Именно это спасительное, по сути сотериологическое, наследие и помогло Новому времени преодолеть опасности, таящиеся в новизне, те опасности, которые не смогло преодолеть язычество Древнего Рима.

Новое время открывает для себя саму возможность расширения мира Божьего, мира единобожия, единого Божьего мира. Неслучайно, что столь знаковым для эпохи Великих географических открытий становится понятие концептуального масштаба – *terra firma* (лат.), т. е. твердая земля, суша. Важнейшее изменение культурной ситуации этой эпохи – это стремление открыть, обрести твердь, новые основания, новую «*terra firma*», на которой смогло бы выстроиться новое хронотопическое мироощущение. Духовная твердость, накопленная Средневековьем, требовала реального воплощения в конкретику пространства и времени. И обретение новой тверди пришло вместе с открытием Колумба.

Новое время с удивлением открыло, что человеческие знания о мире, в частности, о пространстве – необычайно малы (тот самый тезис *El mundo es requeño*, взятый в качестве эпиграфа). Для Средневековья количество внешнего знания, знания о внешнем мире было достаточным. В этот многовековой период потребности в расширении знаний о мире не возникало – возможно, потому, что средневековый вектор познания был обращен внутрь человека, в глубины религиозного сознания. Именно это погружение в религиозный мир внутреннего, душевного и духовного представляло важнейшей целью и раннего, и позднего Средневековья. Но уже возникновение схоластики как формализации внутреннего познания сигнализировало об определенной исчерпанности на том этапе внутренних «экспедиций» и требовало уже качественно новой познавательной информации, которая реализовалась в формате внешних географических путешествий. Внутренний мир человека, досконально изученный Средневековьем с использованием методики Священного Писания и Священного Предания, расширился в результате этого изучения и потребовал нового объекта исследования: внешнего мира.

Колумбу как раз и была подготовлена роль одного из первых успешных экспериментаторов по переходу от открытий твердынь духа к открытию новым земным твердынь. Здесь мы подходим к одному из самых сложных вопросов в понимании изначального импульса, приведшего к наступлению эпохи Нового времени. Вопрос формулируется следующим образом: можно ли считать Колумба первооткрывателем, если он сам на протяжении всей жизни не считал себя таковым, настаивая на том, что он не открывал новый мир, а дошел с иной стороны к миру известному, к Индии, по сути предложил увидеть с иной стороны мир, уже открытый и давно находящийся в продуктивных контактах с цивилизованным миром, с единым миром Божиим, миром, четко вписывающимся в парадигму абсолютного соответствия топографическим представлениям Библии и Священного Предания?

Ведь для человека на заре Нового времени, еще живущего опытом и опасениями Средневековья, неизвестное новое, не укорененное в освященной веками богословско-догматической защите, скорее представляло опасность, опасность духовного свойства, чем желательное приобретение. Что несло с собой новая земля, новая *terra firma*, о которой не говорили Библия и святые отцы, почему об этом новом пространстве не упомянуто в Ветхом и Новом Заветах, почему об этой новизне умолчали авторы Священного Предания? Сложность этих вопросов для глубоко верующего человека того времени, каким был

Христофор Колумб, видимо, и определили ту иллюзорную позицию, которой придерживался всю жизнь Адмирал Моря-Океана. Мы увидим, что иллюзии для Колумба играли знаковую, подчас провиденциальную роль, и он сам будет умело использовать иллюзорность для достижения своих целей. Однако оказаться на переломе эпох, взять на себя ответственность за вторжение нового, totally нового, ответственность за последствия этого вторжения в привычный мир Божий, Колумб не считал возможным, а, может быть, и допустимым для себя.

Он, находясь в культурной ситуации своего времени, не мог согласиться с недосказанностью, а в итоге с признанием кажущейся ущербности Писания и Предания в географических описаниях мира. Авторитет этих оснований христианского учения был для Колумба незыблем, но тем не менее в его путешествии мы склонны видеть прежде всего открытие нового, хотя, конечно, само понятие нового не похоже на современное истолкование этого феномена в нашем секуляризированном обществе. Новизна, открываемая Колумбом, – это религиозно осмысленная новизна, самым кратким определением которой является понятие тайны.

Один из культурных концептов, который передало Средневековье Новому времени, – это неизбыtnость потаенности в структуре бытия. Таинственность мира Божьего, таинственность Промысла Божьего, являющая себя в церковных Таинствах, определяли сакральную специфику новизны для времени Колумба. Тайна океанов, материков, островов, в целом новых пространств являлась тайной для человека, но не для Бога. А потому человек, открывающий новое, т. е. тот человек, которым являлся Колумб, одновременно приобщался к уже известному, но только утаенному до определенных «годин». И, видимо, для Колумба была ближе позиция, которая сближала его с чувством приобщенности к раскрываемой тайне, нежели с позицией открытия чего-то совершенно неведомого, своеобразная «апофатическая» география. Колумб является один из первых парадоксов человеческого мироощущения Нового времени – он одновременно и открывает новое, и расширяет старое, тем самым, на практике географических путешествий реализуя основополагающий принцип христианского богословия: единосущия. Единосущие Сына и Отца, Духа и Девы, человека и Бога, Тайны и Откровения как раз и позволяет хотя бы приблизиться к пониманию мироощущения раннего Нового времени, которое одновременно открывало новые материки и в то же время отказывалось видеть в них абсолютно новые земли.

Само величие таинственности, впитанное Колумбом из опыта всей религиозной культуры своего времени, толкало его из узких обжитых пространств к расширению границ известного мира. Внутренние моря Средиземноморья «стали тесны – перенасыщены отчаянными схватками» [Ирвинг, 1992, с.12], внутренние миры генуэзских, венецианских кварталов, испанских и португальских городов становились тесны для безграничья сакральной таинственности, лежащей в основе христианского мироощущения. Божественная потаенность не вмещалась в узкий периметр стен средневековых городов, в меркантильность подсчетов убытков и прибылей, купеческих проектов и политических интриг. Деловитость и меркантильность вытесняли тайну из привычного мира, и Колумб ощущал острую потребность найти место для Тайны, найти новые пространства, где могла бы жить древняя Тайна. Ведь проект перенесения Гроба Господня из Иерусалима в открытые им земли, в Новый Свет, – проект, которому он посвятил всю свою жизнь! – как раз и свидетельствует о потребности в отыскании для тайны нового пространственного местонахождения. Древняя тайна – на новом месте: такова сложная, можно сказать, богословско-географическая диалектика позиции Колумба, казалось бы, отвергавшего очевидность своего открытия. Сам Колумб четко обозначил свой мировоззренческий интерес к познанию тайны: «В раннем детстве вступил я в море и продолжаю плавать в нем и поныне, и таково призвание всякого, кто упорно желает познать тайны сего мира» [Ирвинг, 1994, с. 102].

Колумб к своему открытию двигался по морским пространствам, подобно христианским богословам, продвигающимся по пространствам человеческой души. Ощущение тесноты известного мира двигало его самого и его современников к расширению христианского мира, и как некогда святые отцы высветляли мрак души человеческой светом Христовым, так и Колумб высвечивал, просвещал мрак географического не-знания. Кресты, которые он водружал на каждой открытой территории, как раз и символизировали присоединение к свету христианства, свету древнему, предсуществовавшему, и вместе с тем выступали символами слияния с новым – Новым! – светом.

И в этом сложном религиозном чувстве у Колумба совмещались и ощущение открытия, и осознание себя как продолжателя традиции. В письме «католическим государям» Фердинанду и Изабелле Колумб писал о результатах своего третьего путешествия: «...Ваши высочества обрели такие земли, и их столько, что это ИНОЙ МИР (*otro mundo*), каковой всему христианскому люду принесет радость, а вере нашей возвеличение» [Путешествия..., 1961, с. 416]. При этом он подчеркивает – «Иной», а не новый мир. С.Э. Морисон писал по поводу этой фразы: «По чистой случайности Колумб сказал Иной Мир, а не Новый Свет, иначе лавры, которые стяжал Америго Веспуччи, были бы за ним. В самом деле, два этих выражения, в том смысле, как употребляли их Колумб и Веспуччи, и термин *Mundus Novus* Пьетро Мартира означали одно и то же: земли, доселе неведомые европейцам или не упомянутые в географии Птолемея» [Морисон, 1958, с. 98]. Однако Колумб вряд ли не придавал значения семантическим оттенкам. Скорее здесь мы видим концептуальную оценку путешественника результатов своих экспедиций: Колумб говорит о расширении представлений о мире традиционно христианском, но с иной стороны, – мир, предстающий как многогранная тайна, которую теперь, после его открытий можно, конечно, не разгадать, но увидеть величие этой тайны и ее многогранность.

Средневековье смогло укоренить в европейском сознании потребность в присутствии тайны, в проживании своей жизни, в восприятии мира как тайны. Ощущение, что тайна из окружающей реальности исчезает, изживается, оскудевает, видимо, и являлось важнейшим импульсом к поиску нового людьми, живущими в эпоху Великих географических открытий. Потребность в поиске тайны вело целые поколения путешественников через муки голода и болезни, смертельные опасности. Историк У. Фольета (1518–1581) в «Истории Генуи» (1559) говорит о том, что из двадцати, ушедших в море, возвращалось не более двух генуэзцев, т. е. не более десяти процентов. Но этот низкий «коэффициент рентабельности» не останавливал стремящихся к поиску места для тайны, пусть даже это стремление и позиционировалось как жажда обогащения. И одним из тех, кто первым пошел по пути поиска тайны, был Христофор Колумб.

Колыбель и корабль

Начало этого пути было во многом определено той религиозно-культурной атмосферой, в которой родился будущий великий путешественник. Генуя, родной город Колумба, являлся яркой иллюстрацией перенаселенности Старого света. Старый свет оказывался не только устаревающим, но и все более «затемненным»: стены городов с многовековой историей заслоняли буквально свет Божий. Французский историк Ж. Эер писал, что в 1460 году в Старой Генуе, то есть на территории, отгороженной древнейшей стеной 1155 года, насчитывалось 4 200 домов, в среднем же в каждом доме проживало не менее 15 человек, что превышает на порядок населенность, например, современного Манхэттена.

Генуя, по образному выражению, была городом, который «жил стоя». Стремление врываться к простору, к свету, обрести этот новый свет впиталось на генетическом уровне в сознание Колумба, тем более, что перспективы – статусные и прагматические – были весьма заманчивы: большинство открывателей назначались губернаторами открытых земель.

Колумб, родившийся в 1451 году в генуэзском квартале святого Стефана у ворот святого Андрея, родившийся в один год с будущей «католической королевой» Изабеллой, которая, по выражению В. Ирвинга, являлась «ангелом-хранителем» Колумба, уже с самого детства оказывается в насыщенной религиозными идеями атмосфере. Само имя Христофор – носитель Христа – определяло во многом его первое появление в мир, фамилия Колумб, Коломбо – голубь – также несла знаковый религиозно-символический смысл. С момента рождения под сенью святого Стефана, первого, кто умер за христианскую веру, первооткрывателя христианского пожертвования, и святого Андрея, ставшего первым из учеников Христа и прошедшего по необъятным просторам Вифинии, Пропонтиды, Фракии, Македонии, Скифии, Фессалии, Эллады, – до женитьбы около 1470 года на воспитаннице доминиканского монастыря Сан туш Фелипе Мониз молодость Колумба проходила в религиозном развитии.

Но, конечно, кульминации земное предназначение Колумба достигает в его решении воплотить судьбоносную идею открытия иного пути к Индии. Показательно, что воплощение этой идеи оказывается тесно связанной именно с церковно-религиозными аспектами. Известная история с неприятием проекта Колумба португальским королем Жуаном II также может быть рассмотрена с теологической точки зрения, ведь главным оппонентом и противником предложения Колумба направить экспедицию к Индии был епископ Сеуты Диего Ортис де Касадилья, который выступил против расточительства походов к новым землям [Ирвинг, 1992, с. 30]. Показательно, что положительно оценивал предложения Колумба светский чиновник дон Педро ди Менезиша, поддерживающий открытия в принципе, который был удивлен, что «епископ Сеуты, человек столь благочестивый, высказывается против дела, споспешствующего в конечном итоге распространению католической веры от полюса до полюса» [Ирвинг, 194, с. 30]. Поэтому изначально религиозный контекст планов Колумба, определяющий его стремление к новому, очевиден.

Однако чрезмерный меркантилизм в подходах португальцев, а скорее всего и двойственность их намерений лишили португальскую корону возможности открыть Новый свет первыми. Мало того, высказывается предположение, что после ознакомления с проектом Колумба епископ Сеуты предложил португальскому королю тайно отправить корабль по маршруту, предлагаемому Колумбом. Это предложение осталось не реализованным, но общая атмосфера, которая вынудила Колумба искать поддержки не в Португалии, а Испании, становится ясна. К этому можно добавить, что географические знания,обретенные Колумбом во время службы португальской короне, в частности, знания о маршрутах к Гвинеи и возможных путях к Индии вокруг Африки, путях, которыми в скором времени пройдет Васко де Гамма, представляли опасность для их обладателя. Известен случай, когда «спецслужбы» короля Жана II физически устранили тех, кому были известны указанные маршруты, а иным буквально зашивали рот железной проволокой, чтобы не допустить утечки информации.

И меркантильность, и опасность, исходящая от португальских властей, а главное – отсутствие перспективы для реализации его проекта, вытолкнули Колумба из Португалии. И тут в его жизни появляется точка на земном шаре, к которой он будет стремиться в трудных моментах своей жизни, пожалуй, не меньше, чем к берегам Индии. Таким местом стал францисканский монастырь Санта-Мария-де-ла-Рабиды, или просто Рабиды, расположенный в испанской Андалузии. История монастыря, благодаря которому стало возможным открытие Нового света Колумбом, глубоко символична. Еще в языческие времена здесь был воздвигнут храм Ваала, Рус-Ваал. Затем римляне передали языческое капище богине подземного царства и плодородия Прозерпине, а после мавританского завоевания языческий храм был превращен в мечеть. В конце XIII века на этом месте возникает францисканский монастырь, и к тому времени, когда возле него оказался Колумб, настоятелем этого монастыря являлся один из просвещеннейших людей своей эпохи Антонио де Марчене.

Положение, в котором находился Колумб, было, очевидно, критическим. Фернандо Мартина Гутьереса, современник Колумба, говорил: «Довелось мне слышать, что дон Христофор Колумб очень нуждался, и монахи Рабиды дали ему пищу» [Coleccion, v. 2, p. VIII]. А исследователь биографии Колумба Я. Свет приводит высказывание папского легата Алессандро Джеральдини, который отмечал, что Колумб жил в крайней нищете и прибыл в «один из монастырей Бетики [Андалузии] истомленный и униженный, нуждаясь в хлебе насущном» [Ballesteros, v. IV, 1945, p. 505]. Сохранилось предание о том, что Колумб вместе со своим маленьkim сыном подошел к воротам монастыря и попросил хлеба и воды для мальчика. Когда отец и сын вкушали у стен монастыря дарованную пищу, к ним подошел настоятель, и состоялась эта знаковая для мировой истории встреча.

Именно францисканский монах, настоятель монастыря Антонио де Марчене сыграл, можно сказать, ведущую роль в открытии Нового Света.

Знаковый эпизод: Колумб открывает Антонию де Марчене свои замыслы отправляясь на поиски пути к Индии на исповеди. Исповедальный контекст планов Колумба ясно показывает, что для него данный проект имел сакральный характер, заветный характер, проект, который настолько важен, что превращается даже в исповедь. После того, как настоятель монастыря Рабида услышал не просто изложение, а исповедание проекта Колумба, он увидел в этой исповеди всю грандиозность замысла, и, очевидно, стал одним из первых людей, кто по-настоящему поверил в Колумба и его идею. Сам Колумб так охарактеризовал роль этого монаха: «После Предвечного Господа ни у кого я не получал такой поддержки, как у брата Антонио де Марчены... все насмехались надо мной, кроме этого человека» [Manzano, 1964, p. 31]. Настоятель монастыря Рабида знакомит Колумба с Фернандо де Талаверой, также являющимся настоятелем монастыря Прадо, но главное, духовником королевы Изабеллы. Так перед Колумбом открывается дорога к престолу Испании, а затем и к берегам Нового Света. И человеком, который по сути открыл эту дорогу, являлся францисканский монах Антонио де Марчене.

Еще на одной историко-культурной особенности хотелось бы заострить внимание при разговоре о религиозных основаниях будущих открытий Колумба. Сама религиозная атмосфера, царящая в Испании этого времени, отличалась необычайно высоким уровнем религиозного порыва, инициирующего ту самую жажду нового. «Испания, – писал В. Ирвинг, – в своем религиозном рвении превзошла все христианские страны» [Ирвинг, 1994, с. 42]. И это рвение было вознаграждено: именно Испания открывает Новый Свет. Религиозная и одновременно geopolитическая задача по созданию идеала христианского государства, которую ставили перед собой «католические государи» – Фердинанд и Изабелла, – во многом определила географическую задачу Колумба. И как «католические величества» достигли своей цели, так и Колумб достиг своей.

Перед испанским королем Фердинандом и его супругой королевой Изабеллой самыми важными являлись, с их точки зрения, задачи, имеющие религиозно-политический контекст: покорение мавров и введение инквизиции. Для своего времени эти задачи воспринимались подвигом веры, ведь неслучайно именно за осуществление этих задач королю Фердинанду и королеве Изабелле было присвоено папой Иннокентием VII то самое звание «католических величеств», т. е. государей, в полной мере исполняющих, по мнению Римской церкви, волю Божью. И только такие государи могли увидеть в проекте Колумба прежде всего религиозную сторону, услышать сакральный зов иных пространств, ждущих слова Христа.

И король, и королева были необычными монархами. Это были странствующие монархи, подобно странствующим монахам, постоянно перемещающиеся по пространству своих владений. Историки, например, подсчитали, что «с апреля по ноябрь 1486 года королевская чета побывала в 42 городах Кастилии» [Свет, 1974, с. 67]. Их двор был «кочу-

ющим табором» (Я. Свет), и стремление католических величеств покорять пространство роднило их с Колумбом. При этом необходимо помнить: Фердинанд и Изабелла видели свое призвание в расширении и упрочении именно христианского мира, а не исключительно своих собственных монархий. Созвучие религиозно-мировоззренческих позиций и есть одно из главных условий в конце концов положительного решения испанских монархов в пользу проекта Колумба.

История этого решения известна: Колумб, благодаря посредничеству настоятеля монастыря Рабида, оказался представленным одному из самых высокопоставленных лиц католической церкви в Испании – Педро Гонсалесу де Мендосе, архиепископу толедскому и великому кардиналу Испании, который положительно оценил идеи Колумба. В отличие от португальских князей церкви испанские иерархи церкви увидели в проекте Колумба его достоинства, и разглядеть их помогла все та же атмосфера религиозного рвения, царившая в Испании. При этом опять-таки мы встречаем теологический контекст восприятия географических идей Колумба: первоначальное впечатление, которое произвел Колумб на де Мендосу, было негативным, Колумб поразил его своими, как казалось, еретическими воззрениями, отличающимися от географических описаний Библии. Однако «затем убедился в правоте Колумба… он рассудил, что в попытках расширить границы человеческого знания и исследовать плоды творения нет ничего противного религии» [Ирвинг, 1994, с. 41]. Таким образом, изначально теория Колумба получила религиозное и теологическое истолкование, что накладывает особый отпечаток на все дальнейшие перипетии его путешествий.

В истории открытия Нового света наступает еще один знаковый момент, который также неразрывно связан с христианским монастырем. Речь идет о знаменитом диспуте в Саламанке в монастыре Святого Стефана, святого, чье имя носил родной квартал Колумба в Генуе. Целью этой дискуссии было определение реалистичности проекта Колумба и выработка практических рекомендаций по организации экспедиции. Необходимо подчеркнуть, что важнейшей особенностью диспута в Саламанке являлся его преимущественно теологический характер. Оппоненты Колумба стремились перевести дискуссию в богословский формат, обращаясь к цитированию Библии, к авторитету святых отцов, Священного Предания, с целью доказать принципиальную невозможность подобного путешествия. Аргументы, с современной точки зрения, конечно, были абсурдны: наличие удаленных земель и народов предполагает отказ от признания Адама в качестве прародителя всего человечества; небеса, простирающиеся, как кожаный занавес, не дадут возможности преодолеть столь значительные расстояния; земля освещена небесами только с северной стороны, а в южном полушарии солнца нет; ставился вопрос об антиподах, которые якобы должны ходить вверх пятками… Перечень подобных «контр-аргументов» можно продолжить.

Колумб старался преодолеть недоверие саламанкских богословов путем доказательств и теологического, и географического характера. Но известно, что решение на диспуте в Саламанке оказалось не в пользу Колумбу. Однако здесь возникает интересная деталь: в традициях богословских споров, которые формировались на протяжении столетий, яркой чертой являлась их принципиальная незавершенность. Сами теологические рассуждения, рассуждения о Боге, о величии мира Божьего в силу сложности этого вопроса предполагали потенциальную открытость решений, избегали однозначных и окончательных выводов. Претензия на обладание конечной истиной оставалась за Богом, а рамки человеческого разумения могли вмещать только часть истины – на этих принципах базировалась вся мощная богословская традиция, из которой и вырос университет в Саламанке. Поэтому диспут не стал принимать резких заключений, а только высказал некое утверждение о нежелательности организации подобной экспедиции. Потенциально открытый

формат богословских решений, свойственный христианской теологии, сыграл положительную роль в дальнейшей судьбе Колумба, оставил возможность переосмыслить пути дальнейшего практического воплощения проекта.

И здесь на сторону Колумба становится еще одно весьма значимое лицо в испанских церковных кругах – монах Диего де Деса, впоследствии архиепископ Севильи. Этот человек сменил в 1498 году печально известного инквизитора Томаса Торквемаду и в преследованиях еретиков подчас даже превосходил своего сурогата предшественника. Однако в отношении проекта Колумба этот жестокий инквизитор не увидел негативных причин, в том числе причин богословского характера, а потому стал одним из тех, кто продолжил, несмотря на решение в Саламанке, продвигать проект Колумба. Именно благодаря Диего де Деса Колумб получил возможность обратиться к католическим величествам с изложением своего плана экспедиции, и после достаточно длительных согласований в конце концов было принято эпохальное решение о снаряжении экспедиции под командованием Колумба.

Конечно, семилетние мытарства Колумба по бюрократическому и придворному закулисью требовали от него большой выдержки, а главное наличие высокой мотивированности, веры в свой проект. И здесь важнейшую роль сыграло опять-таки религиозное чувство Колумба: именно вера в свое сакральное предназначение, стремление выполнить заветную идею освободить Гроб Господень и впоследствии сформировавшееся желание перенести Гроб в новые земли. Именно религиозное чувство поддерживало Колумба на протяжении долгих бюрократических проволочек и отказов, причем по мере развития событий замысел Колумба обретал все более практические очертания: с целью большей конкретизации своей идеи Колумб, например, встречался во время осады города мавров Баса в 1490 г. с монахами, служившими при Гробе Господнем в Иерусалиме [Ирвинг, 1994, 50].

И религиозно-географическое рвение Колумба наконец было вознаграждено: после завоевания Гранады в 1492 году, после успешного расширения христианского мира военным путем, католические величества решают расширять христианский мир и с помощью открытия новых земель. Так, 17 апреля 1492 года было заключено соглашение между Колумбом и католическими величествами, в котором оговаривались условия экспедиции, а главное – принято решения о выделении ресурсов для отплытия Колумба. Сам Колумб предельно четко обозначил религиозный контекст поставленной перед ним географической задачи: «...Ваши высочества как католики-христиане и государи, почитающие святую христианскую веру и споспешствующие ее распространению, и как враги секты Магомета и всяческого идолопоклонства и ересей, решили отправить меня, Христофора Колумба, в указанные земли Индий, с тем, чтобы повидал я этих государей и эти народы и дознался бы о состоянии этих земель и также о том, каким образом окажется возможным обратить их в нашу веру» [Путешествие, 1971, с. 1].

И в знаменательный день 3 августа 1492 года корабли Колумба, через восемнадцать лет после рождения у будущего Адмирала Моря-Океана замысла достигнуть берегов Индии иным путем, отошли от испанских берегов на запад...

Список источников

- Алексеев Д.А., Новокшонов П.А. 1988. По следам «тайных путешествий». М., Мысль, 205 с.
Гуревич А.Я. 1971. Викинги: мнимые сенсации и подлинные загадки. В кн.: Сборник «Бригантина-71». М., Молодая гвардия: 153-173.
Ирвинг В. 1992. Жизнь и путешествия Христофора Колумба. Харьков: Око, 608 с.
Свет Я. М. 1973. Колумб. М., Молодая гвардия, 368 с.
Colección de los documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar, v.v. 1-25, Madrid, 1885-1932.

Список литературы

- Бейкер Дж. 1950. История географических открытий и исследований. М., Иностранный литература, 648 с.
- Бенвенист Э. 1974. Общая лингвистика. М., Прогресс, 448 с.
- Вебер М. 1994. Избранное. Образ общества. М., Юрист, 704 с.
- Геродот. 1972. История в девяти книгах. Л., Наука, 600 с.
- Дитмар А.Г. 1989. От Птолемея до Колумба. М., Мысль, 253 с.
- Магидович И.П. 1957. Очерки по истории географических открытий. В 5 т-х. М., ГУПИ, 382 с.
- Морисон С.Э. 1958. Христофор Колумб, мореплаватель. Перевод с англ. Н.В. Банникова. (Cristopher Columbus mariner. By Samuel Eliot Morison. Boston-Toronto, 1955). М., Издательство иностранной литературы, 216 с.
- Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. Пер. с исп. Я.М. Света. Под ред. И.П. Магидовича. 1961. М., Географгиз, 515 с.
- Тьерри О. 1937. Избранные сочинения. Пер. с франц. (Augustin Thierry. Oeuvres choisies). М., Соцэкиз, 440 с.
- Хенниг Р. 1963. Неведомые земли. В 4-х т. Пер. с нем. Л.Ф. Вольфсон и Р.З. Персиц. (Richard Henning. Terra incognitae. Bd. I. Leiden, 1944). М., Иностранный литература, 244 с.
- Michel P.H. 1962. The Cosmology of Giordano Bruno. Paris: Hermann; London: Methuen; Ithaca, New York: Cornell University Press, Pp. 306.
- Ballesteros y Beretta A. 1945. Cristobal Colon y el descubrimiento de America. Historia de America y de los pueblos americanos, v.v. IV-V, Barcelona – Buenos Aires, 504 p.
- Manzano J. 1964. Cristobal Colon. Siete afios decesivos, Madrid, Ediciones Cultura Hispanica, 531 p.
- Wilkinson T. 2010. The rise and fall of ancient Egypt. New York: Random House, 672 p.

References

- Bejker Dzh. 1950. Istorya geograficheskikh otkrytij i issledovanij [The history of geographical discoveries and research]. Moscow, Publ. Inostrannaya literature, 648 p.
- Benvenist E. 1974. Obshchaya lingvistika [General Linguistics]. Moscow, Publ. Progress, 448 p.
- Veber M. Izbrannoe. 1994. Obraz obshchestva. [Favorites. The image of society]. Moscow, Publ. Yurist, 704 p.
- Gerodot. 1972. Istorya v devyati knigah [History in nine books]. Leningrad, Publ. Nauka. 600 p.
- Ditmar A.G. 1989. Ot Ptolemeya do Kolumba [From Ptolemy to Columbus]. Moscow, Publ. Mysl. 253 p.
- Magidovich I.P. 1957. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytij [Essays on the history of geographical discoveries]. Moscow, Publ. GUPI. 382 p.
- Morison S.E. 1958. Hristofor Kolumb, moreplavatel [Christopher Columbus, navigator]. Trans. from English. N.V. Bannikov. (Cristopher Columbus mariner. By Samuel Eliot Morison. Boston-Toronto, 1955). Moscow, Publ. Izdatelstvo inostrannoj literatury. 216 p.
- Puteshestviya Hristofora Kolumba. Dnevniki, pisma, dokumenty [Travels of Christopher Columbus. Diaries, letters, documents]. Trans. from Spanish Ya.M. Sveta. Ed. I.P. Magidovich. 1961. Moscow, Publ. Geografgiz. 515 p.
- T'jerri O. 1937. Izbrannye sochineniya [Selected works]. Trans. from French (Augustin Thierry. Oeuvres choisies). Moscow, Publ. Socekgiz, 440 p.
- Henning R. 1963. Nevedomye zemli [Unknown Lands]. In 4 volumes. Trans. from German. L.F. Wolfson and R.Z. Peach. (Richard Henning. Terra incognitae. Bd. I. Leiden, 1944). Moscow, Publ. Inostrannaya literatura. 244 p.
- Michel P.H. 1962. The Cosmology of Giordano Bruno. Paris: Hermann; London: Methuen; Ithaca, New York Publ. Cornell University Press, Pp. 306.
- Ballesteros y Beretta A. 1945. Cristobal Colon y el descubrimiento de America. Historia de America y de los pueblos americanos [Christopher Columbus and the discovery of America. History of America and of the American peoples]. v.v. IV-V, Barcelona – Buenos Aires, 504 p.
- Manzano J. 1964. Cristobal Colon. Siete afios decesivos [Christopher Columbus. Seven decisive years]. Madrid, Ediciones Cultura Hispanica, 531 p.
- Wilkinson T. 2010. The rise and fall of ancient Egypt. New York, Publ. Random House, 672 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.12.2021
Поступила после рецензирования 06.03.2022
Принята к публикации 10.06.2022

Received December 6, 2021
Revised March 6, 2022
Accepted June 10, 2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Vice-Rector for Research at Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus), Belgorod, Russia

УДК 231.2
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-357-367

Рационально-философская аргументация Леонтия Византийского и его влияние на развитие поздней Византийской христологии

Стрелкова И.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: strelkova_i@bsu.edu.ru

Аннотация. Истоки сегодняшней жизни христианской Церкви заключены в ее древней истории, что обуславливает важность изучения деятельности ее особых представителей, таких как Леонтий Византийский. И хотя современные ученые уделяют внимание изучению догматики этого богослова, его влияние на развитие поздней Византийской христологии остается не изученным. В связи с этим автором рассмотрено богословское учение христолога Леонтия Византийского, которое затрагивало вопросы о воплощении Иисуса Христа, об образе соединения во Христе Божественной и человеческой природы, с целью изложения христологии в контексте тех дискуссий, которые велись в V–VII вв. В работе показано, что Леонтий Византийский стал одним из первых богословов-полемистов, кто смог разъяснить истинный смысл Халкидонского определения. В результате исследования было выявлено, что труды Леонтия Византийского в значительной степени содействовали прояснению и утверждению православной христологии и играли видную роль в церковно-полемической деятельности. Они оказали огромное влияние на христологию епископа Анастасия Антиохийского, преподобного Максима Исповедника, преподобного Анастасия Синаита и преподобного Иоанна Дамаскина.

Ключевые слова: богословие, христология, Леонтий Византийский, церковно-полемическая деятельность

Для цитирования: Стрелкова И.А. 2022. Рационально-философская аргументация Леонтия Византийского и его влияние на развитие поздней Византийской христологии. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 357–367. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-357-367

Rational-philosophical Argumentation of Leonty of Byzantium and his Influence on the Development of Late Byzantine Christology

Irina A. Strelkova

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: avvakumova_alina@mail.ru

Abstract. The origins of today's life of the Christian Church are contained in its ancient history, which determines the importance of studying the activities of its special representatives, such as Leontius of Byzantium. And although modern scholars pay attention to the study of the dogma of this theologian, his influence on the development of late Byzantine Christology remains unexplored. In this regard, the author considers the theological teaching of the Christologist Leonty of Byzantium, which raised questions about the incarnation of Jesus Christ, about the image of the union in Christ of the Divine and human nature, in order to present Christology in the context of those discussions that took place in the 5th-6th centuries. The paper shows that Leonty of Byzantium became one of the first polemical theologians who was able to explain the true meaning of the Chalcedonian definition. As a result of the study, it was revealed that the works of Leonty of Byzantium to a large extent contributed to the clarification and approval of Orthodox

Christology and played a prominent role in church polemical activities. They had a great influence on the Christology of Bishop Anastasius of Antioch, St. Maximus the Confessor, St. Anastasius of Sinai, and St. John of Damascus.

Keywords: theology, christology, Leontius of Byzantium, ecclesiastical and polemical activity

For citation: Strelkova I.A. 2022. Rational-philosophical Argumentation of Leonty of Byzantium and his Influence on the Development of Late Byzantine Christology. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 357–367 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-357-367

Введение

Христология или учение о Лице Иисуса Христа, занимающее среди других истин христианского богословия самое важное и центральное место, V–VII вв. составляло предмет особенного внимания со стороны христианских богословов и церковных писателей, поэтому развитие христологии происходило довольно быстро. Учение Леонтия Византийского формировалось в контексте защиты Халкидонского Собора от критики со стороны монофизитов и несториан. По поводу содержания и истинного смысла вероопределения на территории восточной Церкви возникали сильные споры и волнения, благодаря чему богословские силы Церкви VI в. вынуждены были снова пересмотреть и обсудить вопрос о надлежащем понимании Халкидонского определения. Среди этих сил одной из выдающихся явился богослов-полемист Леонтий Византийский.

Сегодня существует мало источников, в достаточной мере освящающих христологию Леонтия Византийского. Проблемой является то, что произведения автора практически не переводились. В данной статье использовались исследования Соколова В. [2000], который достаточно подробно анализирует проблемы византийской христологии; протоиерея Иоанна Мейendorфа [2000], который рассматривает вопросы христологии достаточно широко и охватывает V–XV вв.; С.Л. Епифановича [2000] и Г. Флоровского [2001], которые обзорно рассматривают вклад Леонтия Византийского в христианское богословие.

Целью данного исследования является определение, в чем заключается рационально-философская аргументация Леонтия Византийского в христианском богословии и каково его влияние на развитие поздней Византийской христологии в лице известных представителей: епископа Анастасия Антиохийского, преподобного Максима Исповедника и преподобного Анастасия Синаита.

Объектом исследования является христианское богословие. Предмет исследования – христология V–VII вв. На различных этапах работы использовались элементы исторического, логического методов исследования, методы сравнения и анализа.

Отражение богословских взглядов Леонтия Византийского в трудах отцов Церкви

Известно, что центральной идеей христианского вероучения является признание того, что Иисус Христос пришел на землю в человеческой плоти (1Ин 4:2). Именно этот догмат в той или иной мере защищали все богословы. Одним из таких защитников можно назвать Леонтия Византийского, «внесшего своими трудами богатый вклад в богословскую науку, а также влившего животворную струю в религиозную жизнь Греко-Восточной Церкви» [Фокин, 2006, с. 150]. По мнению исследователя А.А. Спасского «Св. Церковь, верная хранительница апостольских преданий, никогда не возбраняла стремлений своих чад к христианскому знанию вообще и, в частности, к разумному постижению и усвоению самых глубоких и таинственных догматов веры. Напротив, в лице своих духовных пастырей и лучших представителей из мирян она указывала всегда на необходимость их посильного изучения и раскрытия». [Спасский, 1995, с. 128].

Значение деятельности любого богослова нельзя измерять только в тесных границах известного момента ее проявления среди того или иного народа, важно понимать это значение в контексте всего процесса ее культурного влияния на людей [Соколов, 2005]. Рассмотрим живые следы такого влияния у поздних византийских богословов. Они наблюдаются уже у Анастасия, епископа Антиохийского (Феополитанского), занимавшимся богословской наукой и полемикой с еретиками. Так как он дважды занимал епископскую кафедру в Антиохии: с 559 по 570 гг. и с 594 по 599 или 600 гг., то имел полную возможность знать и читать все труды Леонтия Византийского. Плодом его занятий были многочисленные сочинения.

Так, доказывая различие Лиц во Св. Троице, еп. Анастасий останавливается на словах св. Иоанна Богослова «В начале было Слово» (Ин.1,1), и путем синтаксического и логического разбора этих слов выводит из этого необходимость признания вечности Отца и Совечного Ему Сына. Также поступает он и в доказательстве особенности и вечности Лица Св. Духа, обосновывая эту истину на словах Спасителя: «Дух, иже от Отца исходит» (Ин.15, 26). Различие одного Лица от другого в Св. Троице он обосновывает тем, что каждое Лицо имеет свои личные характеристические свойства (*proprietates characteristicae personarum*) при единстве субстанции или природы. Природу от ипостаси нужно строго различать в учении о Св. Троице: «...Ипостась не есть природа, так же как и природа – не ипостась», ибо природа единообразна и неделима и потому не правильно искать части в неделимом. Определение этих понятий находится в творениях еп. Анастасия и излагается вполне согласно с доктриной Леонтия Византийского. Такая же солидарность с Леонтием Византийским наблюдается у него и в учении о воплощении Иисуса Христа. Воплотившийся Иисус Христос есть Бог и человек, заимствовавший тело от Матери и ставший Ей единосущным (по человечеству), хотя не перестал быть рождающимся от Отца и обладать Божественной природой без всякого изменения. Христос состоит из двух природ и имеет одну ипостась. «Всеми богословами и учителями Церкви признается, что у различных природ (во Христе) одна ипостась и что единение природ совершилось по ипостаси Христа, Который не только состоит из Бога и человека, но один и тот Бог и человек с неповрежденными в единении природами, которые образовали через соединение сложную ипостась (*compositum hypostasim Christi*), называемую Христом» [Соколов, 2005, с. 82].

Учение о сложной ипостаси во Христе встречается и у Леонтия Византийского, и именно в той интерпретации, какая здесь дается еп. Анастасием и какая встречается и у дальнейших литературных эпигонов Леонтия. Подобно Леонтию, еп. Анастасий входит в рациональное объяснение самого ипостасного соединения природ во Христе. Учителя Церкви называют сущностью – общее, а ипостасью – частное или специальное, как, например, человек есть общее, а какой-либо человек есть частное, ипостась, ибо какой-либо человек не есть человек (вообще), но кто-то в сущности. Отсюда Сын (во Христе) не есть сущность, но ипостась, имеющая одну и ту же Божественную природу, полную и всесовершенную, как и другие Лица Св. Троицы. Усыновление есть естественное свойство в отношении к Тому, от Которого (именно от Отца) Он – Сын. Как Сын Божий, Христос одной и той же Божественной природы с Отцом, но Он есть и Сын человеческий, потому что соединил в Своей ипостаси и истинную природу человеческую. Характерный для христологии Леонтия Византийского термин, объясняющий образ существования человеческой природы во Христе, еп. Анастасий употребляет только один раз, однако, факт восприятия им идей и терминов от Леонтия не подлежит никакому сомнению.

Общие аспекты христологии у Леонтия Византийского и епископа Анастасия Антиохийского

Рассмотрим тождественность взглядов епископа Анастасия и Леонтия Византийского по вопросу о страдании и бесстрастии Христа. В трактате с таким заглавием еп. Анастасий

сий развивает мысли, что «Бог совершенно не способен к смерти. Но Он воспринял природу единосущную и во всем подобную нашей, которая способна к страданиям и смерти... Он сделал плоть Своей собственной и соединился с ней, как душа с телом. И поэтому все, что в ней Он совершил, считает за собственное Свое... Отсюда и божеское, и человеческое считается в Нем за общее, только при мысленном разделении того, что относится к той или другой природе. Божество чуждо страданий и никакое страдание не может касаться бесстрастного... И тем не менее страдание Христа было Его собственным, страданием по воспринятой природе, соединенной по ипостаси нераздельным соединением» [Мейendorf, 2000, с. 86]. «Отсюда кровь, которая текла из тела Его, считается кровью бесплотного и чуждого крови Слова, поскольку Один есть Христос, соединенный из обеих (природ), вместе Бог и человек. Отсюда и все то, что Спаситель приобрел Своей спасительной смертью и последовавшим за ней воскресением, сделалось достоянием людей, имеющих с Ним единую человеческую природу. Во Христе люди освобождены от смерти, тления и рабства и одарены бессмертием, нетлением и свободой» [Contra Nestor, 1970]. Все эти мысли мы встречаем у Леонтия Византийского в его 2-й книге *Contra Nestor et Eutych*.

Есть ли у еп. Анастасия какой-либо прогресс в догматическом развитии по сравнению с Леонтием Византийским или он только закрепляет и упрочивает его тезисы и термины? Наблюдается нечто и новое – это обсуждение вопроса об энергиях Божества, который исторически предшествовал спору о волях во Христе в сочинении *De incircumscripto* (О неограниченном) [*De incircumscripto*, p. 38]. «Во всем, говорят, действует Бог энергией, а не сущностью Своей». Это утверждение автор и считает своим долгом разобрать и опровергнуть. Его положение таково: «Энергия неотделима от природы или субстанции; там, где Бог действует Своей силой или энергией, там находится непременно и сущность, или природа Его. Так сущность Божия проста и неизменна, как просты и неизменяемы все силы и действия ее. Никакое действие Божие не может произойти без действующего Бога. А так как Бог вездесущ, то во всех проявлениях своей энергией Он и присутствует везде Своей сущностью или природой». Прилагая эту теорию к Иисусу Христу, чего, впрочем, не делает сам Анастасий, мы должны будем признать в Нем две совершенных энергии с соответственными им действиями – Божескими и человеческими или в ипостасном соединении – Богочеловеческими [Соколов, 2005]. «Вообще же относительно близости Анастасия Антиохийского к Леонтию Византийскому нужно сказать, что эта близость не может особенно ярко бить в глаза потому, что мы под руками имеем очень мало сочинений Анастасия, и притом таких, которые посвящены прямому изложению догматических истин и очень мало касаются полемики, которая так существенна и характерна для сочинений Леонтия» [Соколов, 2005, с. 78].

Влияние Леонтия Византийского на христологию преподобного Максима Исповедника

Преподобный Максим Исповедник и Философ, монах Константинопольский (первая половина VII в.) не только усвоил себе в совершенстве христологические взгляды Леонтия Византийского, но и расширил их в применении к назревшим потребностям своего времени. Самыми современными и злободневными для него догматическими вопросами были вопросы об энергиях и действований, о волях и желаниях во Христе [Болотов, 2007]. Леонтий Византийский затрагивает эти вопросы только отчасти и высказывает лишь несколько случайных заметок по ним. Таково, например, место из сочинения *Contra Nestor et Eutych*: «Желать и не желать не есть свойство плоти, но разумной души, в которой усматривается свобода воли и главная причина желания по той и другой (душе и телу). Затем считают ее (душу) ответственной и за то, что она желает против природы. Ибо для чего она не рождена. Отсюда происхождение греха. Без внимания нельзя оставлять и того, что если усматриваются три причины, из которых происходит всякая деятельность: первая – из есте-

ственной силы, вторая – из отступления от природы, третья – из возвышения над природой, то и называется первая – естественной, вторая – противоприродной, третья – сверхприродной. Противоприродная по самому названию есть некоторое уклонение от естественных способностей и сил, вредит самой сущности и ее естественным энергиям. Естественная же состоит из причины беспрепятственной и соответствующей природе. Сверхприродная возводит, возвышает и усиливает к совершеннейшему (состоянию), которое не может быть достигнуто только естественными действиями» [Соколов, 2005, с. 80].

Здесь Леонтий Византийский хочет показать, что во Христе как истинном Богочеловеке действовали нормально естественные силы и сверхъестественные божественные, соответственно чему развивалась стройно его божественная и человеческая жизнь и деятельность. Средняя же, составляющая отклонение от нормы, греховная деятельность была несвойственна Христу, так как Его человеческой душе и телу были совершенно чужды такие силы и стремления. В сочинении *Contra Monophys* богослов, углубляясь в изъяснение тайны внутренней жизни воплощенного Христа, говорит, что «каждая природа придает Христу свою жизнь: одна естественную жизнь человеку, другая естественную жизнь Богу, так что и получается единое богомужно живущее Лице. Ядущий и пиющий, возрастающий и укрепляющийся подобно нам, единый Христос Бог нам был в то же время всемогущим и всесовершенным по Своему Божеству» [*Contra Monophysitas*, 1901]. Таким образом, в приведенных словах у Леонтия Византийского предрешается вопрос об энергиях и волях во Христе в том именно направлении, что каждая природа имеет свою волю и деятельность, но не в отчуждении и обособлении, а в совершенном единении, при котором центром жизни и деятельности является Богочеловеческое Лице Иисуса Христа.

Преподобный Максим придерживается такой же точки зрения в рассуждении об энергиях и волях во Христе, как и Леонтий Византийский, только ставит и аргументирует этот вопрос с большей определенностью и обстоятельностью. Он живет в самый разгар монофелитских движений и в качестве передового борца и апологета православной истины вынужден снабдить христианскую догматику рационально-философской аргументацией. Исходным пунктом в решении этого вопроса преп. Максим ставит то положение, что энергия или деятельность есть свойство природы, а не ипостаси [Поспелов, 2004]. Если же признать за начало и источник энергии ипостась, тогда в Св. Троице нарушится принцип единства и самая Св. Троица в Едином Божестве уничтожится.

Особенно подробно это положение он разбирает в своем диспуте с Пирром.

Преп. «Максим: «Христос есть един, един – по ипостаси или по природе?» Пирр: «По ипостаси, ибо по природе Он двойственен». Максим: «Итак, двояко ли Он и действует по причине двойственности природы, или одинаково ради единства ипостаси? Но если двояко, то числом этих действий не вводится ли число лиц? Если одинаково, то по одноковому единству Лица получатся такие же самые нелепые заключения и относительно этого. Ибо если энергия ипостасная, то во множестве ипостасей усматривается вместе и различие энергий». Пирр: «Не совсем так. Если Он двояко действует, тогда будет у Него две энергии, если же действующий один, тогда одна и энергия». Преп. Максим: «Но называя одну энергию, какою такою желаете вы считать ее? Божественною, человеческою или ни той ни другой? Но если Божественной, тогда вы считаете Христа – одним Богом, человеческой – тогда считаете одним чистым человеком, если ни той, ни другой, тогда признаете Христа не существующим» [Епифанович, 2000, с. 45].

Получается, что во Христе есть две деятельности по различию двух природ в Нем, но объединяемые одним ипостасным сознанием и управлением.

Таким же образом преп. Максим Исповедник рассуждает о волях во Христе. Воля, как и энергия, есть свойство природы. Как естественная такая воля детерминистична, она характеризуется в своих проявлениях признаком роковой необходимости. Но в природе человека, как в природе разумной и сознательной, эта необходимость сама собой устраняется возможностью для человека сознательного выбора. Поэтому человеческая воля в

специфическом смысле может называться свободной волей. Как человеческая, эта воля есть всегда немощная, несовершенная, но это не значит, что она неизбежно должна быть греховной. Иисус Христос воспринял в ипостасное единство вместе с человеческой природой и человеческую волю, воспринял ее без греха. Будучи безгрешной, эта воля свободно подчинялась воле Божественной и не могла испытывать свойственной греховной воле людей нерешительности, изменчивости, уклонения в грех и зло. Никакое оппозиционное, враждебное отношение желаний и воль во Христе было невозможно, так как оно основано было на неслитном и нераздельном, ипостасном единстве Его природ. Такая воля может называться богоужной волей. Христос обладает естественной человеческой волей, при этом гномической воли у Христа нет. Все человеческие свойства Христа следуют Его божественным свойствам. Поэтому Он смог сказать: «Не моя воля, но Твоя» (Лк. 22:42). Таким образом во Христе осуществляется ипостасное единство и взаимообмен природами. Протоиерей И. Мейendorf отмечает, что Бог «в каком-то смысле умирает вместе с воспринятой Им человеческой природой. В Гефсимании Бог переживает человеческий страх, горе и метание, однако мы не знаем психологии Бога, нам неведомо, что Он ощущал в действительности, в своем человеческом естестве» [Мейендорф, 2000, с. 132].

По сравнению с Леонтием это учение об энергиях и волях в доктринах преп. Максима составляет, безусловно, значительный прогресс, является крупным шагом к достижению вершин византийской христологии. Во всем остальном богословском учении мы не найдем ничего нового у преп. Максима Исповедника. Как с внешне-формальной стороны, так и с внутренне-идейной он является одним из последовательнейших эпигонов Леонтия Византийского. Свою богословскую доктрину он предлагает в отрывочной форме, чем заывает немалые труды для исследователя по приведению его воззрений в определенную систему. Вся терминология и аргументация преп. Максима не только представляет собой воспроизведение, но и во многих случаях точное повторение таковых же Леонтия Византийского. У преп. Максима имеются особые трактаты по истолкованию философских терминов в применении к христологии. В частности, термин *enipostatos* он утилизирует для изъяснения соединения двух энергий и воль во Христе. *Enipostatos* обозначает *eniparkton*; *eniparkton* же участвует в существенном и естественном бытии. Отсюда действующее или деятельное означает собственно имеющее в себе силу. *Endinatōn* же есть обладающее существенной и естественной силой. Итак, то, что признание природ во Христе не безыпостасными или бездейственными не обозначает ограничения ипостасей, но означает православное признание их существенными и естественными явлениями и энергиями, действующего по нераздельному единению воплощенного Бога Слова, это мы считаем и утверждаем как истину.

Аргументация преп. Максима подобно аргументации Леонтия Византийского по своему содержанию весьма разнообразна и разностороння. Она даже богаче и шире аргументации Леонтия. В ней намечаются два главных составных элемента: философский (аристотеле-платоновский, или неоплатонический) и богословский (бблейско-патристический), как замечаются и два основных направления: то реалистическое, то мистическое. В общем же богословская система преп. Максима представляет собой несомненный опыт синтетического или синкретического богословствования, в котором гармонически сочетались и плодотворно объединились на пользу богословской науке все философские влияния и богословские течения. Г. Флоровский замечает, что «в конечном результате своей богословско-литературной деятельности преп. Максим не представляет собой чего-либо оригинального и потому, конечно, не должен быть переоцениваем. Оншел теми самыми путями, которые уже проложил в византийском богословии Леонтий Византийский, он использовал тот материал, который был ранее добыт и собран трудами того же Леонтия и Псевдо-Ареопагита, он оперировал теми же методами и приемами, какие введены были в употребление указанными авторами» [Флоровский, 2001, с. 140]. Преп. Максим не цитирует сочинений Леонтия Византийского и создается впечатление, что не

знает их. Но исследователи трудов Максима Исповедника говорят, что его цитаты – большей частью глухие, то есть он ссылается на учение святых отцов и учителей Церкви, не называя их по именам. В числе их он мог всегда подразумевать и Леонтия Византийского. «В Максиме Исповеднике христология нашла более совершенного выразителя идеи Богочеловечества. Вопрос об истинности Божества Христа был сполна исчерпан в христологии предшествовавшего времени, и он вовсе не входил в программу полемики православных с монофелитами; эти последние, как и их предтечи монофизиты, не менее православных были убеждены в том, что Христос есть истинный и во всем совершенный Бог Слово» [Соколов, 2000, с. 90].

Значение св. Максима в истории христианской богословской литературы весьма высоко. Соединяя в себе с высокими природными дарованиями философскую образованность, богословскую начитанность и отменное искусство диалектики, он обладал всеми средствами к тому, чтобы среди отцов и учителей Церкви занять не последнее место. Не случайно христианская древность почтила его имя эпитетами – «философ, богослов и исповедник».

Значение преподобного Анастасия Синаита в развитии христологии в связи с влиянием Леонтия Византийского

При наблюдении за дальнейшим развитием византийской христологии во второй половине VII в. особого внимания заслуживает имя преподобного Анастасия Синаита. «На данный момент есть лишь единственная работа, посвященная систематическому исследованию богословия преп. Анастасия Синаита – труд чешского патролога Spačil' на итальянском языке» [Spačil, 1923]. Значение этого имени в истории христологических движений вырисовывается с двух сторон: как писателя-полемиста против многочисленных еретиков и как составителя известного патристического сборника *Patrum doktrina de Werdi inkarnatione* [Diekamp, 1907]. В самой литературной деятельности Анастасия есть много сходств с деятельностью Леонтия Византийского. «Сочинения первого, как и второго, были вызваны на свет главным образом ревностью по истине христианской веры, желанием убедить еретиков и сектантов в их неправде и возвратить в лоно Христовой Церкви» [Соколов, 2000, с. 90]. Для этой цели Леонтий Византийский появлялся на многочисленных диспутах с отделившимися от Церкви, еп. Анастасий же предпринимал ценные путешествия по отдаленным местам и вступал в прения с укрывавшимися там инакомышляющими.

Очевидна литературная зависимость преп. Анастасия от Леонтия Византийского. Достаточно прочитать некоторые отрывки из его капитального сочинения «Путеводитель» [Sinaitae, 1981], чтобы убедиться в этом. И в преобладающем рационально-философском методе полемики, и в манере подкреплять конечные выводы ссылками на Священное Писание и на отеческие авторитеты, и в нередком употреблении терминов ипостаси, природы, воипостасности, и др. – во всем этом сказывается несомненно Леонтий Византийский, равно как в других терминах, касающихся вопроса об энергиях и волях во Христе и др. заметно влияние преп. Максима Исповедника.

Относительного патристического сборника *Antiquorum partum doctrina* нужно сказать, что его значение в истории христологических движений основывается не столько на том, что в нем сохранилось много цитат из утраченных сочинений древних писателей, и не на том, что в нем эти цитаты систематизированы в применении к одному вопросу о воплощении Слова, сколько на том, что вообще этот сборник фактом своего появления и распространения на востоке зафиксировал сознание достигнутого предела в участии философии и разума в решении христологической проблемы и сознание необходимости занять твердое, устойчивое положение через последование признанным соборным и отеческим авторитетам [Пашин, 2009, с. 4]. Этим сборником византийская богословская наука до некоторой степени реабилитировала себя от тех обвинений в разрыве с древнеотече-

скими традициями, какие могли предъявляться к ней ввиду очевидного увлечения рациональным исследованием христологического догмата в послехалкидонский период. Сборник говорит, что и в этом рационализировании догматов веры восточное богословие развивалось в неизменном согласии с преданиями католической Церкви, выраженными в постановлениях св. соборов и святых отцов и учителей Церкви. Это значение сборника в свою очередь является наглядным показателем того неустанного движения к достижению вершин христологии, какое всегда считала своей задачей восточная Церковь [Синайт, 2003, с. 215]. Отсюда ясно и то, что преп. Анастасий Синайт, помимо его самостоятельных богословских работ, одним этим составлением сборника обеспечил себе почетное место среди представителей византийского богословия. Эта доктрина имеет тем большую ценность, что в нем приводятся цитаты из трех сочинений Леонтия Византийского – *Contra Nestor, et Eutych; Adversus argum. Severi* и *De Sectis*, одно сочинение – *Capita triginta contra Severum* – помещается там целиком.

Патристические сборники составлялись авторами с высоким научно-богословским авторитетом и имели в виду самое точное и яркое выражение православной истины в противовес сочинениям еретиков. Сочинения Леонтия Византийского были ценным вкладом в богословскую науку, они в значительной степени содействовали прояснению и утверждению православной христологии и играли видную роль в церковно-полемической деятельности.

Исследуя труды преп. Анастасия, Г. Флоровский отмечает, что у него «дух системы исчезает, связь слабеет, и внимание теряется в лабиринте апорий» [Флоровский, 2001, с. 143]. Следует отметить, что отцы Церкви, в том числе Иоанн Дамаскин, не строили определенную систему. «Можно признать, что по глубине постановки и решения богословских проблем, а также по широте охвата их преп. Анастасия Синайта нельзя сравнить с его современником преп. Максимом Исповедником. Более основательное знание наследия преподобного позволит нам точнее определить его место в истории святоотеческого богословия. Но уже сейчас можно говорить о его несомненном значении в раскрытии православного учения о Лице Господа Иисуса Христа» [Сидоров, 1998, с. 5]. Русский патролог В. Соколов, отмечает: «Смысл трудов Анастасия мы поставляем в том, во-первых, что он лишний раз в них с особенной отчетливостью и настойчивостью закрепляет ту терминологию и аргументацию, которая получила себе начало в Халкидонском вероопределении и развитие – в трудах последующих отцев-писателей, во-вторых, в том, что он констатирует факт излишнего увлечения еретиков и сектантов рационально-философской аргументацией и сознания необходимости возвратиться к библейским и патристическим началам» [Соколов, 2005, с. 87].

В целях защиты христианских догматов представители восточной Церкви, применяя рациональный подход, достаточно глубоко исследовали догмат о Лице Иисуса Христа. «В христологии вместе с аристотелевской терминологией начали приобретать силу и те начала, которые положены в основу аристотелевской логики и которая характеризуется отрицательным отношением ко всяkim тайнам и требованием разумного освещения всего до *nec plus ultra*. Анастасий не раз в своих сочинениях касается этого больного места в направлении богословской науки и напоминает о тех средствах, какими оно могло бы быть исцелено» [Соколов, 2000, с. 90]. Поэтому «усилившемуся аристотелевскому и вообще рационально-философскому влиянию и значению в решении доктринальных вопросов Анастасий противопоставляет «благочестивые предания св. Отцев», на которые он постоянно и ссылается как на последнее слово истины. Христологическое развитие возвращается таким образом к своим источным началам и несомненно выигрывает в смысле очищения от посторонних наслоений и дальнейшего приближения к вершинам православной христологии» [Соколов, 2000, с. 91]. Можно отметить, что преп. Анастасий использует логические инструменты в решении богословских вопросов, здесь он сходен с преп. Максимом Исповедником и с преп. Иоанном Дамаскиным.

Заключение

Леонтий Византийский оказал огромное и во многом определяющее влияние на христианское богословие, сравнимое по своему значению с влиянием Оригена. Он во многом расширил, обогатил и развил православную терминологию. Леонтий Византийский ввел термин «воипостасный», с помощью которого аргументированно различались два термина: «сущность» и «ипостась». Труды этого богослова-полемиста входили в состав христологических сборников, являлись ценным вкладом в богословскую науку, в значительной степени содействовали прояснению и утверждению православной христологии и играли видную роль в церковно-полемической деятельности. Также важно отметить безусловное влияние рационально-философской аргументации Леонтия Византийского в вопросах христологии на видных представителей богословской мысли. Он оказал влияние на богословие епископа Анастасия, который входит в рациональное объяснение самого ипостасного соединения природ во Христе. Преподобный Максим Исповедник не только усвоил себе в совершенстве христологические взгляды Леонтия Византийского, но и расширил их в применении к назревшим потребностям своего времени. Преподобный Анастасий Синайт также имеет много сходств с деятельностью Леонтия Византийского, в частности, в преобладающем рационально-философском методе полемики и др.

Богословие таких отцов, как Анастасий Синайт, Максим Исповедник и Иоанн Дамаскин было бы неполным без Леонтия Византийского. В пер. пол VI в. он являлся единственным крупным богословом, ученым, защищавшим Церковь от большого количества эрудированных противников.

В итоге отметим, что вопросы, которые рассматривал Леонтий Византийский актуальны для богословской науки и сегодня. До сих пор христиане, принадлежащие к православной конфессии, ведут дискуссии с представителями дохолкидонских церквей по вопросам христологии с целью разрешить противоречия, возникших после 451 г.

Список литературы

- Беневич Г.И. 2009. Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия. Т. 1, 2. М., СПб., «Никая»-РХГА, 1424 с.
- Болотов В.В. 2007. История Церкви в период Вселенских Соборов: История богословской мысли. Киев, Общество любителей православной литературы, Изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 622 с.
- Диспут с Пирром: прп. Максим Исповедник и христологические споры VII столетия 2004. Отв. ред. Д.А. Поспелов. М., Храм Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках, 528 с.
- Епифанович С.Л. 2003. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., Мартис, 224 с.
- Иеромонах Адриан (Пашин). 2009. Путеводитель преподобного Анастасия Синайта как опыт раскрытия христологического учения Церкви. Автореф. ... дис. канд. богословия. Сергиев Посад, 39 с.
- Преп. Анастасий Синайт. 2003. Избранные творения. М., Паломник, Сиб. благозвонница, 477 с.
- Мейендорф И. 2000. Иисус Христос в восточном православном богословии. М., ПСТБИ, 318 с.
- Сидоров А.И. 2003. Преподобный Анастасий Синайт. Избранные творения. М., Паломник; Сибирская благозвонница, 479 с.
- Соколов В. 2005. Завершение Византийской христологии после Леонтия Византийского, Православие и монофизитство. М, Панагия, 453 с.
- Спасский А.А. 1995. История догматических движений. М., Сергиев Посад, 650 с.
- Флоровский Г. 2006. Восточные отцы IV века. Минск, Белорусский Экзархат, 304 с.
- Фокин. А.Р. 2006. Леонтий Византийский: сборник исследований. Отд. по делам молодежи Русской Православной Церкви, Крутицкое Патриаршее Подворье, Центр библейско-патрологических исследований. М., Империум пресс, Центр библейско-патрологических исследований, 671 с.

- Diekamp F. 1907. *Antiquorum patrum doctrina de Verbi incarnatione*. Munster.
Contra Nestor, et Eutych. II, PG. 86, I, 1332A-B, 1341 C, 1348A
Contra Monophysitas. 1901. PG. 86b.
Crat. de incircumscripto, n. 1. 2. (Patr. Grace. T. 89. col. 1331)
De incircumscripto, n. 1. 2. (Patr. Grace. T. 89. col. 1331)
Spačil. 1923. *La teologia di santo Anastasio il Sinaita*, Roma.
Sinaitae A. 1981. *Viae dux. Cuius edionem curavit Karl-Heinz Uthemann*. Turnhout, Leuven, CCL, 464 p.

References

- Benevich G.I. 2009. *Antologija vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli. Ortodoksija i geterodoksija. [Anthology of Eastern Christian Theological Thought. Orthodoxy and heterodoxy]*. Vol. 1, 2. M., SPb., Publ. Nikeja-RHGA, 1424 p.
- Bolotov V.V. 2007. *Istorija Cerkvi v period Vselenskih Soborov: Istorija bogoslovskoj mysli. [History of the Church during the period of the Ecumenical Councils: History of theological thought]*. Kiev, Obshhestvo ljubitelej pravoslavnoj literatury, Publ. Izd-vo im. svt. L'va, papy Rimskogo, 622 p.
- Disput s Pirrom: prp. Maksim Ispovednik i hristologicheskie spory VII stoletija. 2004. Otv. red. D.A. Pospelov. [Debate with Pyrrhus: St. Maximus the Confessor and the Christological controversies of the 7th century]. M., Hram Sofii Premudrosti Bozhiey v Srednih Sadovnikah, 528 p.
- Epifanovich S.L. 2003. *Prepodobnyj Maksim Ispovednik i vizantijskoe bogoslovie. S.L. Epifanovich; scient. edit.: Ed. V.P. Lega. [Saint Maximus the Confessor and Byzantine theology]*. M., Publ. Martis, 224 p.
- Ieromonah Adrian (Pashin). 2009. *Putevoditel' prepodobnogo Anastasija Sinaita kak opyt raskrytija hristologicheskogo uchenija Cerkvi: Avtoref. dis. kand. bogoslovija. [Guidebook of St. Anastasius of Sinai as an experience of revealing the Christological teaching of the Church: Abstract of a thesis for the degree of Candidate of Theology]*. Sergiev Posad, 39 p.
- Prep. Anastasij Sinait. 2003. *Izbrannye tvorenija. [Selected Works. St. Anastasius of Sinai]*. M., Publ. Palomnik, Sib. blagozvonnica, 477 p.
- Mejendorf I. 2000. *Iisus Hristos v vostochnom pravoslavnem bogoslovii. Per. s angl: O. Davydenkova, svjashhh., L.A. Uspenskoj. [Jesus Christ in Eastern Orthodox theology]*. M., PSTBI, 318 p.
- Sidorov A.I. 2003. *Prepodobnyj Anastasij Sinait. Izbrannye tvorenija. [Venerable Anastasius of Sinai. Selected creations]*. M., Publ. Palomnik, Sibirskaja blagozvonnica, 479 p.
- Sokolov V. ier. 2005. *Zavershenie Vizantijskoj hristologii posle Leontija Vizantijskogo : Pravoslavie i monofizitstvo. [Completion of Byzantine Christology after Leontius of Byzantium: Orthodoxy and Monophysitism]*. M., Publ. Panagija, 453 p.
- Spasskij A.A. 1995. *Istorija dogmatischeskih dvizhenij: Sergiev Posad. [History of dogmatic movements]*. M., 650 p.
- Florovskij G., prot. 2006. *Vostochnye otcy IV veka. Po blagosloveniju Vysokopreosvjashchennejshego Mitropolita Minskogo i Sluckogo Patriarshego Jekzarha vseja Belarusi Filareta. [Eastern Fathers of the 4th century / Florovsky G., archpriest; with the blessing of His Eminence Metropolitan of Minsk and Slutsk, Patriarchal Exarch of All Belarus Filaret]* – Minsk : Belorusskij Jekzarhat, 304 p.
- Fokin A.R. 2006. *Leontij Vizantijskij : sbornik issledovanij. Otd. po delam molodezhi Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, Krutickoe Patriarshee Podvor'e, Centr biblejsko-patrologicheskikh issledovanij. [Leonty of Byzantium: collection of studies. Otd. for Youth Affairs of the Russian Orthodox Church, Krutitsy Patriarchal Compound, Center for Biblical Patrological Research]*. M., Imperium press, Centr biblejsko-patrologicheskikh issledovanij, 671 p.
- Diekamp F. 1907. *Antiquorum patrum doctrina de Verbi incarnatione*. Munster.
Contra Nestor, et Eutych. II, PG. 86, I, 1332A-B, 1341 C, 1348A
Contra Monophysitas. 1901. PG. 86b.
Crat. de incircumscripto, n. 1. 2. (Patr. Grace. T. 89. col. 1331)
De incircumscripto, n. 1. 2. (Patr. Grace. T. 89. col. 1331)
Spačil. 1923. *La teologia di santo Anastasio il Sinaita*, Roma.
Sinaitae A. 1981. *Viae dux. Cuius edionem curavit Karl-Heinz Uthemann*. Turnhout, Leuven, CCL, 464 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.09.2021
Поступила после рецензирования 10.12.2021
Принята к публикации 20.06.2022

Received September 10, 2021
Revised December 10, 2021
Accepted June 20, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрелкова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Strelkova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

THESIS

УДК 81/22

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-368-372

Репрезентации социокультурных изменений в современных медиа

Ахмед Мухтасам Мустафа Ахмед

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: muhtasam.oryoly@mail.ru

Аннотация. В эпоху становления цифровизации нельзя изучать социально-культурное развитие общества вне процессов информационного обмена. Автором рассмотрены процессы коммуникации в современных медиа в контексте социокультурных изменений: как изменяются каналы циркуляции ценностей, норм, моделей поведения. Медиа становятся важным фактором в формировании социальных связей, отношений, дифференциации и интеграции общества. Они оказывают влияние на мировоззренческие, социальные и психологические установки, нравственные и ценностные ориентиры как отдельных индивидов, так и общества в целом. Соответственно, средства массовой информации как социальный институт неизбежно становятся важным фактором в развитии культуры общества.

Ключевые слова: медиарепрезентация, социокультурные изменения, цифровизация, средства массовой информации, медиапространство, культура общества

Для цитирования: Ахмед Мухтасам Мустафа Ахмед. 2022. Репрезентации социокультурных изменений в современных медиа. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 368–372. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-368-372

Representations of Sociocultural Changes in Modern Media

Ahmed Muhtasam Mustafa Ahmed

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: muhtasam.oryoly@mail.ru

Abstract. In the era of the formation of digitalization, it is impossible to study the socio-cultural development of society outside the processes of information exchange. The author examines the processes of communication in modern media in the context of socio-cultural changes: how the channels of circulation of values, norms, behavioral models change. Media are becoming an important factor in the formation of social ties, relationships, differentiation and integration of society. They influence the ideological, social and psychological attitudes, moral and value orientations of both individuals and society as a whole. Accordingly, the mass media as a social institution inevitably become an important factor in the development of society's culture.

Keywords: media representation, sociocultural changes, digitalization, mass media, media space, culture of society

For citation: Ahmed Muhtasam Mustafa Ahmed. 2022. Representations of Sociocultural Changes in Modern media. НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 368–372 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-368-372

Сегодня сложно анализировать социально-культурное развитие общества вне процессов информационного обмена. Мы живем в эпоху цифровизации, и ввиду активного развития технических средств коммуникации и сети Интернет медиа становятся, с одной стороны, основным полем социального взаимодействия, формирующим «культуру реальной виртуальности», с другой – являются «продуктом нашего собственного самовыражения посредством особого кода коммуникации», без понимания сути и механизмов действия которого нам сложно будет ориентироваться и изменять окружающую нас действительность [Кастельс, 2004, с. 19].

Медиа как социальный институт становятся важным фактором формирования социальных связей, отношений. Они оказывают влияние на мировоззренческие, социальные и психологические установки, нравственные и ценностные ориентиры как отдельных индивидов, так и общества в целом. Невозможно не согласиться с мнением Е.И. Кузнецовой [2021], которая, исследуя современную коммуникацию как общецивилизационный процесс, включающий многоуровневое взаимодействие в сфере социальной деятельности, характеризует его как «обмен ценностям и нормами, изменяющими духовную активность индивидов, социальных групп, институтов».

Выступая в качестве одного из ключевых факторов социализации, современная медиасреда, наравне с семьей, образовательными, финансово-экономическими и правовыми институтами, сопровождает человека в течение всей жизни. В сети Интернет с помощью информационно-коммуникативных технологий выстраиваются социальные взаимодействия, происходит создание, распространение культурных образцов, норм и смыслов. Медиа становятся важными каналами социальной мобильности не только для символов, ценностей и идей, но и для социальных субъектов различного уровня – индивидов, групп, институтов, поскольку они являются неотъемлемым компонентом всех структур современной социальной системы, реальные объекты обретают своих виртуальных двойников на различных онлайн платформах – в сети Интернет, мессенджерах.

Медиа, в отличие от традиционных социальных институтов, в меньшей степени формализованы. Благодаря гибкости современных средств сетевой виртуальной коммуникации, доступности и открытости, в социальных сетях, мессенджерах отражается все разнообразие интересов и потребностей различных социальных групп, обнаруживают себя социальные и культурные противоречия. Зачастую новый контент носит конвергентный характер и является продуктом совместной деятельности условных «создателей» и «потребителей». Например, вследствие активного развития интернет-платформ традиционные СМИ большое внимание уделяют оформлению пользовательского контента – сопровождение выпусков новостей уже невозможно представить без дублирования на YouTube с возможностью комментариев, а на популярных каналах выпускают передачи, контент которых по большей части взят из роликов пользователей социальных сетей. Данные новшества в сфере СМИ являются не только способом налаживания обратной связи с пользователями, согласованию интересов различных групп, но и способствуют вовлечению широких масс людей в творческую деятельность.

Можно предположить, что все содержательные тексты, которые включает в себя инфосфера, имеют под собой определенные идеи – смыслы, и в социальном аспекте это отражение внешнего мира должно повлиять на осознание цели и перспективы его дальнейшего познания и практического преобразования. По существу, любая идея, возникшая и получившая свое дальнейшее развитие в умах разных людей и принятая ими на основании сложившегося ценностного образа, является объединяющей. Таким образом, медиапространство предстает как достаточно хаотичная система духовно-ценостной информации, предлагающая в соответствии с различными интересами и потребностями пользователей необходимую духовно-познавательную среду, свободную от диктата и комфортную для социального выбора.

Совместное созидание, передачи и эстетизация культурных кодов в медийном измерении социального пространства способны оказывать на пользователей медийных средств коммуникации самое различное влияние. К положительному воздействию медиа на общество, ставящее в приоритет воспитание и содействие развитию личности, можно отнести масштабный охват аудитории, информативность, возможности оперативной обратной связи в ответ на возникающие в социуме события и явления. Недостатками можно назвать негативное воздействие средств медиа, основанных на манипуляциях общественного сознания, которые способны сформировать у людей зависимость от чужого мнения, что влечет за собой трансформацию ценностных представлений аудитории, а также искажение реальной действительности [Замараева, с. 23].

Позитивные и негативные эффекты, риски воздействия медиа отражают особенности реализации функций медийной культуры, в том числе информационной, коммуникативной, идеологической, рекреационной, творческой и других, а также отражают тенденции социокультурного развития социума. Пользователи медиа при помощи современных информационно-коммуникативных технологий создают, получают и аккумулируют социокультурный опыт, который, в свою очередь, формирует для них новые условия жизни. Медиа выполняют коммуникативную функцию, способствуя вовлечению всех участников процесса коммуникации в диалог – от отдельной личности, получающей поток информации посредством различных способов медиа, вплоть до большого количества культур, в том числе культурных эпох, ушедших в историю.

Смыслообразующие мировоззренческие идеи, идеалы, выраженные в языке, традициях, символах, образах, значениях и нормативно-поведенческих факторах являются важными содержательными составляющими медиа-пространства, выполняющего не только коммуникативную, но и адаптирующую, социализирующую и социально-интегрирующую функции в культуре. Медиасреда включает в себя нормативно-ценностные идеологические компоненты и несет в себе определенную ответственность за осуществление социализации личности – человек должен опираться на пройденный общественный опыт, знания, нормы и идеалы, относящиеся к конкретному типу общества или к социальной группе. Также личность должна усвоить обычаи, традиции, нормы этикета, нравы и законы, к слову, все то, что в комплексе составляет более сложные соединения, к ним можно отнести право, мораль и идеологию.

Медиапространство находится под серьезным контролем идеологов, политиков, государственных структур. Развитие медиа создает определенные риски для сохранения культурных ценностей элиты и сохранения политических институтов демократии из-за конституирования независимого от доминирующих властных групп источников информации и включения их в систему сдержек и противовесов, предотвращения непропорциональной концентрации власти. Новый подход к медиа полностью интегрирует это явление в социальную среду как ретранслятор социального и культурного многообразия, способный к не только распространению низкопробной продукции, но и к трансляции образцов высокой культуры для широкой аудитории, культурные стандарты и потребительские предпочтения которой повышаются с ростом образовательных стандартов и повышением медиаграмотности [Дзялошинский, 2015].

Закономерности становления общества подкрепляют мысль о том, что все ресурсные затраты обусловлены чьими-либо интересами. Духовно-ценностный образ, транслируемый медиа, может варьироваться в угоду интересов различных групп влияния, тех субъектов политики и экономики, за счет чьих средства они поддерживают свою деятельность [Короченский, 2019]. Даже техническое структурирование потоков информации в сети Интернет, предполагающее действие определенных поисковых систем и формирование баз данных, подвергается модерации, не говоря уже о традиционных СМИ (радио, телевидение, пресса). Процесс трансляции данных и доведения информации до пользователя позволяет техническим и программным средствам ограничивать возможности пользователе-

ля на собственное креативное взаимодействие с данными, подчиняя его определенным алгоритмам и направляя на достижение определенного результата – решения, действия. Особенno это впечатляет на примере функционирования каналов ТВ, массовых газет и журналов, силами редакций, формирующих общественное мнение и сознание.

В современной социокультурной ситуации именно посредством медиа в параметрах широкого социального и культурного контекста формулируются духовно-нравственные проблемы и выражается общая обеспокоенность состоянием морали в обществе. Солидарность индивидов складывается не на социокультурных, религиозных или экономических различиях групп, а на схожести общечеловеческих проблем. Остро стоит вопрос взаимосвязи между медиа и формированием ценностей, их созданием либо приписыванием определенным группам. Когда транслируемые ценности не соотносятся с представлениями аудитории медиа о надлежащем, хорошем либо осуждаемом и плохом, когда представляемые в медиа проблемы не соотносятся с актуальными представлениями людей о наиболее острых социальных противоречиях, наблюдается спад внимания к медиаконтенту и проявляется апатия, снижается доверие и к информации, и к ее источнику. В такой ситуации медиа перестают выполнять свою интегрирующую функцию и больше не работают на солидаризацию интересов различных социальных групп. [Тестер, 2001].

Итак, развитие и повсеместное внедрение современных информационно-коммуникативных технологий и развитие сети Интернет ведет не только к повышению конкуренции между новыми медиа и традиционными СМИ, но и между устоявшимися институтами трансляции культуры и медиа в целом. Социальные медиа можно определить как новый канал масштабного ввода информации для СМИ, а также способ выстраивания более сложных процессов коммуникации в обществе в целом [Бакулев, 2019, с.13]. Техническая опосредованность коммуникации создает широкие возможности для взаимодействия больших социальных групп на уровне общения. Аудитория выступает не как пассивный получатель информации, а как активный партнер по коммуникации, заинтересованный в обмене идеями и в решении не только личных, но и общественных проблем. Однако зависимость медиа от экономических и политических структур разрушает их функционирование как посредника культурной коммуникации. Манипулятивный характер коммуникаций в медиа с использованием различных способов воздействия на общественное мнение не способствует согласованию интересов социальных групп и не ведет к удовлетворению потребностей общества.

Список литературы

- Бакулев Г.П. 2019. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. М., Аспект Пресс, 176 с.
- Дзялошинский, И. М. (2015). Интернет в системе медиапространства. Медиа. Информация. Коммуникация, 13: 46–58.
- Замараева Е.И. 2021. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации. Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки, 11(1): 43–48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48
- Ильинова Е.Ю., Волкова О.С. 2016. Когнитивно-дискурсивный аспект медиарепрезентации события. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 7(746): 87–95.
- Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург, У-Фактория, 328 с.
- Короченский А.П. 2019. Постжурналистика как рыночный эрзац журналистики. Век информации, 7(2): 18–26
- Кузнецова Е.И. 2021. Медиаконвергенция как социальный феномен цифрового техногенного общества. Общество: философия, история, культура, 9(89): 18–21.
- Маркина В.М. 2016. Репрезентация других в медиа: (вос)создание стереотипов и контрстратегии изображения инаковости. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 3: 147–158.

- Челышева И.В. 2016. Социокультурное поле медиа: реальность, коммуникация, человек. М., МОО «Информация для всех», 178 с.
- Tester K. 2001. Compassion, Morality and the Media. Buckingham: Open University Press.

References

- Bakulev G.P. 2019. Massovaya kommunikatsiya: Zapadnyye teorii i kontseptsii [Mass Communication: Western Theories and Concepts]. Moscow, Publ. Aspekt Press, 176 p.
- Dzyaloshinskiy M. The Internet in the media space system. Media. Information. Communication, 13: 46–58 (in Russian). .
- Zamarayeva Ye.I. 2021. Sotsiokul'turnyye transformatsii v epokhu tsifrovizatsii [Socio-cultural transformations in the era of digitalization]. Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnyye nauki [Bulletin of the Financial University. Humanities], 11(1): 43–48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48
- Il'inova Ye.YU., Volkova O.S. 2016. Kognitivno-diskursivnyy aspekt mediareprezentatsii sobtyiya [Cognitive-discursive aspect of media representation of an event]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki, 7 (746): 87–95.
- Castells M. 2004. Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and society / Translated from English by A. Matveev, edited by V. Kharitonov. Yekaterinburg, U-Faktoriya, 328 p. (in Russian).
- Korochensky A.P. 2019. Post-journalism as a market ersatz of journalism Information Age, 7(2): 18–26 (in Russian).
- Kuznetsova E.I. 2021. Media convergence as a social phenomenon of a digital technogenic society. Society: Philosophy, History, Culture, 9: 18–21 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.2>
- Markina V.M. 2016. Reprezentatsiya drugikh v media: (vos)sozdaniye stereotipov i kontrstrategii izobrazheniya inakovosti [Representation of Others in Media: (Re)Creation of Stereotypes and Counterstrategies for Depicting Otherness]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny, 3: 147–158.
- Chelysheva I.V. 2016. Sotsiokul'turnoye pole media: real'nost', kommunikatsiya, chelovek [Socio-cultural field of media: reality, communication, people]. Moscow, Publ. MOO Informatsiya dlya vsekh, 178 p.
- Tester K. 2001. Compassion, Morality and the Media. Buckingham: Open University Press.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.08.2021
поступила после рецензирования 13.11.2021
принята к публикации 04.06.2022

Received August 13, 2021
Revised November 13, 2021
Accepted June 4, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахмед Мухтасам Мустафа Ахмед, аспирант
направления подготовки 39.06.01 Социологи-
ческие науки Белгородского государственно-
го национального исследовательского уни-
верситета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ahmed Mukhtasam Mustafa Ahmed, postgradu-
ate student of the field of study 39.06.01 Sociologi-
cal sciences Belgorod State National Research
University, Belgorod, Russia

УДК 378:78.01
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-373-380

Образ Фауста в творчестве Ференца Листа как воплощение романтического героя

Есман О.С. Мирошникова Д.Н.

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308024, Белгород, ул. Королева, 7
E-mail: Olga5462@mail.ru

Аннотация. В данной работе мы стремимся выявить сущность музыкального образа «Фауст» в творчестве Ференца Листа на примере Сонаты H-moll. Обращаясь к трагедии Гёте, композитор обращается не к сюжету, но к образу страстного человеческого ума и сердца и философским вопросам гения, с одной стороны. С другой – как человек своего времени Лист синтезирует гётеевскую проблему кризиса познания с романтическим противоречием, лежащим в основе явления в целом. Мы приходим к выводу о том, что композитор осмыслияет культурный архетип Фауста и представляет свою концепцию, которая сочетает черты гуманистической трактовки Гёте и типичные черты героя романтической эпохи. Выведены черты концепта «Фауст» по Листу. В контексте проблематики статья является междисциплинарным исследованием, включающим культурологические и музыковедческие методы, что позволяет более полно раскрыть тему.

Ключевые слова: Фауст, концепт-образ, романтический герой

Для цитирования: Есман О.С. 2022. Образ Фауста в творчестве Ференца Листа как воплощение романтического героя. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 373–380.
DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-373-380

The Image of Faust in the Works of Franz Liszt As the Embodiment of a Romantic Hero

Olga S. Esman, Daria N. Miroshnikova

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308024, Russia
E-mail: Olga5462@mail.ru

Annotation. In this article we seek to reveal the essence of the musical image of "Faust" in the work of Franz Liszt on the example of the Sonata h-moll. Turning to Goethe's tragedy, the composer turns not to the plot, but to the image of a passionate human mind and heart and philosophical questions of genius on the one hand. On the other hand, a man of his time, Liszt synthesizes Goethe's problem of the crisis of cognition with the romantic contradiction underlying the phenomenon as a whole. We come to the conclusion that the composer comprehends the cultural archetype of Faust and presents his concept, which combines the features of Goethe's humanistic interpretation and the typical features of the hero of the romantic era. The features of the concept "Faust" are derived from the Sheet. In the context of the problems, the article is an interdisciplinary study, including cultural and musicological methods, which allows to reveal the topic more fully.

Keywords: Faust, concept image, romantic hero

For citation: Esman O.S. 2022. The Image of Faust in the Works of Franz Liszt As the Embodiment of a Romantic Hero. НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law, 47 (2): 373–380 (in Russian).
DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-373-380

В начале нам видится необходимым обосновать обращение исследования к образу «Фауст» на фоне изучения творчества Ференца Листа. На протяжении жизни композитор не раз обращался к известному архетипу, воплощенному в работах И.В. Гёте и Н. Ленау: «Одним из самых ярких приверженцев фаустианства был Ф. Лист. Для него трагедия И.В. Гёте явилась своеобразным "романтическим Евангелием", темы которого проникли во множество жанровых модификаций его творчества» (Невская, 2011, с. 14). Первые произведения по мотивам Гёте написаны уже в 40-е годы (песни для хора «Студенческая» (1841) и «Солдатская» (1844), а также «Хор ангелов» (1849)), затем – знаменательная «Фауст-симфония» (1854–1857) и два эпизода из «Фауста» Ленау («Ночное шествие» и «Мефисто-вальс», ок. 1860 г.) для оркестра. Всего Лист написал четыре «Мефисто-вальса»: два последних для фортепиано, первый и второй, изначально оркестровые, также переложены автором для фортепиано соло и фортепианного ансамбля. «Мефисто-полька» написана для фортепиано. Здесь мы видим: а) особое отношение автора к любимому инструменту, б) типичное для его творчества неоднократное обращение к уже изданному музыкальному материалу и в) действительную заинтересованность образом Мефистофеля. На фоне обозначенных сочинений особое место занимает концептуальная философская драма – Соната Н-мoll (1853), которую музыкант посвятил Роберту Шуману. Лист – ярый сторонник программности в искусстве – не пожелал здесь дать ссылку на какой-либо сюжет или идею, хотя бы даже в названии произведения. Тем не менее принадлежность образов Сонаты к образам «Фауста» И. В. Гёте уже доказана и не вызывает сомнений. Мы основываемся на работах Я.И. Мильштейна, С.Я. Вартанова, В.Э. Фермана, В.А. Цуккермана, А.К. Кенигсберга, А.Д. Алексеева и др. Исследователи отмечают значимость идейной составляющей образа в контексте экзистенциальных поисков композитора. «Это грандиознейшее произведение всей романтической фортепианной литературы, – пишет Ферман, – воплощающее в наиболее законченном с художественной стороны виде и в наиболее ярких музыкальных образах основную творческую проблему романтического искусства: борьбу противоречий, разъедающих сознание художника своей неразрешимостью. Каждый художник-романтик переживает эту борьбу по-своему и ищет своей «выход» из нее... Сонату Н-moll Ф. Листа в этом смысле с полным правом называют «фаустовской...». (Ферман, 1940, с. 391) Вартанов пишет о гениальных творениях Гёте и Данте («Фауст» и «Божественная комедия» соответственно): «Они были для него одновременно зеркалом, в котором он видел свое отражение, компасом, с помощью которого он прокладывал свой путь и маяком в процессе духовного становления» (Вартанов, 2008, с. 25). Ученый считает, что, реализуя образы и коллизии гётеевского «Фауста» в Сонате Н-moll, Лист отобразил свой путь художника как путь поиска истины, путь сомнений и разочарований, на котором наступает момент отрицания и неудовлетворённости собой. Последнее становится очевидным в контексте жизненных и эстетических исканий композитора: «...Мировоззрение Листа не было проникнуто внутренней согласованностью и единством: оно несло в себе противоречие, дисгармонию. Самым причудливым образом у Листа переплетались передовые взгляды и сочувствие к революционно-освободительному движению с разочарованием и политическим скепсисом...» (Мильштейн, 1956, с. 12). Мы понимаем такое непостоянство взглядов как естественное для мировосприятия человека времени Романтизма, основанного на базисном кризисном противоречии явления культуры. Об этом пишет А.В. Михайлов (Эстетика немецких романтиков, 1987, с. 9). В ответе Г. Гейне на «Дружеские письма» Лист пишет: «О мой друг, никаких жалоб на непостоянство, никаких взаимных обвинений: наш век болен и мы больны вместе с ним» (Мильштейн, 1956, с. 17). Подводя итог сказанному, сошлемся на одну из наших предыдущих работ: «Очевидно, что романтизм оказывает всепоглощающее влияние на композитора с позиции осуществления его самопознания как некоего горизонта, уходящего в трансцендентность, но тем не менее все же охватываемого как целое в своем миро-

воззрении, в конструировании своего собственного Я. Этот процесс Лист, как и романтики в целом, представлял в контексте культуры, принципиально отличном от предшествующих социальных концепций через призму интерсубъективной жизни человека» (Есман, Кузнецова, 2017, с. 70). Сказанное вполне соотносится с общей романтической тенденцией автобиографичности в искусстве: образ зачастую отождествляется с автором. По этому поводу пишет Семенищева О.А.: «...Если в эпоху Возрождения такое слияние образовывалось в результате открытия себя как свободной богоявленной личности, то в данную эпоху (*романтизма — О.Е.*) сознание автора и героя весьма сложно разделить не только потому, что художник так хотел, а потому, что творец-романтик по-другому не мыслил» (Семенищева, 2005, с. 13).

Итак, обозначив актуальность исследования образа «Фауст» в контексте творчества композитора, мы приступаем к выявлению некоей сущностной его основы по Листу. Для этого видится необходимым обосновать авторскую концепцию программности как одного из ведущих методов творчества, имеющего влияние и на непрограммную музыку композитора. Основываясь на наших предыдущих исследованиях, мы трактуем программность композитора как концептуальную и формирование музыкальных образов в творчестве композитора как концептов (Есман, Калинина, 2018, с. 252). Выявленная особенность состоит в том, что Лист не стремится к сюжетно-изобразительному выражению: его интересует проблематика, идейная составляющая оригинала, видимая через призму своего опыта. В этой связи подоплека – внутренние процессы, что движут героями; сущностная характеристика образа. В отличие от изобразительной программности Г. Берлиоза, идейная программность Листа является выражением философской концепции, авторским осмыслением проблематики. Образы музыкального сочинения – соответственное осмысление на другом уровне. Так, два аспекта (программность и концептуальность образов) находятся в диалектической взаимосвязи, работая вместе и являясь инструментами важнейшей эстетической позиции Листа-композитора – понимания искусства вообще как целого. Итак, мы приходим к выводу о концептуальности образов, которые Ференц Лист стремится воплотить в музыке. Под концептом мы подразумеваем философско-обобщенное преподнесение образа: автор предлагает погрузиться в осознание сущности последнего в противовес сюжетно-характеристическому описанию. «Гораздо важнее показать, как герой думает, чем каковы его поступки» (Кенигсберг, Михеева, 2000, с. 219) – говорит нам Лист.

Какой концепт Ференц Лист транслирует посредством образа Фауста?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к музыкальному материалу Сонаты H-moll, о причастности которой к образам и коллизиям «Фауста» Гёте написано выше. Перед нами не стоит задача анализа всего произведения, но в ракурсе поставленного вопроса особый интерес представляют некоторые темы произведения, представляющие основные действующие силы Сонаты. В ходе анализа тем в рамках небольшой работы мы останавливаемся на экспонировании материала, но не акцентируем внимание на развитии драматургии, т. к. последнее требует гораздо большего объема исследования.

Важнейшую роль имеет Тема-зерно из второго раздела вступления (Рис. 1, Allegro energico с 8-го такта). В условиях монотематического метода, часто используемого Листом, экспонируемый здесь музыкальный материал послужит базой практически для всех (за некоторым исключением) последующих тем Сонаты. С этой точки зрения Тема-зерно есть некий праисточник последующих тем, подобно прафеномену Гёте (Ярош, 2010, с. 10); она представлена двумя мотивами (элементами). Первый традиционно связывают с образом Фауста (рис. 1, такты 8-13). Какими музыкальными средствами здесь выражен концепт? С одной стороны, это – октавы, данные вначале в импульсивно-волевом ритме. За короткий промежуток времени они преодолевают большой диапазон: все это транслирует характер самоутверждения. С другой стороны – волевой порыв дан на неустойчивой почве гармонии (уменьшенный вводный септаккорд), тоника настойчиво избегается (за исключением звука h в одну шестнадцатую на слабой доле). Образ уже на этом этапе демонстрирует

двойственность: так композитор трактует образ Фауста – личности стремящейся, но находящейся в кризисном положении потеряности. Такая характеристика полностью отвечает типичному романтическому герою – человеку, чьи идеальные представления не совпадают с реальностью.

Рис. 1. Тема-зерно (Allegro-energico)

Второй мотив (рис. 1, такты 13-17) связан с образом Мефистофеля: здесь музыка обосновывается в низком регистре и не стремится завоевывать более широкий диапазон звучания. Мы слышим упорно повторяющийся звук – ноту «ре», а затем «ми» в басах. Это анти-мотив по отношению к первому элементу: если первый есть устремленность, то второй – торможение. Нисходящие хроматизмы на stacatto звучат по-саркастически, с издёвкой в ответ на устремлённость фаустовского начала: Дух отрицания смеётся над потугами человечества. Но именно противоположность двух мотивов, спаянных замыслом Листа в одну Тему, создает то самое пульсирующее движение жизни (здесь – развитие драматургии Сонаты). Вопросительная интонация «реплик» Мефистофеля вкупе с артикуляцией звучит как провокационный вопрос. «Как и у Фауста, здесь этот открытый вопрос становится символом вечной провокации, любопытства — тем мотором, который движет жизнь (действие сонаты) вперёд» (Вартанов, 2008, с. 29).

Итак, два мотива образуют Тему-зерно. Важнейшим концепционным аспектом является их единство, которое выражено музыкальным средством: первый мотив находит

разрешение в тонике второго. Так, с точки зрения концепции образа — Faust и Мефистофель есть две стороны личности как борьба внутренних порывов и сомнений. Дух отрицания, желающий зла, вечно совершает благо: провоцируя, он толкает человека на поиски истины. В контексте рассуждений оправдано небольшое отклонение к другому произведению Листа — «Faust-Symphony», состоящему из трех частей — «характеристических картин» («Faust», «Гретхен» и «Мефистофель»). Лист использует сквозные музыкальные темы, переходящие из одной части в другую: в этой связи скажем, что третья часть симфонии не имеет самостоятельных тем! Мефистофель реализован материалом тем из первой части: так, музыкально и концепционно он является оборотной стороной личности Fausta. Этот прием монотематизма способствует скреплению трехчастной конструкции, воплощающей контрастные образы, с одной стороны; другой — такая связь обнаруживает философскую подоплеку: «двойственность натуры Fausta (I часть), полярно эксплицируется в образах Margarиты и Мефистофеля. Faust — воплощение сомнений мыслящего человека — у Листа не конкретный герой, концепт. Концепт Margarиты — все возвышенное и чистое, что есть в человеческой натуре, Мефистофель — воплощение скепсиса, злой иронии, низменных побуждений. Вторая часть симфонии (как и третья) — не изображение портрета героя (Margarиты) с ее судьбой, а продолжение faustovskoy натуры» (Есман, Калинина, 2018, с. 251).

Вернемся к образам Сонаты. Тема Grandioso (рис. 2) — первая тема побочной партии — подобна гимну, звучит в «сияющем» D-dur.

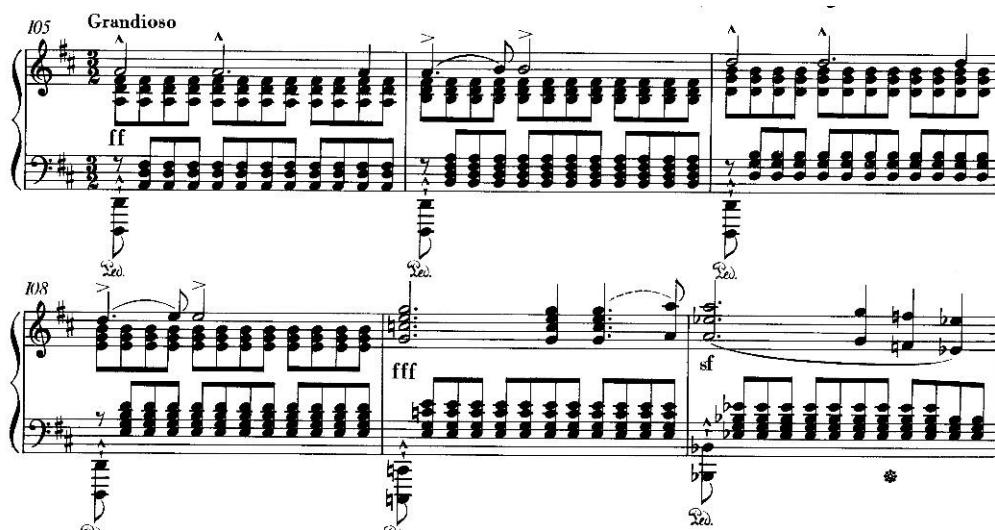

Рис. 2. Первая тема побочной партии

Лаконичные мотивы мелодии ангиметонны: в условиях большой звучности и отчетливого ритма пентатоника обеспечивает выражение величественности, грандиозности звучания. Частичный перенос тяжести звучания на вторую долю, обеспечивающий значительность последней, позволяет говорить об эффекте *maestoso* (величественно): «Этот перенос — своего рода замедленное синкопирование — имеет важное художественное значение: первая доля такта значительна благодаря своему выгодному метрическому положению, зато вторая, более слабая, получает протяженность, а вместе с ней, и вескость» (Цуккерман, 1984, с. 24-25). Широта звучания реализована размером 3/2. Окружение темы поддерживает уже обозначенные качества гимничности и грандиозности: широкий диапазон звучания, «пышность» фактуры, многозвучие гармонического наполнения при равномерном распределении звуков по вертикали, мощные басы и звучность ff (очень яр-

ко/громко). Гармоническая основа представлена «диатоническим терцовым рядом» (термин Л.А. Мазеля): I – VI – IV – II.

Такими средствами автор эксплицирует образ героя, преисполненного чувством бесконечного восторга. Бытие — прекрасно! «Человек — это звучит гордо!». С. Вартанов называет эту тему — темой свершения, он пишет: «Здесь Лист вместе со своим героем-двойником, Alter ego — Фаустом, словно преисполняется экстазом, упивается грандиозностью, беспредельностью открывшихся горизонтов; в этой теме ощущается гордость за дерзновения человека-творца, художника...» (Вартанов, 2008, с. 30). Так, тема является ярчайшим воплощением гуманистического аспекта образа, являющегося ведущим для Гёте.

Вторая тема побочной партии — лирический образ (рис. 3), который по традиции связывают с образом Маргариты. Повторяющийся звук fis бережно перекрашивается различными гармониями: T (D-dur), D к параллели, параллель (h-moll), D (с задержанием) ко II ступени, большой септаккорд III ступени e-moll.

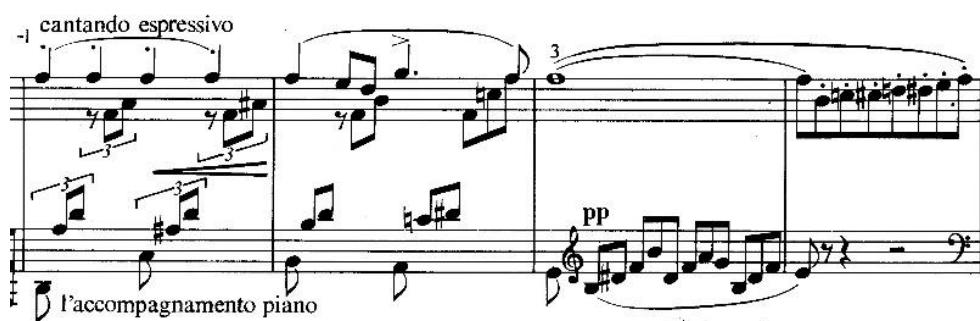

Рис. 3. Вторая тема побочной партии

«Изумительно и небывало» (Цуккерман, 1984, с. 41), по словам П. Раабе, происходит поразительная метаморфоза: музыка, являясь высшей степенью выражения лирического начала, любовных грез, основана на материале мефистофельского элемента Темы-зерна. Такое преображение стало возможным за счет уже обозначенных средств выразительности (гармония, регистр, фактура, темп, динамические нюансы).

Итак, перед нами предстали основные действующие силы Сонаты. Тема-зерно, изображенная элементами Фауста (действие) и Мефистофеля (торможение, противодействие), является собой противоборство двух начал в их единстве. Блок побочных тем (тема Grandioso и тема Маргариты) представляют сферу идеального, отсюда — целостность образов. Мы видим, что устремленность (Фауст) находится в борьбе-противоречии с противодействием (Мефистофель). В свою очередь Мефистофель как темное начало сущностно связан с Маргаритой как концептом любви, несущей светлое. Так Лист транслирует идею единости и взаимосвязи всего во всем, характерную для натурфилософии романтиков. С точки зрения концепции драматургии как аналога жизненного развития в музыкальном произведении, Лист видит развитие в вечной борьбе контрастных начал в их неразделимости.

На основе вышеизложенного анализа некоторых тем Сонаты, экспонирующих основные действующие силы произведения, мы осуществляем выводы о сущности концепции образа Фауста по Ф. Листу:

— концепт-образ «Фауст» транслирует объемлющую для творчества

Листа фигуру — фигуру героя-романтика,

— концепт «Фауст» выражен в единстве и противостоянии с мефистофельским началом как силы действия и противодействия, задающие тон развитию,

- раздвоенность внутреннего мира романтического героя на начала (фаустовское и мефистофельское) основана на кризисном романтическом мировосприятии,
- первая тема побочной партии позволяет говорить о важности гуманистической идеи Гёте в концепции образа по Листу.

Список литературы

- Вартанов С.Я. 2008. Сцены из «Фауста», или загадка сонаты Листа h-moll. Фортепиано, 1: 25–31
- Есман О.С., Калинина Г.Н. 2018. Идейная программность как средство воплощения концепт-образов в творчестве Ф. Листа. Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики, 1: 249–254. Есман О.С., Кузнецова А.В. 2017. Экспликация романтического образа в сонатной форме Ф. Листа. Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики, 4: 70–75.
- Кенигсберг А.К. 2004. «Фаустовская» тема в творчестве Ф. Листа. Гете и музыка: 127–134.
- Кенигсберг А.К., Михеева Л.В. 2000. 111 симфоний. Спб., Культ-информ-пресс, 671 с.
- Мильштейн Я.И. 1956. Ф. Лист. М., Музыка, 598 с.
- Невская Н.Г. 2011. Претворение фаустовской темы в музыке XIX век: проблемы жанра. Автореф. дис. канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 25 с.
- Петрова О.И. 2007. Природа музыкального образа. Автореф. дис. канд. философ. наук. Чебоксары, 30 с.
- Семенищева О.А. 2005. Трансформация образа художника: от Возрождения к постмодерну (философско-культурологический анализ). Автореф. дис. канд. искусствоведения. Саратов, 23 с.
- Семыкин В.Г. 2017. Одночастная фортепианская соната XIX – первой трети XX столетия: композиционно-драматургические аспекты. Автореф. дис. канд. искусствоведения. Москва, 25 с.
- Степанова Н.Н. 2001. Романтизм как культурно-исторический тип: опыт междисциплинарного исследования. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/stepanova-nn/romantizm-kak-kulturno-istoricheskiy-tip-opryt-mezhdisciplinarnogo-issledovaniya> (дата обращения: 17.02.2022)
- Ферман В.Э. 1940. История новой западно-европейской музыки. М., Л., Гос. Муз. изд., 454 с.
- Цуккерман В.А. 1984. Соната си минор Ф. Листа. М., Музыка, 112 с.
- Эстетика немецких романтиков. 1987. М., Искусство, 733 с.
- Ярош О.В. 2010. Западноевропейский романтический принцип монотематизма в контексте теории метаморфоз И.В. Гёте. Автореф. дис. канд. искусствоведения. Новосибирск, 27 с.
- Locke R.P. 2006. Liszt on the Artist in Society. Franz Liszt and his world. Princeton: 291–302.

References

- Vartanov S.YA. 2008. Stseny iz «Fausta», ili zagadka sonaty Lista h-moll [Scenes from Faust, or the Riddle of the Liszt Sonata in h-moll]. Fortepiano, 1: 25–31
- Yesman O.S., Kalinina G.N. 2018. Ideynaya programmnost' kak sredstvo voploschcheniya kontsept-obrazov v tvorchestve F. Lista [Conceptual programming as a means of embodying concept images in the works of F. Liszt]. Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nyye problemy teorii i praktiki, 1: 249–254.
- Yesman O.S., Kuznetsova A.V. 2017. Eksplikatsiya romanticheskogo obrazova v sonatnoy forme F. Lista [Explication of the romantic image in sonata form by F. Liszt]. Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nyye problemy teorii i praktiki, 4: 70–75.
- Kenigsberg A. K. 2004. «Faustovskaya» tema v tvorchestve F. Lista ["Faustian" theme in the works of F. Liszt]. Gete i muzyka: 127–134.
- Kenigsberg A.K., Mikheyeva L.V. 2000. 111 simfoniy [111 symphonies]. S. Petersburg, Publ. Kul't-inform-press, 671 p.
- Mil'shteny Ya.I. 1956. F. List [F. List]. Moscow, Publ. Muzyka, 598 p.
- Nevskaya N.G. 2011. Pretvorenije faustovskoy temy v muzyke XIX vek: problemy zhanra [Implementation of the Faustian Theme in the Music of the 19th Century: Problems of the Genre]. Abstract dis. cand. art history. Rostov-on-Don, 25 p.
- Petrova O.I. 2007. Priroda muzykal'nogo obrazova [The nature of the musical image]. Abstract dis. cand. philosopher. Sciences. Cheboksary, 30 p.
- Semenishcheva O.A. 2005. Transformatsiya obrazova khudozhnika: ot Vozrozhdeniya k postmodernu (filosofsko-kul'turologicheskiy analiz) [Transformation of the Artist's Image: From Renaissance to Postmodern (Philosophical and Cultural Analysis)]. Abstract dis. cand. art history. Saratov, 23 p.

- Semykin V.G. 2017. Odnochastnaya fortepiannaya sonata XIX – pervoy treti XX stoletiya: kompozitsionno-dramaturgicheskiye aspekty [One-movement piano sonata of the 19th – the first third of the 20th century: compositional and dramatic aspects]. Abstract dis. cand. art history. Moscow, 25 p.
- Stepanova N.N. 2001. Romantizm kak kul'turno-istoricheskiy tip: opyt mezhdisciplinarnogo issledovaniya [Romanticism as a Cultural-Historical Type: An Interdisciplinary Research Experience]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/stepanova-nn/romantizm-kak-kulturno-istoricheskiy-tip-opyt-mezhdisciplinarnogo-issledovaniya> (accessed: 17 February 2022)
- Ferman V.E. 1940. Iстория новой западноевропейской музыки [History of new Western European music]. Moscow, Leningrad, Gos. Muz. izd., 454 p.
- Tsukkerman V.A. 1984. Sonata si minor F. Lista [Sonata si minor by F. Liszt]. Moscow, Publ. Muzyka, 112 p.
- Estetika nemetskikh romantikov. 1987. Sost., per., vstup. stat'ya i komment. A.V. Mikhaylova [Aesthetics of the German Romantics. 1987. Compiled, translated, intro. article and comment. A.V. Mikhailova]. Moscow, Publ. Iskusstvo, 733 p.
- Yarosh O.V. 2010. Zapadnoevropeyskiy romanticheskiy printsip monotematizma v kontekste teorii metamorfoz I.V. Gote [Western European romantic principle of monothematism in the context of the theory of metamorphoses by I.V. Goethe]. Abstract dis. cand. art history. Novosibirsk, 27 p.
- Locke R.P. 2006. Liszt on the Artist in Society. Franz Liszt and his world. Princeton: 291–302.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.08.2021

Received August 20, 2021

Поступила после рецензирования 20.11.2021

Revised November 20, 2021

Принята к публикации 22.06.2022

Accepted June 22, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Есман Ольга Сергеевна, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

Мирошникова Дарья Николаевна, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Esman, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies, Science of Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Daria N. Miroshnikova, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies, Science of Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

УДК 291.1
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-381-388

Философское осмысление социального служения: история и современность

Маслакова А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308000, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: pressmiloserdie@mail.ru

Аннотация. Сегодня в разных сферах знания поднимаются вопросы о значимости синтеза знания и веры, о сущности мироздания, долга и ответственности, человеческих проблем, способов их решения, нравственных норм, выбора способа поведения, жизненного предназначения. Философский аспект социального служения затрагивает вопросы милосердия, сострадания, признания, помощи, поддержки и благотворительности. Он раскрыт в трудах христианских социальных философов XIX века, но фундаментальные философские исследования, посвященные социальному служению в современной России, на сегодняшний день отсутствуют. Целью статьи является изучение философского осмыслиения социального служения. В статье рассмотрен как исторический аспект развития философских представлений о социальном служении, так и анализ современных подходов.

Ключевые слова: Церковь, служение, социальное служение, милосердие, благотворительность, добровольчество

Для цитирования: Маслакова А.В. 2022. Философское осмысление социального служения: история и современность. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 381–388.
DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-381-388

Philosophical Understanding of Social Service at the History and Present

Anastasia V. Maslakova

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308000, Russia
E-mail: pressmiloserdie@mail.ru

Abstract. Today, in various fields of knowledge, questions are being raised about the significance of the synthesis of knowledge and faith, the deep issues of the essence of the universe, duty and responsibility, human problems, ways to solve them, moral norms, choice of behavior, life purpose. The philosophical aspect of social service touches on the issues of charity, compassion, charity, help, support and charity. It is revealed in the works of Christian social philosophers of the XIX century, but there are no fundamental philosophical studies devoted to social service in modern Russia today. The purpose of the article is to study the philosophical understanding of social service. The article considers both the historical aspect of the development of philosophical ideas about social service and the analysis of modern approaches.

Keywords: Church; ministry; social service, charity, charity, volunteerism

For citation: Maslakova A.V. 2022. Philosophical Understanding of Social Service at the History and Present. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 381–388 (in Russian).
DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-381-388

Введение

В нынешний период развития общества специалисты разных сфер знания заявляют о значимости синтеза науки и веры, связь которых очевидна и позволяет познавать глубинные вопросы сущности мироздания, долга и ответственности, человеческих нужд и чаяний, соблюдения нравственных норм, смысла и выбора, духовного продолжения земного пути. Философский аспект социального служения всегда привлекал внимание исследователей.

Современная жизнь, как и всякий исторический период, характеризуется рядом особенностей, среди которых можно назвать высокую динамичность, связанную, с одной стороны, с разрушением духовно-нравственных ценностей, с другой – возникновением ресурса позитивной аксиологической направленности. Одним из них является возрождение в отечественном социуме Русской Православной Церкви, усиление роли социального служения. Исторические данные свидетельствуют о том, что социальная роль института Церкви гораздо шире наиболее обозримой духовно-нравственной функции. При определенных обстоятельствах, вызванных экономическими, политическими и социальными условиями, социальное служение Церкви оказывается компетентной помощью не только в воздействии на умонастроения людей, но и в содействии чаяниям нуждающихся, в первую очередь социально не защищенных и обездоленных.

Для получения представлений о специфике философского осмыслиения социального служения были проанализированы работы М. Бубер, С.Г. Зубановой, Г. Ф. Нестеровой, И.Д. Осипова, К.В. Фараджиева и других авторов. Изучение литературы показало неполноту научного знания в изучаемом вопросе.

Цель исследования: рассмотреть философское осмыслиение социального служения. Автором проанализированы подходы к социальному служению в XIX веке и в современном мире В.С. Брежнева, В.В. Горбунова, В.И. Курбатова, М.П. Мчедлова, С.В. Тетерского, М.В. Фирсова, Е.И. Холостовой, В.Н. Ярской и некоторых других.

Осмыслиение социального служения

Независимо от того, под каким углом изучать социальное служение, его суть остается неизменной и «заключается в инициируемой, организованной, координируемой и финансируемой Церковью или с её содействием деятельности, направленной на оказание помощи нуждающимся» [Зубанова С.Г., 2016, с. 25].

Как любое явление и предмет исследования, служение имеет терминологические основания. И теоретическая, и практическая характеристика социального служения на современном этапе связана с такими терминами, как милосердие, сострадание, альтруизм, социальная ответственность. Они дополняют друг друга по значению в ходе определения нравственного значения служения и характеристики личности человека, выполняющего свое служение на благо общества. Однако служение на других этапах можно описать с использованием этих же терминов.

В духовном и социологическом смыслах социальное служение выражается в двух основных социальных практиках – в добровольческой и благотворительной деятельности.

Теоретический анализ по теме исследования показал, что исследователи связывают явление социального служения Церкви, во-первых, с исторически обусловленным относительно обособленным осуществлением церковью социальной деятельности. Во-вторых, значительная часть поколения современных философов воспитана на идеологии, не побуждающей осознание возможностей Церкви в решении социальных проблем.

Социальное служение Церкви принципиально не тождественно социальной работе государственных структур в помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации из-за потери дееспособности, средств к существованию, нравственных ориентиров, а также другим социально не защищенным категориям населения. Посещение заключенных в тюрьмах, болящих, помочь инвалидам, детям из сиротских учреждений теми, кто выпол-

няет служение, больше похоже на деятельность добровольческих общественных организаций, оказывающих помочь людям, чем на профессиональную социальную работу.

Философское обоснование интеграции светской социальной работы и социального служения религиозных организаций представлено в работах М.П. Мchedлова [2001]. Попытки проанализировать социальное служение религиозных конфессий через призму светской социальной работы предприняты российскими философами [М.В. Фирсов, 2000, С.В. Тетерский, 2000].

Можно смело утверждать о наличии сферы пересечения в деятельности светских социальных служб и социального служения религиозных организаций, которая раскрывается в практических действиях, поэтому концептуальные различия положений социальной работы и социального служения не исключают поиска возможностей их интеграции.

Во все времена социальное служение Церкви основывалось на религиозном понимании мира, в том числе и социального. Когда религия являлась доминирующим типом общественного сознания, устройство общественной жизни рассматривалось богословами в качестве воплощения божественного проведения, социальное служение Церкви было достаточно известным общественным явлением, несмотря на то, что принципиальной позицией Церкви являлось несовместимость служения с пиаром.

Общественная жизнь имеет свое отражение и в религиозном мировоззрении, и в философском контексте. Религия не изолирована от насущных проблем современности, которые вызывают волнение и озабоченность людей. Социальное служение Церкви выражается в практической деятельности, традиционно направленной на попечение незащищенных слоев населения. Сколько-нибудь серьезная практическая деятельность базируется на теоретическом фундаменте. Также и Церковь разрабатывает богословские основы социального служения, которые, с одной стороны, основаны на догмах вероучений, с другой – соответствуют социальным проблемам данного времени, обращаясь ко всем людям без конфессиональных и иных ограничений.

Философское осмысление социального служения не так распространено, как богословское. Социальное служение религиозных организаций не является традиционным предметом для философии. Теоретический анализ отечественной и зарубежной философской мысли позволил сделать вывод о том, что социальное служение в качестве отдельной проблемы не обозначалось философами и в настоящее время находится в начальной стадии изучения. Можно рассматривать скорее тенденцию включения понятия социального служения религиозных организаций в труды философов. В частности, это присуще трудам философов конца XIX века.

Пониманию природы социального служения этими философами способствовало то, что их философские изыскания были пропитаны идеями любви к своему народу. Именно эти идеи оказали плодотворное влияние на современное понимание социального служения. В частности, И.А. Ильин рассматривал Россию, как «социальный организм, требующий духовного и телесного уврачевания» [Социальная..., 1993, с. 124]. Его мысли о России были сформулированы четко и доступно, благодаря данным Богом интеллектуальным, литературным и творческим талантам. Служение И.А. Ильина было направлено на то, чтобы указать России направление, которое поможет стране выполнить предназначение ей Богом пред назначенное.

Практический интерес, на наш взгляд, имеют философские представления Ф. Ницше о служении. Исследователь философии Ф. Ницше, И.Д. Осипов, обращает внимание на взгляды, представленные в работах Ф. Ницше «Греческое государство», «Воля к власти», «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Происхождение морали» [Осипов И.Д., 2003]. Философ отрицал наличие у человека прав, достоинств, обязанностей вне контекста его служения верхам, а также наличие права без войны и победы. Возможно, поэтому философия Ф. Ницше не находит большого развития в идеях социального служения.

Гораздо большее отражение в социальном служении нашли положения христианской социальной философии В.С. Соловьёва. Исследователь призывает «не подчиняться своей общественной сфере и не господствовать над нею, а быть с нею в любовном взаимодействии, служить для нее деятельным, оплодотворяющим началом движения и находить в ней полноту жизненных условий и возможностей» [В.С. Соловьёв, 1911, с. 312]. Идеи служения В.С. Соловьёв распространял и на политическую сферу, рассматривая вопросы гражданского и патриотического долга [В.С. Соловьёв, 1911]. Примечательно, что служение обществу и государству философ рассматривал в качестве руководящего принципа политики при отсутствии согласия с частными вопросами государственной политики.

В философии В.С. Соловьёва говорится о трех «служениях»: священническом, царском и пророческом. И это разные служения. В основе священнического лежит благочестивая преданность истинным преданиям прошлого. Царское служение связано с адекватным восприятием истинных нужд настоящего. Пророческое служение обусловлено верой в истинный образ будущего. В становлении цельного общества, основанного на союзе церкви, политики и экономики, философ видит преемственность служений, но не их смешение или разлучение. Особую роль В.С. Соловьёв отводит праву и закону, которые призваны служить воплощению добра, исправлению зла.

Идеи служения обществу, как и вся социально-политическая философия В.С. Соловьёва, оказали влияние на социальные взгляды С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, А.С. Ященко, С.Н. Булгакова, Н.Н. Алексеева.

Можно смело утверждать, что русские религиозные философы конца XIX – начала XX века предприняли попытку раскрыть социальный смысл мотивов милосердия и благотворительности. Особенно ярко это проявляется в работах В.С. Соловьёва, П.А. Флоренского. [В.С. Соловьёв, 1911, П.А. Флоренский, 1982]. Эти философы посвятили свои труды вопросам использования милосердия и благотворительности посредством реализации принципов христианского учения для ликвидации социальной несправедливости, зла и общественных пороков. Это во многом перекликается с идеями деятельной любви Э. Фромма, содержащими ориентации, находящие отклик в идеях служения, – забота, чувство ответственности, уважение и понимание. Проявление милосердия с альтруизмом в его основе характеризуется безусловным равенством сторон, их субъективным статусом, ценностью их индивидуальных сущностей.

Анализу характеристики сущности социального служения в аспекте морального обоснования религии в целом посвящены труды зарубежных философов конца XIX – начала XX в. В частности, в работах выдающегося философа и иудейского религиозного мыслителя Мартина Бубера цель человеческого предназначения обозначена идентично социальному служению: «Только соучастие в бытии других живых существ обнаруживает смысл и основание собственного бытия» [Бубер Мартин, 1995, с. 126].

Становление социального служения

Становление социального служения происходило в несколько этапов, каждый из которых приходился на определенный исторический период. И поэтому имел свои особенности. В работах С.Г. Зубановой XIX столетие соответствует аристократическому этапу развития социального служения [Зубанова С.Г., 2016]. Исследователь рассматривает семьи аристократов и обеспеченных людей в качестве основных деятелей социального служения. Определяя служение, они выполняли свои обязанности перед обществом. Именно в это время благотворительность приобретает особое значение, но широкой социальной практике еще не становится. Вклад в служение владельцев больших материальных возможностей не является решающим.

Сегодня активно развивается демократический этап социального служения. Это связано с повышением активности населения в делах служения и реализацией в этом граж-

данских обязательств. Добровольчество приобретает массовый характер. Благотворительность тоже становится массовой социальной практикой. Акцент смещается на диаконию – служение обществу и человеку. По-прежнему вопросам изучения служения уделяется много внимания со стороны Церкви. Появляются новые богословские теоретические исследования, которые делают возможным использование термина «служение» и в религиозно-философском, и в философско-антропологическом контекстах [Зубанова С.Г., 2016, Мчедлов, М.П. 2001].

Социальное служение приобретает всё большую профессиональность. Например, в некоторых организациях Русской Православной Церкви, связанных с выполнением служения, начинают действовать на постоянной основе психологи, специалисты по социальной работе [О принципах..., 2011]. Однако специалист по социальной работе не является необходимым для организации социального служения в приходе.

Фундаментальные философские исследования, изучающие социальное служение в современной России, на сегодняшний день отсутствуют, хотя для современной философии, традиционно относящейся к концептуальному, мировоззренческому знанию, свойственно рассмотрение практик работы с человеком. Нами также не обнаружено всесторонних, обобщающих философских трудов, посвященных изучению социального служения религиозных организаций.

Современная философская мысль о социальном служении представлена в виде изложения проведенного научного исследования. Все они посвящены либо рассмотрению социального служения в аспекте положений социальной концепции Русской Православной Церкви, либо имеют прикладной характер. Большинством исследователей за методологическую основу рассмотрения социального служения в контексте философского проблемного поля взяты категории активности и деятельности, разработанные в трудах отечественных ученых [Зубанова, 2016., Нестерова, Астэр, 2011, Тетерский, 2000].

Осмысление социального служения религиозных организаций в философской науке происходило не без влияния богословской традиции. Философское видение социального служения базируется на основных положениях различных конфессий, изложенных в священных книгах (Библия в христианстве, Тора в иудаизме, Коран в исламе), сочинениях богословов. Философская оценка социального служения с христианских позиций во многом обусловлена церковной иерархией. В первую очередь в богословских, а затем и в философских трудах социальное служение рассматривается как диакония [Зубанова, 2016].

Философское рассмотрение социального служения, как правило, затрагивает темы милосердия, сострадания, призрения, помощи, поддержки и благотворительности, раскрытие которых в основанных на комментариях евангельских текстов трудах отцов церкви – Афанасия Александрийского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Ефрема Сириня, Григория Студита, Иоанна Дамаскина.

«Категории милосердия и благотворительности, всесторонне рассмотренные в трудах русских религиозных философов, обретают огромное практическое значение и для светской социальной работы и для социального служения религиозных организаций» [Зубанова, 2016, с. 125]. Философским обоснованием социального служения является тесная связь милосердия и благотворительности с проблемами, сопряженными с общественным развитием и человеческими отношениями.

Социальное служение и духовный потенциал общества

Служение как деятельность, направленная на решение общественных проблем и проблем нуждающихся, возникла в константиновский период христианства. Это отражено в работах св. Иоанна Златоуста, в которых служению даже одному человеку, его спасению отводится очень важная роль. Основой служения Иоанн Златоуст видел христианскую

любовь друг к другу. Поэтому философское рассмотрение социального служения затрагивает еще одну категорию – любви.

Социальное служение как социальная деятельность в контексте конфессиональных особенностей рассматривается зарубежными религиозными философами аналогично социальной работе. В работах К.В. Фараджиева подчеркивает недостаточное обращение к религиозно-философскому подходу к рассмотрению социального служения в «отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных вопросам современной социальной работы и как формы общественной деятельности, и как социальной практики, и как синтеза научно-теоретических знаний и учебной дисциплины» [Фараджиев К.В., 2002, с. 111]. Проведенный анализ литературы показал, что философы проводят параллель между развитием социального служения и историей развития духовного потенциала общества. Важнейшим основанием используемых в социальном служении идей гуманизма философы-материалисты рассматривают человека как явление общественной жизни, субъекта социальной деятельности.

Социальное служение религиозных организаций в трудах религиозных философов рассматривается через призму социально-политических, социально-экономических и социально-этических концепций [Мчедлов М.П., 2001].

Нравственная оценка различных областей социальной жизни, способы конструктивного решения проблем даются и в религиозных социальных доктринах, и в светской социальной работе [Мчедлов М.П., 2001]. Необходимость сближения религиозных социальных доктрин и светской социальной работы сегодня очевидна, как и необходимость теоретического диалога и практического сотрудничества, несмотря на невозможность полного синтеза религиозного и светского подходов к специфике помощи социально незащищенным категориям.

Заключение

В современной отечественной философии вопросы осмысления социального служения Церкви практически не освещаются. Более широко представлено философское обоснование интеграции светской социальной работы и социального служения религиозных организаций, анализ социального служения религиозных конфессий сообразно светской социальной работе.

Поскольку служение Церкви базируется на религиозном понимании мира, в том числе и социального, наиболее распространены богословские основы социального служения. Они связаны с догмами вероучений и комментариях евангельских текстов в трудах отцов церкви. Но поскольку общественная жизнь всегда имеет свое отражение в религиозном мировоззрении, социальное служение Церкви выражается в практической деятельности, традиционно направленной на попечение незащищенных слоев населения. В философских трудах большее внимание уделено рассмотрению этой категории населения, а служение рассматривается в контексте решения проблем, с которыми сталкиваются социально незащищенные люди. Поэтому философское осмысление социального служения не так распространено, как богословское, и в настоящее время находится в начальной стадии изучения. В христианской социальной философии XIX века социальное служение нашло гораздо большее отражение.

Фундаментальные философские исследования, посвященные социальному служению в современной России, на сегодняшний день отсутствуют, хотя работ, посвященных анализу практик помощи людям, немало. Современная философская мысль о социальном служении изложена преимущественно в прикладных исследованиях, посвященных рассмотрению социального служения в аспекте положений социальной концепции Русской Православной Церкви.

В целом философское осмысление социального служения и на современном этапе, и в XIX столетии затрагивает темы милосердия, сострадания, признания, помощи, поддержки и благотворительности.

Список литературы

- Бубер М. 1995. Два образа веры. М., Республика, 464 с.
- Зубанова С.Г. 2016. Социальное служение в России: исторический опыт, теоретические основы, современная практика: монография. М., КНОРУС: ООО Квант Медиа, 256. DOI 10.15216/978-5-4365-0902-0
- Логунова Е.Г. 2012. Феномен милосердия: опыт социально-философского анализа автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 Ижевск, 20 с.
- Мчедлов М.П. 2001. Особенности конфессиональной социальной доктрины (К принятию «Основ социальной концепции РПЦ»). Религия и право, 2: 17–30.
- Нестерова Г.Ф., Астэр И. В. 2011. Технология и методика социальной работы. СПб., Академия, 208 с.
- Ницше Ф. 2006. По ту сторону добра и зла. Пер. с нем. С.Л. Франка и др.]. М., Эксмо, 846 с.
- О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894/> (дата обращения: 28.12.2021).
- Осипов И.Д. 2003. Социальная философия В.С. Соловьева. Минувшее и непрекращающееся в жизни и творчестве В.С. Соловьёва. Выпуск 32. Материалы международной конференции 14-15 февраля 2003 г. СПб., Санкт-Петербургское философское общество: 216–232.
- Соловьев В.С. 1911. Духовные основы жизни. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. СПб., Просвещение, 312 с.
- Полторацкий Н.П. 1993. Иван Александрович Ильин. К столетию со дня рождения. 1883–1983. Социальная философия Ивана Ильина: материалы российского семинара, 9–10 апреля 1993 г. В 2 ч. СПб., Исследовательский центр «Русская социологическая теория, история, опыт», 65 с.
- Тетерский С.В. 2000. Введение в социальную работу. М., Академический Проект, 496 с.
- Фараджиев К.В. 2002. Русская религиозная философия. М., Издательство «Весь мир», 208 с.
- Фирсов М.В. 2000. Теория социальной работы. М., ВЛАДОС, 432 с.
- Флоренский П. А. 1982. Радость навеки (на «Херувимскую»). Богословские труды, 23: 317–320.

References

- Buber M. 1995. Dva obraza very [Two images of faith]. Moscow, Publ. Respublika, 464 p.
- Zubanova S.G. 2016. Sotsial'noye sluzheniye v Rossii: istoricheskiy opyt, teore-ticheskiye osnovy, sovremennaya praktika [Social service in Russia: historical experience, theoretical foundations, modern practice]. M., KNORUS: OOO Kvant Media, 256 p. DOI 10.15216/978-5-4365-0902-0
- Logunova Ye.G. 2012. Fenomen miloserdija: opyt sotsial'no-filosofskogo analiza [The phenomenon of mercy: the experience of socio-philosophical analysis]. Abstract. dis. ... cand. philosophy Sciences: 09.00.11, Izhevsk, 20 p.
- Mchedlov M.P. 2001. Osobennosti konfessional'noy sotsial'noy doktriny (K prinyatiyu «Osnov sotsial'noy kontseptsii RPTS») [Peculiarities of the confessional social doctrine (Toward the adoption of the "Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church")]. Religiya i pravo, 2: 17–30.
- Nesterova G.F., Aster I. V. 2011. Tekhnologiya i metodika sotsial'noy raboty [Technology and methods of social work]. SPb., Akademiya, 208 p.
- Nitsshe F. 2006. Po tu storonu dobra i zla / Per. s nem. S.L. Franka i dr.] [On the other side of good and evil. Trans. with him. S.L. Frank and others]. Moscow, Publ. Eksmo, 846 p.
- O printsipakh organizatsii sotsial'noy raboty v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [On the principles of organizing social work in the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894/> (accessed: 28 December 2021).
- Osipov I.D. 2003. Sotsial'naya filosofiya V.S. Solov'yeva. Minuvshye i neprekho-dyashcheye v zhizni i tvorchestve V.S. Solov'yova [ocial philosophy of V.S. Solovyov. Past and enduring in the life and work of V.S. Solovyov]. Issue 32. Materialy mezhdunarodnoy konferen-tsii 14–15 fevralya 2003. [Proceedings of the International Conference February 14-15, 2003] SPb., Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo: 216–232.

- Solov'yev V.S. 1911. Dukhovnyye osnovy zhizni. [Spiritual foundations of life] SPb., Pro-sveshcheniye, 312 s.
- Poltoratskiy N.P. 1993. Ivan Aleksandrovich Il'in. K stoletiyu so dnya rozhde-niya. 1883-1983 [Ivan Aleksandrovich Ilyin. To the centenary of the birth. 1883-1983]. Sotsial'naya filosofiya Ivana Il'ina: materialy rossiyskogo seminara. 9–10 aprelya 1993. [Social philosophy of Ivan Ilyin: materials of the Russian seminar. April 9–10, 1993]. SPb., Issledovatel'skiy tsentr Russkaya sotsiologicheskaya teoriya, istoriya, opyt, 65 p.
- Teterskiy C.B. 2000. Vvedeniye v sotsial'nyu rabotu [Introduction to social work]. Moscow, Publ. Akademicheskiy Proyekt, 496 p.
- Faradzhiyev K.V. 2002. Russkaya religioznaya filosofiya [Russian religious philosophy]. Moscow, Publ. Ves' mir, 208 p.
- Firsov M.V. 2000. Teoriya sotsial'noy raboty [Social work theory]. Moscow, Publ. VLADOS, 432 s.
- Florenskiy P. A. 1982. Radost' naveki (na «Kheruvimskuyu») [Joy forever (at Cherubimskaya)]. Bogoslovskiye tru-dy, 23: 317–320.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2021

Received September 20, 2021

Поступила после рецензирования 20.12.2021

Revised December 20, 2021

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслакова Анастасия Валерьевна, ассистент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia V. Maslakova, assistant at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 141.319.8

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-389-393

Концептуализация рациональной картины мира в абдукции антропологического опыта

Кузнецов А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308000 г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: kuznetsov_a@bsu.edu.ru

Аннотация. Базовыми дистракторами являются принципы как допущения, определяющие наличие содержание теории. Любая теория состоит из концептов, к которым относятся сущие, принципы и т.д. Абдукция рассматривается как смена частично устаревших принципов новыми в рамках рационального объяснения на основе редуктивного вывода.

Ключевые слова: человек, концептуализация, рациональная картина мира, рационализм, абдукция

Для цитирования: Кузнецов А. В. 2022. Концептуализация рациональной картины мира в абдукции антропологического опыта. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 389–393.
DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-389-393

Conceptualization of a Rational Picture of the World in the Abduction of Anthropological Experience

Andrey V. Kuznetsov

Belgorod National Research University,
85 Victory St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: kuznetsov_a@bsu.edu.ru

Abstract. This article deals with the problem of natural modifications of knowledge and rationality as a universal value of European culture. on the network world order that is becoming the norm and the objective reality of modern existence, Comprehended the issues of axiology rational values in the transition from traditional linear thinking as the heritage of European science classic to outside the box – nonlinear models and to models of thinking and acting. The need for the latter is explained by a number of "fateful" conditions and factors that largely determine the risk, instability and instability of the ontology of humanity in the current era. In terms of the growing power of virtualization freedom, promotion of identity in the space of Internet discourse, the author raises the problem of ethical boundaries and moral reserves "virtual person", and the broader culture of virtual communication media and information flow.

Key words: man, conceptualization, rational worldview, rationalism, abduction

For citation: Kuznetsov A.V. 2022. Conceptualization of a Rational Picture of the World in the Abduction of Anthropological Experience. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 389–393 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-389-393

Введение

Любое рациональное познание осуществляется в формах теоретического знания. Наиболее развитой формой является теория – от греч. «вижу». В этом смысле видение различают непосредственное, так сказать, и такое, относительно которого древние гово-

рили «*oculi mentis*», то есть дословно «глаза ума». Возможно, это слишком буквальный перевод. Мы всё же понимаем порядок утверждения, когда в психологической традиции говорят, что если «глаза смотрят, то видит мозг»: мы можем смотреть в одну сторону, но видеть разные вещи, особенно со стороны сущности происходящего, её оценки. Разумеется, само видение, таким образом, зависит от установки, явной или латентной, сформировавшейся посредством личностной истории, антропологического опыта индивидуума, либо, а точнее в приобщенной совокупности общественной практики, общественной формы сознания. Объективация подобных установок осуществляется в формах принципов (от лат. *Princ, Pio* – то, что лежит в основе, то есть – установка). Рефлексия в данной области формирует особую область научного знания, в рамках проблемы оснований любой теории. Здесь базовыми дистракторами являются принципы как допущения, определяющие наличное содержание теории. Это классическая методологическая позиция в науке.

Абдукция в рамках рационального объяснения

Вместе с тем, наука с Большой буквы, то есть Метанаука, – помимо методологии содержит и концептологию. Любая теория состоит из концептов, к которым относятся сущие, принципы и т.д. С позиции интратеоретической методологии осуществляется управление концептами, в том числе и такого как Абдукция. Абдукция рассматривается как смена частично устаревших принципов новыми в рамках рационального объяснения на основе редуктивного вывода, в котором осуществляется процедура логического вывода последующей посылки из заключения и предыдущей посылки, состоящей из условного суждения. Именно такой концепт позволяет нам рефлексировать относительно мировоззренческих установок европейской науки и культуры. Суть установок сводилась к «существлению творческого процесса под эгидой разума» [Даниэль, 2003, с. 37, 39]. Концептуализация понятий в рамках идеологии рационализма предполагает рассматривать «объекты философского анализа в исследовании самого потенциала концептуализации в более широком дисциплинарном контексте» [Кузнецов 2019, с. 129–133].

Тематика рационализма подразумевает, прежде всего, наличие особой мировоззренческой установки, в соответствии с которой принципы разума являются антецедентом, *verum causa*, составу мыслей и действий человека. Вместе с тем, в соответствии с финитной установкой данных рассуждений, придерживаясь рамок принципиальной представимости объектов, речь идет и о «разумности бытия». Рассматривая «разум» (от лат. *ratio*), ум (греч. *νοῦς*), в рамках философской категории, мы коннотативно выделяем две взаимообуславливающие способности мыслительной деятельности, выражющие различные её уровни (познания): «разум» и «рассудок».

Вместе с тем, в отличие от рассудка, отвечающего на вопрос «как?», разум призван дать нам ответ на вопрос «зачем?». Иными словами, рассудок систематизирует существующее знание, а разум дает нам целеполагание, в основе которого предполагается «цель/целое». Под разумом наши современники понимают высшую способность познания, облекаемую в такую форму сознания, которая, по Канту, есть самосознающий рассудок. Поэтому источник разума находится не в мнениях, а в объективной всеобщности, следовать которой и значит для нас быть разумным. Однако разум как рассудок, сознающий себя, призван осуществлять корреляцию не только различного содержания, но и самого себя с данным содержанием. В результате этой способности, разум способен удерживать противоречия, то есть включает в свое единство противоположные характеристики.

Данному смыслу апеллирует известное латинское высказывание Томаса Аквината (Фома Аквинский): «*ratio est potissima hominis natura*» – разум есть самая могущественная природа человека. Таким образом, допущение того, что человек имеет рациональную при-

роду, определяет в качестве основной задачи философа отыскание способов преодоления духовного разлада, возвышения над физическими обстоятельствами бытия.

Традиционно создание классической парадигмы рационализма мы связываем с такими европейскими философами XVII–XVIII вв. как Рене Декарт, Бенедикт Спиноза, Готфрид Лейбниц. В попытке объединения рационализма и эмпиризма И.Кант создает трансцендентальный идеализм, в основе которого в качестве стимула к действию разума утверждает «вещь в себе» или «вещь сама по себе», то есть то, что вне нас и недоступно для нас, наших органов чувств, в полной мере. Поэтому, «трансцендентальный опыт самопознания может служить основанием для аподиктических суждений только в том случае, если он аподиктичен, лишь тогда сохраняется перспектива философии, перспектива построения системы аподиктических познаний, происходящих из самого по себе первого поля опыта и суждения...» [Гуссерль, 1998, с. 40–41].

Рассуждение о природе начал

Идея разумного Бытия, согласно Рене Декарту, в основе которого находится разумное начало, прорастала в почве, подготовленной историей естествознания и метафизической математикой. В последней, числа наделяются уже не формальными, а символическими свойствами скрытых, а потому в то время трактуемых как возможно «потусторонних», мистических связей. Экспликация этой идеи осуществлялась в математике, которая в XVII веке стала применяться в исследовании природных явлений (Галилей, Кеплер). Таким образом, познание, которое начинается с очевидной посылки отражает сущность рационализма и признается в последствии общей основой любого научного метода. В свою очередь и доказательством становится обратный процесс, этимологически сходный с доведением кажущегося до очевидного.

Рационализм с его идеей разумности мира становится философской основой такого эстетического направления в культуре как классицизм, рассматриваемый также со стороны творческой и познавательной человеческой деятельности. Иными словами, по отношению к искусству основные принципы рационализма, с гносеологических позиций, становятся вполне применимы.

Обсуждаемая взаимосвязь классицизма с античным искусством, его «золотым веком», который в XVII веке европейцы именовали «временем Минервы и Марса», совсем не выглядит такой однозначной. Рассматривая античность в качестве образца, то есть как некоторого продукта идеализации, мы отмечаем, однако вовсе «не слепое подражание древним, а творческое отношение к их наследию» [Писарчик 2005, с.42], подражание им. И такое подражание своего рода вечным истинам, извечному разуму, делает для нас идею рационализма практически метафизической. Наряду с этим, никакая идея не может быть выведена из антропологического опыта, чтобы вполне обладать признаками достоверного знания. Определить её источник в эпоху Просвещения пытались в рамках иннатизма, либо в дальнейшем, – в рамках природного морфологизма. Таким образом, развитие разума, согласно рационализму, не имеет конечных пределов, а вместе с ним и человек разумный продолжает связывать свой исторический процесс с развитием рациональных начал человеческого бытия.

Философская идея рационализма, как источник внеэмпирического содержания теоретического знания обуславливает физическое познание Всего как Единого, но в то же время через Представление обо Всём, обладающем предикатами как антецентантами познания модусов. Слабым местом в иннатизме Декарта, по нашему мнению, является необходимость постулирования математических аксиом, то есть, считая математику частным случаем логики, философские идеи, равно как и математические аксиомы рассматривались как общелогические истины. Именно поэтому тождество, а не созерцание различия, становится синонимом анализа. Единое суть Истина, а Истина есть тождество. Тожде-

ственное в различном должно быть уместным в наилучшем из миров: «Совместимость здесь рассматривается как совпадение предиката с частью содержания субъекта, которое устанавливается при анализе (разложении) суждения. Уместность устанавливается с помощью экстремальных критериев и опыта, а это невозможно без анализа того, что соединяется» [Кузнецов 2008, с.56]. Рассуждая о природе начал в рамках лейбницевской монадологии, теоретические конструкты приобретают статус метафизических схем. Но возможно ли выйти за границы мышления по принципам природы? Ведь синтетические суждения по И. Канту, – это всякое новое знание, в котором не имеет место полное отождествление, или тождество. Всеобщие формы чувственности по Канту, а не логические постулаты, определяют достоверность рационального знания и как следствие рациональной картины мира: «не предмет заключает в себе связь, а сама связь есть функция рассудка, понимаемого как способность a priori синтезировать представления под трансцендентальное единство апперцепции», без которого немыслимо полное тождество самосознания («Я» субъекта познания)» [Кузнецов 2008, с.56].

Заключение

Таким образом, конструирование рациональной картины мира, по существу, происходит лишь после того, как найдены принципы, составляющие её основу, то есть принцип вводится в неё как аксиома, без логического доказательства. Например, теория может выражать научно-исследовательскую программу (И. Лакатос). Тогда принципы научно-исследовательской программы являются не формальной её «логической» установкой, но понимаются нами как продукт антропологического опыта – осознание физиком своих целей и задач, соотнесение с этапом развития познания, принятие решения о выборе научного направления, методологическом инструментарии.

Список литературы

- Даниэль С.М. 2003. Европейский классицизм: Эпоха Пуссена. Эпоха Давида. — СПб., Азбука-Классика, 304 с.
- Кузнецов А. В. 2019. Концептуализация понятий свободы и ответственности при выявлении тенденции изменения референтного поля объектов философского анализа. «Евангелие в контексте современной культуры»: сборник научных статей. Белгород, ООО «Эпистрент». 129-133.
- Гуссерль Эдмунд. 2005. Картезианские размышления = Cartesianische meditationen / Э. Гуссерль; Пер. с нем. Д. В. Скляднева. - СПб., Наука, Ювента, 315 с.
- Писарчик Л.Ю. 2005. Р. Декарт и классицизм. Вестник оренбургского государственного университета. №1 (39): 41-57.
- Кузнецов А.В. 2008. Физическая картина мира: логико-гносеологические основания и онтогносеологическое обоснование. Курск, Курский гос. ун-т, 200 с.

References

- Daniel' S.M. 2003. Yevropeyskiy klassitsizm: Epokha Pussena. Epokha Davida [European Classicism: The Age of Poussin. Age of David]. — SPb., Azbuka-Klassika, 304 p.
- Kuznetsov A. V. 2019. Kontseptualizatsiya ponyatiy svobody i otvetstvennosti pri vyyavle-nii tendentsii izmeneniya referentnogo polya ob'yektov filosofskogo analiza [Conceptualization of the concepts of freedom and responsibility in identifying the trend of changing the referent field of objects of philosophical analysis]. «The Gospel in the context of modern culture: a collection of scientific articles». Belgorod, ООО «Epitsentr»: 129-133.
- Gusserl' Edmund. 2005. Karteziantskiye razmyshleniya = Cartesianische meditationen [Cartesian reflections = Cartesianische meditationen]. Trans. Doitsh. D.V. Sklyadneva. SPb., Nauka, Yuventa, 315 p.
- Pisarchik L.YU. 2005. R. Dekart i klassitsizm [R. Descartes and classicism]. Vestnik orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]. №1 (39): 41-57.

Kuznetsov A.V. 2008. Fizicheskaya kartina mira: logiko-gnoseologicheskiye osnovaniya i ontognoseologicheskoye obosnovaniye [Physical picture of the world: logical-epistemological foundations and onto-epistemological justification]. Kursk, Kurskiy gos. un-t, 200 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.09.2021

Received September 14, 2021

Поступила после рецензирования 14.12.2021

Revised December 14, 2021

Принята к публикации 24.06.2022

Accepted June 24, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Kuznetsov, associate Professor of the Department of Philosophy and Theology at the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 316.6
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-394-398

Противопоставление самопрезентации и анонимности как аспектов телесности homo virtualis

Сильченко В.Ю.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7
E-mail: Ermak95@list.ru

Аннотация. Рассмотрена виртуальная телесность человека как единство и противоборство стремлений к самопрезентации и анонимности в виртуальном пространстве. В рамках данной темы был произведен краткий обзор и анализ исследований, посвященных полностью или частично данным аспектам виртуальной телесности. Как результат анализа были выявлены точки соприкосновения исследуемых аспектов друг с другом, отмечена противоречивость их совместного существования как в рамках конкретного виртуального тела, так и в рамках границ того или иного виртуального пространства. Выявлено состояние суперпозиции виртуальной телесности, характеризующаяся взаимопроникновением исследуемых аспектов и нивелированием степени отчуждения от собственного тела, отмечена ключевая коммуникативная роль виртуального тела.

Ключевые слова: виртуальное пространство, виртуальное тело, конвенционное тело, аватар, самопрезентация, анонимность, симулякр, коммуникация.

Для цитирования: Сильченко В.Ю. 2022. Противопоставление самопрезентации и анонимности как аспектов телесности homo virtualis. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47 (2): 394–398. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-394-398

Opposition of Self-presentation and Anonymity as Aspects of the Homo Virtualis Body

Vladimir Y. Silchenko

Belgorod State University of Arts and Culture
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russia
E-mail: Ermak95@list.ru

Abstract. The article deals with the virtual corporality of a person as a unity and confrontation of the desire for self-presentation and anonymity in the virtual space. Within the framework of this topic, a brief review and analysis of studies devoted in whole or in part to these aspects of the virtual corporality was made. As a result of the analysis, the points of contact of the studied aspects with each other were identified, the inconsistency of their joint existence was noted both within a specific virtual body and within the boundaries of a particular virtual space. The state of the superposition of virtual corporality is revealed, characterized by the interpenetration of the studied aspects and the leveling of the degree of alienation from one's own body. The key communicative role of the virtual body is noted.

Keyword: virtual space, virtual body, conventional body, avatar, self-presentation, anonymity, simulacrum, communication.

For citation: Vladimir Y. Silchenko. 2022. Opposition of Self-presentation and Anonymity as Aspects of the Homo Virtualis Body. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47 (2): 394–398 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-394-398

Введение

Начиная со второй половины XX века человеческая телесность и ее преобразования являются предметом интереса многих научных сфер. Получивший массовое распространение в 90-е годы прошлого столетия Интернет уже стал неотъемлемой частью современного мироустройства, а развитие цифровых технологий позволяет по-новому взглянуть на специфику человеческой телесности в виртуальном пространстве, вычленить ее неотъемлемые составляющие, характеризующие телесность как принадлежность к т.н. *Homo virtualis* (Человеку виртуальному).

Виртуальная реальность быстро эволюционирует, а виртуальный дискурс распространяется в сферы науки и культуры, вовлекая в себя все больше людей. Ряд научных трудов, а также публицистика и даже политические заявления в отношении телесности в виртуальном пространстве нередко носят ярко выраженный негативный характер, обладающий оттенком некоторой степени апокалиптичности и дистопичности, выражая тем самым опасения перед виртуальным пространством как таковым. Критика виртуальной телесности вместе с тем направлена на ее два, казалось, взаимоисключающих аспекта: стремления *Homo virtualis* к избыточной демонстрации своего тела и отчуждения от него, вкупе со стремлением к анонимности в глобальной сети. Изучение и анализ этих конфликтующих аспектов помогают пролить свет на специфику реализации телесности в виртуальном пространстве.

Обзор и анализ источников

По мнению Ж. Бодрийяра [2006, с. 183] в современном обществе потребления культ тела приходит на место традиционного разделения на тело и душу, редуцируя значимость последней. Вместе с тем тело становится симулякром, улучшенной копией, проецирующей саму себя в большей степени как знак, в чем немалую роль играют фото- и видеоредакторы, а также иные виды визуальных практик, не связанных напрямую с электронно-вычислительными машинами, например, пластическая хирургия. Тело, согласно Бодрийяру [2006, с. 163], выступает как фетиш и капитал, вторая ипостась, как и положено капиталу, требует определенных вложений для последующего извлечения выгоды, в т. ч. финансовой.

Литвина и Остроухова [2015] в исследовании женской телесности в интернет-сообществах, посвященных про-анорексии и здоровому образу жизни, отмечают важность коммуникативного аспекта вокруг обнародования своего тела в виртуальном пространстве; в рамках подобных сообществ формируются крепкие социальные связи, отличающиеся взаимной поддержкой, а также генерацией новых знаков, свойственных группе как противопоставление публичному дискурсу. Самойлова и Шаев [2019] также отмечают противоборство или противопоставление конвенциональных и антагонистических по отношению к ним телесных практик на примере бодибилдинга и бодипозитива и отмечают существование тела в постинформационном обществе как бренда, служащего в качестве противопоставления человека большинству и принадлежности к конкретной малой группе и идентификации с ней. Такие противопоставления, конечно, не свойственны одной лишь глобальной паутине, они зарождаются и формируются в самом социуме, однако, что следует отметить, классические медиа отдают предпочтение конвенциональным образам и контролируют сверху, в то время как генерация образов и отображение тела в виртуальных группах связаны с коммуникативной деятельностью их членов. Вместе с тем Прудникова [2014] не только отмечает высокий уровень социализации и глобализации обитателей виртуального пространства, подчеркивая важную коммуникативную составляющую, но и выделяет такие характерные черты информационной культуры в целом и цифровой культуры в частности, как поликонтекстность, сюрреалистичность, анти-

иерархичность, доминировании импровизационного начала и анонимность. Безусловно, данные черты свойственны виртуальной телесности, однако анонимность и сюрреалистичность (отчасти доминирование импровизационного начала) вступают в противоречие с обозначенной выше гиперреализацией тела.

Согласно Широкановой [2014, с. 82], такие действия блогеров, как создание постановочных фотографий или демонстрация содержимого сумки, является с одной стороны фиксацией состояния идентичности автора блога, с другой — своеобразной маской, служащей целью представить себя перед публикой. В такой ситуации четко прослеживается отчуждение создателя цифрового контента от собственной телесности, превращение ее в бодрийяровский симулякр. Подобное превращение может усугубляться спецификой виртуальной коммуникации, которая, хоть и является гибридной (подразумевает возможность как персонального диалога, так массовой трансляции сообщений) [Широканова, 2014, с. 80], в представленном случае тяготеет к способам деятельности классических медиа. В сравнении можно выделить видеоигровой жанр MMORPG (массовая онлайновая ролевая игра), где коммуникация носит двунаправленный характер [Zhao, 2014]. Может показаться парадоксальным, что именно видеоигры, которые также обязывают «носить маски», само собой подразумевают определенную анонимность и несут в себе жестко предзаданные программным кодом нарративные и функциональные ограничения [Беляев, 2012], создают виртуальную среду с равным статусом в общении пользователей, вне зависимости от их реальных социальных атрибутов [Prensky, 2001, р. 1].

Видеоигровой аватар нередко представляется как крайняя степень отчуждения от собственной телесности. Тендрякова [2015, с. 169] хоть и выражает опасения относительно опытного воздействия видеоигровых аватаров на игрока, вместе с тем отмечает всевозрастающую значимость ролевой составляющей видеоигр, выявляя ее истоки в детских и взрослых играх прошлых веков, а также констатирует присутствие у аватара виртуальной личности, будь то заданная нарративом и необходимым игровым поведением система норм или идентификация игрока с персонажем. Те игровые проекты, которые не являются сюжетно-ориентированными, чаще предлагают возможности по кастомизации и персонализации аватара. Исследования [Vasalou, Joinson, 2009; Gulz, 2010] показывают, что персонализация несет в себе социальную функцию, помогая геймеру выделиться из общей массы и улучшая ориентацию в пространстве игровой вселенной; установлена связь между аватаром и физиологическими и психологическими особенностями управляющего им игрока.

Как показал Вайс [Weis, 2015], игрок в видеоигре является одновременно наблюдателем и наблюдаемым. Данные характеристики весьма разноплановы в своем характере: они включают в себя коммуникацию между игроком и аватаром, игроком и игроком, игроком и разработчиком, игроком с виртуальным пространством, игроком с самим собой. Сам факт присутствия таких характеристик в дискурсе игровых миров не позволяет нам говорить об абсолютном отчуждении игрока от собственной телесности, представляясь, скорее, как результат сложных социально-культурных процессов, направленных на сублимацию и актуализацию внутреннего космоса человека. Более того, несмотря на то, что подобные характеристики свойственны видеоигровому телу, есть основания экстраполировать их, пусть и в редуцированном виде, в отношении блогов и социальных сетей. Несмотря на то, что интернет-пользователь может и не утруждать себя созданием аватара, ограничившись ником, такое поведение уже может многое рассказать о пользователе, равно как и абсурдные, сюрреалистические и загадочные аватары [Быльева, 2013]. В результате ранее упомянутого исследования [Vasalou, Joinson, 2009] было установлено, что подавляющее большинство (свыше 80 %) пользователей виртуальных пространств стремится передать отображению своей телесности собственные характеристики, физические и/или ментальные, в виде непосредственно тела или знака, что, в свою очередь, варьируется в зависимости от площадки, на которой размещается изображение и целей размещения.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ аспектов телесности *Homo vitrualis* показывает довольно противоречивые результаты. С одной стороны, виртуальное тело, будучи порождением информационной культуры и общества потребления является симулякром тела реального, характеризуя отчуждение от него, с другой — стремление к самопрезентации не позволяет нам говорить об абсолютной степени отчуждения.

В отличии от традиционных медиа виртуальная телесность является необходимым звеном для коммуникации, что способствует стремлению пользователей к самовыражению. Наиболее в себе аккумулирует творческие порывы, а также персональные характеристики видеоигровой аватар, что, вероятно, связано как с игровой его составляющей, ни к чему игрока не обязывающей, ограничивающей вариативность визуальной составляющей внутренним инструментарием, а также сложностью превращения видеоигрового аватара в капитал, что более свойственно сайтам, позволяющим извлекать из отображения тела выгоду как эстетического, эротического или медийного объекта.

Самопрезентация и анонимность, будучи на первый взгляд взаимоисключающими аспектами, могут являться частью единого виртуального тела, проецируя персональные характеристики через изображение как знак, семиотика которого может предоставить персональную информацию о пользователе даже при скрытом или загадочном профиле. Впрочем, они способны вступать в конфронтацию, будучи отображением полярных смыслов, а также в качестве проявления нормативного недовольства конвенциональной телесностью, нередко эволюционируя в противоборство конвенциональной самопрезентации с самопрезентацией антагонистичной.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о состоянии суперпозиции виртуальной телесности, характеризующейся увеличением степени отчуждения от собственного тела как аналога анонимности при реализации гиперреалистичного визуального контента или уменьшением степени отчуждения посредством самопрезентации или саморепрезентации при ограниченных функционально или умышленно возможностях реализации собственной телесности в виртуальном пространстве.

Список литературы

- Беляев Д.А. 2012. Виртуальное Net-бытие пост (сверх) человека. Вестник Волгоградского государственного университета, 3(18): 15–21.
- Бодрийяр Ж. 2006. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 269 с.
- Быльева Д.С. 2013. Семиотика знаков самоидентификации в сети Интернет. Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки, 1: 25–29.
- Литвинова Д.А. Остроухова П.В. 2015. сс: между худобой и анорексией. Журнал исследований социальной политики, 13(1): 33-48.
- Прудникова Е.В. 2014. Информационная культура в виртуальном мире: проблемы и перспективы. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 16(187): 94–98.
- Самойлова Е.О., Шаев Ю.М. 2019. Тело и телесность в контексте визуальных практик постинформационного общества. Общество: Философия, История, Культура, 1(57): 35-40.
- Тендрякова М.В. 2015. Игровые миры: от homo ludens до геймера. М., СПб., Нестор-История, 224 с.
- Широканова А.А. 2014. ММОРПГ как площадки формирования личной идентичности. Вестник Волгоградского государственного университета, 3 (23): 78-87.
- Bélisle, J.-F. 2010. Avatars as information: Perception of consumers based on their avatars in virtual worlds. Psychology & Marketing, Vol. 27, Iss. 8: 750-765.
- Gulz, A. 2004. Benefits of Virtual Characters in Computer Based Learning Environments: Claims and Evidence. International Journal of Artificial Intelligence in Education, 14: 313-334.
- Prensky M. 2001. Digital Natives, Digital Immigrants. On the Horizon, 9(5): 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816

- Vasalou A., Joinson A.N. 2009. Me, myself and I: The role of interactional context on self-presentation through avatars. *Computers in Human Behavior*. Vol. 25 (2): 510-520.
- Weis, Martin. 2015. "Bio-Gaming: The Real Biopolitics of Virtual Bodies." PhD diss., University of California, Davis, 133 p.
- Zhao, S. 2004. Toward a Taxonomy of Copresence. *Presence: Teleoperators & Virtual Environments*, 5: 445-455.

References

- Belyaev, D.A., 2012. Virtual net-being of a post(over)man. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(18): 15–21 (in Russian).
- Baudrillard, J., 2006, Consumer Society. Its Myths and Structures, Moscow, 269 p. (in Russian).
- Litvinova DA., Ostroykhova PV. Discursive regulation of female corporality in social networks: between thinness and anorexia. *Jurnal issledovanii socialnoi politiki*. 2015; 13(1): 33–48 (in Russian)
- Prudnikova, E.V., 2014. Information culture in the virtual world: problems and prospects. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy Sociology Law*, 16 (187): 94-98. (in Russian)
- Samoylova, E.O., Shaev Yu.M., 2019. Body and corporeality in the context of visual practices of the post-information society. *Society: Philosophy, History, Culture*, 1 (57): 35-40 (in Russian)
- Tendryakova M.V. 2015. Igrovye miry: ot homo ludens do geimera [Game worlds: from homo ludens to gamer]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 224 p. (In Russian)
- Shirokanova, A.A., 2014. MMORPGS as platforms of forming personal identity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (23): 78-87. (In Russian)
- Bélisle, J.-F. 2010. Avatars as information: Perception of consumers based on their avatars in virtual worlds. *Psychology & Marketing*, 27(8): 750-765.
- Gulz, A.: Benefits of Virtual Characters in Computer Based Learning Environments: Claims and Evidence pp. 313-334, International Journal of Artificial Intelligence in Education 14, 2004.
- Prensky M. 2001. Digital Natives, Digital Immigrants. On the Horizon, noMMORPGs as Platforms of forming Personal Identity, 5: 1-6.
- Vasalou A., Joinson A.N. 2009. Me, myself and I: The role of interactional context on self-presentation through avatars. *Computers in Human Behavior*, 25 (2): 510-520.
- Weis M. 2015. "Bio-Gaming: The Real Biopolitics of Virtual Bodies." PhD diss., University of California, Davis, 133 p.
- Zhao S. 2004. Toward a Taxonomy of Copresence. *Presence: Teleoperators & Virtual Environments*, 5:445-455.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.08.2021

Поступила после рецензирования 11.11.2021

Принята к публикации 15.06.2022

Received August 11, 2021

Revised November 11, 2021

Accepted June 15, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сильченко Владимир Юрьевич, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir Y. Silchenko, postgraduate student of the Department of Philosophy, Culturology, Science of Science, Belgorod, Russia

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-399-407

Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности России

Шестаков Ю. А.

Донской государственный технический университет,
Россия, 346500, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко-147
E-mail: shesur@mail.ru.

Аннотация. Автором выявлены основные негативные черты исторического сознания российской молодежи в качестве факторов, угрожающих национальной безопасности России. К ним относятся: антиномизм, фрагментация, дегероизация, сакрализация, неоправданное повышение роли и значения вненаучных источников формирования исторического знания, мифологизация. В результате исследования сформулированы главные направления совершенствования российской системы образования в целях устранения этих угроз: создание непротиворечивого образа истории Отечества, использование архетипов национального сознания, окультуренных творческим освоением достижений философско-исторического знания и исторической науки.

Ключевые слова: история, национальная безопасность, Россия, цивилизация, историческое образование

Для цитирования: Шестаков Ю. А. 2022. Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности России. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 399–407. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-399-407

Historical Consciousness of Russian Youth in the Context of Ensuring National Security of Russia

Yuri A. Shestakov

Don State Technical University,
147 Shevchenko St, Shakhty, Rostov region 346500, Russia
E-mail: shesur@mail.ru

Abstract. The author identifies the main negative features of the historical consciousness of Russian youth as factors threatening the national security of Russia. These include: antinomianism, fragmentation, deheroization, sacralization, unjustified increase in the role and importance of extra-scientific sources of historical knowledge formation, mythologization. As a result of the research, the main directions of improving the Russian education system in order to eliminate these threats are formulated: the creation of a consistent image of the history of the Fatherland, the use of archetypes of national consciousness cultivated by the creative development of the achievements of philosophical and historical knowledge and historical science.

Keywords: History, national security, Russia, civilization, historical education

For citation: Shestakov Y.A. 2022. Historical Consciousness of Russian Youth in the Context of Ensuring National Security of Russia. НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 399–407 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-399-407

Введение

Одним из основных критериев обеспечения национальной безопасности России является интеграция интересов различных социальных групп, деятельная защита ими надгрупповых, общенациональных интересов, которую принято называть патриотизмом. Эта интеграция возможна лишь на базе достижения определенного аксиологического консенсуса по поводу признания ценностных констант отечественной цивилизации, сложившихся в процессе исторического развития и отраженных в общем историческом сознании, соотнесения представителей всех социальных групп национально-государственного общества с ценностной матрицей российской цивилизации. В этой связи анализ исторического сознания молодежи, выявление негативных тенденций в его развитии и поиск путей их преодоления представляется достаточно актуальным.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является историческое сознание российской молодежи. Методология исследования направлена на выявление угроз национальной безопасности России, основных негативных характеристик молодежного исторического сознания, установление причинно-следственной связи между ними и формулировании на этой основе методов устранения негативных черт исторического сознания молодежи. Наиболее важным стал аксиологический метод, позволивший провести изучение сущностных характеристик взаимоотношения культуры национальной безопасности и особенностей исторического сознания молодежи, а также выявить аксиологическую ориентацию молодежи как социальной группы. Социологический метод позволил эмпирически определить конкретные черты исторического сознания молодежи. В работе применялся диалектический метод, позволивший рассматривать феномен исторического сознания молодежи в его развитии, взаимодействии и единстве с феноменом национальной безопасности. В исследовании использовалась также общеначальные методы: сравнения, обобщения, анализа, синтеза, классификации, абстрагирования, позволившие выявить причинно-следственные связи, сущность и специфику рассматриваемых феноменов.

Результаты и их обсуждение

Одной из основных характеристик массового молодежного исторического сознания является его антиномичность, возникающая как следствие недоверия молодежи к различным акторам и социальным институтам, постоянно переформатирующем историческое сознание, политически ангажируя его. В числе других ярко выраженных черт – аморфность и фрагментированность. Их причиной является ценностный раскол российского общества, наличие по крайней мере двух полярных ценностных парадигм – этатистско-коллективисткой и индивидуалистической, связанное с переходным, транзитивным характером нашего общества, характеризующимся отсутствием единого ценностно-смыслового ядра, обеспечивающего духовное единство социума.

Основной функцией исторического сознания исследователи не без основания считают «обретение национальной идентичности и консолидацию представителей различных социальных слоев и групп в целостную социально-историческую общность, обладающую сходным типом восприятия и оценки своего исторического прошлого» [Соснин, 2015, с. 173], но подобные характеристики исторического сознания некоторые аналитики проблемы именуют его «деисторизацией» [Столяренко и др., с. 31]. Они, несомненно, негативно сказываются на национальной безопасности и ее культуре, ибо «национальное самосознание всегда представляет собой историческое сознание» [Сучилина, 2020. с. 99].

Социологическое исследование, проведенное на заре двадцать первого века российскими учеными под руководством крупнейшего специалиста в области исторического сознания Й. Рюзена, в частности, показало, что национально-государственная идентифика-

ция российской молодежи, сравнительно с их немецкими сверстниками, построена более на привязанности к территории, нежели к определенным культурным ценностям, «духовному коду» [Линченко, 2014. с. 76]. Фрагментаризация исторического сознания отражает чуждость поливариантного официального дискурса социокультурным реалиям, а потому не содействует социальной интеграции, а противодействует ей, формируя исторический нигилизм.

Важную «воспитательную идентификационную роль» [Останина, 2015. с. 104] в формировании исторического сознания эпохи модерна играл образ героя, отсутствие которого порождает кризис национально-государственной и цивилизационной идентичности и не способствует формированию единого патриотического исторического сознания. Молодежь не стремится идентифицировать себя с определенной эпохой и выдающимися представителями, воплощающими ее духовные идеалы. Это закономерно ведет к аномии в молодежной среде, характеризующейся утратой четкой смысложизненной, мировоззренческой ориентированности. Между тем, по мнению аналитиков проблемы, с одной стороны, «личная идентификация невозможна без наличия в сознании россиянина культурных образцов как средства для реализации социальной интеграции», а с другой – «современная социокультурная ситуация характеризуется разрушением этих образцов, их нехваткой, чреватой нарушением механизмов самоидентификации, дезинтеграцией общества, выражающейся в массовых проявлениях либо социальной апатии, либо авантюризма» [Шестаков, 2016. с. 91]. В результате в истории черпается материал не для идентификации индивида с национально-государственным сообществом, без которого невозможно формирование ни полноценной личности [Эриксон, 1996], ни национальной безопасности, а, прежде всего, для «легитимации собственных притязаний», удовлетворения эгоистических амбиций. Можно сделать общий вывод о том, что содействовать формированию таких черт исторического сознания молодежи или относится к ним индифферентно – значит «заложить основы механизма саморазрушения общества» [Макар, 2006. с. 10].

Результатом является понижение статуса исторического знания в сознании молодежи, выражющееся в том, что российская молодежь (в отличие от, например, их немецких сверстников) в крайне незначительной мере видит в истории метод воспитания, формирования собственного опыта и в конечном счете собственной личности [Линченко, 2014. с. 69]. В связи с этим возрастает удельный вес источников исторического знания, формирующих историческое сознание, не связанных прямо с наукой и образованием. В первую очередь таким источником выступает пресловутая «всемирная паутина». В эпоху подъема человечества на гребень «третьей волны» информационного, постиндустриального общества средства массовой коммуникации вообще и Интернет в особенности из трансляторов ценностей переходят в разряд основного источника их формирования. К положительным моментам влияния Интернета на формирование исторического сознания можно отнести: быстроту и доступность предоставления информации; высокую степень ее альтернативности; создание целостного эстетического образа исторических событий, явлений, процессов. Негативные моменты являются вполне объяснимыми с позиции диалектики продолжениями его достоинств. Быстрота и доступность приводят к формированию клипового мышления, высвечивающего события истории в соответствии с поставленной целью. Вследствие этого работа с историческими сведениями предельно прагматизирована и алгоритмизирована. Альтернативность приводит к появлению информации, обусловленной субъективными потребностями, с одной стороны, транснациональных корпораций и отстаивающих их интересы общественных и политических структур, трактующих историю как фатальный процесс универсализации по западным лекалам, с другой – регионов, этносов, конфессий, презентующих прошлое как торжество локализма. Целостность образов и представлений об истории зачастую выливается в современное историческое мифотворчество, характеризующееся фальсификацией исторических сведений для формирования символического, дихотомичного, непротиворечивого мировоззрения за счет пренебреже-

ния истиной, совмещения на этой основе реального и фантастического, желаемого и осуществленного. Как справедливо указывают аналитики проблемы, «результат использования ресурсов Интернета для формирования исторического сознания зависит, прежде всего, от характера развития человека как личности, особенностей его ценностно-мировоззренческой сферы» [Емельяненко, 2015 с. 59]. Однако главным недостатком сформированного Интернетом исторического сознания как раз и является его принципиальная мировоззренческая «неисторичность». Но именно специфика исторического обеспечивает ориентацию индивида на категорию «смысла» [Schnädelbach, 2000, s. 153]. Информация, предоставленная «паутиной», ориентирует человека на жизнь по принципу «здесь и сейчас», на исключительно ситуативное целеполагание и смыслополагание, вырывает его из контекста истории, делает «флексибилизованным, шизофреничным» [Руденко, 2012, с. 206] и тем элиминирует аксиологическую связь с национально-государственным сообществом и в целом с обществом, лишая существование человека общественно-значимого смысла, дезорганизуя личность.

Хотя церковь как транслятор исторического знания утрачивает свои позиции, специалистами в области философии истории признается, что ситуация современности, связанная с кардинальной сменой архетипов, формирующих историческое сознание, генерирующая кризис национально-государственных институтов, провоцирует некоторый религиозный ренессанс, затрагивающий и молодежь. Религиозные архетипы заменяют собой утратившие доверие общества метанarrативные идеологические конструкты модерна. В них почетное место занимает революция, служащая точкой отсчета, с которой начинается реализация социального проекта метанарратива. Они направлены на то, чтобы оправдать существующий политический порядок авторитетом рациональной традиции [Bourdieu, 1991], в них торжествует то, что постмодернистами именуется феноменом «знание – власть» [Foucault, 1975]. Аналитики обращают внимание и на то обстоятельство, что религиозные архетипы используются не только традиционалистскими цивилизациями, стремящимися, опираясь на формирование религиозных ценностей в процессе своего исторического развития, отстоять свою культурную независимость, но и западными «унификаторами», стремящимися использовать религиозные архетипы общественного сознания для легитимации вестернизации. Внедряя ценности протестантизма и его многочисленных сектантских ответвлений на глобальном уровне, они хотят морализировать экономико-центристские ценности западной цивилизации, что можно характеризовать как «инструментализацию» религии в условиях глобализации, ее «подчинение политическим целям» [Останина, 2015. с. 104].

Те же тенденции характеризуют и историческую мифологию, активно формирующую историческое сознание молодежи посредством не только Интернета, но и средств массовой информации. Причины появления «органической» мифологии кроются в естественных особенностях эмпирического уровня исторического сознания, отражающего общественную психологию, национальные архетипы, особенности ментальности, интерпретирующие исторический процесс в образных и эмоциональных формах, присущих определенной национальной культуре. Она обеспечивает ценностный консенсус общества по поводу исторических образов, ориентирующих нацию в ее истории. Мифология же «искусственная» как элемент «искусственной традиции» [Derrida, 1972] преследует совершенно иные цели. Причинами ее появления зачастую становится активность самых разнообразных псевдоисториков, желающих поскорее сорвать банк популярности, не прикладывая особых усилий для сбора, анализа, логического объяснения и интерпретации на основе гносеологических критериев, выработанных наукой и философией, правдивого исторического материала. Они уповают на эпатажную необычность своих выводов, их предельную стереотипизацию, упрощение и гиперэмоциональность.

Однако подобная ситуация еще не худший вариант. За частую инициаторами появления «рукотворных» мифов являются geopolитические конкуренты России. Их целью яв-

ляется прямое посягательство на национальную безопасность путем создания образа отечественной истории как процесса реализации якобы изначально и принципиально враждебной культурному и моральному прогрессу интенциональности российской цивилизации, представляющей в качестве «врага всего человечества» [Фролов, Кабирова, 2021, с. 91]. Этот прогресс связывается с концептом торжества общечеловеческих ценностей и претендующих на их место ценностей западной цивилизации.

В качестве примеров подобных мифов можно привести фактическую идентификацию нацисткой Германии и СССР на основе разработанной в США теории «тоталитаризма», принимающей во внимание лишь институциональное сходство режимов. Между тем их интенциональное различие, с точки зрения подлинно научной интерпретации исторического процесса и объективного выяснения его аксиологической сущности, представляется куда более важным. Для фашисткой Германии, в которой основные критерии индустриального общества, в том числе сознательно отвергнутое правовое государство, были давно сформированы, основной целью стал грабеж «низших» народов и геноцид как способ минимизации последствий кризиса западной цивилизации. Для Советского Союза же основной целью стал генезис своеобразного типа индустриального общества, представляющего собой альтернативный способ избежать этого кризиса. Он строился во имя максимально возможного удовлетворения растущих в ходе социалистической модернизации потребностей населения, отличаясь «гуманистической направленностью» [Шестаков, 2017, с. 153]. Нелишним будет в этой связи вспомнить и о появлении в результате разгрома фашисткой Германии, решающую роль (уничтожение 2/3 дивизий вермахта) в котором сыграл СССР, влиятельного и авторитетного международного права и международных организаций, применяющих его. В результате этого человечество впервые получило возможность отстаивать универсальные гуманистические, общечеловеческие ценности на глобальном уровне. Такая явно упрощенная, а потому ложная трактовка отечественного прошлого заставляет молодежь формировать свою смысложизненную интенциональность в отрыве от аксиологической матрицы российской цивилизации, провоцирует изоляцию молодежи от своего культурно-исторического наследия и представляет прямую и явную угрозу национальной безопасности.

Вместе с тем отношение к институту образования как к доминирующему источнику исторического знания и формирования исторического сознания в целом является характерной чертой российской молодежи начала третьего тысячелетия [Линченко, 2014, с. 71]. Еще одной характерной чертой является преимущественный интерес к прошлому отечественного национально-государственного образования, с которым молодой человек себя главным образом идентифицирует. Национальная идентичность значима для подавляющего большинства молодежи [Браницкий, 2017, с. 266] (несмотря на появление субнационального и наднационального уровней исторического сознания, отражающих, соответственно, исторически сформировавшиеся константы этнических и глобальных ценностей). Следующим феноменом исторического сознания молодежи является повышенное внимание и ярко выраженный интерес к эпохам существования сильного и стабильного отечественного государства [Линченко, 2014, с. 76]. Так, согласно данным социологического опроса, проведенного в 2011 г. среди студентов Томского политехнического университета, наибольший интерес у обучающихся вызвали периоды Великой Отечественной войны, к которой молодежь относится «достаточно серьезно и ответственно» [Молчанова, 2019, с. 169], эпохи Петра Великого и Екатерины Великой [Гурьева, Иванова, 2013, с. 276].

С опорой на эти ориентационные ресурсы молодежи возможно и необходимо построение образа истории нашего Отечества на демифологизированной и светской основе. Ведь «рукотворный» миф и привнесенная извне религиозная интерпретация событий фактически «паразитирует» на стремлении молодежи познать свое прошлое. Молодежь стремится познать его в виде непротиворечивого, целостного, системного нарратива, дающего практическую ориентацию в мире современности и позволяющую выстроить свою смысл-

ложизненную интенциональность, «...разивать свое аксиологическое сознание» [Урянская, 2019. с. 209], в контексте смысложизненной интенциональности национально-государственного образования, с которым молодой человек себя соотносит. Это возможно только в условиях направленности исторического образования на демифологизацию и десакрализацию исторического сознания молодежи. Ее необходимо фундировать, во-первых, на отраженных в массовом сознании национальных архетипических, ментальных «маркерах», формирующих эмпирический уровень исторического сознания, поскольку исследователями постулируется, что понятие «историческое сознание» включает в себя и разнообразные феномены бессознательного [Rüsen, 1994, s. 211], делается акцент на его «предпосылочность», существование в контексте традиции [Hacking, 1999]. Одним из самых значимых таких архетипических символов является символ единого мощного государства как главного интегрирующего фактора, обуславливающего ценностное единение, позволяющее, в свою очередь, построить на единых аксиологических константах смысложизненное осуществление личности и общества. Кроме того, образовательная парадигма в интересах национальной безопасности должна быть основана на единой, непротиворечивой, целостной концепции отечественной истории. Она предполагает устранение трактовки отдельных исторических событий, явлений, процессов, периодов как ценностно «неправильных», характеризующихся атрибутами случайности либо ошибочности. Существенную роль в демифологизации и десакрализации исторического сознания может сыграть повышение общей философско-исторической культуры молодежи, развивающей критическое и системное мышление, ибо постижение истории заключается в системе определенных операций мышления [Rüsen, 2005], рациональность востребована и в постмодернистской парадигме формирования исторического сознания [Rüsen, 1983], а «способность к наррации» [Rüsen, 2008, с. 67] признается важнейшим способом преодоления кризиса исторического сознания.

Такой тип мышления позволит занять непредубежденную позицию по отношению к ангажированным воззрениям на исторических процесс, ориентируя школьников и студентов на принципы рационального познания, вырабатывая у них четкие гносеологические и логические критерии поиска истины. Наконец, необходима активизация творческой активности молодежи в процессе самостоятельного анализа научных исторических исследований, а также изучения исторических источников, ибо подлинное понимание исторических событий возможно лишь «...в процессе самостоятельного творческого поиска» [Андреенко, 2017. с. 94]. Навыки творческого анализа научной литературы и исторических документов позволяют сформировать подлинно научный взгляд на исторический процесс. Он обогатит, окультурит, оформит архетипы массового исторического сознания, наполнив их теоретическим содержанием, ориентированным на логически непротиворечивое и рациональное постижение истины.

Заключение

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что сами по себе ресурсы средств массовой информации и Интернета, оказывающие мощнейшее воздействие на историческое сознание, не являются ни инструментом формирования единого патриотического мировоззрения, ни препятствием к его формированию. Все дело заключается в особенностях восприятия личностью исторической информации. В связи с этим необходимо формировать у личности стремление оценивать историческую информацию с точки зрения: во-первых, не практической пользы, а соответствия общечеловеческим гуманистическим идеалам; во-вторых – соответствия признакам верификации и фальсификации, в-третьих – признания окультуривающей, по отношению к обыденному сознанию, роли теоретического уровня исторического сознания, в частности философской и философско-исторической науки, понимания недопустимости прямой подмены научных понятий образами, символами и представлениями, сформировавшимися на обыденном уровне. Содействовать это-

му необходимо: активизацией воспитательной функции образовательных институтов; повышением уровня исторической культуры, формируемой в процессе преподавания курса «История» в образовательных учреждениях всех уровней; повышением уровня философской культуры, формируемой в процессе преподавания философских дисциплин.

Таким образом, создав в рамках учебного процесса образ единой, непротиворечивой истории Отечества, представляющий собой процесс развития определенных ценностных альтернатив Западу, используя, с одной стороны, архетипические образы, главным из которых является образ государства как доминирующей интегративной силы, сплачивающей национальное сообщество, окультирувая обыденный уровень исторического сознания творческим освоением достижений философско-исторического знания и исторической науки, российская система образования сможет содействовать появлению того типа исторического сознания, который в наибольшей степени релевантен обеспечению национальной безопасности. Под влиянием этих факторов историческое сознание российской молодежи из флюктуативного, фрагментированного, эгоцентрического может стать устойчивым, целостным и патриотическим, что обеспечит безопасное развитие российского национально-государственного сообщества.

Список литературы

- Андреенко Е.А. 2017. Роль проблемного обучения в формировании исторического сознания молодежи (на примере изучения Великой Отечественной войны). Вестник МИЭП, 1 (26): 89–95.
- Браницкий В.В. 2017. Историческое сознание современной студенческой молодежи: социологический аспект. Среднерусский вестник общественных наук, 12(5): 263–269.
- Гурьева И.Ю., Иванова М.Е. 2013. Историческое сознание студентов в зеркале социологических опросов. Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме. В кн.: Сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Томск, Национальный исследовательский Томский политехнический университет: 276–279.
- Емельяненко В.Д. 2015. Интернет и ценностно-мировоззренческие основания исторического сознания (к постановке проблемы). Альманах современной науки и образования, 8 (98): 55–60.
- Линченко А.А. 2014. Знание о прошлом и историческое сознание молодежи в информационном обществе. Люди и тексты. Исторический альманах, 5: 51–82.
- Молчанова Е.В. 2019. Воспитание исторического сознания современной молодежи. Образование России и актуальные вопросы современной науки. Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, Пензенский государственный аграрный университет: 167–170.
- Останина О.А. 2015. Историческое сознание в эпоху глобализации. Бытие – язык-история. Сборник материалов Всероссийской заочной научной конференции. Киров, изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС»: 101–105.
- Руденко А.М. 2012. Социовитальная концепция смысложизненной интенциональности экзистенции человека. Ростов н/Д: издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 236 с.
- Соснин В.А. 2015. Проблемы безопасности и консолидации российского общества. Прикладная и юридическая психология, 2: 170–176.
- Столяренко Л.Д., Столяренко В.Е., Фролов В.А. 2013. Историческое сознание российской молодежи: особенности и противоречия. Теория и практика общественного развития, 3(3): 31–35.
- Суцилина А.А. 2020. Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи. Вестник финансового университета. Гуманитарные науки, 10(1): 96–99.
- Урянская О.Ф. 2019. Осознание смыслов исторических событий – способ формирования аксиологического сознания молодежи. Учитель создает нацию. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Грозный, изд-во ООО НПКП «МАВР»: 206–209.
- Фролов И.В., Кабирова И.А. 2021. Компьютерные игры как инструмент информационной войны, исказжающий историческую память и политическое сознание молодежи. Материалы

- международной научно-практической конференции «Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления». Витебск, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова: 90–92.
- Шестаков Ю.А. 2016. Единая концепция исторического образования в России как фактор обеспечения ее национальной безопасности. Гуманитарные и социальные науки, 3: 85–95.
- Шестаков Ю.А. 2017. История. М., РИОР: ИНФРА-М, 248 с.
- Эриксон Э.Г. 1995. Идентичность: юность и кризис. М., Прогресс, 340 с.
- Bourdieu P. 1991. Language and Symbolic Power. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 292 p.
- Derrida J. 1972. Structure, sign, and play in the discourse of human sciences. In Macksey Richard and Eugenio Donato. The structuralist controversy. Baltimore: Johns Hopkins Press, p. 256–271.
- Foucault M. 1975. Surveiller et punir: naissance de la prison. Paris: Gallimard, 227 p.
- Hacking I. 1999. Historical meta-epistemology. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen Ser.3, Philologisch-historische Klasse. 231 p.
- Rüsen J. 2006. Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development. Theorizing historical consciousness. Toronto: University of Toronto press, p. 63–86.
- Rüsen J. 2008. History: narration-interpretation-orientation. New York: Berghahn Books, 212 p.
- Rüsen J. 1994. Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne; Weimar; Vienna, 264 s.
- Rüsen J. 1983. Historische vernuft. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 157 s.
- Schnädelbach H. «Sinn» in der Geschichte? Philosophie in der modernen Kultur. Frankfurt: Suhrkamp, 283 s.

References

- Andreenko E.A. 2017. Rol' problemnogo obuchenija v formirovaniu istori-cheskogo soznaniya molodezhi (na primere izuchenija Velikoj Otechestvennoj vojny) [The role of problem-based learning in shaping the historical consciousness of young people (on the example of studying the Great Patriotic War)]. Vestnik MIJeP, 1(26): 89–95.
- Branickij V.V. 2017. Istoricheskoe soznanie sovremennoj studencheskoj molodezhi: sociologicheskiy aspect [Historical consciousness of contemporary student youth: a sociological perspective]. Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk, 12(5): 263–269.
- Gur'eva I.Ju., Ivanova M.E. 2013. Istoricheskoe soznanie studentov v zer-kale sociologicheskikh oprosov. Transformacija nauchnyh paradigm i kommunikativnye praktiki v informacionnom sociume [Students' historical consciousness in the mirror of sociological surveys. Transformation of scientific paradigms and communicative practices in the information society]. In: Proceedings of the VI All-Russian Scientific-Practical Conference of Students and Young Scientists. Tomsk, Nacional'nyj issledo-vatel'skij Tomskij politehnicheskij universitet: 276–279.
- Emel'janenko V.D. 2015. Internet i cennostno-mirovozzrencheskie osnova-nija istoricheskogo soznanija (k postanovke problemy) [The Internet and the value and attitudinal bases of historical consciousness (to set the scene)]. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija [The Almanac of Contemporary Science and Education], 8 (98): 55–60.
- Linchenko A.A. 2014. Znanie o proshlom i istoricheskoe soznanie molodezhi v informacionnom obshhestve [Knowledge of the past and the historical consciousness of young people in the information society]. Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah [People and texts. A historical almanac], 5: 51–82.
- Molchanova E.V. 2019. Vospitanie istoricheskogo soznanija sovremennoj mo-lodezhi. Obrazovanie Rossii i aktual'nye voprosy sovremennoj nauki [Educating the historical consciousness of modern youth. Education in Russia and topical issues of modern science]. In: Collection of articles from the Second All-Russian Scientific and Practical Conference. Penza, Penzenskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet: 167–170.
- Ostanina O.A. 2015. Istoricheskoe soznanie v jepohu globalizacii. Bytie – jazyk-istorija [Historical consciousness in an era of globalisation. Being-language-history]. Proceedings of the All-Russian Extramural Scientific Conference. Kirov, Pudl. OOO Raduga-PRESS: 101–105.
- Rudenko A.M. 2012. Sociovital'naja koncepcija smyslozhiznennoj intencional'nosti jekzistencii cheloveka [Sociovital concept of the meaningfulness of human existential intentionality]. Rostov on Don, Publ. SKNC VSh JuFU, 236 p.
- Sosnin V.A. 2015. Problemy bezopasnosti i konsolidacii rossijskogo obshhestva [Problems of security and consolidation in Russian society]. Prikladnaja i juridicheskaja psihologija, 2: 170–176.

- Stoljarenko L.D., Stoljarenko V.E., Frolov V.A. 2013. Istoricheskoe sozna-nie rossijskoj molodezhi: osobennosti i protivorechija [Historical Consciousness of Russian Youth: Peculiarities and Contradictions]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 3: 31–35.
- Suchilina A.A. 2020. Protivorechija formirovaniya istoricheskogo soznanija sovremennoj rossijskoj molodezhi [Contradictions in the formation of historical consciousness among contemporary Russian youth]. Vestnik finansovogo universiteta, Gumanitarnye nauki, 10(1): 96–99.
- Urzanskaja O.F. 2019. Osoznanie smyslov istoricheskikh sobytij – sposob formirovaniya aksiologicheskogo soznanija molodezhi. Uchitel' sozdaet naciju [Awareness of the meanings of historical events is a way of forming the axiological co-consciousness of young people. The teacher creates a nation]. In: [Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference]. Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Groznyj, Publ. OOO NPKP «MAVR»: 206–209.
- Frolov I.V., Kabirova I.A. 2021. Komp'juternye igry kak instrument in-formacionnoj vojny, iskazhushhij istoricheskiju pamjat' i politicheskoe soznanie molodezhi [Computer games as a tool of information warfare, distorting the historical memory and political consciousness of young people]. In: Interpretacionnoe nasilie nad istoricheskoy pamjat'ju i formirovanie kul'tury politicheskogo myshlenija [Interpretive Violence over Historical Memory and the Formation of a Culture of Political Thinking]. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference. Vitebsk, Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova: 90–92.
- Shestakov Ju.A. 2016. Edinaja koncepcija istoricheskogo obrazovanija v Rossii kak faktor obespechenija ee nacional'noj bezopasnosti [A unified concept of history education in Russia as a factor in ensuring its national security]. Gumanitarnye i social'nye nauki, 3: 85–95.
- Shestakov Ju.A. 2017. Istorija: uchebnoe posobie [History: Training manual]. Moscow, Publ. RIOR: INFRA-M, 248 p.
- Jerikson Je.G. 1995. Identichnost': junost' i krizis [Identity: adolescence and crisis]. Moscow, Publ. Progress, 340 p.
- Bourdieu P. 1991. Language and Symbolic Power. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 292 p.
- Derrida J. 1972. Structure, sign, and play in the discourse of human sciences. In Macksey Richard and Eugenio Donato. The structuralist controversy. Baltimore: Johns Hopkins Press, p. 256–271.
- Foucault M. 1975. Surveiller et punir: naissance de la prison. Paris: Gallimard, 227 p.
- Hacking I. 1999. Historical meta-epistemology. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen Ser. 3, Philologisch-historische Klasse. 231 p.
- Rüsen J. 2006. Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development. Theorizing historical consciousness. Toronto: University of Toronto press: 63–86.
- Rüsen J. 2008. History: narration-interpretation-orientation. New York: Berghahn Books, 212 p.
- Rüsen J. 1994. Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusst-seins, sich in der Zeit zurechtfuzi nden. Cologne; Weimar; Vienna, 264 p.
- Rüsen J. 1983. Historische vernuft. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 157 p.
- Schnädelbach H. «Sinn» in der Geschichte? Philosophie in der modernen Kultur. Frankfurt: Suhrkamp, 283 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.09.2021

Received September 14, 2021

Поступила после рецензирования 02.12.2021

Revised December 2, 2021

Принята к публикации 15.06.2022

Accepted June 15, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шестаков Юрий Александрович, доцент кафедры социально-гуманитарный дисциплин, Институт сферы обслуживания и предпринимательства Донского государственного технического университета, Шахты, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri A. Shestakov, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Service and Entrepreneurship, Don State Technical University, Shakhty, Russia

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

УДК 130.2; 808.2
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-408-412

Провокация: от институции к памяти о ней (рецензия на книгу Петара Боянич «Про/вокация. Воззвание и право на переворот»)

Войислав Стоянович

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Аннотация. Книга Петара Боянич «Про/вокация. Воззвание и право на переворот», вышла на русском языке в 2022 году, ее перевод был подготовлен в редакции белгородских философов. Автор рецензии, один из переводчиков книги, раскрывает тайны перевода и интерпретации сербского языка такого сложного мыслителя, каковым является известный философ П. Боянич.

Ключевые слова: Боянич, провокация, воззвание, призыв, насилие, переворот, революция

Для цитирования: Стоянович В. 2022. Провокация: от институции к памяти о ней (Рецензия на книгу Петара Боянич «Про/вокация. Воззвание и право на переворот»). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 408–412. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-408-412

Provocation: From the Institution to the Memory of it (Review of the Book by Petar Bojanic "Pro/vocation. Pro/vocation and the right to overturn")

Wojislaw Stojanowicz

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Abstract. Petar Boyanich's book "Pro/vocation. Pro/vocation and the right to overturn" was published in Russian in 2022, its translation was prepared in the editorial office of the Belgorod philosophers. The author of the review, one of the translators of the book, reveals the secrets of the translation and interpretation of the Serbian language of such a complex thinker as the famous philosopher P. Bojanic.

Keywords: Boyanich, provocation, proclamation, appeal, violence, coup, revolution

For citation: Stojanowicz W. 2022. Provocation: From the Institution to the Memory of it (Review of the Book by Petar Bojanic "Pro/vocation. Pro/vocation and the right to overturn"). НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 408–412 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-408-412

Provoco. Ita provocatione certatum ad populum est (Призываю. И возвзвание было взыскано перед народом). <...> Но как оглашается атакованная жизнь? Как дается знать, как провозгласить провоко и как вжиться в собственную жизнь и защитить её, призывая других?

П. Боянич. Про/вокация. Возвзвание и право на переворот

Главный персонаж

Петар Боянич, автор книги, о которой пойдет речь, сербский философ, ученик Деррида, известен многочисленными публикациями по истории философии, проблемам насилия, войны и мира, суверенитета и мессианства. «Provocatio. Vocabif, Ius, Revolution» вышла в 2008 году в Белграде. Написанная в форме литературно-философского эссе, она легко уводит читателя в глубь веков, в римскую античность. Через герменевтику монетного сюжета и литературных текстов – от историка Тита Ливия до Пьера Корнеля – автор реконструирует древнеримский институт провокации, связанный с судьбой римского воина-триумфатора Горация.

Не могу утверждать, но могу предположить, что огромное число людей между возможностью связать провокацию с позитивом или негативом, выбрали бы второе. Провокация – это пример того, как одно понятие может измениться, и, как это ни парадоксально, остаться неизменным... Это всё ещё отношение возвзвание – ответ (акция – реакция), но какое возвзвание, и какой ответ?! И одно, и другое есть, но они значительно изменили свою цель. Эта книга («Про/вокация. Возвзвание и право на переворот»¹) напоминает нам о другом смысле того лингвистически неизменного термина – «провокация».

Понять одну версию чего-либо – не значит полностью понять эту идею. Понять облик – не значит понять суть. Понять нынешнюю суть, не значит понять изначальную суть. При изменении формы суть может остаться прежней. Суть тоже может измениться (по-другому быть понятой и принятой), а форма – нет. Задерживая свой (внешний) облик, продукт в силу порчи может измениться изнутри, и не только измениться, но и стать ядовитым – то, что может быть полезно, может «испортиться». Порча общественных феноменов, явлений, институций, конечно, зависит от общества, то есть от человека и его (не)понимания, потребностей, амбиций, интересов... Одно слово может звучать в том же тоне, но с другой эмоцией. Это значит, что его смысл и значимость могут более или менее измениться.

Автор этой книги, Петар Боянич, настаивает на слухе как главном предмете текста, что подтверждает в первом предложении его книги. Этот слух на самом деле является пониманием (другого человека), которое предвещает ответ. Другими словами, понимание возвзвания имеет решающее значение для осуществления ответа и тем самым для замыкания круга, называемого *проводакция*. Она этим была и осталась (есть) – замкнутый круг акции и реакции. Однако современная инициатива (призыв, вызов) и ответ на неё по сути отличаются от тех, описанных в этой книге. Для того, чтобы понять «старое» значение провокации, института, который меняет, который является революцией, акцент

¹ Боянич. Петар. Про/вокация. Возвзвание и право на переворот. Пер. с сербского Войислав Стоянович, Виктория Березняк ; научн. ред., авторы примечаний и послесловия: В. Римский, С. Борисов. Екатеринбург, Москва, Кабинетный учёный, 2022, 100 с. (Bojanić Petar. PROVOCATIO. Vokativ Ius Revolucija. Belgrade, Službeni glasnik, 2008)

возвращается к важным моментам, таким как возвзание и сила ответа (народа) и социально-исторический контекст.

Воззвание и сила ответа

В книге анализируется монета эпохи Римской республики, стёртый рельеф которой свидетельствует о её использовании, а патина – о давнем (для человека) периоде. Реверс этой монеты указывает на институцию, имеющей цель прийти на помочь судимому, который воззывает, призывает, иминует её, и защитить его жизнь, насколько это было возможно. На сцене находятся три человеческие фигуры – две, нападающие справа, и одна слева, которая под угрозой восклицает: «Provoco!». Хотя только ответ является её реализацией, провокация не может существовать без личной инициативы, то есть воззвания со стороны личности, инициирующей потенциальную провокацию. *Provoco* – это право каждого человека, но оно должно быть выражением личной свободы, личного желания и, безусловно, должно быть лично инициировано (что автор напоминает). Каждый человек имеет право искать помощи (милости) в силе другого, отождествляться с другим и приглашать другого отождествляться с ним. Только тогда, когда человек получает ответ на свою настойчивость, провокация сбывается.

Анализируя монету, Боянич указывает на один очень важный факт. Фигуры, идущие справа, которые представляют исполнителей закона, слегка отклоняются назад в спешке. Это отклонение назад является самой ясной презентацией страха перед не бюрократическим, а истинным законом, который находится в силе народного отклика. Ещё до того, как отметить, что народ воззван (прызван, вызван), но не находится на сцене, автор указывает на то, что народ – тот, который использует эту монету как платежное средство. Может, его и нет на сцене, но он всегда присутствует вокруг сцены, держит сцену. Возвзание со сцены показывает, что всё на сцене зависит от народа, у которого больше силы (власти), чем у нападавших. Оно ломает все видимые и невидимые барьеры и открывает пространство для входа (выхода) народа на сцену.

Через эту монету автор возвращает нас к ещё более раннему периоду и описанием сцены, изображенной на ней, оживляет легенду о Горации, римском воине, который убил свою сестру из-за измены. Её вина, в понимании Горация, заключалась в том, что она оплакивала любимого человека, который был врагом Рима. Из-за убийства сестры Гораций подвергает свою жизнь опасности перед законом. Он является представителем всех граждан, который своим (не чужим) *provoco* обращается ко всем. Это знаменитое слово, которое он произносит в моменты немощности, его немощность превращает в мощь. Угроза все меньше него и все больше тех, кто хотел его судить. Активизация народа возвзванием уравновесила угрозу и ввела весь процесс в следующую фазу – пересмотрение.

Что является старым, но все ещё новизной для современного разговорного (но не академического, исторического и правового) понимания провокации, так это ответ (реакция) народа, без которого провокация не может быть осуществлена. В этом ответе находится сила, потенциал пересмотрения, который хочет активировать инициатор. Этот второй шанс, попытка нового понимания, новой интерпретации, нового отношения, нового принятия может быть криком человека, стремящегося спасти свою жизнь, а может быть и призывом к пересмотру общих ценностей общества. Он (второй шанс) – возвзание (призыв, вызов) и отклик, акция и реакция, это единение, достигнутое человеческое и социальное отношение, поиск индивида во всех (в каждом) и поиск всех в индивиде, обращение индивида за помощью и поддержка индивида сообществом. *Provoco* такое сильное, но всю свою силу черпает в ответе народа, который находящийся под угрозой воззывает. Без возвзвания ответ был бы просто утверждением, а без ответа возвзвание было

бы просто воем. Поэтому ответ на возвзание является сущностной основой провокации, её реализацией (имплементацией). *Provoco* адресовано прежде всего народу, но также и магистрату, теперь исполняющему закон в измененном обстоятельстве (перед народом).

Социально-исторический контекст

Сцена борьбы за жизнь, официально начинающаяся с инициативы "Provoco!", убирает исключительно негативный концепт провокации, который потом как-то «прикрепился» к этому выражению и покрыл собой все остальные нюансы, формы и потенциалы. «Осовременить» явление прошлого – значит в значительной мере лишить это явление исходных нюансов, зависящих от социально-исторического контекста. Сам автор утверждает, что сейчас правильно перевести произнесённое Горацием "Provoco!" – на самом деле перевести неправильно. Это значит, что форма *provocatio* прочно связана с ситуацией, общественным сознанием, формой общественных отношений, с пониманием индивида в обществе, а также с пониманием общества.

Provoco и ответ на него свидетельствуют о правовой институции *ius provocatio* (право, названное *provoco*). Эта народная институция продлевала срок рассмотрения преступлений и являлась гарантом справедливости для тех, кого судят официальные власти. Это промедление создавало нервозность в рядах правительства, которое все больше сокращало период активности этой институции. Такая атмосфера была плодородной почвой для злоупотреблений, и эта институция со временем исчезает. На место *provocatio* приходит *appellatio*. Сила народа начинает идентифицироваться в императоре, и от его понимания будет зависеть ответ на призыв, который принимает форму жалобы.

В книге упоминается и случай офицера Волерона Публилия (больше полутора века после Горация). Он не совершил законом осуждающий акт, но его непринятие и критика несправедливости правительства доставила ему неприятности, в которых он взывает к помощи трибунов, а затем и к институции *ius provocationis* (право на *provoco*). Когда ни одно, ни другое не сработало, он дополнительно возвзвал (назвал, именовал) присутствующих, знакомых и, наконец, целевую группу граждан, с которыми себя идентифицировал, – соратников и ветеранов. В этих двух случаях контекст разный. *Provoco* Волера не имеет тот же эффект, как Горациевское, в основном из-за обстоятельства, при котором институция *ius provocationis* почти забыта.

Вывод

Некритическое принятие термина «провокация» подчеркивает исключительный негатив и даже в определённом смысле цинизм. Мы понимаем слово по-своему, не подвергая сомнению понимание его частей, которые являются (как и во многих других примерах) указателями значения их единения – про-вокация! Как *provoco*, физически потёрто на свидетельствующей о нём монете, так и его сущность «потёрга» другими слоями и нюансами и доведена до неузнаваемости. Трансформируясь, общество более или менее трансформирует изначальную идею своих институтов или, по крайней мере, покрывает их другими уровнями или нюансами. Институция *ius provocatio*, при всех её изменениях в период функционирования, является отражением отношений между обществом и индивидом. Насколько она показывала эти отношения, настолько забвение о ней показывает их трансформацию.

Возвращаясь к случаю Горация, может быть, не будет ошибкой заключить, что в какой-то мере его *provoco* является инсинуацией демократии (где была демократия, когда он убил свою сестру, когда сам судил, не дожидаясь народа?). Убийство сестры – это акт, отвергший демократию, и потом преступник, находящийся в опасности, стремится к демократии. Однако этот призыв нарушает закон «око за око» и создаёт атмосферу, в которой

гражданское право хотя бы на определенный период занимает место ответственности и так оттягивает исполнение приговора. На наш взгляд, автор хочет сказать, что демократия реализуется в понимании, когда люди понимают друг друга, реагируют и находятся рядом друг с другом. Именно эта потребность сохранилась со времен легенды о Горации до наших дней. *Provoco* – не только движимое страхом стремление быть помилованным, но и инициатива пересмотреть общие ценности общества. Оно инициатор «второго шанса», а может быть, даже покаяния.

Воззвание кого-то без ответа – это провоцирование, но это не провокация. В народе есть сила, но ключ к её активации находится в индивиде и личном желании активировать её. Однако интенсивность провокации зависит не от того, насколько сильна инициатива прозыва, а от меры чьей-то спровоцированности (как прозыв понят и как на него отреагировали). Это странный путь, на котором пейоративное подавило и почти полностью покрыло позитив от слова, которое по своей сути было символом (мгновенной или постоянной) защиты жизни народом.

Удивительно, как иногда славные слова приобретают элементы другого измерения и перестают быть славными и величественными. Их звук одинаковый, но суть отличается. Их облик одинаковый, но но видение их различно. Где положительное превращается в отрицательное, а отрицательное в положительное? Понимаем ли мы друг друга в эти моменты постоянных трансформаций? Одно можно утверждать... Слову не нужно меняться, чтобы измениться.

„Потомузываю и настаиваю: отзовитесь те, кого нет здесь и сейчас; призываю, пусть огласятся те, кого пока нет, и помогут тем, которые вызваны и до них не дошли; молю, прислушайтесь к тем, кто прямо сейчас призывает всех, которые отзываются, и вызывает тех, кого нет...“

Язываю вас всех!“

Поступила в редакцию 02.09.2021

Received September 2, 2021

Поступила после рецензирования 02.12.2021

Revised December 2, 2021

Принята к публикации 06.06.2022

Accepted June 6, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Войислав Стоянович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wojislaw Stojanowicz, postgraduate student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 101.9
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-413-416

Э.В. Ильенков. Философская энциклопедия Рецензия на 6-й том собрания сочинений Э.В. Ильенкова

Устинов А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: art.ustinovv@gmail.com

Аннотация. В рецензии дан анализ разделов тома и краткий экскурс в историю работы Э.В. Ильенкова над «Философской энциклопедией» в качестве автора статей и редактора разделаialectического материализма. Отмечены достоинства собрания сочинений как источника изучения истории «живой» философской мысли советской эпохи.

Ключевые слова: Ильенков, советская философия, марксизм, Философская энциклопедия

Для цитирования: Устинов А.В. 2022. Э.В. Ильенков. Философская энциклопедия. Рецензия на 6-й том собрания сочинений Э.В. Ильенкова. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(2): 413–416. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-413-416

Evald Ilyenkov. Philosophical Encyclopedia Review of the volume 6 of Ilyenkov's Collected Works

Artem V. Ustinov

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: art.ustinovv@gmail.com

Abstract. The review provides an analysis of the content of volume 6 and a brief excursus into the history of Evald Ilyenkov's work on the Encyclopedia of Philosophy as the author of articles and editor of the section on dialectical materialism. The merits of the Collected Works as a source for the study of the history of “living” philosophical thought of the Soviet era are noted.

Keywords: Ilyenkov, Soviet philosophy, Marxism, Philosophical Encyclopedia

For citation: Ustinov A.V. 2022. Evald Ilyenkov. Philosophical Encyclopedia. Review of the volume 6 of Ilyenkov's Collected Works. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 413–416 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-413-416

Учить мыслить – значит прежде всего учить диалектике.

Э.В. Ильенков

Рецензируемая книга¹ вышла в 2022 году, став уже 6-м томом Собрания сочинений советского марксиста Эвальда Ильенкова. В предыдущие пять томов вошли все опубликованные при его жизни книги и статьи с приложениями фрагментов, удаленных редакторами по цензурным или иным причинам. Том шестой включает как уже публиковавшиеся

¹ Ильенков Э.В. Философская энциклопедия: Собр. соч. Т. 6. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. 512 с.

работы философа, так и прежде не изданные тексты, сохранившиеся в домашнем архиве Ильенкова. Редакторами тома являются дочь философа Е.Э. Иллеш и А.Д. Майданский.

Книга состоит из следующих разделов:

1. Энциклопедические статьи (с 1956 по 1970-е годы).
2. Публицистические работы (1960–1974 гг.).
3. Выступления на круглых столах (1968–1975 гг.).
4. Интервью (1968–1977 гг.).
5. Предисловия (1956–1979 гг.).
6. Рецензии (1956–1979 гг.).
7. Примечания составителей.

В первом разделе содержатся статьи, написанные для Философской энциклопедии. Этот масштабный проект целой плеяды советских философов был перезапуском похороненной в 30-е годы идеи А.М. Деборина, одного из создателей Института философии. В 30-е годы идея создания энциклопедии была заброшена после разгрома деборинского состава Института и прихода в руководство таких партийных догматиков, как М.Б. Митин и А.А. Максимов [Корсаков, 2010]. В 60-е годы Философская энциклопедия (далее – ФЭ) должна была дать толчок к обновлению советской философской мысли. К работе над ней были привлечены многие молодые авторы, а также те ученые, кто в сталинские годы был репрессирован или не имел права публиковаться. Ильенков стал внештатным научным редактором раздела диалектического материализма. По воспоминаниям З.А. Каменского, несмотря на большой накопленный материал в сфере диалектического и исторического материализма, эти области марксистской философии «в наибольшей мере были подвержены догматизму, вульгаризации, здесь особенно была сужена проблематика, игнорировались многие важнейшие вопросы» [Каменский, 1998, с. 43]. В тот период Ильенков львиную долю своего времени отдавал написанию и редактированию статей для ФЭ.

Кроме известных статей Ильенкова, написанных им самостоятельно и в соавторстве, в книге опубликована большая статья «Логика», которая не вошла в энциклопедию. В ходе работы Ильенков не раз вступал в конфликт с редакторами по поводу засилья формально-логических и логико-математических понятий в словаре ФЭ. Существовала опасность того, что диалектическая логика уйдет в тень логики формальной – Ильенков считал это недопустимым. Его статья «Логика», однако, так и не была включена в третий том. В книге опубликованы письма Ильенкова в редакцию ФЭ, из которых читатель может узнать о развитии конфликта с формальными логиками и о причине выхода Ильенкова из редколлегии – после того как заместитель главного редактора ФЭ А.Г. Спиркин негласно подверг масштабной правке ранее отредактированные Ильенковым тексты.

Еще в 1956 году Ильенковым была написана статья «Субъект и объект», которая вошла во второе издание Большой Советской энциклопедии. В 1971–1972 году Ильенков написал для третьего издания БСЭ статьи «Всеобщее», «Гегель» и «Идеал», которые также включены в рецензируемый том.

Завершается энциклопедическая часть тома текстами, по большей части ранее не опубликованными. Большинство из них, по всей вероятности, готовились для ФЭ и были найдены в домашнем архиве философа; в настоящем томе они публикуются впервые. Исключением является статья «Философия», которая была напечатана в «Философском словаре» под редакцией М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина в 1963 году.

В разделе, содержащем публицистические работы Ильенкова, представлены две статьи, демонстрирующие его педагогические идеи. В первой – «Многознание уму не научает» – Ильенков выступает против формального заучивания школьных предметов в форме готовых и конечных истин. Будет больше пользы, утверждает Ильенков, если школьник увидит и попытается пройти тот полный трудностей и противоречий путь, на которомстина была открыта. Только на этом пути и образуется в человеке способность мыслить. Во второй статье – «Думать...» – философ доказывает, что мышление – это на все сто про-

центов приобретаемая способность. Формируется она только тогда, когда ум сталкивается с противоречиями и разрешает их. Поэтому «учить мыслить – значит прежде всего учить диалектике», заключает Ильенков [Ильенков, 2022, с. 317]. Таким образом диалектический метод может оказаться чрезвычайно полезным и для сферы образования. Этот тезис, однако, не нашел должного отклика тогда, и не является востребованным сейчас.

Читателя может удивить – как это случилось с автором рецензии – газетная публикация под заглавием «Адское пламя и огонь мысли». В ней Ильенков отвечает на полемические письма, полученные им от неизвестного, подписавшегося «отец Георгий» (вероятно, священнослужителя). С материалистических позиций Ильенков оспаривает его слова о «только одном истинном религиозном учении, отвечающем на все вопросы жизни». Можно отметить тщательность аргументации Ильенкова с опорой на тексты Ветхого и Нового завета и саму возможность увидеть спор материалиста и одного из представителей духовенства, которые в то время были лишены массовой трибуны.

Две публицистические статьи посвящены проблеме искусства («Могучий союзник в борьбе за коммунизм», «Противоречия мнимые и реальные») и в некотором смысле являются откликом на оживленный спор «физиков и лириков» среди поколения шестидесятников. Несколько статей посвящены философам прошлого: «Великий гуманист» – о Ж.-Ж. Руссо, «Гегель и современность» – к 200-летию со дня рождения немецкого философа-диалектика, «Философский подвиг» – к столетию со дня смерти Л. Фейербаха. В полемической статье «Несомненное и сомнительное в размышлениях Э. Майера», Ильенков размышляет о соотношении биологического и культурного в человеке.

В следующем разделе помещены тексты выступлений Ильенкова на круглых столах. Среди них – стенограмма Ученого совета факультета психологии МГУ, где обсуждаются результаты Загорского эксперимента. Это чрезвычайно любопытный документ, проливающий свет на ход работы над знаменитым экспериментом по воспитанию слепоглухих детей.

В книге собраны интервью Ильенкова, три из которых посвящены педагогической проблематике. Особняком стоит интервью «Клуб философов и философы в клубе», которое взял И.М. Клямкин, впоследствии ставший известным политическим публицистом. Рекомендации Ильенкова по организации курса философии для неспециалистов вполне могут пригодится при разработке образовательных программ и в нынешних университетах.

Два последних раздела включают преамбулы и рецензии, публиковавшиеся с 1956 года, начиная с краткого предисловия к памфлету Гегеля «Кто мыслит абстрактно?», который Ильенков очень любил и сам перевел на русский язык. На протяжении жизни он постоянно возвращался к этой работе – оттачивал перевод, цитировал и комментировал текст. В уже упомянутом интервью «Клуб философов и философы в клубе» Ильенков предлагает познакомить слушателей с этой «притчей» Гегеля уже на первом занятии.

Тексты Ильенкова нередко страдали от чрезмерного рвения редакторов. В Собрании сочинений эти тексты по возможности восстановлены в их авторских версиях. Пострадавшие от цензуры места отмечены издателями; внимательному читателю они дадут представление об атмосфере, в которой работал Ильенков и другие философы в те годы.

Последний раздел шестого тома включает рецензии Ильенкова разных лет. Это один из самых обширных разделов сборника. Многие рецензии публикуются в сборнике впервые. Например, рецензия на книгу Э. Блоха «Субъект-объект. Разъяснения к Гегелю» так и не увидела свет. Живший в ГДР Блох стал главной мишенью кампании против «буржуазного наследия в философии» и «гегельянского идеализма». А после того как он осудил ввод войск в Венгрию в 1956 году, об издании его работ в СССР говорить больше не приходилось.

Эссе «Кризис безобразия» по мотивам работы Мих. Лифшица и Л. Рейнгардт «Кризис безобразия: от кубизма к поп-арт» (1968) также не было опубликовано. Этот текст любопы-

тен хотя бы потому, что демонстрирует реакцию советского философа, впервые столкнувшегося с современным западным искусством. В целом Ильенков близок Мих. Лифшицу в том, что касается критики современного искусства и поп-арта с позиций реалистического искусства, но само эссе примечательно описаниями впечатлений Ильенкова от встречи лицом к лицу с произведениями поп-арта: «Мне пришлось прервать осмотр и выйти на свежий воздух, на улицу чинной и старомодной Вены. Теоретизировать я не пытался, но одно понимал хорошо – нервишки не выдержали» [Ильенков, 2022, с. 435].

Неоконченной осталась рецензия Ильенкова на работу Г.Н. Волкова «Путь гения. Становление личности и мировоззрения Карла Маркса». Эта книга – введение в марксизм предназначена для молодых читателей и вышла в издании «Детская литература».

В целом шестой том собрания сочинений, как и все предыдущие, содержит массу ценного материала для изучения истории советской философии. Собрания и публикация трудов такого рода помогают бороться с мифами о советской философии как о чем-то застывшем и исключительно догматичном. Биография и работы таких ученых, как Эвальд Васильевич Ильенков наилучшим образом расширяют представления о советской философии, демонстрируя ее реальные и живые грани. Одним из самых больших плюсов издания является включение неопубликованных работ философа, найденных в его домашнем архиве. Безусловно, книга заслуживает внимания и может быть рекомендована всем, кто интересуется теорией развития мышления, диалектикой и историей философской мысли.

Поступила в редакцию 15.09.2021
Поступила после рецензирования 15.12.2021
Принята к публикации 10.06.2022

Received September 15, 2021
Revised December 15, 2021
Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинов Артем Викторович, магистр философии

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem V. Ustinov, Master of Philosophy